

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

35

50 лет МНР

Сибирь: возможности, планы, проблемы

Социально-экономические проблемы
современного Китая

Об этапах идеологической эволюции маоизма

Индокитай и проблемы безопасности
в Юго-Восточной Азии

4
1974

Институт Дальнего Востока АН СССР

ВОСПОМИНАНИЯ

- 159 Китайские мемуары
С. А. Далин

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 169 «Китайские записки» Отто Брауна
М. И. Сладковский, А. С. Титов
- 173 Маонзм — пособие империализма
В. Б. Ломейко
- 176 Новая книга по истории монгольской культуры
Н. Ц. Мункуев
- 180 Актуальный труд об идейной жизни современной Японии
С. Л. Тихвинский
- 183 Польский синолог об истоках китайской драмы
Л. З. Эйдлин
- 187 Китайские милитаристы — пособия интервенции на Дальнем Востоке (1918—1922)
Б. Г. Сапожников
- 190 Судьба национального капитала в КНР
М. М. Никольский

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, СООБЩЕНИЯ

- 193 За коллективную безопасность в Азии надо бороться
Г. А. Алексеев, А. П. Марков
- 198 За мир и сотрудничество в бассейне Тихого океана

202 НОВЫЕ КНИГИ

205 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1974 ГОД

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ,
К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ
(отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВСТРЕЧА

«Борьба за мир и безопасность в Азии — насущная задача современности»

г. Самарканд, 25—27 сентября 1974 г.

УЧАСТНИКАМ

МЕЖДУНАРОДНОЙ ВСТРЕЧИ

«Борьба за мир и безопасность в Азии — насущная задача современности»

г. Самарканд

Сердечно приветствую собравшихся в древнем Самарканде участников Международной встречи, посвященной обсуждению насущной для всех азиатских народов проблемы обеспечения прочного мира, безопасности и сотрудничества в Азии.

Народы Азии уверенно идут по пути укрепления независимости, преодолевая препятствия и трудности, порожденные колониализмом. Сегодня они активно участвуют в мировой политике, растет их влияние на международные отношения. В странах Азии крепнет уверенность в реальности достижения коллективными усилиями прочного мира и безопасности на континенте, что создало бы благоприятные условия для решения актуальных задач экономического и культурного развития, социального прогресса, всестороннего сотрудничества между государствами.

На протяжении всей истории Советский Союз решительно поддерживал борьбу азиатских народов против империализма и колониализма, за свободу и независимость. Советский народ с большим одобрением встретил решения Бандунгской конференции стран Азии и Африки, определившие принципы добрососедских отношений, взаимного уважения и сотрудничества между азиатскими странами. СССР твердо выступил на стороне народов Вьетнама и других стран Индокитая, на стороне арабских народов в их борьбе с агрессорами. Утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, успехи в борьбе против попыток разжигания очагов напряженности в мире, за ликвидацию последних колониальных режимов создают новые благоприятные возможности для торжества дела мира и прогресса, отвечают коренным интересам всех стран, в том числе и на азиатском континенте.

Выражаю уверенность, что миролюбивая прогрессивная общественность, роль и значение которой постоянно возрастают в наше время, приложит серьезные усилия в решении исторических задач борьбы за прочный мир и безопасность в Азии.

Желаю вам успешной и плодотворной работы.

Л. БРЕЖНЕВ
Генеральный секретарь ЦК КПСС

К ОБЩЕСТВЕННОСТИ И НАРОДАМ АЗИИ!

ОБРАЩЕНИЕ УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВСТРЕЧИ

«Борьба за мир и безопасность в Азии — насушная задача современности»

Мы, участники состоявшейся в Самарканде международной встречи, подробно обсудили насущные проблемы и возможные пути обеспечения мира и безопасности, развития сотрудничества в Азии.

Наша встреча еще раз подтвердила всю важность происходящих в настоящее время позитивных перемен в международной обстановке. Благодаря внешнеполитическим инициативам Советского Союза и других социалистических стран, благодаря усилиям молодых независимых, национальных государств, освободительных сил, всей миролюбивой общественности нашей планеты в международных отношениях начался поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности, к утверждению принципов мирного сосуществования между государствами с различными общественными системами, к развитию между ними взаимовыгодного сотрудничества.

Благотворные перемены затронули и азиатский континент. В борьбе за нормализацию обстановки в Азии достигнуты несомненные успехи, нанесено поражение империалистической агрессии во Вьетнаме, героические вьетнамские патриоты одержали победу. Заметно улучшилась обстановка на полуострове Индостан, где Индия, Пакистан и Бангладеш стремятся к восстановлению нормальных дружественных отношений. Новые позитивные условия возникли на Ближнем Востоке в результате роста единства арабских освободительных и миролюбивых сил, что открывает перспективы справедливого политического урегулирования кризиса. Позитивные моменты возникли и на Корейском полуострове. Все более острым становится кризис военно-блоковой политики империализма. В странах Азии крепнет уверенность в реальности достижения прочного мира и безопасности на континенте. Все более активный характер приобретает поиск путей к практическому решению этой задачи.

Мы не можем, однако, забывать, что в Азии все еще остается много острых нерешенных проблем, не ликвидированы очаги напряженности, которые таят в себе угрозу новых конфликтов и столкновений. Необходимо положить конец продолжающимся нарушениям парижского соглашения по Вьетнаму и дать всем народам Индокитая возможность самим решать свою судьбу. Необходимо добиться вывода израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий и осуществления законных национальных прав арабского народа Палестины. Необходимо пресечь империалистическое вмешательство в дела Кипра, оградить независимость, суверенитет и территориальную целостность этой страны и восстановить условия, необходимые для того, чтобы кипрский народ — как греки, так и турки — жил в братстве и единстве. Необходимо решительно противодействовать непрекращающимся проискам империализма в Азии, стремящегося воспрепятствовать, в частности, превращению Индийского океана в зону мира, и бороться против попыток империализма сохранить агрессивные военные блоки и расширить свои военные базы в этом районе.

Одновременно со срочными задачами ликвидации очагов напряженности жизнь делает возможным и настоятельно требует ставить и решать долговременные задачи по обеспечению прочного мира и безопасности в Азии и создания такой обстановки, которая предотвращала бы возникновение новых очагов военной опасности.

Мы убеждены, что для мирного развития, столь настоятельно необходимого ныне Азии, она нуждается в надежном обеспечении безопасности народов более, чем когда-либо. Это принесло бы для ее народов великое благо прочного мира. Это открыло бы также новые перспективы для решения стоящих перед нею гигантских задач развития. Народы Азии преодолевают тяжелое наследие колониализма. Они продвигаются по пути укрепления независимости, экономической самостоятельности и социальных преобразований. В борьбе с империализмом, в тесном сотрудничестве с социалистическими государствами они укрепляют свои международные позиции, усиливают влияние на ход событий.

Народами Азии накоплен ценный опыт борьбы за безопасность в Азии, что нашло свое отражение в решениях Бандунгской конференции (1955 г.), в многочисленных форумах неприсоединившихся государств. В этих документах сформулированы важные принципы, в соответствии с которыми и начали строить свои отношения молодые государства Азии, идущей к обновлению и освобождающейся от господства империалистических держав. Народы Азии имеют давние традиции совместных действий и солидарности, которую не раз продемонстрировали в ходе освободительной антиколониальной, антиимпериалистической борьбы.

Этот опыт, эти традиции приобретают особое значение в настоящее время, когда позитивные сдвиги в международной обстановке и внутреннее развитие самих азиатских стран создают необходимые предпосылки для обеспечения безопасности народов Азии на коллективной основе.

Участники встречи убеждены, что коллективная безопасность в Азии должна строиться на таких началах, как отказ от применения силы в отношениях между государствами, уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды, право каждого народа на суверенное владение своими природными ресурсами и осуществление социально-экономических преобразований. Эти начала соответствуют чаяниям всех азиатских народов и государств — больших и малых.

Мы сознаем, что создание обновленной Азии, живущей по законам мира и сотрудничества, — не простая задача. Ее осуществление требует объединения и активизации усилий всех, кто искренне заинтересован в том, чтобы в Азии каждый народ мог в условиях надежной безопасности решать насущные социальные, экономические и культурные проблемы.

Международная встреча в Самарканде еще раз подтвердила, что на этой почве — на почве общей заинтересованности в мире и безопасности в Азии — могут найти общий подход представители разных политических партий и организаций, люди разных взглядов и идеологий.

Мы, общественные деятели, парламентарии, активные участники массовых движений и организаций трудящихся, ученые, представители религиозных кругов, обсуждая важные аспекты проблемы безопасности в Азии, были согласны в главном — в признании настоятельной необходимости для всех миролюбивых сил сплотиться во имя обеспечения мира и сотрудничества на континенте.

Мы обращаемся к общественно-политическим силам Азии с призывом к активным действиям, направленным на установление атмосферы доверия и добрососедства, на развитие сотрудничества между странами континента в экономической, культурной, образовательной и других областях, на обеспечение прочной безопасности на континенте с учетом заинтересованности всего человечества в мирном его развитии.

К социалистическому общественному строю, минуя капитализм

Ю. Цеденбал,

Первый секретарь ЦК МНРП,

Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР

Пятьдесят лет тому назад произошло знаменательное событие в жизни монгольского народа — 26 ноября 1924 г. на первом Великом Народном Хурале Монголия была провозглашена народной республикой и принята ее первая Конституция.

Вместе с полувековым юбилеем Монгольской Народной Республики трудящиеся нашей страны торжественно отмечают и 50-летие третьего съезда Монгольской народно-революционной партии, состоявшегося в августе 1924 г. и ясно определившего перспективу монгольской революции на основе учения Ленина о возможности для отсталых стран при помощи государств пролетарской диктатуры совершить переход к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Провозглашение Монголии народной республикой означало, что Монгольская народная революция, антимпериалистическая и антифеодальная по своему характеру, одержала новую победу и создала важные предпосылки для осуществления радикальной перестройки общественной жизни страны. Возможность коренного преобразования социальной жизни в отсталой колониальной и феодальной стране, какой являлась дореволюционная Монголия, открылась с победой Великой Октябрьской социалистической революции в России, положившей начало переходу человечества от эксплуататорского общества к социализму.

Монголия в течение более двух веков находилась под жестоким игом маньчжуро-китайских поработителей, которые, воспользовавшись феодальной раздробленностью страны, путем обмана и насилия захватили ее и установили в ней свое колониальное господство.

Монгольский народ не раз с оружием в руках выступал за национальное освобождение, за возрождение своей независимости, вел долгую борьбу против чужеземных поработителей. Однако освободительные выступления народных масс не достигали своих целей, так как они в основном носили неорганизованный, стихийный характер и зверски подавлялись колонизаторами вкупе с местными феодалами.

Под влиянием русской революции 1905 г. еще более активизировалась национально-освободительная борьба монгольского народа, которая привела к свержению политического господства китайских поработителей и установлению государственной автономии Монголии. Но эта автономия, завоеванная упорной борьбой народа, была ликвидирована китайскими оккупантами в 1919 г.

Национально-освободительная борьба колониальных народов при империализме, ставшем к началу XX века всеохватывающей мировой системой, может иметь успех лишь при условии соединения этой борь-

бы с борьбой пролетариата за социализм, установления союза рабочего движения с силами национального освобождения.

В условиях победы социалистической революции колониальный мир сможет превратиться из резерва империализма в союзника пролетарской революции, национально-освободительное движение сможет стать составной частью революционного процесса перехода народов от капитализма к социализму. Как известно, эту закономерность на основе научного анализа империализма открыл Владимир Ильич Ленин, который всесторонне разработал научную теорию мировой социалистической революции и который национально-освободительное движение поработанных империализмом народов рассматривал как составную часть этой революции.

На подъем революционного движения монгольского народа колоссальное влияние оказала победа Великой Октябрьской революции. Несмотря на все препятствия, которые ставились чужеземными оккупантами и феодальными правителями Монголии, разными путями в Монголию проникали правда об этой великой социальной революции, ее освободительные идеи.

Громадное революционизирующее воздействие на монгольский народ оказало то, что правительство Советской России немедленно после победы Октябрьской революции аннулировало все неравноправные договоры и соглашения, навязанные Монголии русским царизмом, признало неотъемлемое право монгольского народа на независимость и суверенитет, выразило свою готовность установить с Монголией отношения, основанные на полном равноправии и взаимном уважении.

Советское правительство обратилось в августе 1919 г. со специальным воззванием к монгольскому народу, в котором говорилось: «...Советское правительство снова торжественно заявляет: русский народ отказался от всех договоров с японским и китайским правительствами относительно Монголии. Монголия есть свободная страна.

Русские советники, царские консулы, банкиры и богачи, державшие силой и золотом в своих руках монгольский народ... должны быть выгнаны из Монголии. Вся власть и суд в стране должны принадлежать монгольскому народу. Ни один иностранец не вправе вмешиваться во внутренние дела Монголии. В отмену соглашения 1913 г. Монголия, как независимая страна, имеет право непосредственно сноситься со всеми другими народами без всякой опеки со стороны Пекина и Петрограда. Советское правительство, громогласно возвещая об этом монгольскому народу, предлагает немедленно вступить в дипломатические отношения с русским народом...»¹

Победа рабочих и крестьян в соседней России над царизмом, помещиками и буржуазией для трудового монгольского народа явилась наглядным примером в его борьбе за национальное и социальное освобождение.

Воздействие идей Великого Октября еще более усиливалось на фоне того, что трудящимся Монголии, задавленным невыносимым гнетом внешних и внутренних эксплуататоров, новые неисчислимы бедствия и страдания принесла оккупация нашей страны в 1919—1920 гг. сначала китайскими милитаристами, а затем русскими белогвардейцами, установившими жесточайший режим грабежа, насилия и террора.

¹ В. П. Саввин. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М.—Л., 1930, стр. 87—88.

Дело заключалось в том, что международная империалистическая реакция мобилизовала все силы для того, чтобы в колыбели задушить первую социалистическую революцию и восстановить старые порядки. Японские империалисты, выступившие вместе с реакционными силами других капиталистических государств организаторами вооруженной интервенции против Советской России, в соответствии со своими интервенционистскими планами ввели на территорию Монголии войска пекинского правительства под командованием генерала Сюй Шучжэна и белогвардейские силы во главе с бароном Унгерном фон Штернбергом.

План японцев сводился к тому, чтобы, используя стратегическое значение территории Монголии, превратить ее в плацдарм для антисоветской войны, организовать наступление войск барона Унгерна из Монголии в направлении Забайкалья одновременно с выступлением японских войск со стороны Тихого океана.

В этих условиях прогрессивные силы Монголии, искавшие пути избавления своего народа прежде всего из-под ига чужеземных поработителей, пришли к единственно верному выводу о том, что в борьбе за национальное освобождение можно опираться лишь на поддержку и помощь победоносного российского пролетариата. Сухэ-Батор, Чойбалсан и другие передовые представители монгольского народа, создавшие подпольные революционные организации в тяжелых условиях оккупации, устанавливают связи с Советской Россией и, вдохновленные опытом Октябрьской революции, 1 марта 1921 г. в г. Кяхте создают Монгольскую народно-революционную партию, которая возглавила освободительную борьбу нашего народа против чужеземных оккупантов и предательской клики светских и духовных феодалов Монголии.

Молодая Монгольская народно-революционная партия, участь на опыте международного рабочего и национально-освободительного движения, прежде всего на всемирно-историческом примере рабочих и крестьян России, свергнувших власть вековых эксплуататоров и создавших советское социалистическое государство, давала себе ясный отчет в том, что революционно-освободительная борьба монгольских трудящихся может увенчаться успехом только при условии установления неразрывного союза с победившим российским пролетариатом.

Для монгольских революционеров было ясно, что хозяйничавшие в Монголии иностранные оккупанты, выполнявшие стратегические планы международного империализма, являются в равной степени смертельными врагами и Страны Советов, и монгольского народа, поднимавшегося на освободительную борьбу. Совпадение классовых интересов монгольского аратства (крестьянства) и российского пролетариата сделало возможной и необходимой организацию совместной борьбы против общих врагов.

Подготавливая ведение такой борьбы, МНРП осуществила огромную работу по сплочению всех патриотических сил страны, созданию партизанских отрядов, формированию на их основе Монгольской народно-революционной армии и т. д. Наряду с этим созданное партией Временное народное правительство Монголии обратилось к советскому правительству с просьбой оказать помощь в изгнании из пределов страны иностранных захватчиков.

Выполняя свой интернациональный долг, правительство Советской России, возглавляемое гениальным учителем трудящихся всего мира В. И. Лениным, оказало монгольскому народу великую братскую по-

мощь, историческое значение которой для монгольских трудящихся трудно переоценить.

Части Красной Армии, пришедшие нам на помощь в критический момент истории нашей страны и действовавшие совместно с Монгольской народно-революционной армией, выполнили в подлинном смысле этого слова великую освободительную миссию. В воззвании Реввоенсовета 5-й армии от 2 июля 1921 г. к монгольскому народу говорилось: «Красные войска Российской Социалистической Федеративной Республики вступили на территорию Монголии, но монгольский народ не должен опасаться за свою судьбу: не врагами, а друзьями-освободителями идут наши войска в пределы Внешней Монголии.

Красные войска несут войну не монгольскому народу, а убийце и грабителю барону Унгерну, восставшему против власти русских рабочих и крестьян.

Русский народ неоднократно заявлял всему миру, что желает жить со всеми в дружбе, он надеялся, что монголы сами справятся с бароном Унгерном, и не трогал его, но в начале июня Унгерн бросился на нашу границу, где встреченный нашими войсками под Кяхтой и Троицкосавском был разбит, бросил свою артиллерию и обоз и скрылся опять в пределах Монголии.

Монголы! Ваши города и юрты, ваши монастыри и храмы, ваш скот и ваши пастбища будут для нас неприкосновенны. Мы не будем указывать вам как жить: живите, как жили. На великом народном собрании всей страны вы сами установите свои порядки такими, какими хочет весь народ монгольский. Все, что было награблено Унгерном и его бандитами, будет возвращено их прежним владельцам.

Наши красные войска будут действовать в полном согласии с народно-революционным правительством Монголии, с Народно-революционной монгольской Красной Армией.

Революционный Военный Совет 5-й армии».

(Издано отдельной листовкой)

Вооруженной схваткой частей Монгольской народно-революционной армии во главе с Сухэ-Батором с китайскими милитаристами и изгнанием их из пограничного города Маймачин (переименован впоследствии в г. Алтан-Булак) 18 марта 1921 г. начались исторические события Монгольской народной революции.

После успешно проведенных операций по разгрому белогвардейских частей монгольские и советские войска заняли нашу столицу, где 10 июля 1921 г. государственная власть от феодальных правителей официально была передана вновь сформированному постоянному народному правительству, а 11 июля на состоявшемся митинге было возведено о победе Народной революции.

Принимая во внимание сложившееся в стране соотношение классовых сил, чрезвычайную религиозность населения, на первых порах была сохранена монархия, но светская власть главы ламанстской церкви Богдо-гегена была серьезно ограничена. В этих условиях за феодалами было еще сохранено право на участие в государственных делах.

Выдающееся значение для победы Монгольской народной революции имело то, что борьбу трудящихся масс возглавила Монгольская народно-революционная партия, которая с самого начала своего существования установила тесные связи с мировым революционным движением в лице его авангардного отряда — большевистской партии, положила в основу своей деятельности идейные принципы коммунистического движения и благодаря этому смогла выступить связующим

звеном между монгольским аратством и протянувшим ему руку помощи рабочим классом Советской России.

С другой стороны, в том, что аратские революционеры из отсталой феодальной страны со средневековым укладом жизни в своей революционной работе стали опираться на идеологию рабочего класса, ярко проявилась великая жизненная сила идей Октябрьской революции, пробудившей народы Востока к активной борьбе против колониального господства международного империализма.

Монгольская народная революция, одержавшая победу благодаря установлению союза с социалистической революцией в России, открыла перед монгольским народом светлую дорогу к социальному прогрессу, к коренному переустройству общественной жизни, направленному к строительству социализма.

* * *

Все дальнейшее развитие Монгольской народной революции связано с борьбой МНРП за преобразование господствовавших в стране докапиталистических отношений, с руководством чрезвычайно сложным процессом некапиталистического развития Монголии к социализму, то есть с решением целого комплекса антифеодальных и антикапиталистических задач революции.

В соответствии с учением Ленина необходимыми условиями, способными обеспечить переход отсталых стран к социализму, минуя капитализм, являются победа социалистической революции в одной или нескольких странах, оказание помощи победившим пролетариатом отсталым народам в переходе к системе социалистических общественных отношений.

В своем докладе на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. В. И. Ленин говорил: «...Можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для... отсталых народов... Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей... с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»².

В. И. Ленин считал, что для осуществления некапиталистического развития отсталых стран необходим тесный союз рабочего класса передовых наций с крестьянскими массами отставших в своем общественном развитии стран.

Для укрепления боевого союза монгольского и советского народов, рожденного в ходе совместной борьбы против общих врагов, огромное значение имели поездка в конце 1921 г. монгольской делегации с участием Сухэ-Батора в Москву, ее встреча с вождем пролетарской революции В. И. Лениным, заключение между правительствами обеих стран Соглашения об установлении дружественных отношений.

В беседе с монгольскими революционерами Ленин раскрыл перспективу Монгольской революции, подчеркнул, что единственно правильным путем для трудящихся Монголии является борьба за госу-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41, стр. 245—246.

дарственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России.

Это мудрое указание вождя первой в мире социалистической революции и великого друга угнетенных народов Востока, его учение о возможности минования ранее отсталыми странами капиталистической стадии развития стали научной программой для деятельности нашей партии.

Историческое решение III съезда МНРП о развитии МНР по пути к социализму, минуя капитализм, провозглашение Монголии народной республикой были подготовлены всем ходом предшествующего развития Монгольской народной революции и означали дальнейшее углубление этой революции.

К моменту созыва III съезда партии народной властью были предприняты крупнейшие мероприятия, направленные на укрепление завоеваний революции, подрыв позиций иностранного капитала и феодалов. Территория страны была окончательно очищена от остатков чужеземных оккупантов, разоблачен ряд контрреволюционных заговоров, аннулированы долги иностранным ростовщикам, отменено крепостное право, национализированы земельно-пастбищные угодья, отменены натуральные поборы, взимавшиеся в пользу феодалов, и т. д.

Конституция МНР, принятая Первым Великим Народным Хуралом, провозгласила Монголию независимой народной республикой, объявила об отделении церкви от государства, лишила светских и духовных феодалов политических прав и привилегий, передав всю полноту власти трудящемуся народу.

Провозглашение Монголии народной республикой и принятие ее демократической конституции, положившие начало коренным демократическим преобразованиям в стране, вызвали новый подъем политической активности широких народных масс, готовых бороться за претворение в жизнь генеральной линии МНРП по революционному переустройству своей родины на основе учения Ленина.

В соответствии с конституцией в стране были ликвидированы остатки феодального строя, феодально-чиновничий государственный аппарат всюду был заменен выборными органами народной власти. Однако народная революция не могла ограничиться этим и остановиться на полпути. Перед народной республикой во весь рост встала задача довести антиимпериалистическую, антифеодальную революцию до победного конца, вытеснить иностранный хищнический капитал из экономики, обеспечить ликвидацию класса феодалов на основе подрыва его экономического господства.

В течение ряда лет серьезным препятствием в решении этих кардинальных задач служило появление в рядах партии сначала правого уклона, а затем, в начале 30-х годов, и «левого» уклона. Правые уклонисты отрицали возможность некапиталистического развития Монголии, создавали помехи в борьбе с феодалами, поддерживали частное предпринимательство, поощряли рост капиталистических элементов, допускали отход от принципов пролетарского интернационализма, от политики всемерного укрепления дружбы и сотрудничества с Советским Союзом.

Левацкое же руководство партии, не считаясь с тем, что не были еще полностью решены антифеодальные задачи революции, навязало партии курс на социалистическое переустройство сельского хозяйства, административными методами создавало коммуны, запрещало частную торговлю, извращало политику партии в отношении церкви,

допускало грубые ошибки в хозяйственном и культурном строительстве. Деятельность правых оппортунистов и левацкого руководства партии нанесла огромный вред делу нашей революции, серьезно задержала на многие годы революционно-преобразовательную работу партии.

Опираясь на помощь Коминтерна, на опыт большевистской партии и руководствуясь марксистско-ленинским учением, Монгольская народно-революционная партия успешно преодолела в своих рядах правые тенденции, ошибки «левых» уклонистов, решительно отразила наскоки буржуазных националистов, подтвердила курс на всемерное укрепление союза и дружбы с Советским Союзом как главной гарантии свободы и независимости монгольского народа.

Отстранив от руководства правых капитулянтов, партия начиная с 1929—1930 гг. повела решительное наступление против влияния иностранного капитала и экономической мощи феодализма. К середине тридцатых годов иностранный хищнический капитал был в основном вытеснен из экономики МНР. В этом деле выдающуюся роль сыграли создание государственного и кооперативного секторов экономики — носителей социалистических производственных отношений, закладывание при братской помощи СССР фабрично-заводской промышленности, развитие современных видов транспорта и связи, укрепление потребительской кооперации, государственной торговой и финансово-кредитной системы и т. д.

Большое политическое и экономическое значение имел подрыв хозяйственной мощи феодалов путем экспроприации их собственности и передачи принадлежавшего им скота батрацко-бедняцкой части аратства. Большую сложность представляло наступление на позиции духовных феодалов, имевших сильное влияние на аратские массы. Много времени ушло на подготовку этого наступления, на проведение последовательных мероприятий по изоляции реакционной верхушки ламаистской церкви от основной части ламства, составлявшего 45 процентов всего мужского населения страны. Осторожная и осмотрительная политика партии и правительства привела к положительным результатам, и к концу 30-х годов была одержана победа над церковными князьями на основе экспроприации монастырской собственности, состоявшей из многомиллионного поголовья скота и других ценностей.

Таким образом, к 1940 г. окончательно были упразднены феодальные производственные отношения, завершена антифеодальная революция и заложены основы для перехода МНР на путь социалистического развития. Одними из важнейших условий такого перехода явились подготовка кадров рабочего класса и выращивание трудовой народной интеллигенции в ходе осуществления коренных социально-экономических преобразований и проведения культурной революции на демократическом этапе монгольской революции.

Следует отметить, что весь этот глубокий процесс обновления Монголии — искоренения феодальных отношений, создания совершенно новой экономики и культуры, происходил в обстановке острой классовой борьбы внутри страны и в условиях враждебного капиталистического окружения, в котором долгое время находились Советский Союз и МНР. В те суровые годы милитаристская Япония, союзница фашистской Германии, неоднократно предпринимала агрессивные акции против революционной Монголии. Агрессии империалистической Японии отражались при всесторонней помощи Советского Союза, все-

гда бескорыстно выполнявшего свой интернациональный долг перед монгольским народом.

Итоги демократического этапа развития Монгольской народной революции были подведены состоявшимся в 1940 г. X съездом МНРП, который определил программу дальнейшего развития МНР по пути к социализму. Исторические победы монгольского народа, завоеванные на этом этапе революции, были закреплены принятой в середине 1940 г. новой Конституцией МНР.

* * *

Руководствуясь решением X съезда партии, монгольский народ переходил к созидательному труду для широкого развертывания хозяйственного и культурного строительства. Однако осуществлению этих задач помешала разбойничья война, которую развязала в июне 1941 г. фашистская Германия с целью уничтожения оплота всех прогрессивных сил земли — Советского Союза и установления своего господства над всем миром.

Трудящиеся МНР, руководимые МНРП и воспитанные в духе нерушимой монголо-советской дружбы, свою священную задачу видели в том, чтобы сделать все возможное для оказания активного содействия в защите завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, чтобы мобилизовать все свои силы и средства для оказания посильной помощи Стране Советов и ее героической армии в борьбе с ненавистным врагом. Считая оказание помощи фронту с гитлеровскими захватчиками первоочередной задачей, партия направила усилия монгольского народа на максимальное увеличение производства промышленной и сельскохозяйственной продукции за счет всесторонней мобилизации внутренних ресурсов, на всемерное укрепление обороноспособности страны в условиях возросшей угрозы нападения империалистической Японии на СССР и МНР.

В МНР развернулось всенародное движение за оказание материальной и моральной помощи борющемуся советскому народу. На фронт неоднократно посылались железнодорожные эшелоны с теплой одеждой, продовольственными товарами, табунами лошадей и т. д., которые преподносились в подарок советским воинам трудящимися МНР.

Кроме того, на добровольные же средства рабочих, аратов и интеллигенции были приобретены и переданы Красной Армии танковая колонна и боевые самолеты, на основе которых были сформированы танковая бригада «Революционная Монголия» и авиаэскадрилья «Монгольский арат», которые до конца войны содержались за счет монгольского народа. Символично, что эти воинские формирования, с боями дошедшие до Берлина, до сих пор сохранились в рядах Советских Вооруженных Сил.

После разгрома гитлеровской Германии Советский Союз, выполняя свои обязательства перед союзниками, вступил в войну с милитаристской Японией. Вместе с Советским Союзом своими вооруженными силами в ликвидации последнего очага войны участвовала и Монгольская Народная Республика.

Всемирно-историческая победа Советского Союза и всех прогрессивных сил над фашистскими агрессорами во второй мировой войне, рост могущества мирового социализма создали благоприятные внешние условия для строительства социализма в МНР.

За период, прошедший примерно с 1947 г. по 1960 г., МНР прошла целую полосу глубоких социально-экономических преобразований.

В послевоенное время в подъеме производительных сил страны был осуществлен переход от одногодичных планов, практиковавшихся с 1941 г., к пятилетним планам развития народного хозяйства и культуры в условиях, когда в экономике доминирующее положение по производству продукции занимали индивидуальные мелкотоварные хозяйства аратов.

Следует при этом отметить, что социалистический сектор экономики, представленный государственными и кооперативными промышленными предприятиями, госхозами, машинно-сенокосными станциями и простейшими аратскими производственными объединениями в сельском хозяйстве, государственной и кооперативной торговлей и финансово-кредитной системой, играл ведущую роль в осуществлении качественных перемен в социально-экономической жизни страны.

За указанный период значительно ускорились темпы развития социалистической промышленности, новое развитие получили горнорудная, угельная, металлообрабатывающая, пищевая и другие ее отрасли, была проведена техническая реконструкция ранее имевшихся промышленных предприятий. Заметно вырос удельный вес промышленности в экономике страны, а валовая ее продукция по сравнению с 1940 г. в 1960 г. увеличилась в 5,4 раза.

Огромное значение для роста производительных сил и развития международных торгово-экономических и культурных связей МНР имели строительство и введение в эксплуатацию с помощью Советского Союза трансмонгольской железнодорожной магистрали протяженностью более 1100 км, а также развитие гражданской авиации.

Развитие промышленности и современных видов транспорта способствовало росту рядов монгольского рабочего класса, улучшению его качественного состава, повышению политической сознательности и культурно-технического уровня рабочих различных отраслей народного хозяйства.

Сложным и трудным было дело создания кооперативного строя, обеспечения победы социалистической революции на селе. МНРП в течение сравнительно длительного времени шаг за шагом проводила большую политическую и организаторскую работу по укреплению сельскохозяйственных объединений, созданию необходимых условий для массового кооперирования индивидуальных аратских хозяйств. Проводившаяся партией политика увенчалась полным успехом, и к концу 1959 г. было завершено добровольное вступление основной массы арато-скотоводов в сельскохозяйственные кооперативы.

Одновременно с развертыванием кооперативного движения была решена и другая важная задача в развитии сельского хозяйства — освоение целинных земель, в результате которого наша страна стала полностью обеспечивать свою внутреннюю потребность в зерне, а земледелие выделилось в самостоятельную отрасль сельского хозяйства.

С решением задачи социалистического переустройства сельского хозяйства в МНР полностью была отменена частная собственность на средства производства, ликвидирована порождающая эксплуатацию человека человеком причина, была устранена многоукладность экономики и обеспечено господство единой социалистической системы хозяйства во всей экономике.

Эти коренные революционные преобразования привели к качественным изменениям классовой структуры общества и форм собственности. Новая Конституция МНР, принятая в июле 1960 г., гласит, что «МНР есть социалистическое государство рабочих, кооперированного аратства (аратов — скотоводов и земледельцев) и трудовой интеллигенции,

основанное на союзе рабочего класса с кооперированным аратством». Этим самым Конституция законодательно закрепила диктатуру рабочего класса и его союз с кооперированным аратством, который составляет высший принцип пролетарской диктатуры.

Социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность на средства производства Конституция провозгласила экономической основой МНР, которая к концу 50-х годов превратилась в аграрно-индустриальное государство.

Все это означало, что монгольский народ, следуя учению Ленина, под руководством родной партии совершил исторический скачок от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, что полностью восторжествовала генеральная линия МНРП, определенная ее III съездом.

С начала 60-х годов МНР перешла к новому этапу своего развития — этапу завершения строительства социализма, задачи которого определены новой Программой партии, принятой ее XV съездом в июне 1966 г.

В Программе партии говорится: «Главной задачей МНР на период завершения строительства социализма в МНР являются всемерное развитие производительных сил социалистического общества на базе достижений современного научно-технического прогресса, обеспечение высоких темпов роста экономической мощи страны и подъема социалистической культуры, совершенствование социалистических общественных отношений, усиление коммунистического воспитания трудящихся, достижение на этой основе дальнейшего повышения материального благосостояния и культурного уровня народа.

Центральной экономической проблемой этого периода является завершение создания в оптимальном комплексе материально-технической базы социализма путем дальнейшей индустриализации страны, механизации сельскохозяйственного производства, повышения уровня технической оснащенности всех отраслей народного хозяйства».

Выполняя положения своей Программы и опираясь на братскую помощь Советского Союза и других стран социализма, МНРП руководит широким развертыванием созидательной деятельности трудящихся страны по росту промышленности, сельского хозяйства, строительства и других отраслей материального производства.

В настоящее время развитие экономики МНР получает во все большей мере индустриальную направленность, неуклонно растет удельный вес социалистической промышленности и других индустриальных отраслей во всей экономике. Если в 1940 г. эти отрасли производили примерно 15 процентов совокупного общественного продукта и 10 процентов национального дохода, то в 1973 г. соответственно — 60 и 40 процентов. За 1941—1973 гг. валовая промышленная продукция возросла в 18,6 раза, а среднегодовой темп ее роста за 1961—1973 гг. составил 9,9 процента. Доля промышленности в суммарной чистой продукции промышленности и сельского хозяйства ныне составляет 56 процентов.

Характерным в развитии сельского хозяйства за последние годы являются рост концентрации сельскохозяйственного производства, укрупнение сельхозобъединений, строительство крупных госхозов, кормовых хозяйств, оснащение их современной техникой, расширение сети механизированных токов, ремонтных мастерских, животноводческих помещений, улучшение водоснабжения для животноводства и т. д.

Из года в год увеличивается грузооборот железнодорожного, авто-

мобильного, воздушного и водного транспорта, расширяется сеть телефонно-телеграфной и радиосвязи.

Одним из важных факторов, обеспечивающих ускорение роста народного хозяйства, является неуклонное увеличение капитальных вложений. Объем капитальных вложений в развитие экономики и культуры страны в 1973 г. по сравнению с 1940 г. вырос в 72 раза, в т. ч. за 1961—1973 гг. — в 2,1 раза.

На основе развития производительных сил растут ряды рабочего класса и трудовой интеллигенции, а также количество городских жителей. Численность рабочих и служащих за 1941—1973 гг. увеличилась в 7 раз, а число городских жителей составляет 46 процентов всего населения страны.

На социалистическом этапе нашей революции бурное развитие получило культурное строительство. Быстрыми темпами развиваются народное просвещение, здравоохранение, наука, культура, литература и искусство. По данным последней переписи населения (1969 г.), на каждую тысячу человек населения приходится 36 человек со специальным средним и высшим образованием. По численности студентов высших учебных заведений на каждые 10 тыс. человек МНР достигла уровня высокоразвитых капиталистических стран. За 1941—1973 гг. численность детей в детских садах на 1000 детей соответствующего возраста увеличилась с 2 до 148 человек, а число мест в детских яслях на 1000 детей до 3-летнего возраста — с 2 до 122. В МНР на 504 человека приходится один врач, на 10 тыс. жителей — 99 больничных коек.

Неуклонно растет национальный доход страны, являющийся материальной основой роста общественного производства, повышения благосостояния народа. Объем национального дохода, $\frac{3}{4}$ прироста которого ныне обеспечивается за счет роста производительности труда, за 1941—1973 гг. возрос в 6,4 раза. В настоящее время примерно $\frac{3}{4}$ использованного национального дохода идет непосредственно на удовлетворение материальных и культурных потребностей трудящихся.

Наглядным показателем повышения благосостояния трудящихся является рост фонда потребления, который за 1966—1973 гг. возрос в 1,5 раза. В результате неуклонного развития экономики растут реальные доходы населения за счет увеличения заработной платы, прежде всего низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих, снижения подоходного налога, а также государственных розничных цен на отдельные виды товаров широкого потребления, за счет повышения заготовительных цен на продукцию животноводства и увеличения фондов общественного потребления.

Реальные доходы трудящихся в расчете на душу населения за 1961—1973 гг. возросли в 1,6 раза.

Одними из важнейших мероприятий партии и правительства, принятых за последние годы, явились введение системы пенсионного обеспечения членов сельскохозяйственных объединений и значительное увеличение размера пособий многодетным матерям. Только в 1961—1973 гг. общая сумма пенсий и пособий, предоставленных населению, увеличилась в 7 раз, в том числе сумма пособий многодетным матерям — в 6,7 раза.

Переход Монголии от феодализма к социализму, минуя капитализм, ее исторические достижения в строительстве социализма стали возможными благодаря установлению и развитию подлинно братских отношений дружбы и сотрудничества с первой страной социализма — Советским Союзом, благодаря его многогранной помощи и поддержке монгольскому народу в завоевании и укреплении политической и эконо-

мической независимости его родины, развитии экономики и культуры МНР, росте благосостояния трудящихся. Братская помощь и всесторонняя поддержка Страны Советов всегда основывались на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

* * *

Более чем полувековой опыт развития МНР убедительно подтверждает, что задачи национального и социального освобождения народов, задачи строительства нового общества могут быть успешно решены в тесном сотрудничестве и неразрывном единстве с самыми передовыми и наиболее влиятельными силами нашего времени — мировым социалистическим содружеством, международным коммунистическим и рабочим движением. Поэтому, руководя процессом завершения строительства социализма в своей стране, наша партия и правительство МНР настойчиво и последовательно ведут борьбу за дальнейшее упрочение и углубление братской дружбы, интернационального союза и всестороннего сотрудничества с великим Советским Союзом и другими странами социализма, за всемерное укрепление боевой солидарности и единства всех сил, выступающих за мир, демократию и социальный прогресс, против империализма и реакции.

Тесное, всестороннее сотрудничество с ведущей силой мирового социализма — Советским Союзом, с великой партией Ленина — КПСС, многогранная помощь и поддержка великого советского народа всегда являлись подлинной гарантией успехов и достижений монгольского народа на всем протяжении существования и развития МНР, защиты и укрепления ее государственной независимости, дальнейшего упрочения ее международных позиций.

Одна из особенностей монголо-советских отношений заключается именно в том, что они носят ярко выраженный интернационалистский характер и глубоко пронизаны духом дружбы, братства и взаимной помощи, духом непоколебимой верности великим принципам марксизма-ленинизма, высоким идеалам социализма и коммунизма.

Еще до победы народной революции в Монголии, в конце 1919 года В. И. Ленин писал, что для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, донныне угнетавшимся народам.

Отношение Страны Советов к монгольскому народу, к нашей стране имело и имеет исключительно большое значение для судеб его Родины. Отношение Советского Союза к МНР с самого начала строилось на идеях пролетарского интернационализма, на принципах равноправия, подлинного братского союза и дружеской взаимопомощи. Это нашло свое отражение в подписанном 5 ноября 1921 года первом монголо-советском соглашении об установлении дружественных отношений между двумя странами, которое было разработано при непосредственном участии В. И. Ленина и на котором стоит подпись основателя Монгольского народного государства Д. Сухэ-Батора.

Отношение Советского Союза к МНР, которое всегда отличалось искренностью и классовой солидарностью, беззаветной верностью союзническому долгу и принципам интернационализма, в ходе многолетнего сотрудничества и совместной борьбы за строительство нового общества, против общих врагов, переросло в нерушимую, ленинскую дружбу советского и монгольского народов.

Монгольский народ по праву связывает свои революционные завоевания с братской дружбой и интернационалистской помощью Совет-

ского Союза, которые имели решающее значение в завоевании и укреплении свободы и национальной независимости, в преодолении вековой отсталости МНР и дальнейшем развитии ее по пути социализма.

Монголо-советская дружба с честью выдержала суровые испытания на полях сражений, превратилась в непреодолимую, животворную силу, в неиссякаемый источник счастья и благополучия монгольских трудящихся.

В трудные для нашей страны годы, когда свобода и независимость монгольского народа подвергались непосредственной угрозе со стороны чужеземных захватчиков, Советский Союз не раз приходил на помощь Монгольской Народной Республике в борьбе за защиту ее революционных завоеваний. В обеспечении безопасности и государственной независимости МНР, в сохранении и укреплении мира на Дальнем Востоке огромную роль сыграл подписанный 12 марта 1936 года протокол о взаимной помощи между МНР и СССР, явившийся союзническим договором большого исторического значения, основанным на принципах пролетарского интернационализма.

Сила и жизненность монголо-советской дружды, боевого сотрудничества монгольского и советского народов и их армий проявилась в крушительной победе над японскими агрессорами в районе реки Халхин-Гол в 1939 году. Разгром японских захватчиков в необъявленной войне против МНР, продолжавшейся в течение четырех месяцев, явился не только военным поражением империалистической Японии. Он явился также серьезным предупреждением для сил международной реакции, потакавшей агрессорам в борьбе против рожденного Октябрем нового мира социализма. В борьбе против империалистической реакции МНР и СССР всегда выступали как кровные братья и боевые соратники, тесно сплоченные единством целей и интересов, общим интернациональным долгом, во имя торжества дела мира и социального прогресса.

Отношения дружбы и тесного сотрудничества между нашими странами получили дальнейшее развитие на основе подписанных в 1946 году Договора о дружбе и взаимопомощи между МНР и СССР, а также Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве. Главное содержание и принципы этих исторических документов были развиты в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанном в январе 1966 года во время пребывания в МНР советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым. Этот исторический Договор поднял на качественно новую ступень отношения дружбы и братского сотрудничества наших стран, которые расширяются и углубляются с каждым годом, обогащаясь новыми формами и новым содержанием. Монголо-советский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи имеет также огромное значение в деле укрепления единства социалистических стран, сохранения и упрочения мира и безопасности на Дальнем Востоке.

Монголо-советские отношения, имеющие более чем полувековую историю, представляют собой пример совершенно нового типа межгосударственных отношений, который ныне воплощен во взаимоотношениях между странами социализма.

Благодаря общим усилиям стран социалистического содружества и их марксистско-ленинских партий сотрудничество наших стран все более совершенствуется и углубляется на основе реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Всестороннее развитие сотрудничества с Советским Союзом и другими социали-

стическими странами оказывает благотворное влияние на ускорение темпов экономического и культурного развития МНР, на повышение уровня материального благосостояния трудящихся.

Наша партия всегда вела принципиальную борьбу за защиту интернационального союза, дружбы и братства с великим Советским Союзом, против всех тех, кто выступал с позиции национализма против дружбы и сотрудничества с СССР, кто пытался дискредитировать нашу священную дружбу, нанести ей вред, вбить клин в отношения между монгольским и советским народами.

МНРП будет и впредь неустанно бороться за дальнейшее укрепление ленинской дружбы народов МНР и СССР, за упрочение идейно-политического союза и единства социалистических стран, за неуклонное расширение и углубление братского сотрудничества с ними.

Коммунисты и трудящиеся МНР с глубоким удовлетворением отнеслись к пребыванию в нашей стране советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым, участвовавшей в праздновании 50-летия исторического III съезда МНРП и полувекового юбилея провозглашения МНР. Исторический визит посланцев Страны Советов во главе с большим другом монгольского народа, неумолимым борцом за мир и международную безопасность товарищем Л. И. Брежневым — это новая славная страница в летописи братских взаимоотношений монгольского и советского народов, новый замечательный вклад в дело дальнейшего развития и углубления всестороннего сотрудничества между МНР и СССР, укрепления единства стран социалистического содружества, упрочения мира и международной безопасности.

Монгольский народ хорошо знает и искренне гордится величайшими успехами родины Великого Октября — Советского Союза в строительстве коммунистического общества, в развитии науки и техники, в борьбе за мир и безопасность народов, за разрядку международной напряженности. Эти грандиозные успехи являются плодами самоотверженного труда героического советского народа. Они неразрывно связаны с неустанной, титанической деятельностью испытанного авангарда мирового коммунистического движения — КПСС, ее ленинского Центрального Комитета и лично товарища Л. И. Брежнева.

Неисчерпаемый опыт советского народа — строителя коммунизма, интернационалистская забота КПСС и правительства СССР о счастье и благополучии монгольского народа, всесторонняя помощь и поддержка Советского Союза служат величайшим вдохновляющим фактором в борьбе трудящихся нашей страны за завершение строительства социалистического общества, за мир и дружбу между народами.

Наша партия видит свой долг в том, чтобы свято оберегать нерушимую монголо-советскую дружбу, неустанно крепить узы братства и сотрудничества с другими странами социализма. Она будет последовательно проводить курс на поддержку рабочего движения капиталистических стран и национально-освободительной борьбы народов, на сплочение рядов всех миролюбивых, прогрессивных сил мира.

В соответствии с целями и задачами своей миролюбивой внешней политики Монгольская Народная Республика будет и дальше стремиться активно способствовать укреплению мира и безопасности в Азии, углублению происходящего ныне процесса разрядки международной напряженности. В этой борьбе компасом для нас служит величайшая Программа мира, выработанная XXIV съездом КПСС и ставшая программой согласованных, координированных действий всего социалистического содружества на международной арене.

Успешная реализация воплощенных в Программе мира животворных идей оказывает благотворное влияние на ход мирового развития. Мирное наступление социализма ведет к крупным позитивным сдвигам в мире, к перестройке международных отношений в целом, к утверждению ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем. В основе происходящих ныне глубоких сдвигов лежит коренное изменение соотношения сил в мире в пользу мира и социализма.

В укреплении мира и всеобщей безопасности огромные, неосценимые заслуги принадлежат великому Советскому Союзу, являющемуся главной силой мирового социализма. Именно благодаря неустанным, инициативным усилиям Советского Союза, благодаря согласованным действиям братских социалистических стран процесс разрядки развивается все шире и глубже, охватывая новые районы и континенты мира. Таким образом, разрядка напряженности ныне стала главной доминирующей чертой мирового развития, в результате чего создаются благоприятные возможности для предотвращения термоядерной войны и вооруженных столкновений, ликвидации оставшихся очагов напряженности, для положительного решения спорных проблем и развития равноправного, взаимовыгодного сотрудничества между государствами.

Особое значение для укрепления международного мира имеет улучшение советско-американских отношений. Выступая за дальнейшее развитие равноправного сотрудничества с Соединенными Штатами, Советский Союз концентрирует свои усилия на решении такой важной и неотложной проблемы, какой является предотвращение термоядерной войны. Советский Союз, руководимый интересами обеспечения всеобщей безопасности, прилагает огромные усилия для достижения всеобщего и полного разоружения, для установления прочного мира в Европе, на Ближнем Востоке и других районах мира.

Оздоровление политического климата в Европе, ликвидация опаснейшего очага войны во Вьетнаме, восстановление мира и национального согласия в Лаосе, нормализация обстановки на Индостанском субконтиненте — все это способствует укреплению безопасности и обеспечению подлинного мира во всем мире.

Миротворившая внешняя политика Советского Союза, практическая согласованная деятельность стран социализма на международной арене пользуются широкой поддержкой у народов мира, которые все больше проникаются сознанием того, что только совместными, коллективными усилиями можно обеспечить мир и спокойствие на земле.

* * *

Развитие событий в мире свидетельствует, что здоровые, прогрессивные тенденции в международной жизни прокладывают себе дорогу в упорной борьбе, преодолевая сопротивление противников разрядки, мыслящих категориями глобальной конфронтации.

Помимо империалистической реакции, к числу ярых противников оздоровления политического климата в мире можно отнести нынешних китайских руководителей, политика и действия которых на международной арене все более дискредитируют себя в глазах народов, разоблачают и выдают маоистов как врагов мира и безопасности, дела социализма.

Сущность политической линии и практических действий маоистского руководства Китая ныне составляют необузданный великодержавный шовинизм, расистский экспансионизм, беспринципность и прямое пре-

дательство интересов дела мира и социализма, интересов международного пролетариата.

Как свидетельствует развитие событий в Китае, его внутривнутриполитическое положение остается крайне неустойчивым. КНР пришла в этом году к своему 25-летию в условиях, когда ее коренные социально-экономические проблемы не решены, когда социалистические основы в Китае подвергаются дальнейшей деформации, а в руководящей верхушке продолжается борьба за власть.

Деятельность Пекина на международной арене целиком подчинена гегемонистским, шовинистическим устремлениям Мао и его ближайшего окружения. Она утратила антиимпериалистическое содержание и носит откровенно антисоциалистический, антинародный характер.

Следует подчеркнуть, что центральным направлением международной деятельности маоистов остается антисоветизм. После X съезда ЦКП антисоциалистическая борьба китайских руководителей вступила в качественно новую фазу: нагнетание антисоветизма и фронтальное противостояние мировому социализму они выдают за главное направление «антиимпериалистической» борьбы. Ныне в китайском руководстве рассматривают Советский Союз как непримиримого национально-врага китайского народа, как «врага № 1», против которого народы всего мира должны бороться единым фронтом, а мир социализма считают несуществующим. Так, в своем выступлении на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в апреле сего года глава китайской делегации Дэн Сяо-пин безапелляционно заявил, что «социалистический лагерь, существовавший некоторое время после второй мировой войны, перестал уже существовать».

Новый фронт борьбы против мирового социализма, открытый китайскими руководителями, их попытки сорвать усилия социалистических и миролюбивых государств по укреплению международной безопасности, беспринципное блокирование маоистов с самыми реакционными силами на антисоветской почве наносят огромный вред интересам дела мира, демократии и социального прогресса. Естественно, силы реакции все шире используют антиленинскую, национал-шовинистическую политику китайского руководства, его неприкрытую готовность к политическим сговорам с империализмом против социалистических стран, в первую очередь против Советского Союза.

Китайские же лидеры стремятся нанести по возможности больше ущерба Советскому Союзу, любыми средствами очернить и дискредитировать его внешнюю политику, ослабить его международные позиции. Такое стремление служит определяющим критерием подхода Мао и его окружения к любой крупной международной проблеме.

Вместе с тем оно свидетельствует о полном отсутствии у пекинских лидеров сознания долга и ответственности, о грубейшем попрании ими интересов народа, в том числе самого китайского народа.

Факты свидетельствуют, что движимое гегемонистскими, эгоистическими устремлениями, китайское руководство не останавливается ни перед какими сделками с империалистическими, милитаристскими и реваншистскими силами в капиталистических странах, не останавливается перед оказанием прямой поддержки самым реакционным режимам.

Наглядным примером прямого предательства маоистами интересов борющихся народов служит неприглядная позиция, которую руководство Китая заняло в связи с контрреволюционным переворотом в Чили. Оно не только не выступило в поддержку демократических и патристических сил Чили, а поспешило признать военно-фашистскую хунту, ко-

торая вот уже более года бесчинствует в стране, обрушивая неслыханный террор и страдания на чилийский народ.

Расчитывая компенсировать несоответствие реальных возможностей КНР своим глобальным притязаниям, маоисты паразитируют на противоречиях и объективном противоборстве двух мировых систем. Они, как и раньше, стремятся всемерно накалять обстановку, подстегивать гонку вооружений, разжигать очаги войны и напряженности. Одна из «сокровенных» целей маоистов — это столкнуть СССР и США между собой, самим оставаясь в стороне, чтобы «сидеть на горе и наблюдать за битвой тигров», то есть воспользоваться военным столкновением между СССР и США для утверждения своей гегемонии на мировой арене.

Хотя Пекин проявляет большую податливость перед Вашингтоном, между КНР и США продолжают существовать серьезные противоречия, сохраняется острое соперничество в Азии и бассейне Тихого океана.

Расширяя связи с Западом, маоистское руководство Китая одновременно преследует цель извлечь максимум выгод для увеличения экономического и военного потенциала Китая, использовать политическое сотрудничество с ведущими капиталистическими странами как рычаг для борьбы против Советского Союза, за мировую гегемонию.

Пекинские лидеры стремятся воспрепятствовать стабилизации обстановки на Европейском континенте, прилагают особые усилия для сдерживания разрядки в Европе. Они открыто выступают за укрепление агрессивного блока НАТО, за превращение капиталистической Западной Европы в мощный политический, экономический и военный союз, который служил бы, по заявлению Чжоу Энь-лая, «фактором, сдерживающим Советский Союз на Западе».

Китайские лидеры упорно противодействуют укреплению мира и стабильности в Азии, выступают противниками создания системы коллективной безопасности на континенте.

Преследуя свои узконационалистические цели, правители Пекина выступают за сохранение американских вооруженных сил и военных баз в Азии.

Предметом особой заботы китайского руководства в Азии продолжают оставаться развитие приемлемого для него сотрудничества с Японией, стремление извлечь для себя наибольшие выгоды на почве расширения экономических связей с ней. Маоисты видят в Японии своего соперника в Азии, но в то же время они выражают готовность пойти на союз с Японией, естественно, в угоду потребностям своей антисоветской, великодержавной политики.

Китайские руководители хотят придать своей политике в отношении Японии антисоветскую направленность, пытаются помешать развитию советско-японских отношений. Они высказываются по существу в пользу японо-американского «договора безопасности», убеждая Японию в том, что с помощью этого договора она способна отразить минимую «угрозу с Севера». Более того, лидеры Пекина, размахивая жупелом «угрозы с Севера», призывают Японию и Китай, «взявшись за руки, приготовиться к противостоянию Северу». Маоисты, желая сколотить союз с японскими монополистами, самым бесцеремонным образом поддерживают их незаконные притязания на часть советской территории — Курильские острова.

Маоисты по-прежнему рассматривают «третий мир» в качестве сферы своей гегемонии, в качестве орудия своей великодержавно-националистической политики. Чтобы вовлечь страны «третьего мира»

в орбиту своего влияния, китайские руководители прибегнули к новому тактическому маневру, заявляя, что КНР принадлежит к разряду развивающихся стран. Они делают все для того, чтобы отколоть развивающиеся страны от их верного и естественного союзника — социалистического содружества, направить их на борьбу не против империализма и колониализма, а против Советского Союза, против социалистических стран.

Гегемонистские и экспансионистские устремления маоистов представляют собой особую опасность для сопредельных с Китаем государств. Можно утверждать, что действия антинародной, национал-шовинистической политики китайского руководства в той или иной мере испытывают на себе все без исключения государства Азии, которые находятся по соседству с КНР.

Продолжая в современных условиях старую, реакционную императорскую политику превращения соседей в вассалов, пекинские лидеры ставят целью захват и оккупацию соседних азиатских стран, а также обширной территории советского Дальнего Востока для превращения Китая в маоистскую суперимперию, способную диктовать свою волю другим государствам.

Китайские правители всегда рассматривали районы Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии как основную зону своего влияния, где, по словам Мао Цзэ-дуна, Китай «в течение многих веков осуществлял руководящую роль». События последних лет свидетельствуют, что, пытаясь усилить китайское проникновение в эти страны, маоисты открыто и грубо вмешиваются в их внутренние дела, нарушают их суверенитет, оказывают политическое и экономическое давление, часто прибегают к угрозе вооруженной силой.

Известно, что за последние годы, и особенно в годы так называемой «культурной революции», в Китае многие соседние с ним государства являлись объектами безудержных нападков, шантажа и угроз со стороны Пекина, который призывал к перевороту, к свержению законных правительств в этих странах. Пекинские лидеры стремились разжигать сепаратистские тенденции в азиатских странах, организовывали антиправительственные, вооруженные выступления против них, пытались ослабить их политически и экономически.

Мировой общественности широко известны факты вмешательства и подрывной деятельности Пекина в Непале, Бирме, Индонезии и многих других странах Азии. Китайские лидеры также не прекращают своих попыток осложнить отношения Индии с ее соседними государствами — Пакистаном, Бангладеш, Шри Ланкой.

Китайские руководители неоднократно провоцировали территориальные и пограничные споры с соседними государствами и не раз прибегали к оружию для решения этих споров. Так было, например, в 1962 году, когда Пекин затеял военный конфликт с Индией в связи со спором о границе в Гималаях. Так было и в 1965 году, когда Пекин, воспользовавшись тогдашним индо-пакистанским конфликтом из-за Кашмира, вновь создал крайне напряженную обстановку на границе с Индией, пытаясь торпедировать состоявшуюся при посредничестве Советского Союза мирную встречу лидеров Индии и Пакистана в Ташкенте.

Вызванное в результате открытых действий Пекина вооруженное столкновение в районе Парасельских островов в начале сего года с новой силой показало, что Китай не остановится перед применением силы для того, чтобы утвердить свои права на территории, на которые он претендует.

Совершенно очевидно, что своими антинародными, экспансионистскими действиями маоисты сами сорвали с себя маску «миротворца» и «друга» азиатских народов, которые приходят к выводу о необходимости хранить бдительность в отношении происков Пекина.

Видя, что попытки маоистов утвердить свою гегемонию над другими народами наталкиваются на решительное сопротивление со стороны многих государств, китайское руководство стремится извлечь из этого иную «выгоду» — уверить китайских трудящихся в существовании вокруг Китая враждебного, антикитайского окружения, вытравить из их сознания чувства дружбы и уважения к социалистическим странам, вселить в них ненависть и агрессивность к соседним государствам, разжечь национализм и воинствующий великодержавный шовинизм в китайском обществе.

Составной частью и характерным выражением откровенно экспансионистского, антисоциалистического курса маоистского руководства Китая на международной арене является его политика в отношении суверенной, независимой Монгольской Народной Республики. Следует подчеркнуть, что антимонгольская политика китайских руководителей — наиболее циничная; она проникнута глубокой ненавистью к монгольскому народу, к его свободному и независимому развитию, к его самому светлому завоеванию — нерушимой братской дружбе с Советским Союзом. В основе политики и действий китайского руководства в отношении МНР лежат великодержавно-колониалистские притязания, унаследованные от китайских милитаристов и чанкайшистов.

Еще в 1936 году Мао Цзэ-дун в беседе с американским журналистом Эдгаром Сноу заявил, что с победой китайской революции Монгольская Народная Республика автоматически станет частью китайской федерации. Мао говорил, что считает Бирму, Индокитай, Корею, Монголию «незаконно отторгнутыми» частями Китая. То же самое утверждал и Чан Кай-ши, который требовал «возвращения» этих суверенных государств в состав Китая.

В 1945 году, когда Мао и его ближайшее окружение домогались сотрудничества и помощи США, китайские деятели говорили американским официальным лицам, что они хотели бы присоединить Монголию к Китаю.

Вынашивая злостные и несбыточные планы аннексии МНР, Мао Цзэ-дун и его приближенные считали возможным решить судьбу монгольского народа, судьбу его государственности за спиной нашего народа и его правительства. Об этом свидетельствуют следующие факты.

В феврале 1949 года, когда Народно-освободительная армия Китая только начинала наступление из Маньчжурии на юг, а Пекин еще не был взят, Мао Цзэ-дун, находившийся тогда в горах в районе Желтой реки, обратился к руководителям Советского Союза и запросил их мнение о присоединении МНР к Китаю. На этот запрос И. В. Сталин ответил, что руководители Советского Союза не думают, что Монгольская Народная Республика пойдет на отказ от своей независимости в пользу автономии в составе китайского государства, если даже все монгольские районы будут объединены в автономную единицу, что решающее слово в этом деле должно принадлежать самой МНР.

Даже после образования КНР и установления официальных дипломатических отношений с Монгольской Народной Республикой Мао

Цзэ-дун и другие лица из его ближайшего окружения не отказывались от своих аннексионистских намерений в отношении МНР.

В 1954 году, во время пребывания в Пекине советской делегации по случаю пятилетия провозглашения КНР, китайские лидеры с чисто великодержавной бесцеремонностью предложили представителям Советского Союза «договориться» о присоединении Монгольской Народной Республики к Китаю. Ставя вопрос таким образом, словно речь шла о каком-то пустяке, о котором можно «договориться», Мао Цзэ-дун и его окружение фактически требовали захвата социалистического государства — МНР, хотя в Китае хорошо знали о несокрушимой воле монгольского народа к свободе и независимости. Тогда представители Советского Союза отказались обсудить с китайскими руководителями поставленный ими вопрос. Им было ясно и четко заявлено, что с подобным вопросом следует обратиться непосредственно к монгольскому народу, к правительству МНР, что судьба Монгольской Народной Республики решается в Улан-Баторе, а не в Пекине и Москве.

После состоявшегося в 1956 году XX съезда КПСС пекинские лидеры предприняли попытку использовать критику культа личности И. В. Сталина... опять-таки для достижения своих корыстных целей — аннексии МНР. Они говорили советским руководителям, что последние поступили правильно, подвергнув критике культ личности и решив ликвидировать его отрицательные последствия. По мнению пекинских деятелей, одним из отрицательных последствий культа личности было несогласие Сталина присоединить Монголию к Китаю. Поэтому они потребовали также «ликвидировать это последствие». При этом китайские лидеры прямо заявили, что они рассматривают Монголию так же, как Тайвань, который должен быть возвращен в состав Китая.

Со стороны советских руководителей было заявлено, что критике подвергаются лишь ошибочные стороны деятельности И. В. Сталина, что в отношении МНР он занимал правильную позицию, которая не подлежит пересмотру. Было также подчеркнуто, что неправильно ставить знак равенства между Монголией и Тайванем, так как на Тайване живут китайцы, а в Монголии живут монголы, что Монголия является независимой страной, которая даже при старом режиме не входила в состав Китая.

В июле 1964 года в беседе с делегацией социалистической партии Японии Мао Цзэ-дун снова вернулся к вопросу о том, что МНР должна быть присоединена к КНР. При этом Мао обрушился на Советский Союз с клеветническими обвинениями в том, будто он «поработил» Монголию и превратил ее в свою «колоннию». Совершенно ясно, что Мао приписывал Советскому Союзу — самому верному другу, союзнику и защитнику МНР — то, чего он сам хотел, чего он добивался в течение многих лет.

Монгольский народ, прошедший вместе с братским советским народом суровые испытания на полях сражений за свободу и независимость, честь и достоинство своей родины, хорошо знает, чего стоит эта злобная клевета маонистов, которые хотели бы подорвать самую животворную, непреодолимую силу — монголо-советскую дружбу.

Экспансионистские притязания Пекина в отношении МНР выражаются также в картографической форме. Так, например, в неоднократно издававшемся в КНР школьном учебнике «Краткая история современного Китая», известном «Атласе мира» 1972 года и в других географических документах маонисты изображают МНР не как самостоятельное государство, а как часть Китая. Известно, что подобные

карты до сих пор издаются и на Тайване. Таким образом, нынешние китайские руководители, подобно чанкайшистам, не желают примириться с независимостью Монгольской Народной Республики, которая вот уже более полувека идет по пути свободного и суверенного развития.

Укрепление МНР, рост ее международного авторитета всегда были не по душе маоистам, претендующим на присоединение МНР к Китаю. Характерно, что вплоть до 1961 года, когда МНР вместе с братскими социалистическими странами и другими миролюбивыми государствами вела борьбу за право быть представленной в Организации Объединенных Наций, правительство КНР ни разу не высказало своего официального мнения относительно приема нашей страны в эту международную организацию. В 1961 году МНР была принята в ООН. Это обстоятельство вызвало глубокое удовлетворение у союзников и друзей МНР, за исключением маоистского руководства Китая, которое продолжало хранить упорное молчание.

Стремясь объединить всех монголов под эгидой Китая, маоистские идеологи с самого начала существования КНР пытаются использовать имя Чингисхана, объявив его «китайским императором», восстановившим «великую китайскую многонациональную империю». Причем в состав китайской империи включают все завоеванные монголами во время их завоевательских походов территории вплоть до Средиземноморья.

Китайское руководство, затратив огромные государственные средства, воздвигло в 1956 году в Китае культовый храм Чингисхана с целью использовать его имя для разжигания националистических страстей среди монгольского народа и народов, которые в прошлом оказались под пятой чингисидов. Но главная цель маоистов в возвеличении Чингисхана состояла в том, чтобы оправдать свою великодержавно-шовинистическую политику и территориальные притязания в отношении других стран и народов.

В свете происходящих ныне в Китае событий легко понять, какая участь постигла бы монголов, если бы МНР была присоединена к Китаю в соответствии с намерениями Мао. В этом можно воочию убедиться на примере живущих в КНР национальных меньшинств, в частности на примере Внутренней Монголии, большая часть территории которой раскромсана и разделена между китайскими провинциями, а сами внутренние монголы лишены самых элементарных прав, даже не имеют права говорить по-монгольски в присутствии китайцев.

«Автономия» Внутренней Монголии, таким образом, превращена в фикцию, а население подвергается насильственной ассимиляции и китаизации по всем линиям.

Одержимые великоханьским шовинизмом, маоисты проводят в отношении населяющих КНР не китайских национальностей губительную, антигуманную политику, которая обрекает национальные меньшинства Китая на безмерные лишения, издевательства и бесправие.

В разгар оголтелой шовинистическо-клеветнической кампании, развернутой Пекином против КПСС, МНРП и других коммунистических и рабочих партий, против Советского Союза и остальных братских социалистических стран, китайские лидеры пытались оказать давление на партийное и государственное руководство Монгольской Народной Республики, требуя от него опубликовывать в своей печати клеветнические выступления китайской прессы, передавать их по монголь-

скому радио. Это требование было решительно отвергнуто монгольской стороной.

В годы пресловутой «культурной революции», особенно в 1967 году, по приказу маоистов разъяренная толпа погромщиков сутками осаждала Посольство МНР в Пекине. Они врываются на его территорию, чинили зверскую расправу над сотрудниками посольства, нападали на дипломатические машины, повреждали или сжигали их. Они призывали к расправе над руководителями МНР, к свержению ее правительства.

Не ограничиваясь политическим давлением на МНР, разнузданной идеологической диверсией против нее, китайское руководство стремится нанести по возможности больше ущерба экономике нашей страны, ослабить и подорвать ее хозяйственные усилия, с тем чтобы вызвать недовольство среди широких слоев трудящихся политикой партии и правительства МНР.

Как известно, начиная примерно с 1960 года маоисты пошли на резкое свертывание экономических отношений с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, в том числе с Монгольской Народной Республикой. В настоящее время объем монголо-китайской торговли сократился более чем в 7 раз по сравнению с 1960 годом. В результате уменьшения до минимума экономических связей Китая с европейскими социалистическими странами с того времени почти полностью прекратились поступления значительных доходов в иностранной валюте, которые Монголия получала от транзитных перевозок грузов по трансмонгольской железной дороге. Вследствие этого МНР очень дорого обходится содержание самой железной дороги, поскольку ее пропускная способность с 1962 года используется лишь на 7—8 процентов.

Особую тревогу и озабоченность у трудящихся МНР вызывают военные приготовления китайских руководителей, которые создают непосредственную угрозу свободе и независимости монгольского народа. Эта угроза началась с начала 60-х годов с концентрации войск вдоль китайской границы с МНР, протяженность которой составляет 4700 километров.

Руководствуясь благородными целями укрепления дружбы и сотрудничества с КНР, наша страна еще в 1956 году упразднила свои пограничные войска, оставив только ряд контрольно-пропускных пунктов. При этом МНР исходила из того, что граница с КНР, так же как граница с Советским Союзом, является границей мира и социализма.

Однако в связи с серьезным изменением обстановки на наших восточных рубежах вследствие гегемонистской и национал-шовинистической политики китайского руководства МНР вынуждена была восстановить и укрепить свои пограничные войска и значительно увеличить личный состав Монгольской Народной Армии перед лицом непрекращающихся провокаций со стороны КНР. Естественно, все это вызывает отвлечение больших средств от народного хозяйства и значительного количества рабочей силы от сферы материального производства.

Вместе с тем пекинские лидеры формируют и укрепляют военные группировки, нацеленные непосредственно против жизненных центров Монгольской Народной Республики, возводят на важнейших участках вдоль ее границы укрепления, строят дороги и мосты военно-стратегического назначения, подводят к границе телефонно-телеграфные линии, проводят в непосредственной близости от границы Монголии военно-полевые учения с участием регулярных войск.

С целью обострить положение на монголо-китайской границе маоисты активизируют свою враждебную деятельность против МНР, носящую откровенно провокационный характер. В частности, китайские военнослужащие мелкими группами часто нарушают государственную границу МНР, вторгаясь на различных ее участках в пределы монгольской территории до 15—20 километров. Китайские военнослужащие убивают редких животных и вывозят на свою территорию их туши, вырубает леса, умышленно устраивают пожары в лесных массивах МНР. Нередко наблюдаются случаи, когда китайцы перегоняют на территорию МНР домашних и других животных, зараженных остригонифекционными болезнями, и т. д.

Следует подчеркнуть, что враждебные, антимонгольские действия маоистского руководства Китая направлены в конечном счете против великого социалистического содружества, против его главной опоры — Советского Союза, поскольку в могуществе первой страны социализма, в единстве и сплоченности мировых революционных сил Мао и его окружение видят основную преграду на пути осуществления своих гегемонистских, великодержавно-шовинистических устремлений. Именно отсюда вытекает открытый вызов китайского руководства социалистическому содружеству, международному коммунистическому и рабочему движению.

Происходящая ныне на международной арене борьба ведет к дальнейшей поляризации сил, обнажает истинные цели и намерения сторонников и противников дела мира и социального прогресса народов. В ходе этого объективного процесса все более четко вырисовываются сущность и далеко идущие цели политического курса и практических действий китайского руководства, которое, полностью порвав с принципами пролетарского интернационализма, в коренных вопросах мировой политики встало на сторону империалистической реакции.

В своем письме Центральному Комитету КПК от 12 июня 1964 года Центральный Комитет МНРП, откровенно излагая свою оценку действий китайских руководителей, подчеркивал, что их нельзя квалифицировать иначе, чем как открытую измену делу пролетарской революции и борьбы против империализма, предательство интересов народов социалистических стран, в первую очередь интересов самого китайского народа, как величайшее преступление перед мировым пролетариатом и международным коммунистическим движением.

Обращаясь к руководству КПК, наша партия предупреждала, что его реакционный, антисоциалистический курс — если от него не отказаться, — может не только задержать социалистическую поступь китайского народа, но и при определенных условиях поставить под серьезную угрозу его революционные завоевания. «Логика вещей может привести к тому, — говорилось в письме ЦК МНРП, — что Китай не будет иметь другого выхода, кроме как идти на уступки империалистам... что нет гарантии тому, что самоизоляция Китая от содружества социалистических стран, резкое свертывание экономических и других связей с ними и явная ориентация лидеров КПК на дальнейшее сближение со странами империалистического лагеря не будут сопряжены с опасностью постепенной сдачи ими социалистических позиций в ущерб коренным интересам китайского народа и общему делу мирового коммунизма». Это дружеское предупреждение было правильным и своевременным.

Сегодня, спустя десять лет с того времени, когда Центральный Комитет МНРП обратился к руководству КПК с вышеупомянутым письмом, сложилось совершенно иное положение. Политика маоистов.

которые, казалось, вели вначале полемику с братскими партиями только по идеологическим вопросам, привела к серьезной деформации социалистических устоев в КНР, к ее отрыву от стран социализма и международного коммунистического движения, к открытой политической борьбе против недавних своих союзников и защитников — Советского Союза и других социалистических стран, к непосредственному сотрудничеству с силами реакции и империализма. И никакие безответственные разглагольствования о марксизме-ленинизме, о революции и революционности, о борьбе против империализма, бесконечные тирады о благих намерениях в международных делах уже не могут служить маской истинных намерений и действий китайского руководства, направленных против социалистических стран, международного коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы, против дела мира и всеобщей безопасности.

Антисоциалистическая, проимпериалистическая политика маоистов вызывает решительное осуждение со стороны всех миролюбивых, прогрессивных сил, наталкивается на сопротивление среди самого китайского народа.

Монгольский народ, верный своему интернациональному долгу, всегда твердо стоял на стороне китайского народа и его справедливой борьбы за свободу и национальную независимость, за строительство новой жизни. Наша партия и Правительство МНР последовательно выступают за нормализацию отношений с Китайской Народной Республикой, за восстановление дружбы с китайским народом. Однако мы решительно отвергаем любые притязания и происки китайского руководства в отношении МНР, ее независимого развития по пути социализма.

МНРП вела и впредь будет вести принципиальную борьбу с реакционной по своей сути идеологией маонизма, давать отпор подрывным действиям пекинского руководства, направленным против мирового социализма, против дела мира и международной безопасности.

* * *

Отмечая 50-летие провозглашения Монгольской Народной Республики, трудящиеся нашей страны полны решимости приумножить свои созидательные усилия для успешного осуществления задачи завершения строительства социализма и впредь быть непоколебимо верными великому знамени пролетарского интернационализма, изо дня в день крепить нерушимую монголо-советскую дружбу, дружбу и сотрудничество с народами других стран социализма, видя в этом верный залог новых побед в борьбе за полное торжество социализма на монгольской земле.

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Сибирь:

возможности, планы, проблемы

В. А. Былинин

Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали вновь привлекло пристальное внимание советских людей и зарубежных наблюдателей к проблемам развития Сибири. Этот интерес понятен. Ведь речь идет не только о стальном пути протяженностью три тысячи километров, что само по себе дело гигантское, но на повестку дня поставлена задача коренного преобразования обширнейшего края с его несметными природными богатствами.

По трассе БАМ возникнут рудники, карьеры, заводы, будут проложены автомобильные дороги, трубопроводы, созданы аэродромы; здесь возникнут рабочие поселки и целые города. Нефть Тюмени, медь Удокана, уголь Чульмана, руда Южной Якутии, лес Забайкалья — все это будет стекаться к рельсам БАМ, чтобы двинуться затем к индустриальным центрам на западе и на востоке, к портам тихоокеанского побережья СССР.

Чтобы представить, как будет выглядеть через 10 лет трасса БАМ, не требуется большой фантазии. Надо просто заглянуть в сегодняшний день сибирских городов, многие из которых сложились не под влиянием обстоятельств тысячелетней истории, а под давлением хозяйственной необходимости современного развития страны. Братск, Ангарск, Мирный, Усть-Илим — вот прообразы будущих городов, которые гирляндой пролягут по трассе БАМ. Вглядываясь в черты нефтяника Самотлора, лесоруба Прибайкалья, водителя с Чуйского тракта, безошибочно можно представить и портреты строителей, рабочих, землепашцев, которые придут обживать тайгу на всем протяжении от Байкала до Амура.

В основу предлагаемых читателю очерков легли личные впечатления от поездок в ряд районов к востоку от Урала, дополненные сведениями из исследовательской литературы. Очерки эти не претендуют на то, чтобы их считали достаточно полным отражением жизни всей Сибири или даже отдельных ее зон. Они лишь показывают, в каком свете может представиться наблюдателю это огромное пространство нашей страны.

* * *

Сегодняшний день Сибири очень скоро становится днем вчерашним. Этот край быстро шагает к будущему.

Сбывается пророчество великого русского ученого М. В. Ломоносова, прозорливо заметившего 200 лет назад, что богатство России будет прирастать Сибирью. Ныне это приращение становится органическим и планомерным. Все чаще и чаще в характеристике подхода к промышленному развитию страны звучат слова: сдвиг на Восток. А вот что сказано по этому поводу в Директивах XXIV съезда КПСС по девятой пятилетке:

«Считать важнейшей задачей в области размещения производительных сил и улучшения территориальных пропорций в народном хозяйстве дальнейшее ускоренное усвоение природных ресурсов и наращивание экономического потенциала восточных районов страны. Учитывая наличие более дешевых энергетических ресурсов в Сибири, Казахстане и Средней Азии, размещать новые энергоемкие промышленные производства преимущественно в этих районах. Опережающими темпами развивать в восточных районах промышленность строительных материалов и строительную индустрию».

В конкретизирующей части Директивы предусматривают: «...создать в Западной Сибири крупнейшую базу нефтяной промышленности... построить газоперерабатывающие заводы... приступить к строительству крупных нефтехимических комплексов... обеспечить строительство газопроводов... приступить к строительству коксохимического завода, завода синтетического волокна и ряда машиностроительных заводов в Алтайском крае... продолжить строительство Западно-Сибирского металлургического завода... завершить строительство Красноярского алюминиевого завода... значительно увеличить производство меди и никеля на Норильском горно-металлургическом комбинате... обеспечить дальнейшее развитие Братского территориально-производственного комплекса... приступить к формированию Саянского территориально-производственного комплекса...»

Все это относится к Сибири, хотя перечисленные объекты составляют лишь небольшую часть строек, начатых или продолженных в текущем пятилетии. За каждой строчкой Директив просматриваются усилия тысяч людей. В конструкторских и проектных бюро склонились над листами ватмана проектировщики будущих предприятий, архитекторы городов, которые еще предстоит возвести. Небо полярной ночи рассекают бесчисленные вспышки электросварки, взрывы крушат мерзлый грунт, до хрипоты режут МАЗы и КРАЗы, карабкаясь по серпантинам карьеров и котловинам будущих гигантов сибирской индустрии.

Усть-Илим, Сургут, Усть-Балык, Надым, Белый Яр. Скоро, очень скоро эти некогда неприметные названия станут известны как символы труда, мужества и таланта их строителей. Они будут так же хорошо известны в нашей стране и за рубежом, как прославленные ныне Мирный, Братск, Ангарск, Салехард.

Сибирские комплексы. Прежде всего следует оговориться, что речь идет о своеобразной форме экономического развития, которая отражает сегодняшний день не только Сибири, но и всей нашей страны. О комплексах говорят в степях Барабы и Кулунды; они являются темой исследований ученых из Академгородка под Новосибирском; комплексы учитываются в расчетах Госплана и увязываются в целенаправленных действиях десятков министерств и сотен тысяч людей.

Есть аграрные комплексы, которые получают все более широкое распространение в животноводстве и земледелии Сибири. Однако прежде всего сконцентрируем внимание на промышленных комплексах Сибири.

В качестве примера того, что представляет собой комплекс, можно было бы взять Братский лесопромышленный комплекс, который принято сокращенно называть Братский ЛПК. Это предприятие уже сейчас довольно-таки хорошо известно в нашей стране, хотя формирование его еще далеко не закончено.

Когда попадаешь в Братск, то кажется, что самой природой предопределено создание здесь заводов, которые поставляли бы лесоматериалы и бумагу в безлесные части страны.

С какой бы стороны самолет ни подлетал к Братску, всюду под крылом будет расстилаться зелено-бурая шуба тайги. Сам Братск расположен на отвоеванных у тайги просеках, между которыми лежат узенькая полоска шоссе, зеркало водохранилища и десятки километров дремучих лесов. Остатки тайги до сих пор сохранились во дворах новостроек.

Братское море служит лучшей из возможных дорог для доставки древесины. Мало тронутая индустриализацией местность создает возможность размещать цеха и смежные предприятия свободно, без тесноты, в той последовательности, как это диктуется технологической целесообразностью.

В общей сложности в состав Братского ЛПК войдут лесоперерабатывающий комбинат, восемь заводов, две теплоэлектроцентрали, автоматизированный лесной порт и другие службы. Лес здесь превратят в целлюлозу, картон, доски, древесностружечные плиты. Здесь все пойдет на дело, включая кору и опилки. Часть лесоматериалов будет на месте же превращаться в мебель и украшать интерьеры жилищ братчан и предприятий города.

Но Братский ЛПК, будучи гигантом в своей отрасли индустрии, всего лишь одна из многих частичек Братского территориально-производственного комплекса. Таким образом, мы подошли к другой категории комплексов, которые объединяют предприятия многих отраслей, а также включают в себя населенные центры с их жилищными, коммунальными, бытовыми, культурными и прочими проблемами.

Территориально-производственный комплекс также принято обозначать сокращенно — ТПК. Всего в Сибири будет несколько ТПК, и Братский далеко не самый крупный из них.

Все же разберемся, что представляет собой Братский ТПК. Прежде всего, каждый ТПК имеет свое энергетическое ядро. Таковым в Братске является гидроэлектростанция, построенная у высоченной плотины, которая подпирает Братское море.

На первый взгляд плотина Братской ГЭС производит иное впечатление, чем заочно сложившееся представление о ней. Но когда заметишь на гребне плотины крохотный паровозик или почти игрушечный грузовичок, тогда начинаешь осознавать, что стоишь перед одним из величайших произведений человеческого ума, мастерства и труда.

Внутри плотины ритмично бьется 18 сердец турбин, которые ежегодно вырабатывают 20 млрд. квт·ч электроэнергии.

Итак, ядро Братского ТПК — электростанция, один из элементов — лесопромышленный комплекс. Что же есть еще в ТПК?

А еще есть алюминиевый завод, сокращенно БрАЗ, — главный потребитель энергии электростанции.

Из-за низкой себестоимости электроэнергии Ангары братский алюминий оказывается одним из самых дешевых по производству в нашей стране. А еще здесь будет электрохимический комбинат, завод синтетического каучука, завод вискозного волокна. Еще к Братскому ТПК примкнет новая Усть-Илимская гидроэлектростанция со своим лесопромышленным комплексом и много других предприятий, которые потребуются для того, чтобы обеспечить нормальную работу крупных заводов и фабрик, а также удовлетворить потребности растущего населения новых городов.

Более мощным формированием, чем Братский ТПК, будет Саянский территориально-промышленный комплекс. Достаточно сказать, что этот

комплекс объединит свыше 120 крупных предприятий и производств. И здесь ядром комплекса будет ГЭС — Саянская. В едином организме с электростанцией соединятся такие предприятия, как завод по производству железнодорожных вагонов (его производительность — 40 тыс. вагонов в год), завод по обработке цветных металлов, завод ферросплавов, завод качественных сталей. Саянский комплекс складывается из крупных блоков. Один из них — Минусинский промышленный узел, в который войдут 12 заводов.

Параллельно с Саянским комплексом идет формирование и развитие Кузбасского, Красноярско-Ачинского и Иркутско-Черемховского территориально-производственных комплексов, где молодые предприятия должны дополнять уже сложившуюся индустрию ветеранов освоения сибирских богатств — Кемерово, Новокузнецка, Красноярска, Иркутска.

Масштабы названных комплексов значительны, но, пожалуй, и они уступают пальму первенства наиболее могучему в этой плеяде — территориально-производственному комплексу на севере Западно-Сибирской равнины. Именно здесь за пятилетие должно быть обеспечено почти 65% прироста добычи нефти всей страны. К концу пятилетки добыча нефти здесь составит 125 млн. т, а газа — 44 млрд. кубометров. В дальнейшем же здесь должно добываться до 240 млрд. кубометров газа. Нефть и газ послужат сырьевой и энергетической основой для крупных химических комбинатов в Томске и Тобольске, электростанции в Сургуте и многих других предприятий обширного края. В едином комплексе с нефтехимией и использованием газа будет развиваться нефтяное и химическое машиностроение. Существенную часть комплекса составят четыре лесоперерабатывающих комбината; в комплекс войдут также текстильные фабрики, предприятия пищевой промышленности и т. д.

Гигантским кладовым нефти и газа Западной Сибири нет аналогов в мире. Одно лишь Уренгойское месторождение содержит около 5 триллионов кубометров газа. Кстати сказать, в США известно только одно месторождение газа, в котором сконцентрировано свыше триллиона кубометров топлива. Часть нефти и газа Сибири будет потребляться и перерабатываться на месте, а другая получит выход в Европу и на Дальний Восток. Уже сейчас прокладываются стальные русла для нефтяных и газовых рек. Трубопроводы невиданных диаметров — 120 и 140 см, уже соединяют места добычи горючего с первыми потребителями. Нефть Севера уже получила выход на начальный участок транссибирского нефтяного пути.

Развитие Сибири по комплексам — дело весьма экономное со всех точек зрения. Достаточно сказать, что только размещение на одной площади заводов Минусинского узла сулит выгоду в 114 млн. руб. по сравнению с рассредоточенным строительством.

К комплексному развитию Сибири наша страна подошла сейчас потому, что накопила для этого знания и силы. Идея комплексности родилась в результате длительных расчетов тысяч экономистов, инженеров, плановиков. Она уходит корнями в предвоенные пятилетки, когда создавался комплекс Кузнецкого бассейна, Урала, Донбасса.

Сейчас сибирские комплексы находятся в состоянии постоянного уточнения и детальной разработки. Над этим работают коллективы ученых и практиков не только сибирских научных и административных центров, но и Москвы, Ленинграда, Урала, Украины, Белоруссии и т. д. Достаточно сказать, что только над проектированием промышленного узла в Минусинске работает свыше полутора тысяч инженеров, которым помогают ученые самых различных специальностей.

Изучение сибирских недр, включение их в индустриальную разработку вообще представляет собой дело коллективное и многоотраслевое. В этой связи весьма характерен пример с открытием якутских алмазов. При всей мощи и уникальности залегания кимберлита в районе Мирного он имеет в поперечнике всего лишь несколько сот метров.

Якутские алмазы были найдены в результате долгого и упорного труда огромных коллективов исследователей.

Также было и с открытием нефти Самотлора и многих других месторождений. Найти их было трудно, но не легче и освоить их. Не случайно полуостров Таймыр, где сейчас добывают нефть и газ, означает на языке коренных жителей «край земли». Таким же краем земли, только затерявшимся в тайге, можно назвать и Мирный.

Припоминается встреча в Мирном с первооткрывателем алмазного месторождения — трубки «Удачная» — Владимиром Щукиным. Встреча проходила на краю круглой полукилометровой чаши карьера; внизу где-то на 200-метровой глубине рычали экскаваторы, бульдозеры и самосвалы, растаскивая разодранные аммонитом глыбы кимберлита. Ритмичность напряженного труда, пепельно-зеленоватый цвет минерала, спокойно-деловой рассказ геолога — все это выглядело нарочито будничным контрастом сложившимся представлениям и о драгоценном минерале и о романтике первооткрытий.

Сам геолог казался чем-то сходным с Юрием Гагариным, тем молодым майором, который давал первое интервью о первом открытии космоса.

Крепко сбитая, как у боксера, фигура, рабочий костюм без каких-либо регалий, открытый взгляд, скупые слова рассказа, короткое, деловое рукопожатие. Бремя славы лауреата Ленинской премии, видимо, не мешало ему продолжать трудиться и жить в том же ритме подвижника науки, которым он стал, избрав трудный путь исследователя недр. Ему выпало на долю обнаружить алмазное месторождение. Это не случайность, это — производное его таланта, знаний и огромного труда. Но вместе с тем это производное и огромного труда многих других ученых и исследователей, это производное нынешнего уровня развития советской науки, экономики, культуры всей страны.

В настоящее время Советский Союз в состоянии отойти от практики «короткого плеча», когда разрабатывались лишь легкодоступные, близлежащие месторождения, и перейти к активному освоению самых далеких естественных кладовых.

Подтверждением этому служит и решение о строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Применение комплексного метода производства, в котором соединяется добыча и длинный цикл трансформации сырья в готовую продукцию, а также создание территориально-производственных комплексов означает не только количественное, но и качественное изменение в динамике сибирского развития. Теперь уже надо думать не об арифметической, а о геометрической прогрессии, когда мы говорим о настоящем и будущем Советской Сибири.

Сибирь на международной арене: проблема нефти. Самый подробный рассказ о Сибири был бы сегодня обедненным, если обойти молчанием ее вес в балансе мировой экономики.

Алмазы и золото, сталь и алюминий, лес и уголь Сибири составляют существенную часть их мирового производства. Но, пожалуй, наибольшее внимание сейчас привлекают к себе новые сокровища сурового края — нефть и газ.

Нефтяные и газовые кладовые Сибири по своим запасам достойны

самого пристального внимания. Но их значение неизмеримо возрастает, если учесть, что сибирские открытия произошли в то время, когда основательно подытожились многие нефтяные и газовые резервуары Старого и особенно Нового Света.

Огромную ценность сибирским запасам придает и то обстоятельство, что спрос на нефть и газ возрастает с геометрической прогрессией в любой стране и в мире в целом. Каких-либо эффективных заменителей этого вида сырья и топлива пока еще нет, и едва ли они придут на смену нефти в ближайшей перспективе. Несмотря на попытки найти новые источники энергии, писали научные обозреватели агентства Рейтер А. Чанселлор и П. Мосли, нефть является сейчас главным энергетическим ресурсом в мире и, по-видимому, останется им еще много лет.

Каждый день на планете сжигается и перерабатывается около 7 млн. т нефти. Любое изменение потока нефти в артериях современной цивилизации серьезно отозвалось бы на научно-техническом прогрессе, на развитии хозяйства всех стран.

Энергетический кризис из призрака быстро превратился в реальность и основательно терзает капиталистическую экономику. Цены на нефть на мировом рынке в короткий срок возросли на 300%. В условиях такого повышенного спроса на нефть Сибирь делает первые заявки на роль поставщика этого сырья и топлива.

Но международная экономическая ситуация представляет лишь один компонент проблемы сибирской нефти. Другой, и притом столь же значительный, заключается в бурном развитии самой Сибири. Широкое включение в народнохозяйственный оборот нашей страны сибирской нефти, использование ее как сырья и топлива является важным элементом сибирского развития.

Сибирская нефть должна послужить сырьем для крупных нефтехимических комбинатов Новосибирска, Тобольска, Омска и многих других индустриальных центров Западно-Сибирского экономического района. С расчетом на эту нефть уже строится не один завод-гигант нефтехимической промышленности.

Интересам развития сибирской индустрии служит и развернувшееся строительство трубопроводов. Так, в прошлом году была введена в постоянную эксплуатацию первая очередь нефтепровода Александровское — Алжиро-Судженск. 800 км труб диаметром 122 см уже позволили перекачать дальше на восток страны и приблизить к центрам потребления десятки миллионов тонн сибирской нефти.

Отмечая все эти обстоятельства, можно попытаться дать какую-то оценку факту открытия нефти Сибири, ее использования в Советском Союзе и предстоящего в недалеком будущем выхода на мировой рынок.

Прежде всего, открытие нефти в Сибири значительно увеличивает внутренний потенциал нашей страны. Облегчается развитие ряда районов, в том числе Крайнего Севера и Дальнего Востока, где нефть поможет успешной разработке запасов меди (например, в районе Талнаха), алмазов (в Якутии), золота (на Колыме), железа (в Забайкалье) и множества других полезных ископаемых. Открывается перспектива для бурного развития такой передовой отрасли, как нефтехимия, включая производство товаров народного потребления, сырья для промышленности и искусственного удобрения для сельского хозяйства. Экономика Зауралья, а вместе с тем и всей страны получает могучий импульс для еще более ускоренного развития.

Именно эта сторона обуславливает особое удовлетворение советских людей по поводу сибирских нефтяных открытий. Когда пошла нефть из первой скважины Самотлора, говорил как-то один из участников неф-

тяной батальи, мы видели не черный фонтан, а цветущую землю, согретую нашей нефтью, нашим трудом.

Следует иметь в виду такое обстоятельство: развитие нефтедобывающей и газодобывающей промышленности на востоке Советского Союза позволит расширить поставки этих ископаемых братским социалистическим странам. Как известно, советская нефть, поступающая по нефтепроводу «Дружба», и газ, идущий по газопроводу «Братство», удовлетворяют основную часть потребностей в этих видах сырья большинства стран Совета Экономической Взаимопомощи. Сибирь позволит увеличить эти поставки.

Следующим производным сибирских открытий можно назвать наметившиеся поставки нефти и газа Тюмени и Якутии в страны капиталистического мира. Интерес к этим поставкам виден всюду: в Европе, Азии, Америке. Но наибольшую активность проявляют представители бизнеса США и Японии, где нужда в расширении импорта чувствуется особенно остро.

В политике мирного сосуществования экономические связи являются органической составной чертой. Они придают стабильность, прочность, долговременность политическому взаимопониманию и сотрудничеству. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что поставки за рубеж сибирской нефти и газа будут скреплять отношения мирного сосуществования, поворот к которым стал доминирующей тенденцией развития международной жизни.

Другой важной стороной выхода сибирской нефти на мировой рынок является существенное изменение сил между странами — импортерами и экспортерами нефти.

Длительное время капиталистические покупатели нефти имели дело только с однозначным контрагентом — той или иной развивающейся страной Азии, Африки или Латинской Америки. И, что греха таить, нередко в отношениях с этим партнером нефтяные монополии прибегали далеко к не джельтменским приемам. Шантаж, подкупы, блокады, а то и просто насилие вплоть до организации государственных переворотов — все это было в арсенале средств борьбы нефтяных торговцев с подлинными хозяевами нефти — странами Ближнего или Среднего Востока, Северной Африки или бассейна Карибского моря.

Теперь картина нефтяного рынка резко меняется. На нем утверждается в качестве поставщика великая социалистическая держава, по отношению к которой такие методы не действенны. Это не может не оказать оздоравливающего влияния на весь мировой рынок нефти.

Нефтяной рынок в настоящее время и, видимо, на долгие годы вперед характеризуется отставанием предложения от спроса. Пожеланий купить нефть гораздо больше, чем предложений ее продать. Поэтому конкуренции между продавцами нефти нет и не ожидается.

Конкурентная борьба происходит между теми компаниями и капиталистическими странами, которые выступают покупателями нефти. По расчетам специалистов, странам Западной Европы, США и Японии понадобится в 1980 г. 2788 млн. т нефти против 1573 млн. т в 1970 г. Вывод, который следует сделать по этому поводу, говорится в специальном докладе Комитета по вопросам нефти Организации экономического сотрудничества и развития, состоит в том, что зависимость от импорта будет возрастать.

Конечно, далеко не всем по душе выступление советской Сибири в качестве новой зоны, откуда нефть будет поступать в другие страны. Больше всего это не по душе тем монополиям, которые хотели бы вы-

деть незыблемым свое господствующее положение на мировом рынке. Но жизнь развивается не по их воле.

Ее развитие диктуется ростом человеческих потребностей, динамикой научно-технического прогресса. И в это дело сибирская нефть призвана внести весомый вклад.

Наука — всюду. XXIV съезд КПСС выдвинул в плоскость практической реализации формулу Маркса о превращении науки в непосредственную производительную силу. Пожалуй, на сибирской почве рельефнее, чем где-либо еще, виден огромный жизненный смысл этой задачи и вызревшие условия для ее разрешения.

Чем вызвана эта особенность сибирского развития? С чем связан тот факт, что в Сибири больше, чем где-либо еще, наука выступает как основная часть производственного процесса?

Если попытаться дать самый общий ответ на поставленный вопрос, то, видимо, объяснения надо искать в характере многих природных, экономических, социальных факторов, существующих в Сибири.

Несметные богатства недр, колоссальные просторы, суровость климата, численность населения — все это предопределяет острую необходимость вооружения каждого работающего здесь человека максимумом знаний, самой совершенной техникой, точными ориентирами научных предвидений, прогнозов, разработок.

Большинство сибирских практиков и теоретиков сейчас приходит к идеям «малолюдного» освоения богатств наиболее отдаленных и тяжелых в климатическом отношении районов Сибири. Здесь, как считают специалисты, не нужно иметь «лишних» людей. Предприятия должны создаваться с наивысшим доступным уровнем механизации и автоматизации. А это уже и есть стык науки и производства.

Динамичное, взрывное развитие Сибири, может быть, нагляднее всего демонстрирует революция в решении транспортных проблем. Трудно сыскать больший контраст, чем между передвижением на оленьей или собачьей упряжке и полетом на реактивном самолете или вертолете. Но именно таким скачком решается проблема преодоления сибирских расстояний.

Обычно любой разговор о научных делах на сибирской земле начинается с новосибирского Академгородка, где расположено Сибирское отделение Академии наук СССР, которому едва исполнилось 15 лет и которое было создано в качестве базы научного прогресса в Сибири. При создании этого научного центра, говорил в одном из интервью руководитель Сибирского отделения АН СССР акад. М. А. Лаврентьев, была поставлена тринедная задача: развитие науки в Сибири, подготовка здесь собственных научных кадров и внедрение новых достижений ученых в производство.

Сейчас в составе Сибирского отделения насчитывается 47 научных институтов и самостоятельных лабораторий, где работает свыше 29 тыс. человек, в том числе свыше 60 академиков и членов-корреспондентов Академии наук, 300 докторов, более 3 тыс. кандидатов наук.

Состав ученых Сибири внушительный, но и производные их труда тоже значительные. Только за 1971—1972 гг. в Сибирском отделении было выполнено около 500 важных разработок, из которых 370 стали достоянием производства.

Один из зональных центров Сибирского отделения — его Якутский филиал. Было много причин для создания в Якутии этого филиала, среди них — уникальность сосредоточенных здесь богатств.

На Выставке достижений народного хозяйства Якутии, что была открыта к 50-летию образования Якутской автономной республики, де-

монстрировалась схема «Полезные ископаемые». К этой карте есть смысл обратиться, так как даже мысленный облет Якутии трудно осуществить: ведь республика занимает площадь 3 млн. квадратных километров. Схема демонстрирует открытые Западной алмазной провинции, Восточной оловоносной области, Лено-Вилюйской газоносной провинции, Южно-Якутского бассейна коксующегося угля и железных руд, золотоносных районов Алдана, Индигирки, Аллах-Юня, Яны, Алданской флогопитоносной провинции, месторождений сурьмы, ртути, полиметаллических руд и т. д. и т. п.

Все это появилось в поле зрения не само собой. До всего должны были дойти люди. И это были ученые, вооруженные современной техникой.

Якутский научно-исследовательский институт мерзлотоведения занят вопросами градостроительства в условиях мерзлоты, прокладки нефтепроводов, строительства ГЭС, сооружения портов и аэродромов и многими другими животрепещущими проблемами, вызванными продвижением человека в глубь сибирского Севера. Его разработки берут на вооружение проектировщики и строители БАМ.

Для сотен тысяч жителей Якутска, Мирного, Норильска и других северных городов стало обычным вселяться в новые комфортабельные дома, которые поднимаются над землей на бетонных сваях. В шутку про такие дома говорят, что они на «курьих ножках», а это только и обеспечило возможность массового строительства современных зданий на вечной мерзлоте.

Многие лабораторные исследовательские работы сотрудники института проводят не выходя за пределы здания. В нескольких шагах от кабинета директора института чл.-корр. Академии наук П. И. Мельникова лестница всего лишь в несколько ступенек ведет в царство вечного холода. Иней на стенах подземелья от дыхания людей, серый смерзшийся почти до бетонной плотности грунт; ртутный столбик термометра не дрогнул бы здесь в течение тысячелетий. Мерзлота, говорит П. И. Мельников, давно уже не пугает северян. Если овладеть ее тайнами, она хорошо послужит человеку, а для раскрытия секретов мерзлоты мы располагаем большим набором средств, хорошими кадрами энтузиастов-ученых.

Каждая зона Сибири выдвигает свои научные задачи. И те задачи, что решаются на целинных землях Кулунды, существенно отличаются от задач, стоящих перед учеными Иркутска или Омска.

Ученых в Сибири встретишь всюду; по уровню образованности и насыщенности научными кадрами — это редкий край. В лабораториях «на кончиках пера» здесь определяют открытия алмазонасных трубок, нефтяных провинций, могучих рудных залегающих. Фундаментальные исследования сочетаются с прикладными, а те — с научными разработками. И все это осуществляется массивно, широким фронтом.

Сибирь выходит на острие научно-технического прогресса, как это диктуется жизнью, как это предопределяется подъемом экономической мощи всей Советской страны, размахом ее научных достижений.

Социально-экономические проблемы современного Китая

Е. А. Коновалов,

доктор экономических наук

М. М. Никольский,

кандидат экономических наук

В канун победы народной революции и первые годы существования КНР в республике при очень низком уровне развития производительных сил сохранялись все известные истории социально-экономические уклады: от различных форм родоплеменных отношений до зарождающегося социалистического уклада.

До освобождения социально-экономический строй Китая обычно характеризуется как полуфеодальный, полуколониальный. И с этим трудно не согласиться, хотя такое определение неполно и не охватывает некоторых существенных структурных черт социально-экономического строя страны. Дело прежде всего в том, что указанное определение никак не отражает степень развития капиталистических отношений в Китае к середине XX в. Тем не менее общепризнанно, что машинная индустрия (будь то отечественные или иностранные предприятия) начала развиваться еще с конца прошлого века и занимала ко времени образования КНР значительное место во многих крупнейших городах, количественно часто уступая кустарно-ремесленному производству. В машинной же индустрии преобладала капиталистическая форма производственных отношений. Кроме того, особенно в первой половине XX в. заметное развитие получили капиталистические формы в сельском хозяйстве, хотя в последнем преобладали феодальные и полуфеодальные формы эксплуатации крестьян. Представляется возможным в общих чертах определить социально-экономическую структуру Китая до освобождения как полуфеодальную, полуколониальную с преобладанием в фабрично-заводской промышленности и на предприятиях современного транспорта и связи капиталистических форм производственных отношений, с заметным развитием элементов капитализма в деревне. К данному определению основных черт социально-экономического строя дореволюционного Китая следует добавить, что сложная система феодальной, полуколониальной и капиталистической эксплуатации своеобразно переплеталась с деспотическими формами эксплуатации не только феодального, но и дофеодального укладов. Именно с этого низкого уровня социально-экономического развития и начался исторический этап перехода к социализму в Китае в результате победы народной революции.

Несмотря на технико-экономическую и культурную отсталость страны, пестроту и сложность социально-экономической структуры, в Китае к моменту освобождения имелись все условия для свершения социалистической революции и постепенного перехода к социализму. Однако по объективным условиям Китаю требовался более длитель-

ный переходный период по сравнению с СССР и некоторыми другими социалистическими странами. «Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные»¹. К концу восстановительного периода, когда по основным народнохозяйственным показателям был достигнут максимальный уровень до освобождения, Китай производил на душу населения зерна 264 кг против 540 кг, стали — 2,3 кг против 27 кг, нефти — 0,7 кг² против 65 кг³ в России в 1913 году и т. д. За истекшие четверть века производство в основных отраслях экономики, прежде всего в промышленности, возросло в несколько раз, тем не менее Китай продолжает и сегодня оставаться отсталой в экономическом отношении страной. В стране производится национального дохода на душу населения в тридцать раз меньше, чем в США, в десять раз меньше, чем в Японии, в пять раз меньше, чем в Турции, в два раза меньше, чем в Алжирской Народной Демократической Республике и т. д.

Одним из важнейших мероприятий в становлении социалистического экономического базиса в КНР явилась национализация. Национализация значительной части средств производства осуществлялась в период, когда в стране не успела сложиться общенациональная система производительных сил. В условиях Китая в процессе созревания антагонизма между трудом и капиталом (национальным и иностранным) задача национализации была решена в сравнительно короткие сроки, в то время как решение задач налаживания и организации общественного производства в общегосударственном масштабе, привлечения трудящихся к управлению встретилось с трудностями как объективного (чрезвычайно слабое развитие машинной индустрии, абсолютное преобладание в производстве ручного труда, раздробленность и экономическая разобщенность хозяйств, преобладание в промышленности предприятий мануфактурного и кустарного типа и т. д.), так и субъективного (наличие в руководстве КПК мелкобуржуазно-националистических тенденций, отсутствие опыта в управлении крупным хозяйством и т. д.) характера.

Наиболее быстрый и осязаемый эффект дала национализация в тех районах (например, Северо-Восток) и тех отраслях (тяжелая промышленность, железнодорожный транспорт, банки), где была значительная степень концентрации труда и капитала, и решающей силой явились непосредственная помощь СССР и его опыт строительства социализма.

В первые восемь лет после провозглашения КНР в результате активной деятельности широких народных масс под руководством КПК и тесного сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами в Китае постепенно складываются основы социалистических производственных отношений. Материальной основой нового, зарождающегося социалистического базиса явились обобществленные в общегосударственном масштабе средства производства в сфере производства и обращения. Постепенно создавались условия для действия

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36, стр. 5—6.

² «Развитие экономики стран народной демократии Европы и Азии (Статистический сборник)». М., 1961, стр. 252, 253, 260.

³ «Народное хозяйство СССР. 1922—1972». Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972, стр. 78.

объективных экономических законов, и прежде всего основного экономического закона социализма.

Утверждению социалистических основ в экономическом базисе и надстройке в КНР активно способствовали успехи международного рабочего класса и национально-освободительного движения. Плодотворно развивались интернациональные связи китайского рабочего класса и КПК с международным коммунистическим и рабочим движением, завоевывался авторитет рабочего класса Китая как на международной арене, так и внутри страны.

Важнейшим фактором, определившим в первые восемь лет выбор социалистического пути развития Китая, явилась помощь Советского Союза, постепенное включение Китая в международное социалистическое разделение труда, отрыв страны от международного капиталистического рынка. «Действующие извне исторические влияния»⁴ вместе с благоприятными внутренними условиями сыграли решающую роль в выборе направления в развитии страны и определили социалистический характер индустриализации и способствовали укреплению и развитию социалистических основ в базисе и надстройке.

Со второй половины 50-х годов внутри КПК особенно четко выступают две противоборствующие линии в отношении принципов и методов социалистического строительства. Первая — интернационалистская реалистическая линия части руководства КПК — отражала перспективы постепенного планомерного социалистического строительства с использованием опыта СССР и других социалистических стран в тесном сотрудничестве со странами мировой социалистической системы. Вторая — маоистская субъективистская линия попыток авантюристического забегания вперед, преследующая великоханьские националистические цели, игнорирующая общие интересы стран социалистического содружества.

Интернационалистская линия была выражена и закреплена в таких программных документах, как «Тезисы для изучения и пропаганды генеральной линии партии в переходный период» и «Материалы VIII Всекитайского съезда КПК». Эта линия исходила из реальных условий и особенностей Китая, учитывала преимущества социализма и огромные трудности на пути его построения, вбирала в себя общие закономерности развития мирового социализма, учитывала необходимость сотрудничества с Советским Союзом. Националистическая линия наиболее полно выражена в выступлениях Мао «О кооперировании», «Преодолении противоречий внутри народа» и др. В силу ряда причин Мао внешне смирился с осуществлением генеральной линии. Наряду с этим в КНР все более обнажалась и проявлялась противоположная линия, определяемая субъективными действиями и политикой Мао Цзэ-дуна и его окружения. В результате политической борьбы внутри КПК Мао удалось навязать партии авантюристический националистический курс, противоречащий коренным интересам социалистического строительства в Китае, интересам трудящихся масс. «Иден Мао» оформился в идеологическое течение, а власть Мао — в социально-политическое устройство, искусственно возвышающееся над складывающимся социалистическим базисом.

⁴ В третьем томе «Капитала» К. Маркс писал, что «...один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств» (К. Маркс. Капитал. Т. 3. М., 1970, стр. 860).

Формирование нового общественного строя в Китае и изменения в нем на протяжении четвертьвековой истории существования КНР — это сложный, порою противоречивый процесс становления нового способа производства при диалектическом взаимодействии экономического базиса и надстройки в конкретных меняющихся условиях как внутри страны, так и на международной арене. Сложность и противоречивость процесса становления непосредственно связаны с чрезвычайной экономической, политической и культурной отсталостью страны, с архаичностью социальной структуры страны к моменту победы народной революции.

Внутренняя и внешняя политика КНР на различных этапах как явления надстроечного порядка всегда играли и играют активную роль, позитивную или негативную с точки зрения исторического прогресса, в изменениях экономического базиса. Причем в конкретных условиях в определенных периоды надстроечные явления и процессы имели определяющее влияние на ход и формы исторической борьбы в Китае, хотя в целом в прогрессивном развитии китайского общества определяющим моментом в конечном счете продолжает оставаться способ производства и воспроизводства действительной жизни⁵.

Анализ международных и внутренних обстоятельств позволяет сделать вывод о том, что с победой народной революции Китай вступил в историческую эпоху перехода к социалистическому обществу от полукOLONИАЛЬНОГО, полуфеодалного общества.

В результате экономических, социальных и политических потрясений так называемого «большого скачка», создания и эволюции народных коммун, «культурной революции», проведения маоистским руководством антисоциалистической внутренней и внешней политики, поставивших под угрозу социалистические завоевания китайского народа как в базисе, так и в надстройке, возникает необходимость в качественной характеристике социально-экономического строя именно сегодняшнего Китая.

«Большой скачок» в области производства сорвал планомерное созидание материально-технической базы социализма⁶, создание народных коммун существенно подорвало основы кооперативного строя в деревне⁷, «культурная революция» подвергла разрушению демократические институты, несущие в себе социалистические элементы (разгром руководящих партийных органов, разгон конституционных органов власти, профсоюзов, демократических общественных организаций и т. д.)⁸, продолжающаяся уже несколько лет усиленная милитаризация экономики нарушает нормальный процесс общественного воспроизводства (нарушены объективно необходимые пропорции между произ-

⁵ В письме к И. Блох Ф. Энгельс писал: «Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы, классовая борьба и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отраженные во всех этих действительных битвах в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм» (См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. М., стр. 394—395).

⁶ Подробнее см.: З. А. Муромцева. Проблемы индустриализации КНР. М. 1971, стр. 33—64.

⁷ Подробнее см.: Л. А. Волкова. Изменения, социально-экономической структуры китайской деревни. 1949—1970 гг., М., 1972.

⁸ Подробнее см., например: Л. М. Гудошиков. Об особенностях становления современного политического механизма в КНР. — «Проблемы Дальнего Востока» 1973, № 2, стр. 23—33.

водством и потреблением, потреблением и накоплением, производством средств производства и производством средств потребления и т. д.), уводя экономику в сторону от пути социалистической индустриализации страны.

Однако заложенные в первые восемь лет существования КНР социалистические элементы в экономическом базисе (общественные формы собственности на средства производства, неуклонно прокладывающая себе дорогу тенденция к планомерному развитию, осуществление принципа оплаты по труду, социалистические методы хозяйствования и т. д.) не могли быть выкорчеваны ни «большим скачком», ни созданием народных коммун, ни «культурной революцией», ни проведением ныне Пекином антисоциалистической внутренней экономической политики.

Новые для Китая политические, правовые, идеологические и иные институты, которые сложились в первые восемь лет после победы народной революции, также несли в себе социалистические элементы. Именно эти элементы и эти институты в последующий период подверглись наибольшему разрушению. Тем не менее трудно утверждать, что они ликвидированы полностью и безвозвратно.

Оценивая характер сегодняшнего социально-экономического строя Китая, нельзя не учитывать и тот факт, что антисоветский, антисоциалистический курс Мао во внешней политике в конечном счете объективно не может отстранить китайских трудящихся от участия в общем антиимпериалистическом движении, хотя сегодняшний курс пособничества империалистической политике и наносит вред этому движению. Наконец, напряженная и тяжелая борьба, происходящая в настоящее время в КНР, когда сила на стороне антисоциалистической в самой своей сущности группировки Мао, не позволяет скидывать со счетов социалистические тенденции и моменты в социально-экономической действительности сегодняшнего Китая, как это делает большинство западных буржуазных специалистов, так как объективно, исторически, пролетарско-социалистические силы и тенденции Китая неодолимы; субъективно, судя по известным фактам, в стране существует широкое, хотя часто и скрытое, недовольство маоистской политикой среди рабочих и крестьян, интеллигенции, части партийных и военных кадров. Свидетельством наличия в стране широкого недовольства проводимой руководством политики является и проводимая в настоящее время массовая кампания «критики Конфуция и Линь Бяо». Все это говорит о том, что ростки социализма как в базисе, так и в надстройке, возвращенные в первые годы народной власти, не утрачены, и возможность возврата на путь последовательного строительства социализма в стране не исключена. В целом, на наш взгляд, нынешняя сложная социально-экономическая ситуация в КНР говорит о том, что страна находится на этапе переходного периода, где важнейшей, но не единственной тенденцией является социалистическая.

К моменту начала «культурной революции» социально-экономический строй можно характеризовать как переходный к социализму, хотя и потрясенный «большим скачком» и созданием народных коммун. В результате периода «урегулирования», когда было восстановлено производство, осуществлен частичный возврат к социалистическим принципам и методам хозяйствования, в стране объективно были созданы возможности вновь встать на путь последовательного планомерного социалистического строительства, учитывать в практике проверенные опыты многих стран экономические закономерности строительства социализма, восстановить долгосрочное планирование, расширить эко-

номическое сотрудничество с социалистическими странами и т. п. Эти возможности были сорваны «культурной революцией».

«Культурная революция» не создала и не могла создать нового особого способа производства, а следовательно, и нового экономического базиса. Народное хозяйство страны по-прежнему основывается на господстве двух основных форм собственности на средства производства — государственной и коллективной (групповой).

Однако в результате активного проведения антисоциалистической внутренней и внешней политики социалистические элементы экономического базиса, заложенные в период первых восьми лет существования КНР, подвергались определенным изменениям. Сущность изменений состоит в подрыве социалистических экономических основ КНР. Главной причиной этих изменений, определившей ее антисоциалистический характер, явились реакционные изменения в надстройке в результате политического переворота и утверждения у власти национал-шовинистической группы, а также проводимая последней экономическая политика. Подчеркивая различную роль надстройки по отношению к базису, Ф. Энгельс писал, что «...действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении — тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития — тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится, в конце концов, к одному из предыдущих. Однако ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве»⁹. Именно второй и третий случаи прямо относятся к КНР. Имеется в виду прежде всего политика «большого скачка» 1958—1960 гг. и «культурная революция».

Такие изменения в надстройке, как разгром парткомов, ликвидация конституционных органов власти и утверждение личной власти Мао с помощью армии, установление жесткого военного контроля над производственной, политической и культурной жизнью народа, устранение рабочих и крестьян от участия в политической жизни и т. д., существенно изменили характер политической власти, придав ей явно антисоциалистический, реакционный характер. Последнее же в свою очередь определило характер и направление изменений в экономическом базисе.

Воздействие маоистской политической надстройки на экономический базис усиливается, во-первых, наличием в руках маоистов огромного аппарата принуждения, позволяющего в значительной степени контролировать производство и в полупринудительном порядке, дополнительно (кроме установленного законом) изымать в централизованный фонд государства прибавочный продукт, а часто и часть необходимого продукта (например, дополнительные закупки, создание так называемого «резерва на случай войны и голода» и т. п.); во-вторых, из-за незрелости самих социалистических производственных отношений.

Само по себе всемерное укрепление обороноспособности никак не говорит о милитаризации страны. Однако в условиях мирного времени, отсутствия угрозы военного нападения «перевод экономики на военные

⁹ Ф. Энгельс. Письмо К. Шмидту от 27 октября 1890 г. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. М., стр. 417.

рельсы», чрезмерное разбухание расходов на военные нужды¹⁰ оказывают серьезное влияние на всю общественную жизнь в стране. Кроме того, при нагнетании в Китае психоза мнимой «военной угрозы с Севера», создание военизированных форм организации населения (ополчения), рытье окопов, военный контроль над различными сторонами жизни населения и т. п., а также то, что усилия армии главным образом направлены во внутрь, а не вовне, — все это оказывает существенное влияние на экономические и социальные процессы в стране.

На состояние и перспективы социально-экономического развития КНР непосредственное влияние оказывает милитаризация общественной жизни в стране. Избыток безобъективной необходимости из народного хозяйства более значительные материальные и финансовые средства, наиболее квалифицированные кадры на военные нужды, китайское руководство сужает базу расширенного воспроизводства, что неизбежно в конечном счете ведет к замедлению темпов экономического роста. Милитаризация экономики вызывает неблагоприятные изменения в структуре народного хозяйства. Следствием этого является обострение народнохозяйственных и межотраслевых диспропорций.

В промышленности КНР оказались искусственно противопоставленными друг другу два сектора — военный и гражданский. Первый сектор охватывает по преимуществу крупные и средние предприятия, у которых сравнительно высокий для Китая технический уровень. Руководство этих предприятий строго централизовано и находится под контролем армии. В результате на значительной части промышленных предприятий преобладают военно-административные методы хозяйствования. Финансируются эти предприятия в большей части государством. Труд работников, занятых в военной промышленности, оплачивается по повышенным ставкам.

Гражданский сектор промышленности, выпускающий средства производства для сельского хозяйства и невоенных отраслей промышленности, а также предметы широкого потребления, включает преимущественно технически плохо оснащенные мелкие и средние предприятия, руководство которыми, как правило, децентрализовано. Предприятия гражданского сектора создаются и функционируют в основном в соответствии с принципом «опоры на собственные силы», то есть за счет местных ресурсов. Уровень квалификации производственного персонала очень низкий. В этих условиях гражданский сектор промышленности преднамеренно обрекают на отсталость. Итак, двусекторная экономика преобразуется в совокупность своеобразных, искусственных формирований, изолированных социально-экономических ячеек и хозяйственных комплексов.

Курс на всемерную подготовку к войне препятствует рациональному размещению производства на территории страны. С одной стороны, стратегические соображения при решении вопроса о размещении новых предприятий зачастую противоречат экономическим требованиям, а с другой — гонка вооружений заставляет китайских руководителей приносить в жертву интересы экономического развития ради скорейшего получения необходимых средств. В результате в последние годы стала особенно явственно проявляться тенденция к увеличению удельного веса в валовой продукции страны старых промышленных центров, таких, например, как Шанхай и Тяньцзинь. Препятствием на пути рационального размещения производства является политика соз-

¹⁰ Имеются сведения, что в 1973 г. около 40% государственных ассигнований приходилось на военные нужды (в 1958 г. на оборону расходовалось 12% бюджетных ассигнований).

дания самообеспечивающихся комплексов, которая тормозит развитие общественного разделения труда, специализацию и кооперирование производства. Милитаризация придает развитию науки и техники одностороннюю военную направленность. Тем самым технические достижения в Китае перестают служить целям социального прогресса.

Милитаризация страны разрушающе действует на экономический базис общества, подрывая сложившуюся на основе общественной собственности систему отношений как в области производства, так и в области распределения, обмена и потребления.

Существование военно-бюрократического режима лишь до поры до времени может быть совместимо с сохранением внешне социалистических форм собственности на средства производства. В конечном счете либо сегодняшняя социально-политическая организация Китая должна претерпеть коренные изменения в сторону социализма, либо государственная собственность вырождается в своеобразные формы государственно-бюрократического капитала, эксплуатирующего в своих целях трудящиеся массы. Форма общественного присвоения постепенно превращается в канал перекачки средств в сферу военно-промышленного комплекса.

В результате проводимой сегодня Пекином антисоциалистической внутренней и внешней политики происходят частичные изменения в характере общественных форм собственности на средства производства. Государственная форма собственности постепенно утрачивает элементы общенародной собственности, поскольку в условиях военно-бюрократического режима и милитаризации страны она перестает непосредственно служить экономическим и прочим интересам широких трудящихся масс; распределение результатов труда в государственном секторе подчинено не целям улучшения условий труда и повышения уровня жизни работников, а используется правящей военно-бюрократической элитой главным образом в своих эгоистических, политических и идеологических интересах. В результате объективно происходит процесс отчуждения непосредственных производителей от общественной собственности на средства производства, утрачиваются элементы непосредственно общественного, социалистического характера труда. Государственные средства производства начинают противостоять работнику как нечто чуждое ему. В этих условиях пекинское руководство вынуждено прибегать к военно-административным мерам принуждения к труду, а, следовательно, сам труд принимает в определенной степени принудительный характер. Аналогичный процесс отчуждения непосредственного работника от общественных средств производства и изменения характера труда происходит, хотя и в меньшей степени, и в сельском хозяйстве, о чем, например, свидетельствует рост доли доходов личного хозяйства в общих доходах крестьянской семьи.

Государственные и кооперативные средства производства постепенно утрачивают свои сущностные, социалистические черты, они лишь формально обобществлены, а на деле «огосударствлены» государством военно-бюрократической диктатуры и используются руководством в своих эгоистических целях. Общественный характер собственности деформируется или вытесняется не только в процессе искажения цели производства, но и под влиянием заметных регрессивных тенденций в характере общественного труда, системы управления и способа распределения.

Настойчиво проводимая политика «опоры на собственные силы» в плане социальном означает распыление социально-экономической структуры, неестественное расчленение единых экономических воспроизводственных процессов ведет к замене непосредственно обществен-

ного труда сотен миллионов крестьян и рабочих к групповым, замкнутым трудовым процессам, основанным на мелких, индивидуальных орудиях труда, примитивной технологии, на господстве неквалифицированного тяжелого мускульного труда. Исключение составляет военно-промышленный современный сектор, включающий крупные предприятия промышленности, транспорта, связи и материально-технического снабжения, обслуживания, где производство ведется на сугубо централизованных, плановых началах. Расширенное воспроизводство в этом секторе возможно лишь при наличии перекачки средств из гражданского сектора, где с трудом осуществляется простое воспроизводство. Оптимизация всего народного хозяйства осуществляется по критерию всемерного наращивания военной мощи. Дальнейшее обособление и отпочкование узкого «казенного» сектора производства от громадного потенциала прочих отраслей явится не только причиной снижения темпов воспроизводства, но и глубокими социальными конфликтами.

Способ распределения в КНР претерпел серьезные изменения. С установлением государственной и кооперативной собственности в стране важной формой распределения было распределение по труду. Наиболее последовательно и широко оно осуществлялось в государственном секторе промышленности, на железнодорожном транспорте. Однако в целом по стране господствующим принципом распределения было обеспечение прожиточного минимума всему населению, что являлось значительным прогрессом по сравнению с периодом гоминьдановского господства и было оценено большей частью крестьянства и немущими слоями городского населения. С целью гарантированного распределения ограниченных ресурсов питания и одежды в стране было введено нормирование на товары первой необходимости. Введенное в 1954 г., оно вот уже на протяжении 20 лет охватывает, по существу, все слои города и деревни. Нормы на продукты питания, одежду и обувь и некоторые другие товары за этот период практически не изменились, а в отдельные периоды (особенно в 1961—1962 гг.) значительно снижались. Рационализация учитывает самые необходимые, ближайшие интересы потребителя, ограждает его от последствий острой нехватки ресурсов существования. В этих условиях маонисты держат огромную массу населения на «дисциплине голода». Претворяется принцип Бакунина и Нечаева: «...много работать, с тем чтобы мало потреблять!»¹¹. Уравнительное снабжение производится по затратам простого физического труда и не учитывает его сложности. Квалифицированный труд, как правило, вознаграждается меньшими пайками, чем физический труд с большими энергетическими затратами. Уравнительная система распределения по талонам (пайкам) не учитывает разнообразия индивидуальных потребностей, унифицирует их на низком уровне. В исключительных условиях, при остром дефиците жизненных благ, уравнительное распределение может служить лишь выходом из тяжелого положения, быть вынужденной необходимостью и временной мерой. Простое возмещение затрат рабочей силы не служит средством подъема и стимулирования производства. Система распределения в КНР не играет активной стимулирующей роли в развитии производства и подъеме производительности труда. Между тем маонизм все более ощутимо использует и приспособливает существующую систему нормирования для сдерживания общего уровня потребления с тем, чтобы прежде всего обеспечивать нужды маонистского государства и накоплений «на случай войны, на случай стихийных бедствий». Существующий в Китае способ распределения отражает нигилистическое отношение

¹¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 18. М., стр. 415.

Мао к учету материальных интересов трудящихся. Материальные интересы Мао ассоциируются с капитализмом или с реставрацией капитализма, «обуржуазиванием». В «Заметках об учебнике "Политическая экономия"» он пишет, что «личная заинтересованность есть проявление экономизма в условиях социализма», а в другом месте утверждает, что «выпячивание (авторами учебника) материальной заинтересованности не что иное, как близорукий индивидуализм».

Для Мао при социализме существуют лишь идеальные интересы, а экономические интересы как главную движущую силу общества он не признает. Такой субъективный, идеалистический и эгалитаристский подход противоречит марксистско-ленинской экономической теории, самой экономической жизни Китая. В стране постоянно проявляются тенденции к возрождению принципа распределения по труду и возврат к материальным стимулам¹².

Деформация экономического базиса находит выражение и в подрыве основы системы социалистического планирования народного хозяйства, заложенной в период первой пятилетки. Пекинское руководство фактически не признает экономического закона планомерного пропорционального развития социалистической экономики. С момента «культурной революции» в стране отсутствует цельная система планового руководства всем народным хозяйством. Несмотря на то что в последнее время в китайской печати много говорят о выполнении и перевыполнении месячных, квартальных, годовых и даже пятилетних планов, в условиях широкой пропаганды принципа «самообеспечения» и повсеместного насаждения в промышленности и сельском хозяйстве предприятий по типу дачинских нефтепромыслов и дачжайской производственной бригады, очевидно, нельзя говорить сегодня о наличии какой-либо целостной государственной системы планирования. Однако несомненно, что военные предприятия и непосредственно связанные с ними крупные промышленные предприятия находятся под эффективным плановым контролем со стороны государства.

Экономическая политика, проводившаяся в Китае в годы «урегулирования», была отвергнута в период «культурной революции» без замены ее какой-либо новой экономической программой. Ни на XII пленуме ЦК КПК в 1968 г., ни на IX и X съездах КПК не поднимались вопросы экономического развития страны, не обсуждались пути и методы решения наиболее острых народнохозяйственных задач, стоявших перед страной, перспективы ее дальнейшего экономического развития.

Вопросы экономической стратегии являются сегодня предметом споров в пекинском руководстве. Стране объективно требуется сколько-нибудь обоснованная программа экономического строительства, которая могла бы мобилизовать народ на ее выполнение. Несомненно, определенная программа всемерного наращивания военно-промышленного потенциала (пусть недостаточно научно разработанная) в интересах достижения гегемонистских целей существует, однако сегодняшние китайские руководители не смеют ее обнародовать, поскольку

¹² В передовой статье 1 января 1972 г. «Жэньминь жибао» писала, что во многих районах, где по-настоящему следовали принципу распределения по труду, возросли трудовая активность и производство. В брошюре «Два типа общества, два типа заработной платы» авторы пишут: «Только осуществление принципа распределения по труду... может быть понято и принято широкими массами трудящихся... Полная уравнительность и идеи равенства при социализме не имеют ничего общего (Шанхай, 1973, стр. 32). Подобные высказывания свидетельствуют о постоянной борьбе двух линий в экономической политике и о проявлении объективных социалистических тенденций даже в железных тисках маоистской диктатуры.

понимают, что это вызовет не только недовольство подавляющего большинства населения внутри страны, но и резкое осуждение со стороны мирового общественного мнения. Поэтому осуществление программы наращивания военно-промышленного потенциала проводится замаскированно от своего народа и от мирового общественного мнения, хотя день ото дня истинные цели политики маоистов становятся все более очевидными для большинства людей как внутри страны, так и вне ее.

Тем не менее вопросы общего экономического положения страны, проблемы обеспечения расширенного общественного воспроизводства в стране из года в год будут испытывать всевозрастающее давление на внутреннюю и внешнюю политику сегодняшнего пекинского руководства.

Опыт пролетарских революций показал, что переход от капитализма к социализму совершается на основе общих закономерностей. Исторический опыт вместе с тем показывает, что общие закономерности реализуются по-разному, в зависимости от конкретных национальных особенностей, ибо механическое перенесение опыта одних стран в другие без учета их особенностей может принести вред строительству социализма. Однако преувеличение национальной специфики, особенностей той или иной страны, выпячивание «особых черт» того или иного пути к социализму является в корне антимарксистским. Именно этой застарелой болезнью «национального коммунизма» страдают маоисты. Маоизм сознательно перечеркивает весь интернациональный опыт социалистического строительства, считая его непригодным к условиям Китая. На деле игнорирование коллективного опыта братских партий понадобилось ему для дискредитации прежде всего богатейшего опыта строительства и огромного международного авторитета КПСС. Ради этого Мао пошел на ревизию и полный отказ от всех общих закономерностей строительства социализма.

Прежде всего в условиях маоистского государства утрачена ведущая роль рабочего класса в осуществлении задач социалистической революции. Отлучение рабочего класса происходит наиболее интенсивно в периоды генеральных наступлений маоизма на социалистические основы, как то было, к примеру, в периоды «большого скачка», «культурной революции». В современном Китае подорван классовый союз рабочих с основной массой крестьянства. Пытаясь объединить «весь народ» вокруг реализации общенациональной задачи — скорейшего создания «мощного процветающего великого Китая», — маоисты объединили классовые интересы рабочего класса и крестьянства, противопоставили «общегосударственный интерес» маоистского государства интересам союза рабочих и крестьян. Она не реализуется ни на военно-политической основе, ни на экономической основе. В политической области маоисты заигрывают с крестьянством (с его наиболее отсталой, обездоленной частью), противопоставляя его рабочему классу, ставя его выше рабочего класса по «степени революционности». На деле город обособляется от деревни, рабочий класс — от крестьянства. Экономический обмен между городом и деревней носит аритмичный характер, осуществляется в незначительных объемах. Город и деревня призываются к еще более ожесточенной классовой борьбе, за искоренение «контрреволюционной нечисти». Социальные антагонизмы возникают между городом и деревней ввиду бессистемной массовой переброски то сельских жителей в города (в период «большого скачка»), то городских жителей на постоянное жительство в деревню (на фазе «урегулирования», во время и после «культурной революции»).

Не осуществляются в условиях КНР и такие закономерности, как окончательная ликвидация остатков капиталистической собственности и постепенное преобразование сельского хозяйства. До сих пор капиталистическая собственность на средства производства реализуется бывшими собственниками в форме выплаты фиксированных процентов причем выплата продолжается, хотя сумма ее уже значительно превысила первоначальную стоимость переданного государству капитала.

Социально-экономические процессы в китайской деревне лишены характера последовательного и постепенного восхождения к социализму. Маонизму в целом присущи авантюризм и пренебрежение объективными условиями, однако в наиболее однозной форме это проявляется в экспериментах в области преобразований в деревне. Форсированное кооперирование в годы первой пятилетки, когда крестьян призывали к перескакиванию от первичных форм кооперации к высшим, принудительное создание огромных «народных коммун» в 1958 г. с обязательным обобществлением не только всех средств производства, но и предметов потребления, модификация социально-экономической ячейки в китайской деревне типа производственной бригады «Дачжай», построенной по принципу, «давая государству зерно, ничего не брать у него взамен», — эти основные этапы и формы преобразований китайской деревни целиком и полностью отрицают принципы и сущность ленинского кооперативного плана.

В обстановке всеобщего распространения государственной и кооперативной собственности в Китае возникли условия для действия новых объективных экономических законов, и прежде всего для действия основного экономического закона социализма. На VIII съезде КПК (сентябрь 1956 г.) отмечалось, что удовлетворение материальных и духовных потребностей народа является наиболее важной задачей китайских коммунистов. По проекту второго пятилетнего плана (1958—1962 гг.) был намечен ряд мероприятий по повышению материального и культурного уровня народа. Отмечалось при этом, что «постепенное улучшение жизни рабочих и служащих на основе развития производства играет важную роль в повышении активности широких масс рабочих и служащих»¹³. Однако начиная с политики «большого скачка» эти правильные научные положения и мероприятия были отброшены всей экономической практикой маоизма.

Главной чертой коммунизма маоистами ныне объявляется не изобилие материальных и духовных благ, а «полная ликвидация классов и классовых различий». В крайнее противоречие вступила экономическая политика маоизма с основным экономическим законом в период «культурной революции». В брошюре «Сто преступлений Чэнь Юня против идей Мао Цзэ-дуна» сформулировано отношение маоистов к требованиям этого закона. «Важнейшей целью революции является уничтожение классов и классовой борьбы во всем мире, а отнюдь не улучшение жизни личности». Всякие попытки местных руководителей предприятий и учреждений к повышению доходов рабочих и служащих рассматриваются как ревизионизм, контрреволюция. Отмена премиальной системы, создание многочисленного слоя «учеников», «и рабочих и крестьян», упразднение многих социальных льгот рабочему классу сочетались с пропагандистскими кампаниями, в ходе которых материальное стимулирование рассматривалось как «тонкий нож, убивающий без крови».

В процессе деформации политического строя маонизма изменилась цель производства. Если раньше Мао утверждал, что «цель социали-

¹³ «Материалы VIII Всекитайского съезда КПК». М., 1957, стр. 35.

стической революции состоит в высвобождении производительных сил... А это создаст социальные условия для мощного развития промышленного и сельскохозяйственного производства», то в настоящее время цель производства в Китае формулируется применительно к быстрейшему созданию военно-промышленного комплекса и все средства должны мобилизоваться прежде всего для решения этой задачи.

Маонизм не имеет сколь-нибудь прочной социальной и классовой опоры в подавляющей части рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Он не выражает коренных интересов широчайших масс трудящихся. Можно говорить лишь об условиях существования маонизма, о социальной почве, на которой он вырос и развивается, о неблагоприятных факторах, которые маонисты обращают в свою пользу.

Политическая диктатура узкой правящей верхушки в отношении всех классов и слоев населения страны, использующей политическую пассивность и придавленность масс, а также экономическая диктатура, дисциплина голода, своеобразный «экономический терроризм», использующий бедность и несносные условия существования громадного большинства крестьянства в качестве «пугала и дубины» для остальной части населения, угроза низведения любого трудящегося до положения «бедняка и середняка» используются для организации принудительного труда и изъятий.

К числу необходимых объективных условий, в которых формируется социально-экономический строй современного Китая, относится огромное народонаселение и высокие темпы его роста. В наследство от старого Китая народной власти досталась аграрная, по преимуществу отсталая по социальной структуре и безкультурная огромная масса населения, где постоянно существовала армия безработных и расширялось аграрное перенаселение.

В первые годы после победы народной революции условия для воспроизводства населения заметно улучшились: значительно снизилась смертность, и особенно детская смертность (в результате налаживания общегосударственной системы здравоохранения), и поддерживалась на традиционно высоком уровне рождаемость (как результат существенного понижения брачного возраста и улучшения общих условий вступления в брак). Ежегодный темп прироста населения возрос до 2%.

В условиях социализма общественное устройство оказывает коренное и решающее воздействие на характер и структуру воспроизводства населения. Эта активная роль проявляется прежде всего через характер развития производительных сил и научно обоснованную экономическую политику. Решающую роль при этом играют такие процессы, как обеспечение работой всего трудоспособного населения, последовательная и широкая индустриализация, сопровождающаяся значительным ростом рядов рабочего класса и урбанизацией страны, а также подъем общеобразовательного и профессионального уровня трудящихся.

При отсутствии цельной экономической стратегии, при нерешенности многих кардинальных социально-экономических задач ослабляется воздействие общественных условий на воспроизводство населения. Более того, быстрый рост населения оказывает все большее влияние на ход экономического развития, затрудняя расширенное воспроизводство материальных благ и воспроизводство производственных отношений. В этих условиях сама по себе масштабность населения Китая и быстрые темпы его роста являют собой как бы неотвратимое бедствие, фатальную угрозу будущему страны и мира. Между тем своевременная и правильная реакция руководства КНР на наличие огромного

народонаселения требовала всестороннего учета фактора живого труда и оптимального использования его в экономике. Однако маоисты и в этом вопросе проявили недальновидность и крайнюю непоследовательность. На протяжении первых 10 лет после образования КНР они пытались одним махом, кампаниями, административными мерами решить проблемы безработицы и аграрного перенаселения. Мао пытался представить огромное население лишь как благоприятный, активный фактор в развитии экономики («большое население — это хорошо»). Экономические ресурсы распределялись без учета необходимости создания дополнительных рабочих мест. В городах лишь одна женщина из десяти имела возможность участвовать в общественном производстве.

Второе десятилетие, особенно с 1961 г., характеризовалось резким пересмотром маоистской концепции народонаселения в целом. Запоздывая с позитивным решением проблем народонаселения, маоисты стали на путь принудительного воздействия на мотивы деторождения среди китайского народа, склоняя и принуждая их к отсрочке вступления в брак и ограничения числа детей в семье 1—2 детьми. При этом применяется «активная» демографическая политика, состоящая во введении нового официального брачного возраста (25 лет для женщин и 28 лет для мужчин), в составлении индивидуальных планов рождения первого ребенка и последующих детей с разрешения местных партийных и административных органов, агитации за массовые операции по стерилизации и прочих мер по ограничению деторождения.

Эффект от подобной негуманной демографической политики крайне ограничен, так как Китаю в настоящее время и в ближайшие десятилетия необходимо обеспечивать жизненными средствами и работой уже существующее население.

Маоисты прибегают к методам массового использования изнурительного физического труда, который при хроническом недопотреблении укорачивает продолжительность трудовой жизни китайских трудящихся, приводит к преждевременной снашиваемости сотен миллионов человек. Ускорение «оборота» трудовых поколений в Китае, то есть высокой смертности и короткой продолжительности жизни, как метод разрешения проблемы огромного населения и преодоление экономической отсталости является глубоко антинародным и антигуманным, принципиально противоположным социалистическим идеалам. Постоянно «экономя» на затратах на воспроизводство рабочей силы, маоисты поставили целью извлечь «пользу» из беды Китая. Экономическая политика руководства КНР свидетельствует о том, что маоисты пытаются достичь экономического эффекта не расширенным воспроизводством сильных и долговечных поколений, а, говоря словами Маркса, «при быстрой смене хилых и недолговечных поколений»¹⁴. Очевидно, что этот путь чреват серьезными социальными конфликтами в китайском обществе и обрекает маоистский режим на глубокий кризис.

Китай и Соединенные Штаты: мотивы и характер сближения

*Б. Н. Занегин,
кандидат исторических наук*

Отношения между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами на современном этапе представляют собой сложное и противоречивое явление. Их сравнительно быстрое развитие происходит на фоне положительных сдвигов на мировой арене. Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве, «Главной тенденцией в развитии современных международных отношений является происходящий поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности, от военной конфронтации к упрочению безопасности, к мирному сотрудничеству»¹.

В условиях изменения соотношения сил на мировой арене в пользу социализма две группы факторов определили возможность практической реализации принципов мирного сосуществования во взаимоотношениях между государствами с различным социально-политическим строем. Это — успешное осуществление Программы мира, намеченной XXIV съездом КПСС, активная внешняя политика советского государства, рост международного влияния социалистического содружества. И с другой стороны — признание правительствами крупнейших капиталистических стран новых международных реальностей, и прежде всего бесперспективности и «нерентабельности» политики с позиций силы, попытки реалистически мыслящих политических деятелей найти новые, конструктивные основы взаимоотношений с социалистическим миром.

Принципы мирного сосуществования, которые еще недавно третировались некоторыми западными политиками как «советская пропаганда», получают все более широкое признание. В процессе развития взаимоотношений между социалистическими и капиталистическими странами эти принципы насыщаются все более конкретным содержанием и постепенно приобретают значение общепринятых норм международной жизни.

Под воздействием комплекса объективных факторов этот позитивный процесс создания новой атмосферы международных отношений, несмотря на возникающие время от времени осложнения и трудности, расширяется и углубляется. Он охватывает все новые международные проблемы и вовлекает в свою орбиту одно за другим правительства различных по своей социальной природе государств.

В этих условиях происходящее между КНР и США сближение, которое обе стороны именуют нормализацией отношений, как бы укладывается в генеральную тенденцию развития мировой политики.

¹ «Правда», 27.X.1973.

Известно, что после победы народной революции в Китае и образования в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики Соединенные Штаты распространили на отношения с новым социалистическим государством политику «сдерживания коммунизма». В обстановке «холодной войны», навязанной миру империализмом, между КНР и США сложилось состояние острой военно-политической конфронтации, которая в течение длительного времени отравляла международную обстановку на Дальнем Востоке.

Советское правительство, выступающее за оздоровление международного положения, неизменно поддерживало нормализацию китайско-американских отношений, коль скоро она могла происходить на основе принципов мирного сосуществования и таким образом непременно должна способствовать созданию благоприятных условий для социалистического строительства в Китае и развитию мирового революционного процесса в целом. Этот критерий для оценки характера и тенденций происходящего сейчас сближения между КНР и США является основополагающим. Анализируя исторические последствия победы социалистической революции в России, В. И. Ленин неоднократно обращался к мысли о том, что в основе современного мирового развития лежат противоречия между социализмом и капитализмом. «...Взаимные отношения народов, вся мировая система государств,— указывал В. И. Ленин,— определяются борьбой небольшой группы империалистских наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия. Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национального или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира. Только исходя из этой точки зрения, политические вопросы могут быть правильно поставлены и разрешены коммунистическими партиями как в цивилизованных, так и в отсталых странах»².

Естественно, что такое важное явление современной международной жизни, как отношения между двумя крупными государствами — Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки. — принадлежащими к тому же к разным социальным системам, не может быть понято и объяснено без учета этого ленинского указания.

В связи с этим первое, с чем сталкиваешься при анализе развития новых тенденций в китайско-американских отношениях, — это то обстоятельство, что поиски путей сближения с Соединенными Штатами сочетались и сочетаются в политике пекинского режима с углублением антисоветского, а в более широком плане антисоциалистического курса, с сопротивлением разрядке международной напряженности и всем позитивным сдвигам во внешнеполитической области.

С другой стороны, выявляется, что для Соединенных Штатов переход к новым отношениям с КНР прежде всего обусловлен вступлением руководства КНР с начала 60-х годов на путь политической борьбы против Советского Союза и других стран социализма, которое нашло свое наиболее реакционное проявление в военных провокациях на границе с СССР.

Нельзя закрывать глаза также и на тот факт, что отход правительства США от позиций так называемого догматического антикоммунизма и поиски новых, более реалистических основ взаимоотношений с социалистическими странами отражают прежде всего попытки правящих кругов США найти более гибкую тактику защиты интересов американского монополистического капитала в условиях, неблагоприятных для

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41, стр. 242.

них изменений в соотношении сил на международной арене. Не секрет, что лидеры США осуществляют переход к «политике реализма», опираясь на теоретические концепции и внешнеполитическую практику баланса сил, и в связи с этим видят структуру международных отношений в форме конфронтации международных сил. Газета «Балтимор сан» писала в этой связи, что Соединенные Штаты заинтересованы в существовании «сильного, независимого и трудолюбивого» Китая, поскольку это государство является стабилизирующим фактором мирового значения и служит противовесом растущей мощи Советского Союза³.

Этим, по-видимому, обусловлено то обстоятельство, что на текущей стадии отношений с КНР вашингтонская администрация склонна поощрять великодержавно-националистический курс внешней политики пекинского режима. Это верно даже в тех случаях, когда политические маневры правительства КНР прямо направлены на то, чтобы затруднить развитие американо-советских отношений и воспрепятствовать международной разрядке, в значительной мере обусловленной американо-советской нормализацией.

В связи со сказанным возникает вопрос о мотивах, возможных пределах и последствиях американо-китайского сближения. Этот вопрос тем более уместен, что истинные намерения сторон по тем или иным причинам маскируются завесой пропаганды. Как показало развитие событий, заявления и декларации китайских и американских лидеров сплошь и рядом оказывались в противоречии с реальным курсом их правительств. Приступив, например, с середины 60-х годов к поискам путей установления новых отношений с Пекином, Вашингтон продолжал вместе с тем третировать КНР как «коммунистическую страну, недостойную международного доверия». Эта двусмысленная политика администрации Джонсона была обусловлена опасениями потерять поддержку ультраправых кругов внутри страны и расшатать систему антикоммунистических союзов в Азии. В то же время Пекин, домогавшийся улучшения своих подорванных антисоветизмом международных и стратегических позиций путем сближения с США, призывал к бескомпромиссной борьбе с американским империализмом и даже к свержению правительства президента Никсона.

Что касается внешнеполитического курса правительства КНР, то он уже в течение десятилетия формируется и направляется мелкобуржуазно-шовинистической группой Мао Цзэ-дуна, подчинившей внешнюю политику страны великодержавным, гегемонистским целям. В течение всего этого времени пекинская дипломатия предпринимала шаги, направленные на усиление американо-советской конфронтации. В расчеты китайских руководителей входило превратить балансирование Советского Союза и Соединенных Штатов на грани ракетно-ядерной войны в перманентный фактор, способствующий стабилизации внешнеполитического и стратегического положения КНР, не располагающей для этого собственными ресурсами. Этот аспект внешней политики правительства КНР получает новые стимулы в развитии отношений с США. Пекинский режим связывает с дальнейшим американо-китайским сближением надежды навязать Соединенным Штатам антисоветскую линию.

События, последовавшие после визита американского президента в КНР, со всей очевидностью показали, что китайские руководители ищут в сближении с Соединенными Штатами прежде всего новых резервов для подкрепления своего жесткого курса в отношении Советского Союза и других социалистических стран.

³ «Baltimore Sun», 13.II.1974.

Столь же очевидно, с другой стороны, что к числу мотивов «политики реализма», проводимой ныне Вашингтоном, принадлежит расчет на то, что конфликт между КНР и Советским Союзом сохранится на длительное время. Видя в Китайской Народной Республике компонент новой геометрии международных отношений, то есть преимущественно объект внешнеполитических манипуляций, лидеры Соединенных Штатов готовы поощрять развертывание антисоветской деятельности пекинского режима в различных районах земного шара, не исключая Соединенные Штаты, игнорируют опасные последствия авантюристического курса правительства КНР на международной арене.

* * *

Поездка президента Р. Никсона в Китайскую Народную Республику в феврале 1972 г. явилась поворотным пунктом в развитии взаимоотношений между правительствами КНР и США. Зафиксировав взаимопонимание по поводу перспектив в отношениях между двумя странами, встреча китайских и американских лидеров положила начало этапу конкретной подготовки к установлению новых американо-китайских отношений.

Обоюдное стремление к сближению, наметившееся к 1969 г., определялось для американской стороны убеждением в готовности китайского правительства выделиться политически из социалистического содружества и стать самостоятельным элементом многополярной структуры международных отношений, что неизбежно включало ту или иную степень конфронтации Советскому Союзу. С другой стороны, для китайского руководства решающими факторами послужили отказ правительства США от политики «сдерживания и изоляции Китая», его готовность сократить (но отнюдь не исключить!) физическое присутствие американских вооруженных сил в зоне интересов КНР и заменить меры военного влияния на ситуацию политическим маневрированием, включающим расчет на КНР как на элемент глобального баланса сил, то есть консервацию его антисоветской позиции.

Американские эксперты подчеркивают, что поворот во взаимоотношениях между США и КНР произошел на почве взаимной выгоды политики баланса сил перед лицом растущей мощи Советского Союза, всего социалистического содружества. В данный момент «Соединенные Штаты и Китайская Народная Республика исходят из нескольких общих весьма широких целей, — пишет профессор Калифорнийского университета Роберт Скалапино. — И та и другая страна стремятся в тихоокеанском районе к военно-политическому равновесию, которое предупредит возможность доминирования здесь любой отдельной державы, поскольку сейчас ни та ни другая не располагают ни волей, ни возможностями играть подобную роль. Итак, в этом пункте оба государства связали себя политикой баланса сил»⁴.

С еще большей определенностью трактует эту проблему Уильям Оверхолт — сотрудник Гудзоновского института и консультант Института стратегии армии США. «Вескую часть мотивов для взаимного сближения, — пишет У. Оверхолт, — составляли опасения обеих сторон Советского Союза. Китай выиграл сближением великую державу в качестве инструмента против Советского Союза, в то время как Соединенные Штаты выиграла в качестве инструмента против Советского

⁴ Robert A. Scalapino. China and the balance of power. — "Foreign Affairs", 1974, January, p. 371.

Союза державу среднего ранга и содействовали крупному передвижению китайских войск из района Тайваньского пролива к русской границе»⁵.

Нельзя не отметить тот факт, что американские стратеги антикоммунизма, как и маоистское руководство, прикрывают свои устремления так называемой угрозой со стороны Советского Союза, хотя всякому непредубежденному наблюдателю очевидно, что Советский Союз никому не угрожает. Больше того, он является инициатором проведения в жизнь таких принципов отношений между странами с различным общественным строем, которые навсегда ликвидировали бы опасность разрушительной термоядерной войны и которые всемерно способствовали бы разрядке международной напряженности.

На основе стремления к «взаимному выигрышу» к моменту поездки президента Никсона в КНР, а также в ходе его переговоров с Мао Цзэ-дуном и Чжоу Энь-лаем 21—28 февраля 1972 г. было достигнуто, например, общее взаимопонимание по поводу необходимости поисков компромисса по основным проблемам (Тайвань, военная интервенция США в Индокитае, восстановление прав КНР в ООН, торговая блокада КНР) и незамедлительного позитивного развития взаимоотношений, не дожидаясь радикального и окончательного решения спорных вопросов. Таким образом, в начале 1972 г. стороны определили основы, характер и желательные темпы развития своих взаимоотношений.

Событием, завершившим подготовительную стадию нормализации американско-китайских отношений, явились переговоры Г. Киссинджера с китайским руководством 15—19 февраля 1973 г. Результаты этих переговоров показали, что стороны действительно пошли на далеко идущие компромиссы и на этой основе готовы к дальнейшему развитию взаимоотношений по широкому кругу вопросов.

Американско-китайские отношения после визита президента Никсона в КНР складывались при заметном влиянии следующих основных факторов.

Значительно сократилось воздействие на отношения между Соединенными Штатами и КНР ситуации на Индокитайском полуострове, в частности в результате политического урегулирования конфликта во Вьетнаме и эвакуации американских войск из южной части страны. Для китайской стороны отвод американских войск из Вьетнама как частный аспект реализации «доктрины Никсона» послужил важным показателем готовности США признавать и практически учитывать великодержавные интересы пекинского правительства в этом районе.

Правда, правительства США и КНР, по-видимому, придерживаются разного, если не противоположного подхода к послевоенному урегулированию в Индокитае. В Вашингтоне, в частности, предпринимаются попытки изобрести новую политическую структуру на полуострове, благоприятную для долгосрочных целей США, которая вряд ли окажется приемлемой для КНР. Американские планы стабилизации положения на полуострове на основе равновесия между местными националистическими силами не могут понравиться Пекину, учитывая его глубокую заинтересованность в сохранении и развитии своего влияния в этом районе.

Тем не менее и Вашингтон и Пекин сочли за благо отложить эти потенциальные противоречия и исключить на время влияние индокитайской проблемы на развитие двусторонних отношений.

⁵ William H. Overholt, President Nixon's trip to China and its consequences.— "Asian Survey". Vol. XIII, 1973, July, № 7, p. 109.

К тому же, учитывая решающую роль националистических стимулов во внешней политике Пекина, нельзя полностью исключить совпадения, хотя бы в тактическом отношении, политических линий КНР и США в Индокитае. События, имевшие место в начале 1974 г. в Южно-Китайском море (односторонняя военная акция военно-морских сил КНР на спорных островах Парасельского архипелага при молчаливом невмешательстве Соединенных Штатов) и в Индийском океане (решение о строительстве крупной американской военной базы на острове Диего-Гарсия при фактическом одобрении правительства КНР), явственно показали, что параллельно с противоречиями существует и совпадение интересов китайских шовинистических и американских экспансионистских кругов. По мнению У. Оверхолта, Соединенные Штаты, проводя политику сближения с КНР, «обеспечили возможное в дальнейшем согласование китайской и американской политики, направленной на блокирование советского и северовьетнамского влияния в Юго-Восточной Азии»⁶.

Со своей стороны за истекший год китайское руководство, остро заинтересованное в скорейшем развитии взаимоотношений с США, приняло энергичные меры по сокращению влияния тайваньской проблемы.

Чжоу Энь-лай в беседах с американцами, посещавшими КНР, и в частности с представителями китайской эмиграции, а также Фу Цзо-и, Ляо Чэнь-жи и другие представители пекинского режима в публичных выступлениях⁷ изложили платформу правительства КНР по этому вопросу, который еще недавно представлялся непреодолимым препятствием на пути американо-китайской нормализации.

По мнению китайского правительства, независимое существование Тайваня невозможно. В случае если США снимут свои гарантии гоминьдановскому режиму, Тайвань неизбежно попадет в зависимость от какой-либо другой крупной державы. В интересах населения острова, которое, по мнению Чжоу Энь-лая, этнически принадлежит к китайцам, вернуть Тайвань под юрисдикцию КНР.

Китайское правительство принимает во внимание, что сепаратное развитие Тайваня в течение более 20 лет привело к глубоким различиям в социально-экономической и политической областях и к значительной разнице в образе и уровне жизни населения с континентальной частью страны. В связи с этим полное присоединение острова к КНР могло бы стать фактом не ранее, чем через 20—30 лет.

Китайское правительство не имеет намерений ускорить этот процесс и использовать для присоединения острова вооруженную силу. Оно предполагает осуществить преобразование социально-экономической и политической системы, существующей на острове, эволюционными методами и на основе, которая обеспечит интересы национальной буржуазии и иностранных вкладчиков капитала в тайваньскую экономику.

Одновременно со стороны правительства КНР последовало предложение тайваньской администрации обсудить вопросы взаимоотношений между ними.

Таким образом, китайское руководство далеко отошло от своей первоначальной бескомпромиссной позиции в тайваньском вопросе. Оно примирилось с продолжением вмешательства США в гражданский конфликт в Китае (то есть с предложением поддержки режима Чан Кай-ши). Оно фактически признало также принцип «двух Китаев», по крайней мере на переходный период 20—30 лет, и этим открыло путь

⁶ William H. Overholt, *op. cit.*, p. 109.

⁷ "New York Times", 2.III.1973.

для субпризнания КНР Соединенными Штатами в форме обмена миссиями связи, наделенными дипломатическими функциями и иммунитетом.

Что касается правительства Соединенных Штатов, то оно лишь в незначительной мере модифицировало свой подход к проблеме Тайваня, подчеркнув этим односторонний, по существу, характер уступок пекинского режима. В заключительное коммюнике по поводу визита президента Никсона в КНР было включено положение о признании Тайваня частью Китая, то есть в двусмысленной формулировке, оставляющей в стороне вопрос о юрисдикции КНР.

Соединенные Штаты признали также вопросы об объединении Тайваня с континентом внутренним делом китайцев, не отказавшись, однако, от военных гарантий гоминьдановскому режиму.

Наконец, правительство США приняло на себя неопределенные обязательства о прогрессирующем сокращении своих, по существу, символических сил и военных сооружений на Тайване по мере «сокращения напряженности в этом районе». В последнее время Соединенные Штаты осуществили отвод некоторых своих контингентов с Тайваня в рамках общей политики сокращения военного присутствия в Азии. Однако создается впечатление, что вашингтонская администрация не спешит с решением тайваньской проблемы, сохраняя ее, в максимально возможном для данных обстоятельств объеме как резервное средство давления на КНР. Об этом свидетельствует тот факт, что в заключительном коммюнике о переговорах Г. Киссинджера с китайским руководством в феврале 1973 г. вопрос об американских войсках на Тайване был опущен.

Анализ позиции американского правительства в целом показывает, что нет каких-либо серьезных признаков того, что США откажутся от гарантий гоминьдановскому режиму и поддержания статус-кво вокруг Тайваня. Слушания об американской политике в отношении Тайваня, проведенные в августе 1973 г. в подкомиссии по делам Дальнего Востока и Тихого океана палаты представителей конгресса США, показали, что влиятельные силы в политической системе США выступают за сохранение американских позиций на Тайване по политическим и стратегическим соображениям⁸.

С начала 70-х годов гоминьдановский режим на Тайване был вынужден приступить к переоценке своего международного положения и поискам внешнеполитического курса, отвечающего изменившейся международной обстановке.

Если на подготовительной стадии американо-китайского сближения (1969—1971 гг.) инициатива исходила со стороны США, то после визита американского президента в КНР положение начало меняться. По мере развития взаимоотношений между двумя странами стало ясно, что активная роль переходит к правительству КНР. В настоящее время именно оно пытается задавать темп процессу урегулирования отношений; китайская дипломатия, сохраняя собственный иммунитет к американской пропаганде, настойчиво стремится добиться от американского общественного мнения поддержки внешнеполитических требований пекинского режима в форме признания «национальных интересов» КНР — наращивание ракетно-ядерного потенциала, территориальные претензии и другие составные части антисоветской линии, а также, как показал инцидент на Парасельских островах, «право» Пекина на свободу действий в его «сфере влияния».

⁸ См.: «Правда», 11.VIII.1973.

В качестве одного из основных средств воздействия на американскую публику в духе, благоприятном для Пекина, китайское руководство использует так называемый научный и культурный обмен с США. На деле в этом обмене отсутствует равенство: китайская сторона определяет, кого из американцев пригласить в КНР и кого из китайцев направить в США. При этом основным критерием для приглашения американцев служит расчет на готовность приглашаемых лиц поддержать платформу китайского руководства в целом или хотя бы в отдельных ее аспектах и распространять в США тезисы пекинской пропаганды.

Все посетители из США независимо от своей специальности подвергаются в КНР интенсивной антисоветской обработке на всех уровнях, включая беседы с Чжоу Энь-лаем. При этом посетителям из США навязываются антисоветские версии о происхождении советско-китайского конфликта, и в особенности о мифической военной угрозе КНР со стороны СССР, поскольку этот тезис в данный момент является центральным в антисоветской пропаганде Пекина⁹.

Пекином используется для воздействия на американскую публику также такой канал, как поездки китайцев в США. Так, во второй половине 1972 г. по советологическим центрам США совершил поездку под видом представителя информационного агентства Синьхуа высокопоставленный чиновник внешнеполитического ведомства КНР Пэн Ди. В процессе ознакомления с направлениями деятельности центров советологии Пэн Ди, по словам принимавших его лиц, старался найти общий, основанный на антисоветизме подход к оценке проблем Советского Союза, и особенно к трактовке китайско-советских отношений.

Наконец, обращает на себя внимание заметная активизация деятельности пропекинских элементов в китайских колониях в американских городах, особенно в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Чикаго. В китайских кварталах этих городов созданы пропагандистские центры пропекинского направления. В Нью-Йорке и Сан-Франциско в течение ряда лет, а в Чикаго с недавнего времени функционируют магазины литературы КНР, которые до сих пор действовали на комиссионных началах и содержались лицами, связанными с левацкими группами в США. Через эти магазины в Соединенных Штатах распространяется большое количество маоистской, преимущественно антисоветской, литературы на китайском и английском языках. До недавнего прошлого в общественно-политической жизни китайских колоний в американских городах доминировали гоминьдановские элементы, поддерживавшие тайваньский режим. К настоящему времени положение начало меняться. Отдельные земляческие и профессиональные организации в китайских кварталах переходят на маоистские позиции. Эти организации финансируют деятельность пропекинских пропагандистских центров в США.

Вместе с тем определилась характерная для текущего момента особенность подхода вашингтонской администрации к проблеме взаимоотношений в КНР.

В Соединенных Штатах среди специалистов по международным отношениям и лиц, близких к внешнеполитическим ведомствам, можно заметить тревогу по поводу достаточно бесцеремонных попыток китайской стороны навязывать правительству США удобные для нее формы взаимоотношений и манипулировать американским общественным мнени-

⁹ См.: A. Doak Baknett. China in Transition. — The Brookings Bulletin, 1973, vol. 10, № 2, p. 6—11; Robert A. Scalapino. China and the balance of power. — "Foreign Affairs", 1974, January, p. 361.

нием, имея особенно в виду получить поддержку своей антисоветской позиции. Существует в определенных кругах также и понимание того, что манипуляции китайцев и либеральное отношение со стороны администрации к этим манипуляциям, имеющим целью повлиять на внешнюю политику США, содержат известный риск для проведения курса нормализации отношений с Советским Союзом.

Американская администрация тем не менее проявляет готовность идти навстречу требованиям КНР дальше, чем предусматривает принцип паритета, не вмешивается в пекинскую и пропекинскую пропаганду в США, затрагивающую интересы Советского Союза. В некоторых случаях внешнеполитический курс США приспосабливается к позициям пекинского режима.

Американская сторона всячески подчеркивает значение своих отношений с КНР, поддерживая, по существу, великодержавные амбиции пекинского руководства. Это проявилось, в частности, в том, что в документах, подводящих итоги внешнеполитической деятельности США за 1972 г., отдается дань великодержавным амбициям Пекина. В них повышенное внимание уделено вопросам установления новых отношений с КНР, которые расцениваются как «появление мирной Азии». Номинально государственный секретарь Роджерс отдал приоритет американо-китайским отношениям, поставив нормализацию отношений между США и КНР на первое место среди внешнеполитических достижений правительства США за 1972 год.

Американское правительство до сих пор избегало определять свою позицию по отношению к советскому предложению о коллективной безопасности в Азии, имея, по-видимому, в виду отрицательное отношение Пекина к этой идее и антисоветскую ее интерпретацию китайским руководством. Не может быть сомнений, у Соединенных Штатов есть свои интересы и свои позиции по проблемам безопасности в Азии. Тем не менее в американской массовой пропаганде и на академическом уровне, а также среди американских дипломатов и чиновников госдепартамента распространена пекинская трактовка советского предложения.

В равной мере стремление американского правительства идти навстречу правительству КНР несколько далее, чем предусматривает принцип паритета, проявилось в двусторонних американо-китайских отношениях.

Обращает на себя внимание прежде всего явное стремление китайской стороны навязать Соединенным Штатам ускоренное развитие взаимоотношений. Более того, можно думать, что китайское руководство не удовлетворено темпами развития китайско-американских отношений. По крайней мере при первой же официальной встрече с главой американской миссии связи послом Брюсом в Пекине ему было заявлено о желательности ускорения процесса нормализации отношений между КНР и США¹⁰.

Между тем для Соединенных Штатов ускорение процесса нормализации и переход к стадии установления политических отношений могут оказаться не очень желательными. Для громоздкой структуры международных отношений США со сложным переплетением взаимозависимостей глобального и локального масштабов преждевременная нормализация политических отношений представляла определенные неудобства, поскольку она могла вызвать нежелательную напряженность в отношениях с союзниками, смещение внешнеполитических приоритетов, а так-

¹⁰ "New York Times", 16.V.1973.

же активизацию оппозиции внутри страны. Тем не менее правительство США сочло возможным и целесообразным пренебречь этими неудобствами и в интересах маневрирования в рамках «треугольной» дипломатии¹¹ принять предложенный китайской стороной темп нормализации отношений.

То же можно сказать не только о темпах развития, но и о существовании взаимоотношений, где инициатива также принадлежит КНР. Так, например, по предложению Пекина стороны обменялись миссиями связи, придав им фактический статус посольства путем распространения на них дипломатического иммунитета и назначения их глав в ранге послов. Несмотря на то что это предложение вряд ли входило в намерения американской стороны на данной стадии развития отношений с КНР, оно было принято и реализовано в сроки, предложенные правительством КНР.

Аналогичная картина наблюдается и на второстепенных уровнях взаимоотношений, что проявляется, например, в подходе американской стороны к научному обмену, к антисоветской пропаганде политической агентуры Пекина в США и в некоторых других областях.

Потворство антисоветской деятельности пропекинских элементов в США проявляется в отношении американских официальных кругов к политическим диверсиям ультраправых сторонников жесткого подхода к Советскому Союзу и поддержки антисоветского курса китайского руководства. Как известно, даже вымысел реакционного американского журналиста Джозефа Олсопа о том, будто Советским правительством в 1969 г. был предпринят дипломатический демарш в поисках поддержки Соединенными Штатами плана нанесения превентивного удара по ядерным установкам КНР, не встретил опровержений или возражений со стороны официальных кругов США и поэтому получил широкое распространение в США как якобы не вызывающий сомнения факт.

Визит Г. Киссинджера в Пекин в феврале 1973 г. и его результаты представляют собой очередной этап в развитии отношений между США и КНР. Переговоры включали две основные группы проблем.

1. Меры по дальнейшей нормализации двусторонних отношений, которым по желанию китайской стороны придается вид далеко идущего сближения.

2. Поиски взаимопонимания по поводу интересов каждой из сторон в основном в связи с изменением ситуации в Юго-Восточной Азии после окончания войны в Индокитае и по более широкому кругу вопросов бассейна Тихого океана (Япония) и общемировой расстановки сил (СССР). Эта вторая группа проблем не получила сколько-нибудь серьезного освещения в официальных сообщениях о переговорах и вызвала наибольшие спекуляции среди специалистов и журналистов.

В области нормализации двусторонних отношений зафиксированы соглашения по вопросам, большинство из которых обсуждалось и было предпринято на предыдущих стадиях развития взаимоотношений; реализация некоторых из них была отложена по разным причинам, и в частности в связи с имевшими место в истекший период рецидивами интервенции США в Индокитае.

Как отмечено выше, договоренность об обмене миссиями связи представляет собой результат стремления китайской стороны ускорить уста-

¹¹ См.: В. П. Лукин, *Американо-китайские отношения: концепции и действительность*. — «США: экономика, политика, идеология», 1972, № 2, стр. 16—19.

новление нормальных дипломатических отношений с США, чтобы расширить таким образом возможности для реализации своей международной роли и получить более эффективное средство воздействия на позицию США. Поскольку миссии обладают дипломатическим иммунитетом, располагают правом использования кодов для переписки и имеют функции представлять соответствующее правительство, обе стороны молчаливо признали, что миссии будут эквивалентом посольств.

На переговорах Киссинджера с Чжоу Энь-лаем достигнута договоренность о взаимном размораживании фондов в США (около 80 млн. долл.) и американских фондов в КНР (около 200 млн. долл.). Значение этой договоренности состоит в том, что она создает благоприятные условия для кредитования КНР экспортно-импортным банком США и американскими корпорациями. Как известно, до недавнего прошлого китайская сторона отклоняла кредиты. Вместе с тем частные фирмы с сомнениями относились к КНР как к торговому партнеру. В настоящее время в связи со значительным ростом масштабов торговли вопрос о кредитовании приобрел важное значение. Китайская сторона сочла целесообразным краткосрочное (18 месяцев) кредитование сделки по зерну и с известными оговорками признала кредитование желательным для дальнейшего развития китайско-американской торговли.

Пункт совместного коммюнике о торговле подчеркивает наличие конкретной программы по ее расширению. Торговый оборот за 1972 г. достиг 92,5 млн. долл., с преимуществом американского экспорта (60,5 млн. долл.) над китайским импортом в США (32 млн. долл.) примерно в 2 раза. В 1973 г., по предварительным данным, оборот возрос до 754 млн. долл.

Ожидается, что в недалеком будущем президент поручит экспортно-импортному банку кредитование американо-китайской торговли и войдет в конгресс с предложением о распространении на КНР принципа наибольшего благоприятствования. Это послужит дополнительным стимулом развития американо-китайских экономических отношений.

По мнению американцев, китайская сторона заинтересована не столько в развитии торговли с США, сколько в получении новейшего оборудования и технологии современного производства. Ведутся переговоры на поставку корпорацией «Стандард ойл К^о» комплекса заводов по производству искусственной кожи, завода по производству аммония и др. Обсуждаются и частично реализуются сделки на поставку оборудования для разведки и эксплуатации нефтяных месторождений, в частности на морском дне, которые будут включать техническое обслуживание американской стороной. Американская сторона уже передала КНР в аренду мощную установку для подводной разведки и добычи нефти. Установка обслуживается американским техническим персоналом.

Серьезное внимание на переговорах было уделено сотрудничеству в области науки и культуры, которое должно в ближайшее время значительно расшириться и приобрести двусторонний характер. Китайские власти согласились признать Комитет по научным связям с КНР при Национальной Академии искусств и наук США в качестве рабочего органа для организации научного обмена, который они до недавнего времени игнорировали. Однако уже в ходе переговоров с Г. Киссинджером была согласована программа, включающая поездку в США групп китайских специалистов по меллорации, биологии и физике высоких энергий. КНР приняла на себя обязательство расширить доступ в страну представителям американской общественности, и в частности сенаторам и конгрессменам.

же активизацию оппозиции внутри страны. Тем не менее правительство США сочло возможным и целесообразным пренебречь этими неудобствами и в интересах маневрирования в рамках «треугольной» дипломатии¹¹ принять предложенный китайской стороной темп нормализации отношений.

То же можно сказать не только о темпах развития, но и о существе взаимоотношений, где инициатива также принадлежит КНР. Так, например, по предложению Пекина стороны обменялись миссиями связи, придав им фактический статус посольства путем распространения на них дипломатического иммунитета и назначения их глав в ранге послов. Несмотря на то что это предложение вряд ли входило в намерения американской стороны на данной стадии развития отношений с КНР, оно было принято и реализовано в сроки, предложенные правительством КНР.

Аналогичная картина наблюдается и на второстепенных уровнях взаимоотношений, что проявляется, например, в подходе американской стороны к научному обмену, к антисоветской пропаганде политической агентуры Пекина в США и в некоторых других областях.

Потворство антисоветской деятельности пропекинских элементов в США проявляется в отношении американских официальных кругов к политическим диверсиям ультраправых сторонников жесткого подхода к Советскому Союзу и поддержки антисоветского курса китайского руководства. Как известно, даже вымысел реакционного американского журналиста Джозефа Олсопа о том, будто Советским правительством в 1969 г. был предпринят дипломатический демарш в поисках поддержки Соединенными Штатами плана нанесения превентивного удара по ядерным установкам КНР, не встретил опровержений или возражений со стороны официальных кругов США и поэтому получил широкое распространение в США как якобы не вызывающий сомнения факт.

Визит Г. Киссинджера в Пекин в феврале 1973 г. и его результаты представляют собой очередной этап в развитии отношений между США и КНР. Переговоры включали две основные группы проблем.

1. Меры по дальнейшей нормализации двусторонних отношений, которым по желанию китайской стороны придается вид далеко идущего сближения.

2. Поиски взаимопонимания по поводу интересов каждой из сторон в основном в связи с изменением ситуации в Юго-Восточной Азии после окончания войны в Индокитае и по более широкому кругу вопросов бассейна Тихого океана (Япония) и общемировой расстановки сил (СССР). Эта вторая группа проблем не получила сколько-нибудь серьезного освещения в официальных сообщениях о переговорах и вызвала наибольшие спекуляции среди специалистов и журналистов.

В области нормализации двусторонних отношений зафиксированы соглашения по вопросам, большинство из которых обсуждалось и было предрешено на предыдущих стадиях развития взаимоотношений; реализация некоторых из них была отложена по разным причинам, и в частности в связи с имевшими место в истекший период рецидивами интервенции США в Индокитае.

Как отмечено выше, договоренность об обмене миссиями связи представляет собой результат стремления китайской стороны ускорить уста-

¹¹ См.: В. П. Лукин. Американско-китайские отношения: концепции и действительность. — «США: экономика, политика, идеология», 1972, № 2, стр. 16—19.

новление нормальных дипломатических отношений с США, чтобы расширить таким образом возможности для реализации своей международной роли и получить более эффективное средство воздействия на позицию США. Поскольку миссии обладают дипломатическим иммунитетом, располагают правом использования кодов для переписки и имеют функции представлять соответствующее правительство, обе стороны молчаливо признали, что миссии будут эквивалентом посольств.

На переговорах Киссинджера с Чжоу Энь-лаем достигнута договоренность о взаимном размораживании фондов в США (около 80 млн. долл.) и американских фондов в КНР (около 200 млн. долл.). Значение этой договоренности состоит в том, что она создает благоприятные условия для кредитования КНР экспортно-импортным банком США и американскими корпорациями. Как известно, до недавнего прошлого китайская сторона отклоняла кредиты. Вместе с тем частные фирмы с сомнениями относились к КНР как к торговому партнеру. В настоящее время в связи со значительным ростом масштабов торговли вопрос о кредитовании приобрел важное значение. Китайская сторона сочла целесообразным краткосрочное (18 месяцев) кредитование сделки по зерну и с известными оговорками признала кредитование желательным для дальнейшего развития китайско-американской торговли.

Пункт совместного коммюнике о торговле подчеркивает наличие конкретной программы по ее расширению. Торговый оборот за 1972 г. достиг 92,5 млн. долл., с преимуществом американского экспорта (60,5 млн. долл.) над китайским импортом в США (32 млн. долл.) примерно в 2 раза. В 1973 г., по предварительным данным, оборот возрос до 754 млн. долл.

Ожидается, что в недалеком будущем президент поручит экспортно-импортному банку кредитование американо-китайской торговли и войдет в конгресс с предложением о распространении на КНР принципа наибольшего благоприятствования. Это послужит дополнительным стимулом развития американо-китайских экономических отношений.

По мнению американцев, китайская сторона заинтересована не столько в развитии торговли с США, сколько в получении новейшего оборудования и технологий современного производства. Ведутся переговоры по поставке корпорацией «Стандард ойл К°» комплекса заводов по производству искусственной кожи, завода по производству аммония и др. Обсуждаются и частично реализуются сделки на поставку оборудования для разведки и эксплуатации нефтяных месторождений, в частности на морском дне, которые будут включать техническое обслуживание американской стороной. Американская сторона уже передала КНР в аренду мощную установку для подводной разведки и добычи нефти. Установка обслуживается американским техническим персоналом.

Серьезное внимание на переговорах было уделено сотрудничеству в области науки и культуры, которое должно в ближайшее время значительно расшириться и приобрести двусторонний характер. Китайские власти согласились признать Комитет по научным связям с КНР при Национальной Академии искусств и наук США в качестве рабочего органа для организации научного обмена, который они до недавнего времени игнорировали. Однако уже в ходе переговоров с Г. Киссинджером была согласована программа, включающая поездку в США групп китайских специалистов по мелнорации, биологии и физике высоких энергий. КНР приняла на себя обязательство расширить доступ в страну представителям американской общественности, и в частности сенаторам и конгрессменам.

Что касается обсуждения общих проблем, то задача Г. Киссинджера состояла, как считают в американских академических кругах, в выяснении возможной позиции правительства КНР по поводу намерений США стабилизировать положение в Юго-Восточной Азии на основе создания нового баланса сил, который позволил бы сохранить влияние США в этом районе, не прибегая к военной интервенции.

В американских научных кругах существует представление о такой политике как о рискованной, поскольку она затрагивает интересы местных сил, а также и великих держав и содержит в связи с этим опасность нарушения стабильности в мировом плане. Готовность Пекина идти на сближение с США ценой отказа, хотя бы и временного, от национальных целей (освобождение Тайваня), сохранение на основе этого компромисса и возможное развитие влияния США в районах концентрации интересов крупных держав (СССР, КНР, Япония, Индия), склонность американской администрации к геополитическим манипуляциям может иметь серьезные отрицательные последствия, а именно:

затруднить или даже прервать процесс нормализации отношений с Советским Союзом и вызвать дестабилизацию международной ситуации;

вызвать оппозицию в странах Юго-Восточной Азии, падение влияния США и переход регионалистских тенденций под контроль КНР в связи с растущим недоверием к политическому процессу и обязательствам США и страхом перед японской экономической экспансией;

создать дополнительные стимулы для развития противоречий с Японией;

законсервировать противоречия с Китайской Народной Республикой и заложить условия для их проявления в условиях, когда позиции США окажутся уязвимыми.

Повторный визит Г. Киссинджера в Пекин 10—14 ноября 1973 г. и его переговоры с Мао Цзэ-дунем и Чжоу Энь-лаем уже в качестве государственного секретаря характеризуют скорее прежний уровень развития американо-китайских отношений, чем их прогресс. Эта заранее запланированная поездка дважды откладывалась.

Правительство США, несомненно, стремилось к демонстрации внешнеполитических успехов, в частности в отношениях с пекинским режимом, чтобы компенсировать ущерб, нанесенный республиканской администрации возникшими внутренними осложнениями, угрожавшими положению президента. Однако обострение внутривластной борьбы в китайском руководстве накануне X съезда КПК, обусловленной в значительной мере недовольством радикальных элементов за курс сближения с американским империализмом, заставило китайскую сторону отложить визит Г. Киссинджера и в определенной степени скорректировать свою «американскую» политику, в частности сделать несколько более жесткой позицию по тайваньской проблеме и вновь выдвинуть вперед тезис о диктате «двух сверхдержав».

С обострением ситуации на Ближнем Востоке возникло новое обстоятельство, характеризующее на этот раз ограниченность американских резервов сближения с КНР. Вынужденная пойти на сотрудничество с Советским Союзом в деле прекращения огня на Ближнем Востоке, администрация Никсона осложнила свои отношения с китайским руководством. Не приходится сомневаться, что в этих новых обстоятельствах поездка в Пекин американского госсекретаря преследовала цель рассеять сомнения, возникшие в Пекине в отношении устойчивости американского внешнеполитического курса в свете критического положе-

ния Р. Никсона в связи с требованиями его отставки и угрозой импичмента.

Судя по совместному американо-китайскому коммюнике, переговоры внесли мало нового в развитие взаимоотношений. Стороны заявили, что они «будут продолжать прилагать усилия к содействию нормализации отношений между Китаем и США на основе шанхайского коммюнике»¹². Однако Киссинджер в своих заявлениях считал необходимым в сильных выражениях подчеркнуть, что достижение дружественных отношений с Китайской Народной Республикой будет неизменным императивом внешней политики правительства США и что этот курс поддерживается обоими главными политическими партиями страны.

Примечательно также, что в совместный документ был включен пункт, распространяющий на весь мир известное положение шанхайского коммюнике о том, что ни одна из сторон не будет стремиться к гегемонии в азиатско-тихоокеанском районе и будет препятствовать попыткам любой другой страны или группы стран установить такую гегемонию¹³. Стремление китайских лидеров ускорить приобретение атрибутов глобализма и статуса «сверхдержавы» здесь получает поддержку Соединенных Штатов. Несомненно, это обусловлено стремлением вывести КНР как элемент дипломатической геометрии за пределы Азии, а именно в Европу, где процесс разрядки постепенно приводит к эрозии блоковой стратегии, основанной на концепции «сдерживания коммунизма».

Рассмотрение китайско-американских отношений позволяет сделать вывод, что их развитие на современном этапе по своему выражению идет в направлении учащения и укрепления контактов.

Следует, однако, иметь в виду, что сам по себе этот процесс вытекает из более определенных внешнеполитических целей, которые у обеих сторон не совпадают и, более того, по некоторым аспектам противоположны. Это ставит пределы американо-китайскому сближению, несмотря на тот факт, что в обеих странах действуют силы, заинтересованные в том, чтобы задать общую, антисоветскую ориентацию происходящему процессу и найти какую-то форму согласования позиций.

Американская дипломатия прилагает усилия к тому, чтобы найти достаточные действенные рычаги воздействия на внешнеполитический курс пекинского режима с тем, чтобы обеспечить функционирование КНР в качестве структурного элемента в системе баланса сил. В этих целях Соединенные Штаты проявляют готовность поддерживать КНР в определенной степени как «слабую сторону» и содействовать развитию великодержавных устремлений внешней политики Пекина, коль скоро они в данный момент не угрожают непосредственно интересам США. Степень такой поддержки существенным образом зависит от необходимости сохранять «равновесие» различных сил, но более всего от хода американо-советской разрядки. Это вносит элемент неопределенности в отношения между КНР и США, сужает возможности китайского руководства в части реализации политических выгод сближения с США.

С другой стороны, несмотря на понимание того факта, что вхождение в альянс с американским империализмом ставит КНР в положение младшего партнера, тем не менее маоистское руководство готово связать себя с реакционными кругами Соединенных Штатов общим антисоветским курсом.

Уход Р. Никсона в отставку и вступление на пост президента США Д. Форда, по мнению американской печати, не внесли изменений в от-

¹² «Правда», 15.XI.1973.

¹³ См.: "The President's trip to China". N. Y., 1972, p. 154.

ношения США и КНР. «Оба правительства,— как отмечала газета «Крисчен Сайенс монитор» от 6 сентября 1974 г., комментируя назначение Д. Буша главой группы связи в Пекине,— усиленно стараются подчеркнуть, что китайско-американское сближение остается постоянным элементом их внешней политики и что их взаимоотношения не пострадали. Одним из признаков этого они называют дальнейшее расширение торговли».

Хотя вашингтонская администрация во многом идет навстречу китайскому правительству, тем не менее основное требование пекинского режима при существующих условиях вряд ли может оказаться приемлемым для правительства США. Согласиться на него означало бы разрушить систему приоритетов нового внешнеполитического курса и лишить его тех основ реализма, к которым правящие круги США пришли после 20 лет бесплодной и опасной «холодной войны» против мира социализма.

Это обстоятельство, лишаящее китайскую дипломатию антисоветизма серьезных перспектив, вызывает в Пекине нервозность и толкает его на грубые попытки воздействовать на политические силы в США, заинтересованные в американо-китайском сближении на антисоветской основе, через голову американского правительства.

Успехи политики мирного сосуществования, проявляющиеся в переходе стран с различным социально-политическим строем от военно-политической конфронтации к конструктивному сотрудничеству, перспективы разоружения и сокращения arsenалов наиболее разрушительного оружия, развитие обмена культурными ценностями и совместные усилия народов по развитию производительных сил — все это могучее веление времени, выводящее человечество из тупиков «холодной войны».

Однако стереотипы «холодной войны» еще сохраняются в политике капиталистических стран. Разрядка международной напряженности встречает сопротивление как со стороны экспансионистских кругов монополистического капитала и военно-промышленного комплекса, так и со стороны великодержавно-шовинистической группы Мао Цзэ-дуна, удерживающей в своих руках власть в КНР. В связи с этим мир пока переживает переходный период, положение еще не стабилизировалось и процесс разрядки еще не приобрел необратимого характера.

В этих условиях внешнеполитический курс крупных стран приобретает исключительно важное значение. Успешное позитивное развитие мировой политики определяется не игрой по правилам «двухполюсной», «треугольной» или «пятиугольной» дипломатии, а принципиальными, конструктивными отношениями между всеми странами, без закулисных интриг, дискриминации и вмешательства во внутренние дела.

Советский Союз всегда выступал против политики «сдерживания и изоляции» Китая, которую Соединенные Штаты проводили почти четверть века. Ныне Советский Союз с пониманием относится к желанию КНР и США привести свои отношения в соответствие с нормами международного права и развивать их при условии, что это не наносит ущерба интересам третьих стран.

Чем скорее внешняя политика этих великих держав избавится от комбинационных представлений о международной политике, чем скорее они исключат из арсенала дипломатии попытки строить свои отношения с партнерами на основе концепции «поддержания симметрии», в частности между Пекином и Москвой, тем весомее будет их вклад в строительство справедливого и прочного мира.

Пекин и «третий мир»: противоречия обостряются

Б. А. Соборов

Попытки маоистов навязать свое руководство силам национального освобождения трех континентов проявлялись еще в конце 40-х — начале 50-х годов. Уже в тот период китайские руководители пытались представить опыт китайской революции в качестве «классического образца» для народов колониальных и полуколониальных стран. Эта тенденция во внешней политике китайского руководства отмечалась как советскими, так и западными китаеоведами¹.

Откровенная заявка на лидерство в отношении стран Азии, Африки и Латинской Америки была сделана Пекином в начале 60-х годов. И этому были причины. К тому времени китайское руководство убедилось, что его попытки подчинить мировое коммунистическое движение, страны социалистического лагеря интересам своей великодержавной политики потерпели полный провал. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в ноябре 1960 г. в Москве, решительно отвергло маоистскую платформу и притязания Пекина на лидерство в международном коммунистическом движении. Китайское руководство развернуло открытую политическую борьбу против социалистического содружества, международного коммунистического движения, против единства революционных сил современности.

В попытке привлечь на свою сторону народы Азии, Африки и Латинской Америки маоисты объявили национально-освободительное движение трех континентов «главной зоной бурь мировой революции», «самой важной силой»² в борьбе с империализмом. Уже в тот период они пытались изобразить социалистические страны «апологетами» и «пособниками» империализма. Это была своеобразная подготовка к тому, чтобы объявить эти страны «главным врагом» народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Льстя силам национального освобождения, маоистские лидеры в то же время не могут скрыть гегемонистский смысл своей политики в отношении «третьего мира». Об этом свидетельствует, в частности, маоистская расколывающая геополитическая теория «окружения городов деревней», которая была сформулирована в статье Линь Бяо в 1965 г. Она была призвана навязать народам Азии, Африки и Латинской Америки «идеи Мао Цзэ-дуна» в качестве программы действий, самого Мао — лидером «третьего мира», Китай — «главной антиимпериалистической силой». «Китай, — подчеркивала, например, «Жэньминь жибао», — это великое революционное государство. Американский империализм видит в

¹ Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэ-дуна, М., 1969, стр. 225; F. J. Schatzen. Communism in Africa. N. Y. — Wash., 1966, p. 84; «Soviet and Chinese communism power in the world to day». N. Y. — London, 1966, p. 48.

² «Жэньминь жибао», 22.X.1963.

нем главную преграду на пути проведения своей политики агрессии и войны в Азии и осуществления «глобальной стратегии» в мире»³.

В 70-е годы Пекин предпринял новые шаги, чтобы добиться лидерства в «третьем мире», вводя в действие дополнительные пропагандистские резервы. В первом же выступлении китайского представителя на Генеральной Ассамблее ООН 15 октября 1971 г. было заявлено о принадлежности Китая к «третьему миру», к развивающимся странам⁴.

За этим новым политическим маневром Пекина скрываются все те же гегемонистские устремления китайского руководства. Пекин в своих пропагандистских выступлениях энергично подчеркивает «решительную поддержку» стран Азии, Африки и Латинской Америки, изображает себя единственным «защитником» интересов этих стран, вновь утверждает, что страны Азии, Африки и Латинской Америки представляют собой «главную силу в борьбе против колониализма, империализма и в особенности сверхдержав»⁵.

Великодержавные расчеты и намерения китайского руководства состоят в том, чтобы сплотить страны Азии, Африки и Латинской Америки на базе маоистской платформы. Так, например, заместитель премьера КНР Дэн Сяо-пин выступил на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 апреля 1974 г. с призывом к развивающимся странам «еще теснее сплотиться воедино» в «борьбе со сверхдержавами», под которыми подразумевал в первую очередь Советский Союз⁶. В то же время, чтобы замаскировать великодержавную подоплеку пекинских призывов, Дэн Сяо-пин прибег к демагогическому фиглярничеству. «В случае, если в какой-то день Китай переменит свой цвет, — фарисейски уверял он, — станет сверхдержавой и будет также вести себя в мире как неограниченный властелин, везде и всюду третировать других, совершать агрессию против других и эксплуатировать других, то народы мира должны приклеить Китаю ярлык социал-империализма, должны его разоблачать, бороться против него и вместе с китайским народом свергнуть его»⁷.

В подходе маоистов к «третьему миру» в 70-е годы по сравнению с 60-ми годами наблюдаются значительные отличия. Если в начале 60-х годов маоисты еще говорили о союзе народов Азии, Африки и Латинской Америки со странами социализма, правда, принижая и искажая роль последних в антиимпериалистической борьбе, то в 70-е годы СССР и другие социалистические страны стали изображаться в маоистских писаниях «главным врагом» развивающихся стран. Если в 60-е годы маоисты еще пытались манипулировать марксистской терминологией, прикрывались «революционной» фразой, то в 70-е годы в основу их подхода была положена концепция о «сверхдержавах», заимствованная у буржуазных идеологов и приспособленная к интересам маоистского внешнеполитического курса на современном этапе. Его главной целью является переориентация борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки с империализмом на борьбу против Советского Союза и других социалистических стран, на создание «широчайшего единого фронта», в который наряду со странами «третьего мира» вошли бы и империалистические страны, кроме США.

Такой резкий поворот вправо во внешней политике маоистов, ее антисоветская и антисоциалистическая направленность не остались не за-

³ «Жэньминь жибао», 6.IV.1966.

⁴ Там же, 17.X.1971.

⁵ Там же, 11.IV.1974.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

меченными в антикоммунистических кругах. Антикоммунисты теперь приветствуют политику маоистов в «третьем мире»; их устраивают попытки маоистов вызвать трения внутри развивающихся стран и внести раскол между ними, разобщить революционеров в этих странах и изолировать их от лучших друзей — социалистических государств и революционного рабочего движения капиталистических стран.

Резкий сдвиг вправо в пекинской политике заметно «успокоил» антикоммунистов, которые еще до недавнего времени рассматривали политику Китая в «третьем мире», несмотря на существовавшие разногласия между маоистским руководством и международным коммунистическим движением, как разновидность «коммунистического проникновения». «Большинство наблюдателей сегодня, — писала недавно английская газета о китайской политике в Африке, — ...значительно спокойнее относятся к политике китайцев, которую они лишили двусмысленности, свойственной ей в 60-е годы». Автор раскрывает причину этого изменения настроений: «Пекин делает теперь упор на широту «единого фронта», который следует совместно создать Китаю и третьему миру против двух сверхдержав, а не на глубину революционных обязательств нескольких авангардных стран или движений, что подчеркивалось ранее»⁸.

Р. Терил, профессор Гарвардского университета, приветствуя антисоветскую, антисоциалистическую политику Пекина в «третьем мире», утверждает, будто бы в основе маоистской концепции «борьбы против гегемонии двух сверхдержав» лежит стремление маоистов защитить суверенитет и независимость стран «третьего мира» и что эта концепция является «логичной», так как она соответствует опыту Китая⁹.

Сегодня антикоммунисты не только одобряют подобную антисоциалистическую политику маоистского руководства, политическое сближение Пекина с империалистическими странами и его переориентацию экономических связей на капиталистический рынок, но и охотно рекламируют маоистский Китай в качестве «модели» для стран «третьего мира». «Главное, чем Китай может помочь третьему миру, — пишет американский обозреватель К. Сульцбергер, — это его собственный пример... Китайский путь к самоусовершенствованию может многое дать другим странам... Учитывая, что в третьем мире живет большинство населения земли и что он занимает большую часть территории земного шара, можно сказать, что в конечном счете роль, которую избрал Пекин, может стать колоссальной»¹⁰.

Многочисленные факты убедительно свидетельствуют, что Мао Цзэ-дун и его ближайшие сторонники в интересах решения конкретных своих политических задач не раз предавали страны социализма и «третьего мира». Как известно, еще в конце 40-х годов, до провозглашения Китайской Народной Республики, Мао Цзэ-дун стремился установить отношения с США в противовес отношениям с Советским Союзом. Как сообщил 28 июня 1971 г. в сенатской комиссии по иностранным делам профессор Уайтинг, в тот период «китайские руководители на деле пытались установить отношения с Соединенными Штатами». Уайтинг сообщил, что Мао Цзэ-дун и Чжоу Энь-лай в январе 1945 г. тайно информировали президента Ф. Рузвельта о готовности встретиться с президентом США в Вашингтоне, чтобы обсудить возможности предоставления со стороны США военной и экономической помощи¹¹. Однако в тот пе-

⁸ «Guardian», 25.III.1974.

⁹ R. Terill, China's foreign policy. — «Atlantic», Boston, Vol. 231, 1973, № 6, p. 4—16.

¹⁰ «The New York Times», 1.XII.1973.

¹¹ «The New York Times», 29.VI.1971.

риод, как отметил Уайттинг, это предложение Мао, как и другие политические авансы с его стороны Соединенным Штатам, не нашло отклика у руководителей Белого дома¹².

В начале 60-х годов Мао Цзэ-дун, чтобы оказать давление на США и побудить последних признать Китай в качестве «достойного» партнера, решил использовать страны «третьего мира», призывая их развернуть «народную войну против американского империализма и его приспешников»¹³. В то же время Мао Цзэ-дун и другие китайские лидеры предпочитали сами оставаться в стороне, действовать чужими руками. Правда, в Пекине периодически делали публичные заявления о том, что китайцы готовы сами-де вступить в схватку с американским империализмом. Однако такие жесты носили исключительно показной характер. Выступая 13 октября 1965 г. на приеме в Куньмине в честь Сианука, бывший министр иностранных дел КНР Чэнь И сказал: «Некоторые утверждают, что, мол, мое заявление, осуждающее американский империализм, которое я сделал 29 сентября в Пекине на пресс-конференции для китайских и иностранных корреспондентов, показало готовность китайских руководителей пойти на «риск». Мы говорим: для того, чтобы выступить против американского империализма, необходимо вести серьезную борьбу, рисковать и только таким образом мы сможем одержать победу. Китай с его 650-миллионным населением смеет пойти на этот риск во имя полной победы над американским империализмом»¹⁴ (выделено. — Б. С.).

Мао Цзэ-дун, как свидетельствуют факты, в 1965 г. думал не о войне с США, а о получении от этой страны кредитов. Французский политический деятель А. Мальро в феврале 1972 г., вспоминая о своей встрече с Мао Цзэ-дуном в 1965 г., привел слова последнего о том, что Китаю для развития экономики нужны кредиты и что «только одна страна сможет предоставить такие кредиты», имея в виду США.

Желание пекинских руководителей избежать какого-либо военного столкновения с США подтверждает и позиция Пекина в отношении американской агрессии во Вьетнаме. Мао Цзэ-дун, как известно, пошел на прямое предательство вьетнамского народа. В январе 1965 г., то есть за месяц до начала американских бомбардировок территории ДРВ, он в беседе с американским журналистом Э. Сноу, тайным посланцем Вашингтона, заверил США в том, что Китай не вмешается в войну в случае начала агрессии против Северного Вьетнама. «Китайские армии, — заявил он, — не перейдут границы Китая для ведения войны. Это совершенно ясно. Только если Соединенные Штаты атакуют Китай, китайцы будут воевать. Разве это не ясно? Китайцы слишком заняты своими внутренними делами. Ведение военных действий за пределами границ своей страны является преступлением. Зачем китайцам идти на него? Вьетнамцы могут сами справиться со своими делами»¹⁵.

Естественно, в Вашингтоне не могли не учесть этого заявления Мао. Как явствует из секретных документов Пентагона, опубликованных в американской печати летом 1971 г., личный помощник президента США по вопросам национальной безопасности У. Банди в документе, подготовленном 18 февраля 1965 г., отмечал, что «коммунистический Китай мог бы предоставить ДРВ дополнительное вооружение противовоздушной обороны, но мы не думаем, что они будут вести воздушные операции с территории коммунистического Китая, по крайней мере в такой степени,

¹² См.: С. Сергейчук. США и Китай. М., 1973, стр. 14—15.

¹³ Линь Бяо. Да здравствует победа народной войны. Пекин, 1965, стр. 57.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 15.X.1965, стр. 1—2.

¹⁵ «New Republic», 20.I.1965.

как в ДРВ действуют МИГи...»¹⁶ И Вашингтон, как известно, пошел на усиление агрессивных действий против ДРВ.

Свою позицию маоистские лидеры объясняли довольно хитро. Во время встречи с Насером 23 июня 1965 года Чжоу Энь-лай сказал, что «он не хочет, чтобы Джонсон вывел какое-либо число американских солдат, но, напротив, он хочет, чтобы Соединенные Штаты посылали все больше и больше своих молодых людей во Вьетнам». Чжоу Энь-лай расшифровал свою мысль довольно необычным образом. Он заявил, что, по мнению китайского руководства, американское вмешательство в Индокитае является «страховым полисом» против ядерного нападения на Китай, поскольку «наши когти будут близки к их плоти». «Поэтому, — резюмировал Чжоу Энь-лай, — если вы хотите помочь вьетнамцам, вы должны поощрять американцев бросать больше и больше солдат во Вьетнам», которых Китай-де намерен «деморализовать» с помощью опиума (!?).

В начале января 1966 г. высказывания Чжоу Энь-лая о желании китайцев видеть во Вьетнаме больше американских войск было передано А. Гарриману, посетившему Каир. Американцы «правильно» поняли высказывания Чжоу Энь-лая — США спокойно стали наращивать агрессивные действия против вьетнамского народа.

Расширяя войну во Вьетнаме, американская администрация учитывала и резко отрицательное отношение пекинских лидеров к предложениям Советского Союза и других социалистических стран об организации совместных действий социалистических стран в деле оказания помощи вьетнамскому народу в борьбе с американской агрессией. Маоисты отвергли предложение Советского Союза об организации единого фронта борьбы социалистических стран против агрессии США. Предложение это было оклеветано. В Пекине утверждали, что КПСС якобы «всемерно стремится провести советско-вьетнамо-китайское совещание на высшем уровне... не иначе как с целью осуществления международной аферы, с тем чтобы привязать братские страны к колеснице советско-американского сотрудничества во имя владычества над всем миром»¹⁷.

Отказ Пекина в организации совместных действий с социалистическими странами для отражения агрессии США убедительно доказывает, что маоисты не были заинтересованы в победе вьетнамского народа, а стремились как можно дольше затянуть войну во Вьетнаме. Особенно четко их тайные замыслы раскрылись в конце января 1967 г., когда министр иностранных дел ДРВ выдвинул в качестве предварительного условия для начала американо-вьетнамских переговоров прекращение бомбардировок и всех других актов войны со стороны США. Эта позиция была подтверждена в послании Хо Ши Мина американскому президенту от 15 февраля 1967 г. Китайская же пропаганда, не считаясь с позицией ДРВ, умножила свои нападки на саму идею переговоров¹⁸.

Пекин в течение целого ряда лет ни единым словом не упоминал о вьетнамо-американских переговорах, начавшихся в 1968 г. в Париже. О них китайская печать впервые упомянула только в начале июля 1971 г., то есть за несколько дней до официального объявления о визите американского президента в КНР.

Такую же «решительную» позицию Пекин продемонстрировал и в отношении урегулирования ближневосточного конфликта. В 1967 г. маоисты резко выступили против принятия Египтом решения о прекращении

¹⁶ «The New York Times», 15.VI.1971.

¹⁷ «Жэньминь жибао», 11.XI.1965.

¹⁸ «Правда», 7.III.1967.

огня с Израилем. Мао Цзэ-дун и Чжоу Энь-лай направили специальное послание Насеру с военным планом действий. Этот план предусматривал реорганизацию египетской армии, согласно которой она должна была состоять из самостоятельно действующих бригад, способных вести партизанскую войну. Насер ответил Мао, что условия Синайской пустыни не позволяют вести подобные действия. Пекин тем не менее продолжал настойчиво навязывать идеи «народной войны».

Провокационный характер поведения Пекина вновь откровенно проявился в связи с обострением обстановки на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. Пекин преследовал в этот период по крайней мере две цели: расширить конфликт, превратив его в широкое международное столкновение с участием США и СССР, и направить его в русло своей антисоветской политики. Пекинское руководство не поддержало ни одной резолюции Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи ООН, направленной на политическое урегулирование конфликта, в том числе и резолюций 338 и 339, принятые в октябре 1973 г. Пытаясь оправдать свою позицию, китайский представитель в Совете Безопасности назвал эти резолюции «пустыми бумажками», якобы навязанными двумя «сверхдержавами»¹⁹. Однако, когда 25 октября 1973 г. Совет Безопасности рассматривал проект резолюции, внесенной 8 неприсоединившимися странами, позиция Китая осталась неизменной: он вновь не принял участия в голосовании. Факты убедительно показали, как отметил советский представитель в ООН Я. А. Малик, что «дело не в том, кто вносит резолюцию, а в том, что Китай не поддерживает предложения, направленные на обеспечение мира на Ближнем Востоке, поскольку это противоречит его целям»²⁰.

С самого начала израильской агрессии на Ближнем Востоке Пекин занял раскольническую позицию, стремясь изолировать арабские страны от поддержки и помощи социалистических стран, и в первую очередь помощи Советского Союза. Маонисты прибегли к откровенной лжи, утверждая, что Советский Союз якобы «подстрекал и поддерживал»²¹ Израиль в развязывании агрессивной войны против арабов, «предал интересы арабских народов»²². В 70-е годы эскалация антисоветизма в пекинской политике в отношении арабских стран достигла такой степени, что СССР был объявлен «врагом № 1» арабских народов. Китайский представитель на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН при обсуждении ближневосточного вопроса прямо заявил, что СССР «коварнее империализма старого типа, а потому и более опасен»²³. В связи с обострением обстановки на Ближнем Востоке осенью 1973 г. Пекин еще более усилил антисоветские нападки. Понятно, что откровенно антисоветский подход пекинского руководства к ближневосточным событиям не только дезориентирует арабские государства, выгораживая Израиль и поддерживающие его империалистические круги, но и прямо направлен на ослабление арабских стран, изоляцию их от союзников, решающей помощи и поддержки со стороны Советского Союза и других социалистических стран. Такая позиция, как отмечают сами арабы, «объективно служит интересам США и Израиля, извлекающих выгоду из создавшегося положения»²⁴.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 25.X.1973.

²⁰ «Правда», 27.X.1973.

²¹ «Жэньминь жибао», 22.VI.1967.

²² Там же, 7.VI.1967.

²³ Там же, 7.XII.1972.

²⁴ «Аль-Ахрам», 28.IV.1972.

Опасный характер антисоветского подхода Пекина к событиям на Ближнем Востоке серьезно беспокоит арабские страны. «Китайское отношение к ближневосточному вопросу, — писала в конце 1973 г. «Аль-Ахрам», — определяется острым конфликтом с Советским Союзом, который играет решающую роль в поддержке позиции арабов на всех уровнях и во всех сферах. Необходимо признать, что зависимость изменений в китайской внешней политике от конфликта с Советским Союзом может поставить национально-освободительное движение, в том числе и арабское, в трудное положение»²⁵.

События на Ближнем Востоке, особенно в последнее время, убедительно подтверждают опасения, высказывавшиеся прогрессивными кругами в арабском мире. Политика Пекина содействует ослаблению арабских государств перед лицом непрекращающейся агрессии и в конечном счете ведет к затяжке кризисной ситуации, что отвечает целям Пекина, но противоречит интересам арабских народов.

Другим районом «третьего мира», где пекинское руководство стремится поддерживать напряженность между отдельными странами, является Индостанский полуостров.

Явное двуличие и по существу проимпериалистический подход продемонстрировал Пекин в связи с событиями на Кипре. Он не только предал забвению все свои прежние заверения в «поддержке», которые давал президенту Кипра Макариосу, но и показал себя сторонником милитаристских кругов НАТО.

Пекин не нормализовал до сих пор отношений с Индией, несмотря на неоднократно выражавшееся желание индийского правительства решить этот вопрос. Пекин демонстрирует откровенную враждебность к молодому независимому государству Бангладеш. Он по-прежнему стремится играть на неотрегулированных противоречиях между Индией и Пакистаном с тем, чтобы обострить отношения между государствами этого района.

Существование разногласий со странами этого района маоистское руководство пытается запутать. С одной стороны, после образования самостоятельного государства Бангладеш Пекин старался оправдать свое отрицательное отношение к нормализации международной обстановки на Индостанском субконтиненте «неурегулированностью» отношений между Пакистаном и Индией, Пакистаном и Бангладеш. С другой стороны, маоисты давали и дают понять, что развитие дружественных отношений между Индией и Советским Союзом создает якобы какую-то «угрозу» Китаю.

Поведение китайского руководства, однако, определяется не существованием советско-индийского договора и не состоянием индо-пакистанских отношений, а гегемонистской политикой Пекина в отношении стран Индостанского полуострова. Истоки ее следует искать в конце 50-х годов, когда китайское руководство перешло к акциям, направленным на подрыв авторитета Индии среди народов афро-азиатских стран, стало открыто вмешиваться в ее внутренние дела, предприняло против нее военные акции. Причина такого поворота в китайской политике заключалась в том, что Мао Цзэ-дун увидел в авторитете и влиянии Индии среди развивающихся стран одно из главных препятствий для реализации своих великодержавных целей в «третьем мире». Такое понимание причин политики КНР на Индостанском полуострове дает возможность уяснить, почему маоистское руководство стало активно подталкивать Паки-

²⁵ «Аль-Ахрам», 14.XI.1973.

стан на ухудшение отношений с Индией, почему Пекин выступил в поддержку реакционного режима Яхья Хана и занимает враждебную позицию в отношении Бангладеш. В освободительной борьбе восточнобенгальского народа маоистское руководство увидело лишь угрозу собственным гегемонистским интересам, лишь ослабление Пакистана, который укреплялся маоистами как противовес Индии.

Политика маоистского руководства в отношении стран Индостайского полуострова осталась неизменной и до настоящего времени. Правда, маоисты сегодня, учитывая улучшение отношений между странами субконтинента, пытаются лавировать. Так, во время визита в Китай премьер-министра Пакистана Бхутто в мае 1973 г. заместитель премьера КНР Дэн Сяопин выражал «радость» в связи с «созданием благоприятных условий для нормализации отношений между различными странами субконтинента». Но тут же допустил провокационные высказывания по поводу индийско-пакистанских отношений, заявив о «решительной поддержке борьбы кашмирского народа за право на самоопределение»²⁶. Эта провокация вызвала широкое возмущение в Индии. В заявлении, опубликованном в этой связи группой депутатов индийского парламента, подчеркивалось, что пекинские лидеры пытаются «разжечь вражду между Индией и Пакистаном в то время, когда между этими двумя странами наметились прочные тенденции к улучшению отношений»²⁷.

Пекин не прекращает вмешиваться во внутренние дела Бангладеш. С помощью своей агентуры в этой стране маоисты организуют беспорядки, с тем чтобы затруднить деятельность правительства Маджибура Рахмана. В конце декабря 1973 г. одна из промаоистских организаций, так называемая Коммунистическая партия Восточного Пакистана (марксистско-ленинская), поощренная «приветствием» ЦК КПК в ее адрес, призвала своих сторонников к борьбе «не на жизнь, а на смерть против засилья социал-империалистов, их прислужников — индийских экспансионистов и марионеточного правительства Муджиба».

Политика нагнетания напряженности является одним из средств реализации гегемонистских планов Пекина в «третьем мире».

Смысл этой маоистской установки вполне понятен. Она призвана обслуживать стратегические цели маоистов на международной арене. В нынешних условиях, когда Китай не обладает достаточным экономическим и военным потенциалом, который давал бы ему возможность диктовать другим свою волю, пекинские лидеры рассматривают конфликтные ситуации в различных районах мира как важное средство ослабления своих политических противников, и прежде всего социалистических стран. Тот факт, что в эти столкновения бывают вовлечены народы «третьего мира», которые несут бремя человеческих жертв и огромные расходы, маоистов ничуть не волнует.

Противоречия между интересами стран «третьего мира» и великодержавной политикой маоистского руководства становятся все более разительными, так как народы стран Азии, Африки и Латинской Америки все глубже осознают подлинный смысл пекинской политики. «Факт, как бы неприятен он ни был, остается фактом, — писал недавно индийский еженедельник «Нью-Уэйв», — на протяжении многих лет азиатская политика КНР все больше и больше формируется в соответствии с великодержавными амбициями пекинского руководства»²⁸.

²⁶ «Жэньминь жибао», 13.V.1974.

²⁷ «Правда», 15.V.1974.

²⁸ «New Wave», 28.III.1974.

Индокитай и проблемы безопасности в Юго-Восточной Азии

Г. Г. Кадымов,
кандидат исторических наук

Настойчивые усилия Советского Союза в достижении разрядки напряженности носят повсеместный, глобальный характер. Реализация Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, привела к заметным позитивным сдвигам на международной арене. Вооруженная конфронтация двух систем сменяется признанием капиталистическими державами принципа мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем, что отражает рост сил социализма на международной арене.

Важным фактором общей разрядки напряженности является улучшение советско-американских отношений, которые оказывают влияние на политическое положение во всех уголках земного шара, способствуют поискам решений спорных международных проблем путем переговоров. Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, улучшение советско-американских отношений оказало полезное, благотворное влияние на обстановку в мире. «Оно, конечно же, сыграло свою положительную роль и в прекращении войны во Вьетнаме»¹.

Заключение соглашений о прекращении войны во Вьетнаме и Лаосе означало большую победу национально-освободительных движений, вступающих в союз с мировым социализмом, над силами империализма, реакции и войны. Индокитайский полуостров являлся на протяжении длительного времени одним из очагов острого вооруженного столкновения патриотических сил с иностранной интервенцией. История борьбы вьетнамского, лаосского и камбоджийского народов за национальную независимость наглядно подтвердила огромную жизненную силу социализма, явилась свидетельством действительности интернационализма Советского Союза и других социалистических стран, доказала невозможность решать международные проблемы с «позиции силы» и означала дальнейшее отступление империализма.

Прекращение войны во Вьетнаме и Лаосе положительно сказалось на процессе разрядки напряженности, за которую последовательно борются Советский Союз, все социалистические страны. Мировой социализм добивается того, чтобы разрядка носила всеохватывающий характер. «В этом плане,— указывает Л. И. Брежнев,— полная нормализация обстановки в Юго-Восточной Азии, да и в целом на азиатском континенте имела бы важное значение»².

Мирное урегулирование региональных и локальных конфликтов тесно связано со всеобщей разрядкой напряженности. Если в обстановке напряженности даже незначительный локальный кризис способен вызывать все новые и новые конфликты, то общий климат разрядки оказы-

¹ «Правда», 3.VII.1974.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речь и статьи. Т. 4, М., 1974, стр. 188.

вает сдерживающее влияние на поборников войны, благотворно влияет на поиски мирного урегулирования конфликтных ситуаций, которыми изобилует современный мир.

Геронческая борьба вьетнамского, лаосского и камбоджийского народов против иностранной интервенции за национальную независимость одновременно является и борьбой за мир. На полях сражений национально-освободительные движения в странах Индокитайского полуострова в союзе с мировым социализмом и прогрессивными силами всего мира доказали бесперспективность политики «локальных войн», вооруженной конфронтации и невозможность решения региональных проблем с «позиции силы». Одержав знаменательную победу в борьбе за национальное освобождение, вьетнамский и лаосский народы совместно с другими миролюбивыми силами внесли значительный вклад в дело защиты всеобщего мира.

Поворот от войны к миру на Индокитайском полуострове оказал большое влияние на положение в Юго-Восточной Азии. В политических кругах и среди ученых развернулась широкая дискуссия о путях стабилизации обстановки в регионе. Лейтмотивом дискуссии стало общее признание необходимости пересмотра устаревших концепций времен «холодной войны» и выработки нового подхода к оценке положения, складывающегося в Азии.

Стабилизацию положения в Юго-Восточной Азии буржуазные исследователи тесно связывают с противодействием великодержавной политике Пекина, направленной на экспансию, создание напряженности и конфликтных ситуаций в отношениях между государствами, на открытое и скрытое вмешательство во внутренние дела других стран. Забота об устранении «китайской угрозы» довлеет над помыслами политических деятелей и специалистов-международников, занимающихся изучением проблем Юго-Восточной Азии.

Некоторые исследователи склонны рассматривать конфликт на Индокитайском полуострове сквозь призму соперничества США и КНР, в котором Пекин стремился к ослаблению американских позиций в мире, а также приобретению «решающего влияния на политику стран Юго-Восточной Азии»³. Они отождествляют задачи борьбы национально-освободительных сил во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже с целями политики Пекина, рассматривая конфликт исключительно с позиций американо-китайской конфронтации. Ошибочность такого взгляда доказывается и в последних работах американских авторов⁴.

Достижение окончательного урегулирования конфликта на Индокитайском полуострове и общей стабилизации обстановки в Юго-Восточной Азии некоторые исследователи в США также склонны ставить в зависимость от американо-китайского решения. Такой подход находится в тесной связи с отказом Пекина от единства действий со странами социализма по отражению иностранной интервенции на Индокитайском полуострове и полным разрывом руководства КНР с классовыми, социалистическими принципами во внешней политике. КНР с конца 60-х годов все больше рассматривается определенными кругами в США не как социально-политический антипод империализма в Азии, а как националистическое государство, способное во имя своих великодержавных устремлений пожертвовать ранее провозглашенными принципами.

Исчезновение классового аспекта в американо-китайском соперни-

³ P. Swearingen and H. Rolph. *Communism in Vietnam. A documentary study of theory, strategy and operational practices.* Chicago, 1967, p. 12.

⁴ A. Saïd. *America's world role in the 70.* New-Jersey, 1970, p. 113—114.

честве в Юго-Восточной Азии лишило политику Пекина на Индокитайском полуострове характера революционного противоборства КНР как социалистического государства против агрессии империалистической державы, а провозглашение Пекином антисоветизма генеральным курсом внешней политики вселило правящим кругам США надежду на возможность его использования для изоляции национально-освободительных движений Вьетнама, Лаоса и Камбоджи от мирового социализма.

В то же время трансформация классово-сущности внешней политики Пекина, переход руководства КНР на позиции гегемонизма не исключали «китайской угрозы» интересам империализма в Юго-Восточной Азии.

В этой связи некоторые американские исследователи склонны рассматривать американо-китайские отношения в Азии через призму соперничества, свойственного капиталистическому миру с его политикой создания противостоящих блоков, временных компромиссов, раздела сфер влияния, манипулирования силами. В США появляются работы, в которых учитываются позиция Пекина и обострение межимпериалистических противоречий в бассейне Тихого океана и доказывается переход от биполярного к многополюсному миру, основанному на сохранении «баланса сил» между различными центрами⁵.

Концепция «баланса сил» имеет глобальный и региональный аспекты. В глобальном аспекте она предполагает использование Китая империализмом как антисоциалистической силы в мировом противоборстве двух систем. Выдвигая теорию «многополюсного мира», апологеты и защитники капитализма стремятся к такому «перераспределению сил» в мире, которое бы компенсировало общее ослабление позиций империализма в борьбе двух систем, дало бы возможность маневрировать силами в системе пяти соперничающих центров: США, Японии, объединенной Европы, Советского Союза и КНР. В этой модели одно из важных мест отводится маоистскому Китаю как «новому мировому центру».

КНР, по мнению реакционных идеологов и политиков, должна скрывать на международной арене активность мирового социализма, и прежде всего Советского Союза. А это, как они предполагают, позволит империалистическим странам перегруппировать свои силы, сконцентрировать их на важных направлениях борьбы против социализма и национально-освободительных движений и затормозить тем самым процесс революционных преобразований современного мира. Буржуазные идеологи выдвигают тезис о том, что стержень борьбы современного мира лежит не в противоборстве двух систем, а в соперничестве государств и наций за «жизненные интересы». На этой основе они пытаются найти точки соприкосновения с Пекином.

Пекинские «теоретики» со своей стороны с готовностью взяли на вооружение тезис буржуазной пропаганды о «господстве на мировой арене двух сверхдержав» и необходимости объединения усилий всех остальных стран «второго» и «третьего мира», то есть капиталистических и развивающихся государств, для противодействия «гегемонии двух сверхдержав» и свели это противодействие до борьбы против СССР. В идейно-теоретическом плане деление мира на «первый» (США — СССР), «второй» (капиталистические страны Европы и Азии) и «третий» (развивающиеся государства) с сохранением за Китаем титула «социалистического развивающегося государства» означает неудачную попытку замаскировать под марксизм буржуазную концепцию «многополюсного мира».

⁵ D. Mendel, American foreign policy in a policentric world. Los Angeles, 1968, p. 25.

Видоизменяя эту концепцию в количественном отношении (не «пять центров», а «три мира»), пекинские «теоретики» вкладывают в нее китаецентристское, великодержавно-шовинистическое содержание. Они надеются путем маневрирования в «многополюсной» системе добиться превращения Китая в державу глобального значения, идейно-политический центр сил, объединенных в «промежуточной зоне» между «вторым» и «третьим» мирами, решающий судьбы Поднебесной.

Однако, как утверждают французские востоковеды-международники, капиталистические державы не намерены считаться с КНР как с глобальной силой. Империалистические страны склонны рассматривать Китай как государство преимущественно регионального значения, способное влиять на решение лишь некоторых проблем, в частности в Юго-Восточной Азии, где признаются реальные возможности воздействия Пекина⁶.

В глобальном отношении КНР представляется буржуазным политикам скорее как объект воздействия, а не равноправный партнер. Различия в оценке роли и места Китая в системе международных отношений между маонистами и идеологами империализма отражают глубокие противоречия внешнеполитических стратегических устремлений Пекина и ведущих капиталистических держав. Руководство КНР прикрывает свои устремления антисоветизмом, политические деятели стран капитала — признанием «национальных интересов» КНР в Юго-Восточной Азии. Но поскольку буржуазные политики и маонисты склонны абсолютизировать национальные интересы, то любой компромисс между ними может носить лишь временный характер, так как конечные цели государств, проводящих экспансионистский курс, неизбежно сталкиваются.

Непрочность всяких сделок с Пекином видят многие буржуазные политики и ученые, которые отмечают, что китайское руководство претендует на гораздо большее и маонистская внешнеполитическая доктрина «не ограничивается распространением китайского господства на Азию»⁷. В поисках средств ограничения влияния Китая в рамках Восточной Азии буржуазные ученые конструируют различные модели, с помощью которых можно было бы «сдерживать» Китай и одновременно втягивать его в систему капиталистических отношений с тем, чтобы в конечном счете интегрировать в «свободный мир»⁸.

Решение этих сложных, противоречивых и многоплановых задач буржуазные авторы ищут в создании «балансов сил», в региональном и глобальном масштабах. Так, английский автор К. Белл, рассматривая Китай как государство исключительно регионального значения, с преимущественно азиатскими интересами, полагает, что достаточно противопоставить ему «соперничающую комбинацию» исключительно из стран Южной и Юго-Восточной Азии с нейтральной «буферной зоной» из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи⁹. Критикуя эту точку зрения, коллеги К. Белл пишут, что, по сути дела, в данном случае речь идет о разделе сфер влияния между западным миром и Китаем в Юго-Восточной Азии¹⁰. К этому можно добавить, что подобный раздел сфер влияния

⁶ F. Joyoux. La Chine populaire dans les relations internationales. — «Politique étrangère». Paris, 1973, № 4, p. 419.

⁷ C. Bell. The Asian balance of power: a comparison with European precedents. London, 1968, p. 14.

⁸ J. Juillermaz. Chine et équilibre asiatique. — «Politique étrangère». Paris, 1973, № 7, p. 453.

⁹ C. Bell. The Asian balance of power: a comparison with european precedents. London, 1968, p. 11.

¹⁰ Ph. Darby. Stability mechanisms in South—East Asia. — «International Affairs». Vol. 49, 1973, № 1, p. 208.

уже имел место между Великобританией и Францией еще в конце XIX в. на Индокитайском полуострове, когда начинает оформляться буферная зона между владениями этих держав в Юго-Восточной Азии. Оперирование категориями прошлой колониальной политики едва ли способно помочь решению современных проблем стран Азии, отвергнувших колониализм и давно превратившихся в полноправных субъектов международных отношений.

Ряд авторов считает комбинацию государств Южной и Юго-Восточной Азии малоэффективной, слабой в военном отношении по сравнению с КНР и предлагает укрепить ее за счет «ассоциации» с Японией и Австралией. Но и эта комбинация подвергается критике как нереальная, учитывающая противоречивые интересы ее составных компонентов¹¹, а главное — опасения США и других империалистических держав перед возможным усилением Японии в регионе.

Сторонники «регионального» решения проблем Юго-Восточной Азии подвергаются критике исследователями, отдающими предпочтение глобальным факторам. Эта группа представлена главным образом китаеведами США. Так, известный американский синолог Д. Барнетт склонен перевести Китай в разряд держав глобального значения и рассматривать международные отношения на Дальнем Востоке под углом зрения «нового многостороннего баланса сил, которым предусматриваются сложные четырехсторонние взаимоотношения между Соединенными Штатами, Советским Союзом, Японией и Китаем»¹².

В этой модели особая роль отводится согласованным курсам трех великих тихоокеанских держав — США, КНР, Японии, так как борьба двух противоположных систем остается в центре внимания американских ученых, а отношения между тремя указанными странами должны учитывать взаимные интересы друг друга и предполагать какую-то форму компромисса — на первых порах отказ от установления собственного преобладающего влияния в бассейне Тихого океана. Страны Юго-Восточной Азии рассматриваются, согласно этой концепции, скорее как зона иностранного воздействия, их влияние на обстановку в регионе и на мировые события находится в прямой зависимости от их мощи. Следует отметить, что эта концепция отражает эволюцию внешней политики США и Японии в Юго-Восточной Азии, которая с пониманием встречена в Пекине. Так, в ходе китайско-американских переговоров на высшем уровне в феврале 1972 г. была найдена формула, что США и КНР не будут «добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана и каждая из сторон выступает против усилий любой другой страны или группы стран к установлению такой гегемонии»¹³. За американо-китайскими последовали японо-китайские переговоры на высшем уровне, в результате которых в совместное заявление правительств КНР и Японии была включена аналогичная формулировка об отказе добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана...

Текстуальное совпадение этих формулировок не случайно. Речь шла о создании «тихоокеанского клуба» в составе США, Японии и КНР. Такая комбинация предусматривала координацию действий этих держав против «четвертой силы», которой может быть иная великая держава, а также группы стран и отдельные государства и национально-освободительные силы в Азии, США, КНР и Япония намерены нести свою долю «ответственности в защите» Юго-Восточной Азии. США сохраняют за собой роль основной военно-политической силы, защищающей позиции

¹¹ Там же, стр. 209.

¹² D. Barnett. Our China policy: the need for change. N. Y., 1973, p. 33.

¹³ «Известия», 29.II.1972.

империализма в Азии. Япония, опираясь на свой мощный экономический потенциал, всячески активизируя экономическое проникновение в Юго-Восточную Азию, действует в направлении создания и насаждения капиталистических структур в странах региона, недопущения их ориентации на социализм¹⁴. Наряду с этим монополистический капитал Японии превращает Юго-Восточную Азию в главного поставщика сырья и рынок сбыта своих товаров. Пекин также надеется урвать долю от «партнерства» с Токио и Вашингтоном. Не случайно Пекин выступает против «ухода» США из Азии и призывает японских представителей не конкурировать, а «действовать рука об руку» в сфере оказания экономической «помощи» странам Юго-Восточной Азии.

Если обратиться к недавней истории Юго-Восточной Азии, то можно найти немало примеров сотрудничества западного и китайского капиталов в этом регионе, несмотря на существующую между ними конкурентную борьбу. Китай так же, как и империалистические державы, экспортировал в Юго-Восточную Азию свои товары, и прежде всего избыточную дешевую рабочую силу. Китайский капитал в странах-колониях Юго-Восточной Азии формировался в тесном сотрудничестве с капиталом метрополий империалистических держав, которые отдавали на откуп китайцам целые отрасли экономики, взимая с них арендную плату за эксплуатацию природных богатств Юго-Восточной Азии.

Выступая за нормализацию торговых отношений со странами Юго-Восточной Азии, Пекин надеется на использование традиционных связей в целях внедрения в экономическую жизнь государств региона. Сотрудничество с японским и американским капиталом рассматривается руководством КНР в плане раздела сфер экономической деятельности, где Китаю, по мнению Пекина, империалистические монополии отдадут на откуп мелкое кустарное производство и торговлю потребительскими товарами традиционного китайского экспорта, а также разработку некоторых видов сырья и откроют каналы экспорта рабочей силы. «Новые тенденции» в политике Пекина, таким образом, являются возрождением старых, уже известных народам Юго-Восточной Азии методов китайского «мирного» проникновения в этот район земного шара.

Наряду с «тихой экспансией» руководство КНР не исключило из арсенала своих внешнеполитических средств также военное давление, выдвигание территориальных притязаний, вмешательство во внутренние дела соседних стран. Свидетельством приверженности Пекина методам открытой экспансии служат применение силы со стороны КНР на Парасельских островах в январе 1974 г., притязания на другие территории в районе Южно-Китайского моря, рассматриваемого Пекином как свои «внутренние воды», продолжающиеся ядерные испытания, активизация подрывной деятельности на границах с рядом стран Азии и т. д. Руководство КНР, где это возможно, стремится реализовать и уже реализует свои экспансионистские устремления.

Попытки некоторых кругов в странах капитала найти модус вивенди с КНР в Юго-Восточной Азии представляются в этой связи иллюзорными, а создание «баланса сил» — весьма непрочным, так как в его основе лежит соперничество, борьба за превосходство в силе, за гегемонию, что предполагает конфронтацию, возникновение конфликтных ситуаций. Постоянное стремление добиться превосходства над противником, который может стремиться со своей стороны к аналогичной цели, ведет в конечном итоге к гонке вооружений, наращиванию сил, что

¹⁴ Д. В. Петров. Япония в мировой политике. М., 1973, стр. 8—9.

представляет угрозу стабильности мира, которой жаждут народы Юго-Восточной Азии.

Идея создания «баланса сил» между тремя тихоокеанскими державами вызывает серьезное беспокойство в странах Юго-Восточной Азии, которые стремятся получить гарантии против возможных рецидивов прошлого.

Среди политических деятелей, ученых и публицистов стран Юго-Восточной Азии наблюдается большое многообразие точек зрения на вопросы сохранения независимости и суверенитета их стран, обеспечение безопасности и мира в регионе, диктуемых классовыми интересами различных слоев и группировок.

В среде этих деятелей зародилась и получила широкое распространение идея нейтрализации региона, выдвинутая Малайзией. На конференции неприсоединившихся стран в Лусаке, проходившей в сентябре 1970 г., премьер-министр Малайзии А. Разак выступил за превращение Юго-Восточной Азии в «оазис мира»¹⁵. С урегулированием конфликта на Индокитайском полуострове он связывал проблему обеспечения мира во всем регионе.

В дальнейшем, по мере урегулирования конфликта во Вьетнаме и Лаосе, идея нейтрализации Юго-Восточной Азии все больше обсуждалась политическими деятелями стран региона и встретила в целом положительную реакцию в Индонезии, Сингапуре, Таиланде, на Филиппинах, то есть у стран, входящих в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

В ноябре 1971 г. в Куала-Лумпуре состоялось совещание министров иностранных дел Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда, которые приняли Декларацию стран — участниц АСЕАН о принципах взаимоотношений между ними и создании стабильной системы мира в регионе.

В декларации, в частности, указывается на опасность иностранного вмешательства в дела региона, положительно оценивается идея нейтрализации, с тем чтобы обеспечить условия мира и стабильности, необходимые для независимости, экономического и социального благосостояния.

Предложение о нейтрализации Юго-Восточной Азии представляет собой реакцию в странах региона на общие перемены в мире: от конфронтации к поискам безопасности коллективными усилиями. Противники мира и разрядки напряженности попытались представить дело таким образом, что идея нейтрализации Юго-Восточной Азии якобы находится в противоречии с советским предложением о создании системы коллективной безопасности, так как последняя, дескать, направлена на «окружение» Китая, а нейтрализация предусматривает сотрудничество с КНР в различных сферах деятельности. Подобная трактовка проблемы лишена какого-либо основания. «Мы представляем себе дело так, — заявил Л. И. Брежнев, — что КНР станет полноправным участником такой системы»¹⁶. Не выдерживают также критики утверждения о том, что идея нейтрализации якобы противоречит идее коллективной безопасности. Система коллективной безопасности в Азии не противоречит, а подразумевает возможность создания в наиболее взрывоопасных районах мира нейтральных зон, устранения соперничества внешних сил как первого этапа к прекращению, а затем и ликвидации конфликтных ситуаций, виной которых служит иностранное вмешательство.

Стремление Советского Союза и других социалистических стран к миру в Азии основывается на идейно-политических принципах марксиз-

¹⁵ «Review of international affairs», 1970, № 491, p. 9.

¹⁶ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М., 1974, стр. 80.

ма-ленинизма, отвергающих догмы идеологов империализма, уповающих на силу, как гарантию мира. Человечество не признает мир, построенный на равновесии страха; это признается видными политическими деятелями США и других капиталистических государств. Мирлюбивые силы считают, что давно пора отказаться от политики изоляционизма, от создания соперничающих блоков, конфронтации отдельных стран, отбросить весь этот устаревший идейно-теоретический арсенал средств и методов империалистической и неокOLONиалистской политики и взять на вооружение новые принципы отношений между государствами и народами.

Мировой социализм противопоставляет политике «баланса сил» политику равноправного сотрудничества всех государств и народов независимо от их общественного строя, политику национального и экономического возрождения, освобождения народов от экономического и социального гнета монополистического капитала. Создание каких-либо моделей отношений между странами на основе известных исторических параллелей не сможет решить эти проблемы. Необходимо обращаться к современности, которая уже дает ответы на многие жгучие и спорные вопросы.

В этом отношении показателен пример Индокитая. Он дает не надуманную, а реальную картину главных тенденций развития ситуации в Азии. В основе соглашений о восстановлении мира во Вьетнаме и Лаосе лежит устранение внешнего источника конфликта и иностранного вмешательства в дела стран полуострова. На международной конференции в Париже с участием всех великих держав и других стран, как известно, были достигнуты соглашения, выполнение которых обеспечивает установление мира в этом районе и прекращение иностранного вмешательства во Вьетнаме, была признана его нейтрализация.

Опыт Вьетнама и Лаоса свидетельствует о том, что в современном мире трудно локализовать конфликты. Вместе с тем заключение мира в этих странах показало, что его достижение зависит от усилий всех заинтересованных государств, всех прогрессивных и миролюбивых сил, вставших на защиту правого дела. Гарантии независимости, суверенитета, единства, территориальной целостности и самоопределения вьетнамского и лаосского народов теперь признаны всеми, в том числе великими державами и странами Южной и Юго-Восточной Азии.

Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме и Лаосе отражают широкий спектр проблем глобального, регионального и внутривполитического урегулирования, которые имеют значение, выходящее за рамки стран Индокитайского полуострова. Нельзя не согласиться с мнением ученых-юристов ДРВ о том, что Парижское соглашение зафиксировало «новое соотношение Права и Силы между двумя лагерями»¹⁷. Соглашения по Вьетнаму и Лаосу свидетельствуют о воплощении в жизнь новых прогрессивных принципов международных отношений, соответствующих растущему влиянию социализма и национально-освободительных движений на решение мировых и региональных проблем.

Вскрывая международное значение конфликта на Индокитайском полуострове, Л. И. Брежнев указал на то, что «Война во Вьетнаме не была, да и не могла быть чисто региональным явлением. Она глубоко затронула интересы многих государств. Ее последствия сказывались на всей мировой политике»¹⁸. Глобальный аспект урегулирования вьетнам-

¹⁷ «L'Accord de Paris sur le Vietnam». Hanoi, 1973, p. 40.

¹⁸ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4, М., 1974, стр. 186.

ской проблемы нашел свое отражение в Акте международной конференции по Вьетнаму, подписанном представителями двенадцати государств и сторон 2 марта 1973 года. В этом документе, носящем многосторонний характер, зафиксировано международно-правовое признание основных прав народа, борющегося за национальное освобождение, прав на независимое развитие, единство, национальное самоопределение.

Акт международной конференции по Вьетнаму, как подчеркивают ученые ДРВ, «универсализировал Парижское соглашение»¹⁹, то есть оно приобрело характер многостороннего международного договора, стало новейшим источником международного права, отражающим новые тенденции развития событий в Азии. Было удовлетворено и нашло всеобщее признание требование патриотических сил стран Индокитайского полуострова об отказе от вмешательства во внутренние дела их стран, о необходимости воздерживаться от каких бы то ни было действий, противоречащих Парижскому соглашению, достигнутому между сторонами, находившимися в конфликте: США, ДРВ, РЮВ и Сайгоном. Акт международной конференции по Вьетнаму содержит также обязательства подписавших его сторон гарантировать основные национальные права вьетнамского народа. Участники соглашения обязались воздерживаться от нарушения подписанных соглашений, а также консультироваться каждая в отдельности или совместно с другими сторонами, подписавшими Акт, с «целью определения необходимых мер для исправления положения». Иными словами, Акт международной конференции по Вьетнаму наряду с признанием тех неотъемлемых прав, за которые боролся вьетнамский народ, содержит отказ от попыток изменить положение в регионе силой.

Помимо глобального, существует еще и региональный аспект урегулирования конфликта во Вьетнаме и Лаосе. «По нашему убеждению, — заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — восстановление мира на всем Индокитайском полуострове создаст хорошие предпосылки для дальнейших конкретных шагов по упрочению безопасности на обширном азиатском континенте, даст новый стимул к налаживанию равноправного добрососедского сотрудничества всех азиатских государств без каких-либо исключений»²⁰.

В соглашении о прекращении войны во Вьетнаме указывается на характер взаимоотношений между странами Индокитайского полуострова, которые могут быть применены и к другим странам Юго-Восточной Азии. «Проблемы, существующие между индокитайскими странами, должны быть урегулированы индокитайскими сторонами на основе уважения независимости, суверенитета и территориальной неприкосновенности, а также невмешательства во внутренние дела друг друга» (пункт «г», ст. 20)²¹.

Достигнуто внутривосточное урегулирование, стабилизировано положение в Лаосе. Демонстрируя добрую волю, патриотические силы Лаоса 21 февраля 1973 г. подписали соглашение о восстановлении мира и достижении национального согласия в стране. Соглашение, получившее название Вьентьянского, основано на документах, выработанных 14 государствами в 1962 г. на Женевской конференции по Лаосу. Основными принципами, заложенными в этих соглашениях, предусматривается достижение национального согласия в стране путем политического урегулирования, создания коалиционного правительства из различных поли-

¹⁹ «L'Accord de Paris sur le Vietnam». Hanoi, 1973, p. 234.

²⁰ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4, М., 1974, стр. 189.

²¹ «Известия», 25.I.1973.

тических сил, предоставления возможности лаосскому народу самому решать собственную судьбу без иностранного вмешательства и обеспечить международное признание суверенитета, территориальной целостности и нейтралитета Лаоса.

Соглашением о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе предусматривается во внешнеполитическом аспекте соблюдение Женевских соглашений 1962 г. по Лаосу. Декларация о нейтралитете Лаоса от 9 июля 1962 г. берется за основу определения внешнеполитического курса страны. Во внутривнутриполитическом аспекте предусматривалось создание Временного правительства национального единства из представителей двух политических сил: патриотических сил и вьетнянской стороны, а также Национального политического консультативного совета, сформированного на тех же паритетных началах представительства двух сил.

Дальнейший процесс политического урегулирования в Лаосе привел к подписанию 14 сентября 1973 г. протокола к Вьетнянскому соглашению о создании Временного правительства национального единства и Национального политического консультативного совета, а также нейтрализации столицы Лаоса г. Вьентьяна и королевской резиденции г. Луанг-Прабанга, выводе с территории Лаоса иностранных войск и ликвидации военных баз империалистических держав, пересмотре антидемократических законов.

Воплощение в жизнь соглашений о прекращении войны во Вьетнаме и Лаосе свидетельствует о том, что в практику международных отношений в Азии внедряются новые принципы. Именно эти принципы заложены в предложении Советского Союза о создании системы коллективной безопасности в Азии. Они находятся в полном соответствии с Уставом ООН, получили в 1973 г. одобрение ряда стран Азии, прогрессивной общечеловечности на Московском конгрессе миролюбивых сил, зафиксированы в ряде многосторонних и двусторонних соглашений. Теперь общечеловечность в странах Азии ставит перед собой задачу повсеместного внедрения этих принципов в практику взаимоотношений государств.

Разумеется, широкая пропаганда этих принципов не исключает, а предполагает выдвижение и обсуждение других конкретных позитивных предложений, направленных на обеспечение мира в Азии. Обмен мнениями по этим вопросам уже начался во многих странах. В Японии, в городе Фукуока, в июне 1974 г. состоялся симпозиум по вопросам международных отношений на Дальнем Востоке, в котором приняли участие ученые Японии, США, Индии, Индонезии, Англии, Австралии и других стран. В июле 1974 г. в Москве состоялся советско-японский симпозиум «Мир и безопасность в Азии», где было выдвинуто немало интересных идей. Решение сложного и взаимосвязанного комплекса международных и внутривнутриполитического аспектов урегулирования конфликта во Вьетнаме и Лаосе служит позитивным вкладом в поиски системы прочного мира и стабильности в Юго-Восточной Азии. Устранение внешнего вмешательства, вывод иностранных войск с территорий суверенных государств, коллективные гарантии независимости и суверенитета — вот те цели, к достижению которых стремятся государства Юго-Восточной Азии. Система коллективной безопасности отвечает именно этим задачам, жизненным интересам народов Азии.

ИДЕОЛОГИЯ

Об этапах

идеологической эволюции маоизма

В. Ф. Феоктистов,

кандидат философских наук

Научная критика идеологии маоизма требует не только анализа его современных концепций и политической практики, но и исследования всего процесса эволюции маоизма — от его предыстории до оформления в самостоятельную политическую доктрину и движение.

Маоизм как идеологическое течение прошел в своем развитии ряд этапов и окончательно оформился в самостоятельную политическую доктрину к началу 60-х годов. До этого шел процесс вызревания основных концепций маоизма, определяющим и направляющим моментом которого был национализм, переросший в конечном итоге в великоханьский социал-шовинизм. Именно национализм явился тем идеологическим стержнем, на который напизывались прочие, вторичные элементы политической идеологии маоизма.

Великодержавный шовинизм и сейчас служит фундаментом, поддерживающим весь каркас теоретических построений маоизма, представляющих собой эклектическую смесь самых разнородных и подчас противоречивых взглядов.

Сказанное не означает, что маоизм сводится только к политической идеологии, — он имеет и свою методологию и определенные экономические концепции. Однако «душу» маоизма, его суть составляет именно политическая идеология, в то время как все прочие концепции маоизма, в том числе и его «мировоззренческие построения», носят чисто подсобный, подчиненный политической доктрине характер. Именно учет этой особенности маоизма, выделение его сущности, главной несущей конструкции — политической социал-шовинистической идеологии — позволяет, на наш взгляд, правильно подойти к процессу его эволюции, понять определяющее направление этой эволюции.

Поскольку маоизм развивался внутри коммунистического движения Китая и был связан с деятельностью Мао Цзэ-дуна и его группы в КПК, а затем и в КНР, он выходит за рамки чисто идеологического течения и может быть охарактеризован и как политическая практика, которой непосредственно подчинена вся теоретическая деятельность маоистов. В этом смысле эволюция маоизма как идеологии обусловлена политической практикой Мао Цзэ-дуна, его фракционной борьбой за власть — сначала внутри Коммунистической партии Китая, а затем и за гегемонию в международном коммунистическом и национально-освободительном движении. Поэтому процесс возникновения, эволюции и окончательного оформления маоизма в идейно-политическое течение, глубоко враждебное марксизму-ленинизму и противостоящее мировому революционному движению, может быть правильно понят лишь с учетом общей борьбы двух линий в истории КПК и революционного движения в Китае — марксистско-ленинской, интернационалистической, с одной стороны,

и мелкобуржуазной, националистической — с другой. Только на этом фоне политической истории Китая в новейшее время возможно выявление действительных причин формирования тех или иных теоретических концепций маоизма.

Исходя из этой основной посылки, в процессе эволюции маоизма как общественно-политического течения можно выделить два периода — борьбу маоизма за господствующее положение внутри революционного движения в Китае, то есть этап его фракционного развития в КПК (1935—1959), и период борьбы маоистов за гегемонию в международном коммунистическом движении (1960—1974). Стержнем этой эволюции явились все более обнаруживавшие себя гегемонизм и великоханьский шовинизм, которые привели маоизм к полному разрыву с коммунистическим движением и смыканию с мировым антикоммунизмом.

Этой идейно-политической эволюции маоизма сопутствовала и своя логика становления его «теоретических» концепций. Логика эта не всегда точно совпадала с собственно политической практикой маоистов, поскольку последняя в решающей степени зависела от соотношения сил и конкретных форм борьбы двух линий в КПК, что зачастую вынуждало маоистов лавировать, двурушничать, приспосабливаться к той или иной конкретной политической обстановке, идти на временные компромиссы и уступки марксистским, интернационалистским силам в КПК, когда эти силы одерживали верх и определяли принципиальную политику КПК. Так было, например, в первые восемь лет существования КНР, когда маоисты вынуждены были временно отказаться от открытого проведения своего политического курса, не оставив, однако, как показала последующая практика, своих стратегических планов замены в КПК марксизма-ленинизма маоистской политической доктриной. И хотя реальную политику КПК в этот период определял в целом не маоизм, он продолжал свою «теоретическую» деятельность, подготавливая идеологическую почву для последующего нового политического наступления на КПК, на теорию и практику научного коммунизма.

Маоизм, следовательно, как определенную политическую доктрину было бы неправильно полностью отождествлять с политической практикой Мао Цзэ-дуна и его группы. Связь между ними сложнее, она опосредствована целым рядом внутренних и внешних факторов политической истории Китая. И тем не менее и здесь, в логике развития маоизма, как суммы «теоретических» концепций, сохранялась общая тенденция политической эволюции маоизма — от «особого», «китаизированного марксизма» внутри КПК к претензии на «высший этап» развития теории и практики научного коммунизма в современную эпоху вообще. Другими словами, в теоретической эволюции маоизма определяющим моментом также являлся национализм, великодержавный гегемонизм.

При анализе эволюции маоизма, как идеологического течения, необходимо учитывать и еще одну существенную его особенность — политический прагматизм, который характеризуется демагогическим использованием маоистами философской терминологии для «теоретического» оправдания политической практики. А поскольку маоизм развивался внутри коммунистического движения, он, естественно, прибегал к использованию марксистской системы понятий и категорий, пытаясь таким образом придать своей доктрине и практике «марксистский» характер. Именно политический прагматизм обусловил «обращение» маоизма к отдельным положениям марксистской теории, которые он, извращая и вульгаризируя, «приспосабливал» к своей политике. Политический прагматизм дополнялся, таким образом, беззастенчивой спекуляцией на марксизме, именем которого маоизм пытался прикрыть, закамуфлировать

вать свою собственную политическую идеологию. Эта особенность маоизма также наложила свой отпечаток на его эволюцию и в значительной степени определяла его тактику на различных этапах развития.

Перечисленные выше специфические черты маоизма обуславливают и метод анализа его эволюции: он должен, очевидно, заключаться в комплексном рассмотрении теоретических и политических аспектов, в сочетании анализа эволюции теоретических положений маоизма с анализом его политической практики.

Помимо объективных истоков и условий, формирование и эволюция маоизма в огромной степени зависели от субъективного фактора, иными словами — от личности Мао Цзэ-дуна, как главного субъекта и носителя маоистской идеологии.

Дело в том, что традиционно-националистические и прочие немарксистские идейно-политические концепции, на базе которых формировались взгляды Мао Цзэ-дуна, могли быть преодолены им в процессе последующего глубокого овладения марксизмом-ленинизмом и изучения революционного (в том числе и научно-теоретического) опыта других коммунистических партий, международного коммунистического движения в целом. В. И. Ленин указывал, что «социал-демократическое движение международно, по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран»¹. Между тем Мао Цзэ-дун начинал, а затем и продолжал свою теоретическую и практическую деятельность как мелкобуржуазный националист, замкнувшийся в чисто национальных особенностях Китая, сознательно игнорировавший и даже третировавший международный опыт рабочего и коммунистического движения, научное наследие классиков марксизма-ленинизма. Мао всегда нигилистически относился к марксизму-ленинизму как к науке об общих закономерностях развития природы и общества, об общих принципах социалистической революции и социалистического переустройства общества, которые имеют всеобщий характер и относятся к Китаю в такой же степени, как и любой другой стране. Здесь уместно заметить, что появление марксизма Мао выводит из одной лишь классовой борьбы, игнорируя научный, теоретический источник его формирования и сводя марксизм, по существу, к учению о классовой борьбе. «Маркс... занимался классовой борьбой,— говорил Мао Цзэ-дун в выступлении перед представителями философской общественности в 1964 г.— и именно благодаря этому он пришел к революции; значит, основой была классовая борьба, а потом уже начались занятия философией». Как здесь не вспомнить замечательных слов Ф. Энгельса об обязанности вождей революционного рабочего движения, сказанных им еще в 1874 г.! Отмечая возрастающую роль революционной теории по мере роста рабочего движения, Ф. Энгельс писал: «В особенности обязанность вождей будет состоять в том ...чтобы все более и более освободиться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор, как он стал наукой, требует, чтобы с ним обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали»².

Это изначальное условие формирования подлинно революционного сознания Мао Цзэ-дун всегда третировал как проявление «догматизма»,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 6, стр. 24.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 18, стр. 499.

как отрыв от классовой борьбы в национальных условиях, в которой он только и видел источник формирования революционной теории. Национальные условия классовой борьбы в Китае, таким образом, воспринимались Мао Цзэ-дунем не через призму общей теории марксизма-ленинизма и международного опыта революционной борьбы рабочего класса, а с позиции узконационального мелкобуржуазного идеолога, выросшего на «своей», национальной почве. Национальная же почва Китая тех лет из-за его экономической отсталости, слабости революционного движения и огромной устойчивости традиционной феодальной идеологии среди мелкобуржуазной массы страны, без соединения с международным коммунистическим движением могла лишь способствовать выработке и укреплению мелкобуржуазной националистической идеологии.

Исходя из этих особенностей становления маоизма, в дополнение к двум основным принципиальным этапам его эволюции как определенного идейно-политического течения, необходимо выделить еще один — период с 1917 по 1934 г., — который может быть охарактеризован как предыстория маоизма, период зарождения и первоначального формирования взглядов Мао Цзэ-дуна на мелкобуржуазной шовинистической основе.

Внутри этих трех крупных этапов, естественно, существовали и более мелкие, частные периоды эволюции маоизма, которые в основном обуславливались политическими интересами практической деятельности Мао Цзэ-дуна и его тактикой в борьбе за власть в партии.

Необходимо сделать еще одно замечание. Хронологическое совпадение этапов политической и идеологической эволюции маоизма может быть принято лишь условно, поскольку рубежи политической эволюции маоизма не всегда точно совпадали с эволюцией его идеологии и теоретических концепций. Так, если 1935 г. явился действительно рубежом в политической борьбе Мао Цзэ-дуна и его группы за власть в партии и армии, то этот рубеж не привел сразу же, непосредственно к существенному сдвигу во взглядах Мао Цзэ-дуна. Он создал лишь политические условия для этого сдвига, который произошел позднее, в конце 30-х годов и особенно ярко обнаружил себя в 1940 г., когда Мао Цзэ-дун опубликовал работу «О новой демократии».

Рассмотрим теперь основное содержание каждого из трех этапов эволюции маоизма.

Этап становления и формирования политических взглядов Мао Цзэ-дуна можно разбить на два периода: 1917—1920 гг. (от первой политической публикации Мао Цзэ-дуна до его знакомства с отдельными произведениями Маркса и Энгельса) и 1921—1934 гг. (период от вступления Мао в КПК и до так называемого «расширенного совещания Политбюро ЦК КПК в Цзуньи» в январе 1935 г.).

Получив традиционное, в конфуцианском духе, образование в начальной школе, «соединив» затем великоханьские идеи конфуцианства, легизма с шовинистической расистской теорией «социального дарвинизма» Лян Ци-чао и концепцией Спенсера, Мао Цзэ-дун вступает в сознательную политическую жизнь как великоханьский шовинист. По его собственному признанию, он зачитывался статьями Кан Ю-вэя, Лян Ци-чао, династийными историями, особенно теми, где описывались деяния «сильных» императоров Китая (Цинь Ши-хуана, Лю Бана, У-ди и др.), подробно конспектирует книгу немецкого идеалиста XIX в. Ф. Паульсена «Основные принципы этики». Под влиянием этой книги Мао Цзэ-дун пишет свой первый трактат «Энергия разума», который его учитель Ян Чап-цин

(также кантианец-идеалист), по свидетельству самого Мао Цзэ-дуна, «очень высоко оценил со своих идеалистических позиций»³.

Хотя сам трактат не сохранился, определенное представление о его содержании, так же как и о взглядах Мао Цзэ-дуна в этот период, дают сохранившаяся книга Ф. Паульсена с пометками Мао Цзэ-дуна и школьная тетрадь Мао с записями лекций, читавшихся в педучилище, и его комментариями к ним⁴. Пометки Мао на полях книги Ф. Паульсена свидетельствуют о восприятии им идеалистической концепции решающей роли «духа», разума, воли индивидуума в преобразовании общества. «Мы должны полностью развить способности нашего тела и нашего духа»; «если мы подчиняемся богам, то почему бы нам не подчиняться велениям своего собственного разума? Наше Я — это и есть бог, какой еще может быть бог вне нас?» — вот лишь некоторые из этих пометок. Этот же идеалистический взгляд на роль «разума», «воли» человека в общественном прогрессе проявился и в первой печатной продукции Мао Цзэ-дуна — статье «Изучение физической культуры», опубликованной в 1917 г. в апрельской книжке журнала «Синь циннянь». «Наша нация нуждается в силе, — писал Мао в этой статье. — Военный дух у нас не поощряется, физическое состояние населения ухудшается с каждым днем. Это крайне тревожное явление... Крепость тела — важное явление, основа всего. Если физически мы не будем сильны, то при виде вражеских солдат испугаемся, — как же тогда мы сможем достичь наших целей и заставить уважать себя?» Развивая дальше взгляд на «физическую крепость» индивида как основу «добродетели, мудрости и высокой морали», Мао пишет: «...Добродетель и мудрость отсылают нас снова к физическому состоянию человека; без тела нет ни мужества, ни мудрости... Тело наделено знаниями, как тележка; мораль находится в нем, как дома... Только крепкие телом могут достичь успехов в учебе и добродетели...». Цель физического воспитания Мао видел в формировании «волевой личности», выражающей «дух нации». «Сила воли, — писал он, — предшествует карьере человека». Статья Мао в основных своих чертах перекликается с националистическими идеями «обновления народа», проповедовавшимися в то время реформаторами, в частности Лян Ци-чао.

Как показала последующая эволюция взглядов Мао Цзэ-дуна, идеи «сильной», «волевой» личности, ставка на «крепость военного духа китайской нации» не только не утратили своего значения в «идеях Мао», но приобрели со временем законченную форму в виде субъективно-идеалистической милитаристской концепции общественного развития Китая.

Шовинистические идеи конфуцианства, легизма, социал-дарвинизма как первые истоки взглядов Мао Цзэ-дуна составили лишь одну сторону формирования его взглядов. Другую, не менее важную сторону представляли анархистские идеи, с которыми Мао Цзэ-дун познакомился еще в годы учебы в педучилище в Чанша, затем «серьезно увлекся» во время своей первой поездки в Пекин в 1918—1919 гг. Свидетельством увлечения Мао анархизмом является его статья «Широкий союз народа», опубликованная в 1919 г. в журнале «Сянцзян пинлунь» (№ 2—4). Статья откровенно апологетически излагает анархистскую программу преобразования мира в духе идей Кропоткина. История человеческого общества, в том числе и Октябрьской революции в России, рассматривается в ней как история борьбы различных союзов; причину классового расслоения общества Мао Цзэ-дун видит в «отсутствии или наличии де-

³ Edg ar Snow. Red Star over China. N. Y., 1961, p. 144.

⁴ См.: Ли Жуй. Начальный период революционной деятельности товарища Мао Цзэ-дуна. Пекин, 1957.

нег»; объединение «простых людей» в «широкий союз» объявляется Мао Цзэ-дуном источником всех «величайших движений». Эти взгляды анархистов «кропоткинского направления» квалифицировались Мао Цзэ-дуном как «более широкие и глубокие», нежели взгляды «группы решительных действий», во главе которой стоял «человек, родившийся в Германии, по имени Маркс».

Интересно отметить, что идеи этой откровенно анархистской статьи Мао Цзэ-дуна подняты ныне на щит официальной маонистской пропагандой, как «блестящее произведение» Мао, принципы которого «сохранили свое величие и глубину вплоть до наших дней»⁵. Если отбросить содержащиеся здесь эпитеты, то действительно, следует признать, что анархистские идеи, как один из существенных моментов идеологии маонизма, не только сохранились, но и получили свое развитие в теоретической, а особенно в практической деятельности Мао Цзэ-дуна и его группы в дальнейшем. Эти «идеи», в частности, явились «питательной средой» бесчинств хунвэйбинов в период так называемой «культурной революции».

По существу, с таким идейным багажом Мао Цзэ-дун примкнул в 1920 г. к марксистским кружкам, а позднее и к Коммунистической партии Китая. Знакомство с отдельными работами Маркса и Энгельса носило у Мао поверхностный характер и не привело, как показала последующая эволюция его взглядов, к усвоению им сути марксистско-ленинского учения. Как отмечалось выше, отдельные положения этого учения воспринимались Мао Цзэ-дуном сквозь призму его националистических, мелкобуржуазных взглядов. Позднее же эти положения, а вернее, марксистская терминология использовалась Мао Цзэ-дуном лишь для сознательного прикрытия шовинистической сущности его взглядов.

Период с 1921 по 1934 г. в политическом плане был периодом борьбы Мао Цзэ-дуна за влияние и власть в КПК и китайской Красной Армии. Этой борьбе соответствовал и характер его идеологической эволюции. Эти годы характеризовались идеологическими шатаниями Мао Цзэ-дуна, шараханием от левацких, авантюристических установок к правооппортунистическому капитулянтству перед гоминьданом, национальной буржуазией. Но в этих шараханиях и противоречивых колебаниях можно выделить тем не менее стержневые моменты: ими по-прежнему являлись, с одной стороны, великоханьский шовинизм, а с другой — мелкобуржуазный авантюризм. Это наглядно проявилось в деятельности Мао Цзэ-дуна в конце 20-х годов, когда он следовал ультралевой авантюристической линии Ли Ли-саня, пронизанной в то же время крайним национализмом, в угоду которому он готов был развязать мировую войну и пожертвовать существованием Советского Союза. Еще в 1923 г., на III съезде КПК, Мао Цзэ-дун заявил, что «революцию в Китае может принести с собой только русская армия с Севера». В основе этих взглядов Мао лежала пессимистическая оценка перспектив китайской революции, которая особенно усилилась у него после поражения революции 1925—1927 гг. в Китае.

В то же время Мао Цзэ-дун вслед за Ли Ли-санем видел единственный выход из тяжелого положения в искусственном «ускорении подъема революции» путем военных путчей.

«Теоретическая» деятельность Мао в 20-х годах наглядно обнажила немарксистский характер его взглядов на коренные проблемы структуры китайского общества и движущих сил китайской революции. Правооппортунистический характер его концепций проявился в статье Мао Цзэ-ду-

⁵ «Нунну чжан», 20.II.1967.

на «Пекинский политический переворот и торговцы» («Сяндао», 1923, № 31—32), в которой Мао объявлял гегемоном «национальной революции» в Китае торговую буржуазию. «Чем шире будет организация торговцев,— писал Мао Цзэ-дун,— тем больше будет их влияние, тем больше будет сила, руководящая народом всей страны, и тем быстрее революция одержит победу». Путаные, немарксистские взгляды на социальную структуру Китая изложил Мао Цзэ-дун в своей статье «Анализ общественных классов Китая», опубликованной в гоминьдановском журнале «Чжунго нунминь» (№ 2, 1926)⁶. Теоретический уровень этой статьи виден из следующего отрывка: «В любом государстве... население подразделяется на пять категорий: крупную, среднюю, мелкую буржуазию, полупролетариат и пролетариат. Если говорить о деревне, то крупные помещики будут относиться к крупной буржуазии, полуарендаторы — к полупролетариату, а батраки — к пролетариату». Основу определения классовой принадлежности в обществе Мао видел в величине доходов. Те же критерии, кстати, содержатся и в другой «работе» Мао Цзэ-дуна этого периода — «Докладе об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань» (также впоследствии изрядно «отредактированной» автором).

Приведенные выше основные вехи формирования взглядов Мао Цзэ-дуна показывают, что к 1935 г., когда Мао удалось, воспользовавшись тяжелым положением в КПК, значительно упрочить свое влияние в партии, захватить власть в армии и сколотить группу своих приверженцев, то есть ко времени политического оформления маоизма в особую фракцию внутри КПК, Мао Цзэ-дун пришел как мелкобуржуазный шовинист, с весьма путаными, немарксистскими взглядами на характер китайского общества и китайской революции.

По мере усиления борьбы Мао Цзэ-дуна за власть в партии росли и его претензии на роль «теоретика» китайской революции. Эти претензии переросли в конце 30-х годов в прямую попытку выдать «идею Мао» за некий «китанизированный марксизм». Саму идею «китанизации марксизма» Мао Цзэ-дун довольно ясно сформулировал в выступлении на VI пленуме ЦК КПК в октябре 1938 г. «Не существует такого понятия, как абстрактный марксизм,— говорил Мао,— существует только конкретный марксизм. То, что мы называем конкретным марксизмом, есть марксизм, который принял национальную форму... Китанизация марксизма — так это следует называть — означает, что во всех своих проявлениях он (марксизм) исходит из китайской специфики, применяется в соответствии с этими особенностями...»⁷. Националистические рассуждения о необходимости «китанизации» марксизма явились прологом развернутой вскоре Мао Цзэ-дуном идеологической и политической кампании против марксистских, интернационалистических сил в КПК, ради утверждения в партии собственных мелкобуржуазных, националистических взглядов.

Этой же цели служили статьи и выступления Мао Цзэ-дуна в начале 40-х годов («Перестроим нашу учебу», «За правильный стиль в работе партии», «Против шаблонных схем в партии», «Выступления на совещании по вопросам литературы и искусства»). Ту же цель преследовала, по существу, и работа Мао «О новой демократии», в которой он в наиболее полном виде сформулировал свои политические взгляды. Суть этой работы сводилась к ревизии коренного положения марксист-

⁶ Статья в существенно переработанном, по существу фальсифицированном виде вошла в 1-й том избранных произведений Мао. — Прим. авт.

⁷ Мао Цзэ-дун. На новом этапе. Чунцин. Б. г., стр. 73—75.

ско-ленинского учения о всемирно-исторической миссии рабочего класса и подмене ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую теорией «поводемократической революции» как «крестьянской революции», которая должна привести к диктатуре «союза всех революционных классов», что фактически означало бы «предоставление крестьянству власти»⁸.

Основные идеи «новой демократии» были изложены затем Мао Цзэ-дунем и в докладе «О коалиционном правительстве», сделанном на VII съезде КПК в 1945 г.

В этот же период, в 1936—1938 гг., Мао Цзэ-дун формулирует и свои взгляды на мировую войну как фактор социального прогресса, как «мост», по которому человечество якобы только и может перейти в «новую историческую эпоху»⁹.

Сумев навязать свою мелкобуржуазную, националистическую идеологию Компартии Китая в 1945 г., Мао Цзэ-дун и его группа вынуждены были в дальнейшем временно отступить. Развитие китайской революции в 1946—1949 гг. значительно укрепило марксистские силы в КПК, которые на мартовском пленуме ЦК КПК в 1949 г. отвергли маоистскую концепцию «новой демократии» и взяли курс на постепенное перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Однако, как показали последующие события, Мао Цзэ-дун и его группа не сложили оружие: они лишь маскировали свои стратегические цели, готовя новое наступление на марксизм-ленинизм и его представителей в КПК. Ставшие известными в последнее время из публикаций хунвэйбинов многочисленные выступления Мао Цзэ-дуна в 50-х годах свидетельствуют о том, что он и в этот период не отказался от своей националистической платформы, от шовинистических взглядов. Наиболее наглядным проявлением этой платформы, конечно, была авантюристическая политика «3-х красных знамен» 1958 г. Однако эти же гегемонистские идеи Мао развивал и раньше. Например, в 1956 г., выступая на совещании по вопросу об интеллигенции, он заявил: «Не должно случиться так, что спустя несколько десятилетий мы все еще не станем первой державой мира». В выступлении на II сессии VIII съезда КПК 3 мая 1958 г. Мао говорил: «В нашей практике мы превзошли Маркса... Утверждать свои идеи нужно повсюду. Если ты не водрузишь своего знамени, то кто-то водрузит свое... Ленин называл передовой Азию и отсталой Европу. Это — истина. Она верна до сих пор... Развитие Китая иллюстрирует тенденцию развития всей международной обстановки». В этом же выступлении Мао изложил и свою старую идею о «пользе» мировой войны: «Войны не нужно бояться... Если во время войны погибнет половина человечества — это не имеет значения. Не страшно, если останется и треть... Если действительно разразится атомная война, не так уж это и плохо, в итоге погибнет капитализм, и на земле воцарится вечный мир».

В конце 50-х годов маоизм формулирует и свою концепцию «антагонистических противоречий» в социалистическом обществе, которая получила дальнейшее развитие в 60-х и 70-х годах в виде теории «продолжения революции при диктатуре пролетариата» как попытка «теоретического» оправдания политических репрессий против противников маоизма. Основы этой концепции были заложены в речи Мао Цзэ-дуна «О правильном разрешении противоречий внутри народа» в феврале 1957 г.

⁸ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 3. М., 1953, стр. 223, 246.

⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 1. Пекин, 1967, стр. 232.

Таким образом, маонизм продолжал националистическую эволюцию в 50-е годы, более изощренно прикрывая свою платформу путем широкого использования в искаженном виде марксистской системы понятий и терминологии. Именно эту цель преследовало издание в 1950—1952 гг. четырехтомника фальсифицированных «избранных произведений» Мао Цзэ-дуна. К концу 50-х годов завершается процесс формирования маонизма в великодержавно-шовинистическое идеологическое течение со своей «особой» мелкобуржуазной националистической платформой. Затем в 60-е годы маонизм переходит к открытой борьбе за гегемонию в международном коммунистическом и рабочем движении.

Если до 60-х годов маонизм развивался в основном внутри революционного движения и Коммунистической партии Китая, то начиная с 60-х годов он выходит за национальные рамки Китая и, сомкнувшись с другими оппортунистическими антикоммунистическими течениями, образует, по существу, второй фронт борьбы мирового империализма против сил мира и социализма. Начиная с известного «Предложения о генеральной линии международного коммунистического движения» (1963 г.), содержащего ревизию всех основных положений документов Московских совещаний 1957 и 1960 гг., и кончая идеологической платформой IX и X съездов КПК в 1969 и 1973 гг., маонизм полностью обнажил свои великодержавно-гегемонистские цели и свою непримиримую враждебность теории и практики научного коммунизма.

Националистическая, великодержавно-гегемонистская сущность маонизма особенно «ярко» проявила себя в период так называемой «культурной революции» 1966—1969 гг., в ходе которой Мао Цзэ-дун и его группа осуществили контрреволюционный политический переворот и сумели навязать КПК свою оппортунистическую, ревизионистскую идеологию. Именно в этот период маонисты открыто провозгласили Китай центром революционного процесса современности, а «культурную революцию» — новой «великой эпохой» всемирной истории. «Великая пролетарская культурная революция, совершившаяся у нас, в Китае,— писала газета «Жэньминь жибао» 1 июня 1966 г.,— по своим масштабам не знает себе равных в истории». «Новая великая эпоха — эпоха 700 миллионов мудрецов,— утверждала та же газета в номере от 8 июня 1966 г.,— показалась на горизонте, когда беспрецедентно широкий размах приобрело движение критики в нынешней великой культурной революции. Будем же приветствовать эту новую великую эпоху!» И как логическое завершение этих гегемонистских, социал-шовинистических претензий прозвучал в эти годы призыв хунвэйбинов: «Водрузим знамя идей Мао Цзэ-дуна над всем миром!» Политическая идеология маонизма была открыто объявлена в Пекине «вершиной марксизма-ленинизма», а его (маонизма) политическая практика — исторически неизбежной и необходимой для всех народов мира.

Данное на IX съезде КПК в 1969 г. определение «идей Мао Цзэ-дуна» как «марксизма-ленинизма» современной эпохи явилось новым шагом на пути националистической эволюции маонизма. И хотя в документах X съезда КПК этот тезис прямо не повторяется, тем не менее в них, по существу, утверждается та же мысль. Действительно, поскольку, как говорится в Отчетном докладе X съезду КПК, «ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции», а Мао Цзэ-дун «унаследовал, отстоял и развил марксизм-ленинизм» в эту новую эпоху, следовательно, его «идеи» и составляют все ту же «вершину» развития марксизма-ленинизма, о которой говорилось ранее, в период «культурной революции». Внешний камуфляж, более обтекаемые формулировки материалов X съезда КПК призваны лишь смягчить категоричность и

навязчивость этого определения, но отнюдь не снимают его основного смысла. Маоизм, таким образом, как бы лишается своей персонификации и полностью отождествляется с марксизмом-ленинизмом современной эпохи.

В этот же период маоизм переходит от идеологической борьбы против научного коммунизма к прямой политической борьбе с социалистическим содружеством, выступает откровенным пособником наиболее реакционных империалистических кругов. Для «теоретического» прикрытия этой борьбы маоизм изобретает новое определение характера современной эпохи, пытаясь «обосновать» им свои великодержавно-шовинистические, гегемонистские претензии. Объявив на X съезде КПК (август 1973 г.) нашу эпоху «эпохой империализма и пролетарской революции», маоисты тем самым ревизовали документы Московских совещаний 1957, 1960 и 1969 гг.

Эта новая ревизия теоретических положений документов международных совещаний коммунистических и рабочих партий и содержащегося в них определения современной эпохи как эпохи перехода от капитализма к социализму понадобилась, как видно, маоистам для того, чтобы таким путем «вывести» якобы исторически, объективно неизбежную авангардистскую роль маоизма в революционном процессе, изобразить его адептов единственными выразителями интересов «пролетарской» революции.

Пытаясь теоретически оправдать гегемонизм и великоханьский шовинизм, маоисты изобретают далее еще одну «новейшую концепцию» — об основном противоречии современной эпохи, которым объявляется противоречие между «всеми странами и народами мира» и ...мировой системой социализма. Именно этот смысл вкладывается маоистами в их доктрину «одной-двух сверхдержав», которая направлена на «теоретическое» оправдание их борьбы против Советского Союза, всего социалистического содружества.

Прикрываясь этими «теоретическими» измышлениями, маоизм пытается ныне сколотить под эгидой Китая «единый мировой фронт» для борьбы против сил мира, демократии и социализма.

Анализ эволюции идеологических взглядов Мао Цзэ-дуна и оформления маоизма в особое идеологическое течение показывает, что маоизм на всем протяжении процесса своего развития представлял и представляет собой мелкобуржуазную шовинистическую идеологию, в корне враждебную теории и практике научного коммунизма. Та идейная и политическая трансформация маоизма, которая привела его к прямому смыканию с самыми реакционными силами мирового антикоммунизма, была с самого начала заложена в его антимарксистских, националистических концепциях и политической практике. Антисоциалистическая платформа маоизма, навязанная КПК и китайскому государству, не могла поэтому не вызвать глубокого идейно-политического кризиса в Китае, вступив в принципиальное противоречие с социалистическими завоеваниями китайских трудящихся, с марксистско-ленинской теорией и практикой научного коммунизма. Это противоречие обуславливает в конечном итоге историческую обреченность маоизма.

Эффективнее бороться против маоизма

Л. Новотный (ЧССР)

Несколько лет назад Чехословакия пережила контрреволюционные попытки свести ее с пути социалистического строительства. На примере Чехословакии снова подтвердилась актуальность выводов Ленина о том, что классовый противник никогда не будет сидеть сложа руки, а будет стремиться к ликвидации социализма, используя при этом все доступные средства.

В настоящее время усиленную активность в борьбе против социализма проявляет маоизм. Наша точка зрения на сущность и роль маоизма в борьбе против социализма выражена в тезисах, сформулированных на XIV съезде КПЧ и в ряде других документов нашей партии. Эта точка зрения соответствует выводам Московского совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в 1969 г. Полностью сознавая возможность различных форм проявления маоизма, мы исходим из того, что маоизм — это не ревизионистский уклон, а особая разновидность буржуазно-националистической идеологии и политики. Как таковой, он стал не только помощником, но и непосредственной составной частью антикоммунизма, прямым союзником наиболее реакционных кругов буржуазии. Речь идет о идейно-политическом течении, возникшем на почве социально-экономической отсталости Китая и великоханьского шовинизма, которое, однако, стремится стать международным явлением.

На этой основе вырастает опасный гегемонистский курс китайского руководства в мировом масштабе, направленный на подрыв сплоченности мировой социалистической системы, международного рабочего движения, всех антиимпериалистических сил, на отрыв национально-освободительного движения от социалистических стран. Маоизм в настоящее время стремится к глобальной конфронтации с социализмом, с марксизмом-ленинизмом во всех областях.

Опасное влияние маоизма усиливается, кроме прочего, тем, что он выдает себя за «марксизм-ленинизм», злоупотребляет авторитетом КПК и китайской революции. При этом он грубо фальсифицирует и искажает научный коммунизм, «дополняет и развивает» его самыми различными собственными «концепциями», которые находятся в прямом противоречии с марксистско-ленинской теорией и проверенной практикой социалистической революции. Своими действиями маоизм дискредитирует теорию и практику научного коммунизма.

Поэтому неудивительно, что империализм в своей борьбе против социалистических стран и других революционных сил современности все чаще использует маоизм для достижения своих собственных интересов и целей.

В то же время китайские руководители открыто объединяются с наиболее реакционными, антинародными силами в мире в соответствии

с их собственным лозунгом «враг моего врага — мой друг». Для пекинского руководства в настоящее время врагом является каждый, кто принципиально признает учение Маркса, Энгельса и Ленина и кто хочет на основе данного учения и опыта первого социалистического государства — СССР — строить в своей стране социализм. А также каждый, кто последовательно остается на позициях пролетарского интернационализма и кто помогает создавать благоприятные условия для различных демократических движений, ослабляющих современный империализм.

Международное коммунистическое движение, таким образом, оказалось перед лицом ситуации, когда маоисты примкнули к лагерю антикоммунизма и своими действиями представляют второй фронт идейно-политической борьбы против социализма.

Поэтому последовательную и принципиальную борьбу против идеологии и политики маоизма мы считаем чрезвычайно важным условием для сохранения и укрепления единства всего мирового социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения и сплоченности всего антимпериалистического фронта. Одновременно это также борьба за интересы самого китайского народа, который стал жертвой авантюристических великодержавных амбиций маоистского руководства.

Опыт подтвердил, что самым большим препятствием для достижения гегемонистских целей маоистов является единый, принципиальный и координированный подход социалистических стран и братских компартий к вопросам современного развития мира и к борьбе против маоизма. Этот факт, однако, осознает также маоистское руководство, а поэтому старается использовать все средства для подрыва этого единства. Маоисты стараются осуществлять «дифференцированный подход» к отдельным социалистическим странам, стараясь противопоставить их СССР и друг другу.

Нам известно, что маоисты немарксистски и неклассово оценивают современное положение в мире, его разделение на различные общественные системы. Это, в частности, нашло свое выражение в выступлении Дэн Сяо-пина на VI чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где он говорил о существовании трех миров. Нам кажется, что в нашей научной работе и в пропаганде должна еще более громко прозвучать разница нашей и маоистской оценки современной эпохи и разделения мировых классовых сил. Мы должны еще глубже раскрывать субъективистский и прагматический подход маоистов, для которых критерием оценки является отношение отдельных стран к современному Китаю.

Критерием правдивости всегда была и остается практика, а не слова. Современное внутреннее развитие КНР доказывает, что именно маоисты постепенно сошли с пути социализма. Маоистское руководство в особенности после VIII съезда КПК постепенно отказывалось от всех основных принципов социалистического развития страны. При этом маоистами не была представлена какая-либо положительная программа развития общества ни на IX, ни на X съезде КПК. Свои внутренние трудности и недостатки, отсутствие реальной концепции дальнейшего экономического строительства и всего общественного развития маоисты подменяют псевдореволюционными фразами, ориентацией на перманентную «культурную революцию». Тем самым они стараются отвлечь внимание населения от борьбы за удовлетворение его справедливых социально-экономических, политических и культурных потребностей.

Постепенное разрушение социалистической системы политической власти, которая создалась в результате победы революции в Китайской Народной Республике, и ее замена военно-бюрократической диктатурой лишили рабочий класс и крестьянство фактического участия в управлении государством. Созданный маоистами бюрократический аппарат прямого насилия обеспечивает им почти абсолютный контроль в органах власти. Сложившееся в КНР положение во многом напоминает наиболее реакционные режимы в Европе и Латинской Америке, не имеющие ничего общего не только с социализмом, но даже с буржуазной демократией.

Ориентация на милитаризацию страны принесла уже много вреда китайскому народу, особенно молодому поколению, которое воспитывается в антисоциалистическом духе. При этом маоистское руководство старается свою собственную измену социалистическим принципам вменить в вину другим социалистическим странам. Маоисты зашли так далеко, что критерием успешности своей внешней политики считают все, что служит ослаблению позиций СССР и стран социалистического содружества, и, наоборот, своими неудачами считают все, что укрепляет социализм и авторитет марксизма-ленинизма.

Нужно считаться с тем, что пекинское руководство и впредь в интересах достижения своих целей будет концентрировать свои нападки на основополагающих принципах социализма, всей социалистической системе и ее главной опоре — Советском Союзе, на Коммунистической партии Советского Союза — наиболее мощном, сильном и опытном отряде международного коммунистического и рабочего движения. Нападки на СССР, который сейчас, по словам самих маоистов, является для них «врагом номер один», в действительности являются нападками на социализм вообще. Нападки на КПСС наша партия расценивает как нападки на все международное коммунистическое движение и его пролетарскую линию. Таким путем Пекин должен маскировать суть своей антисоциалистической внутренней политики и ее великодержавные цели. Поэтому разоблачение идеологии и политики китайского руководства — одна из основных задач идеологической и политической борьбы всего мирового социалистического содружества, всех коммунистических и рабочих партий. Эта интернациональная задача вытекает из потребностей принципиальной борьбы за интересы рабочего класса и осуществление революционных перемен.

Имеющийся опыт говорит, что и в дальнейшем маоисты в своем стремлении подорвать единство международного коммунистического и рабочего движения будут стараться использовать различного рода затруднения во взаимных отношениях между отдельными партиями и странами. Нынешнее руководство КПК старается абсолютизировать значение национальных особенностей отдельных стран, широко распространяется о «самостоятельности» и «исключительности» пути к социализму отдельных государств и партий, старается посеять между ними взаимное недоверие и тем самым создать своего рода противовес принципам пролетарского интернационализма, общим закономерностям классовой борьбы и построения социализма.

Основным условием успехов революционной борьбы международного коммунистического движения является поэтому укрепление его идейного единства и единства действий. Любое примиренчество по отношению к маоизму нарушает ленинские принципы интернационального классового пролетарского единства и революционной дисциплины.

Опыт показывает, что китайские руководители не брезгают даже прямым вмешательством во внутренние дела социалистических стран,

не исключая организации собственных агентур, распространения листовок и брошюр и оговаривания Советского Союза и т. п. Известны попытки маонистов оказывать влияние на молодежь социалистических стран, обучающихся в них иностранных студентов, влиять на определенных слои интеллигенции, распространять враждебную печать и т. п. В нашей стране в кризисные годы отмечались попытки протащить маонистские взгляды и с их помощью подрывать основы социалистического общественного строя подобно тому, как это старались делать чехословацкие правые ревизионисты и антикоммунистические элементы из-за рубежа.

Имеющиеся сведения показывают, что усилия пекинских руководителей все больше сосредоточиваются в сфере борьбы против социалистического международного разделения труда, кооперирования и экономической интеграции. Яростные нападки маонистов на коллективные институты социалистического содружества — СЭВ и Варшавский Договор — свидетельствуют, что маонисты хорошо понимают реальную силу единства и сплоченности наших стран и партий. Открытая поддержка НАТО и других реакционных группировок является лишь закономерным логическим завершением предательства социализма, которое было совершено пекинским руководством.

Следует более глубоко изучать отношение маонизма к развивающимся странам. Маонисты, так же как и империалисты, стараются приобрести решающее влияние в развивающихся странах, которым они, как известно, навязывают свою идеологию и рецепты для практического осуществления маонистской «модели» строительства социализма. Некоторые из этих стран не распознали неэффективность и вредность экспериментов по китайскому образцу, которые, по утверждениям маонистов, помогают немедленно преодолеть вековую отсталость докапиталистических общественных формаций. Они наивно поверили «искренности» маонистов, которые заявляют, что они-де — единые «истинные революционеры», борющиеся за мировую революцию и за интересы так называемых бедных народов. Много иллюзий и надежд, однако, уже было подорвано, кое-где они кончились полным крахом. Но это не уменьшает важности проблемы, этот аспект необходимо иметь в виду, всесторонне анализировать его и способствовать тому, чтобы народы Азии, Африки и Латинской Америки еще быстрее убедились в существовании принципиального противоречия между словами и действиями маонистов, которые без колебаний предают отдельные развивающиеся страны и все национально-освободительное движение в целом, если это отвечает их собственным великодержавно-шовинистическим интересам.

Серьезную опасность для наших жизненных интересов представляет резко отрицательное отношение маонистов к уменьшению напряженности в Европе и к работе общеевропейского совещания по вопросам безопасности, мира и сотрудничества. Китайская печать и официальные представители изощряются в вымыслах об опасности «нарушения равновесия сил», о мнимой угрозе «будущей советской европейской гегемонии». Они даже советуют западным капиталистическим государствам ни в коем случае не приступать к разоружению, а, наоборот, укреплять НАТО, которая, мол, является «гарантией» подлинной европейской безопасности и важным противовесом Варшавскому Договору. Заявления китайских руководителей о «миражах» и «обмане», которыми, мол, чревато мирное наступление социалистических стран, поэтому лишь подбрасывают поленья в огонь, который стремятся разжечь ультраимпериалистические круги, причем не только в Федеративной

Республике Германии. Не удивительно поэтому, что реакционная печать Шпрингера похвально отзывается о китайской политике в Европе, а неофашисты открыто заявляют, что видят в Китае своего помощника и союзника.

Кроме этих аспектов, мы часто сталкиваемся и с другим важным вопросом: в какой мере реальна опасность проникновения маоистской идеологии и пропаганды в прогрессивные и революционные силы развитых капиталистических стран, в частности в Западной Европе? На первый взгляд ответ может казаться ясным: маоизм слишком уж далек от традиционного мышления в этих странах. Маоизм в его чистой, подлинной, китайской форме здесь может быть приемлем лишь с большим трудом.

Однако маоистская идеология многолика и обнаруживает большую способность приспосабливаться к разным условиям. В развитых капиталистических странах, включая Западную Европу, нашла распространение определенная разновидность маонизма, так сказать квазимаонизм — идеология радикалистских левых групп. Она близка неотроцкизму и так называемым «новым левым». Вместо классово-борьбы ее приверженцы проповедуют заговорщические действия в духе «народовольцев», бакунинцев и кропоткинцев. Социальные проблемы современности квазимаонисты сводят к простой критике богатства с позиций идеализированной аскетической бедности. Они выступают против пролетарского интернационализма и интернациональной пролетарской революционной дисциплины, отстаивают анархистскую раздробленность и спонтанную, случайную солидарность самых различных антиобщественных течений, включая асоциальные элементы. Основной конкретный политический смысл деятельности таких групп заключается в активном антисоветизме, а их наиболее характерной внешней особенностью является применение террора. Левые группы, находясь под влиянием маонизма, нередко прибегают к кровавым террористическим актам, которые, не угрожая основам капитализма, вместе с тем терроризируют непосредственное окружение «леваков» и приводят к жертвам среди простых людей, выводят из строя незначительные винтики империалистического механизма.

Эти тенденции представляют двойную опасность. С одной стороны, они уводят на неправильный путь часть оппозиционных течений в современном капиталистическом обществе, особенно политически неопытных, но активных молодых людей. Одновременно методами индивидуального террора пугают мелкобуржуазные слои и дискредитируют революционную идеологию и революционные силы.

Буржуазная пропаганда использует активность таких леваков-промаонистов и, несомненно, ее негласно поддерживает. Она выдает эти группы за коммунистов (они обычно сами себя так называют) и изображает в глазах общественного мнения коммунистическое движение как кампанию бессмысленного террора.

Эти маоистские авантюристические тенденции становятся тем более вредными, чем сильнее углубляются кризисные явления современного капитализма. Они способствуют дезориентации социального протеста широких слоев народа — потенциальных союзников революционного рабочего класса — и, по-существу, подливают масла в огонь неофашизма.

Европа сейчас стала одним из основных объектов подрывной деятельности маонистов и их приспешников, они стремятся остановить положительные процессы на континенте и ослабить вес и авторитет европейских социалистических стран, и прежде всего Советского Союза.

Поэтому этим проблемам уделяют большое внимание наши научные учреждения и, конечно, органы пропаганды.

Располагая опытом 1968—1969 гг., мы, естественно, ставим перед собой вопрос: каковы возможности идеологического влияния маонизма на наше население? Наш опыт борьбы против правого ревизионизма и оппортунизма свидетельствует, что эти течения, когда им выгодно, используют все существенные стороны левацких концепций, как это характерно, например, и для троцкизма, и для радикалистского «европеизированного» варианта маонизма.

Кроме того, правые элементы и антисоциалистические контрреволюционные силы в ЧССР в конце 60-х годов откровенно возлагают политические надежды на китайский антисоветизм. Маонизм в настоящее время объективно является союзником всех реакционных и контрреволюционных сил, где бы они ни действовали.

Маонистская идеология и аргументация в их примитивной и наивной подлинной форме не представляют особой опасности в условиях нашей страны. Но в приспособленном «европеизированном» варианте, в различных модных радикалистских модификациях маонисты стремятся распространять свои идеи в рядах студенческой молодежи, используя отдельные стороны своей аргументации, в частности псевдореволюционные лозунги, направленные против мирного сосуществования, теорию о малых странах и сверхдержавах и т. п. Поэтому идеологическую опасность маонизма мы расцениваем не только с учетом социальных, культурных и прочих различий условий Китая и Чехословакии, но прежде всего с точки зрения классовой сути маонизма, который использует, выражает и оживляет мелкобуржуазные пережитки в сознании населения. Именно в существовании этих пережитков в сознании, чувствах и образе жизни людей и кроется потенциальная опасность проникновения элементов реакционной маонистской идеологии или ее разновидностей. Некоторые люди могут поддаваться влиянию этой пропаганды, не отдавая себе даже отчета об источнике ее происхождения и ее социально-классовой сущности.

Поэтому мы стремимся повысить эффективность всей идейно-политической и культурно-воспитательной работы, направленной на укрепление и углубление марксистской сознательности широких слоев населения. Вместе с тем мы шире развертываем борьбу против всех враждебных идеологий, включая маонизм. Что касается последней, наши научные и пропагандистские органы не только изучают и анализируют современный маонизм, но и активно и бескомпромиссно разоблачают и преодолевают различные анархистские тенденции и взгляды, а также иллюзии о маонизме и его действительности внутри Китая, если под влиянием враждебной пропаганды у нас такие возникают. Мы боремся также против проявлений равнодушия по отношению к идеологии и политике пекинского руководства, против ошибочных взглядов, считающих маонизм чем-то весьма далеким для европейских условий, чем-то таким, что нас не касается. Мы считаем необходимым систематически разоблачать суть маонистской политики и идеологии, характер современной политической власти в Китае, изменения в составе, деятельности и целях его коммунистической партии, активной и конкретной пропагандой противодействовать появлению иллюзий о маонизме, которые могут возникать в связи с успехами социализма в Китае в первые годы после создания народной республики. Не менее настойчиво мы выступаем против любых проявлений негативного характера — либо в виде страха перед маонистской политикой, который иногда может вызывать рецен-

дивы буржуазно-расистских утверждений о «желтой опасности», либо в виде отождествления маоизма и Китая вообще.

Критике маоизма и наступательным методам борьбы против него в нашей стране уделяется все большее внимание. Активизируется научно-теоретический фронт, перед которым стоят сложные, содержательные задачи. Повысилось качество пропаганды и влияние массовых средств информации в данной области. Проблемы борьбы с маоизмом являются в настоящее время неотъемлемой составной частью системы партийного обучения и всей идеологической работы партии.

Борьба с маоизмом — процесс длительный и сложный. Впереди у нас трудная, но необходимая задача — разоблачить до конца антимарксистскую, антиленинскую суть маоизма, который приносит большой вред прогрессивному развитию в Китае и всему мировому социализму.

Идеологическая борьба против маоизма требует совместных усилий стран социалистического содружества, причем усилий особого рода. Маоизм — это не третья альтернатива наряду с капитализмом и социализмом. Маоистская политика и идеология представляют собой явление контрреволюционное, означают сползание, возврат от марксизма-ленинизма к буржуазным позициям. Этот регрессивный процесс внутренне противоречив и не протекает без сопротивления маоизму, прежде всего внутри самого китайского общества, особенно со стороны рабочего класса. Здание социализма в Китае возводилось приблизительно 10 лет, его разложение длится уже 15 лет, но, несмотря на это, маоистской клике не удалось ликвидировать в стране основы социализма полностью. Процесс этот, однако, не может остановиться на полпути. Он будет либо продолжаться далее, либо столкнется с новыми противоречиями, в результате чего маоизм будет преодолен и Китай вновь вступит на путь социализма.

Народы всего мира с надеждой и удовлетворением приветствуют Программу мира, разработанную на XXIV съезде КПСС, и инициативу социалистических стран, которые стремятся к устранению международной напряженности и к мирному решению всех спорных вопросов. Однако мы знаем, что мирное сосуществование между государствами разных общественных систем является составной частью мировой классовой борьбы. Нельзя ожидать, что представители антикоммунизма и наиболее агрессивных кругов империализма откажутся от подрывных действий против социалистических стран, против мира и международной безопасности. Они и впредь будут изо всех сил стараться затормозить или же полностью прекратить рост прогрессивных и миролюбивых сил с целью остановить мирную поступь социалистических стран по пути к прогрессу. Антинародные реакционные силы приобрели для себя надежных союзников в этом в лице маоистов.

Рост мощи и авторитета социалистических стран, прежде всего Советского Союза, успехи всех революционных сил современности создают условия, которые объективно препятствуют антикоммунистам, включая маоистов, в осуществлении их авантюристических и великодержавных планов. Маоизм и его апологеты и приверженцы все чаще разоблачаются как враги мира, прогресса, безопасности и прогрессивного развития народов. Единый фронт социалистических стран и большинства марксистско-ленинских партий в борьбе против маоизма уже принес значительные успехи в разоблачении существа теории и практики маоистов.

Социальные учения Древнего Китая и маоизм

*И. В. Бестужев-Лада,
доктор исторических наук*

В культуре каждого народа имеются исторические традиции. Они оказывают влияние на все бытие общества, на развитие политической мысли, философии, искусства, морали — всех форм общественного сознания. Традиции, как известно, бывают прогрессивные, связанные с революционным мировоззрением передовых классов, и реакционные, связанные с контрреволюционным мировоззрением классов, цепляющихся за прошлое. И сами традиции, и опора на них в идеологической борьбе всегда имеют определенную классово выраженную направленность.

Основоположники марксизма-ленинизма подчеркивали важность исторических традиций в борьбе пролетариата против буржуазии. Они предостерегали против нигилистического отношения к традициям культуры и вместе с тем против «внеклассового» подхода к последним с позиций буржуазного национализма.

Эти общеметодологические положения марксизма-ленинизма проводятся в идеологической работе КПСС, других коммунистических и рабочих партий. Они — основа идеологии пролетарского интернационализма.

Ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеют беспринципно-конъюнктурный подход к идейному наследию прошлого, проведение неоправданных исторических параллелей между далекой древностью и нашими днями, демагогические попытки обосновать порочный политический курс ссылками на мнимых или истинных авторитетов ушедших в историю эпох, механическое перенесение оценок и критериев нашего времени на взгляды и теории давно минувших дней, в особенности в интересах оправдания действительности. Произвольное использование идейного наследия, политические спекуляции на традициях культуры — одна из форм проявления буржуазной идеологии.

В очень острой и отчетливой форме такое отношение к идейному наследию проявляется сейчас в маоистском Китае, где оно самым широким образом используется враждующими группировками, ведущими между собой ожесточенную борьбу за власть.

• • •

В Китае, как известно, традиционная идеология конфуцианства имеет особенно широкое распространение, охватывая все сферы об-

В редакцию журнала обращаются многие читатели с просьбами рассказать в общих чертах о древнекитайских социально-философских учениях, которые широко используются маоистами в проходящей сейчас в Китае очередной политической кампании, именуемой «Критикой Конфуция и Линь Бяо». Выполняя эти просьбы, мы публикуем статью доктора исторических наук И. В. Бестужева-Лады.

щественного сознания и в той или иной степени все слои общества, в особенности бесчисленные массы крестьянства. Без преувеличения можно сказать, что роль конфуцианства в истории Китая, видимо, еще значительнее роли христианской религии в европейских странах.

Развернув пропагандистскую кампанию под лозунгом «борьбы с конфуцианством», маоистское руководство Китая в то же время само широко использует в своей политике традиционные социальные идеи, ведущие начало от древних времен, без какой бы то ни было их критической переработки. В свое время многие идеи и идеалы конфуцианства и других школ имели прогрессивное значение. Однако ныне, в нашу эпоху — эпоху торжества научной идеологии марксизма-ленинизма, попытки некритического обращения к воззрениям таких школ могут лишь служить препятствием движению общества по пути прогресса. В связи со всем этим исследование социальных учений и утопических теорий Древнего Китая приобретает особый смысл и интерес.

Традиции культуры Древнего Китая имеют многотысячелетнюю давность. Это большой вклад в сокровищницу общемировой культуры. Как и всюду, прогрессивные традиции противостоят здесь реакционным. Диапазон идейных течений китайской общественной мысли прошлого очень широк. Понятие «китайская культура» может ассоциироваться у малознакомого с ней человека в равной мере и с высотами трудолюбия, коллективизма, рационализма философской мысли, утонченности художественного видения мира и с национальной замкнутостью, ограниченностью, рутиной, подавлением личности. Смотря какие традиции имеются в виду. И каковы конкретные условия, породившие традицию и возрождающие ее. Многоплановость социальных учений Древнего Китая, трудность понимания и адекватного истолкования многих положений древнекитайских мыслителей, специфика той эпохи — все это требует конкретно-исторического исследования этих учений, в особенности когда речь идет о таких сложных и противоречивых явлениях, как социально-утопические теории и представления о будущем человечества, содержащиеся в них.

Настоящая работа не претендует на освещение древнекитайских социальных воззрений в целом. В течение ряда лет автор этой статьи занимался исследованием развития социально-утопических концепций в мировой общественной мысли. Некоторые предварительные итоги этих исследований опубликованы¹. Представляется интересным рассмотреть некоторые черты важнейших древнекитайских социальных учений, тем более что ныне они широко используются в острой политической борьбе, которая вот уже много лет происходит в маоистском Китае.

* * *

С точки зрения характера социальных учений Древний Китай в определенном смысле — прямая противоположность Древней Индии. Если в последней преобладали многочисленные религиозные концепции, то в первом — социально-утопические. Таковы два основных типа соци-

¹ И. В. Бестужев-Лада. Развитие представлений о будущем человечества в домарксовской общественной мысли. — «Вопросы истории», 1966, № 11; Из предьстории научного предвидения: утопия Ф. Бэкона. — «Будущее науки». Вып. 1. М., 1966; Развитие представлений о будущем: презентизм первобытного мышления. — «Советская этнография», 1968, № 5; Основные этапы развития представлений о будущем. — В кн.: И. В. Бестужев-Лада. Окно в будущее: современные проблемы социального прогнозирования. М., 1970; Развитие представлений о будущем в мировой общественной мысли. — В кн.: «Будущее человеческого общества». М., 1971.

альных воззрений в древнем мире. Третий, с более уравновешенным сочетанием религиозных и утопических концепций, демонстрируют социальные учения Ближнего Востока.

Разумеется, без анализа религиозных концепций общая картина развития социальных воззрений в Древнем Китае была бы неполной. Но относительно меньшая важность их в данном плане позволяет ограничиться самой краткой характеристикой.

В древнекитайских религиозных представлениях о будущем много сходного с первобытными верованиями. Представления об «ином мире», отличном от окружающего, самые расплывчатые. Как и во всех первобытных религиях, «иной мир» умерших — чуть идеализированная копия мира живых. ...Легендарная гора Куньлунь (Юйшань), где в волшебных дворцах, окруженных садами с чудесными «деревьями бессмертия», пребывает богиня Си Ван-му; сказочные острова Пын-лай, Ин-чжоу, Фан-чжан, где растет «трава бессмертия» (на понски их в Восточно-Китайское море посылались экспедиции!); девять небесных сфер, на которых обитают божества, — вот уровень представлений об «иных мирах» в древнекитайской мифологии².

При этом «иной мир» еще не связан с «иным временем», с будущим. Проблема «конца света», перехода мира в иное состояние не возникала. Презентизм мышления, его ориентация на прошлое и настоящее, был абсолютным. С этой позиции настоящее казалось вечным, и вопрос сводился лишь к тому, как «улучшить» его. Это показывает, насколько наивным, по существу, было мировоззрение древних мыслителей Китая, что, несомненно, нашло свое отражение и в их социальных концепциях. Тем более нелепо механически переносить их, как это делают сейчас маоисты, в наше время и использовать (вопреки уверениям в обратном) в качестве руководства для практической деятельности по переустройству современного общества.

Философско-исторический подход (история человечества как качественно разные этапы развития) в Древнем Китае тоже остался неразвитым. Тем самым открывался простор для монопольного господства утопического подхода. Пышно разросшийся утопизм подавил в тот период ростки и философии истории.

Основные направления социальных утопий и соответствующие концепции будущего сложились в Китае к середине I тысячелетия до н. э. Особенности социально-экономического положения страны в ту эпоху до сих пор служат предметом дискуссий сиологов, по-разному датирующих периоды складывания рабовладельческого строя и перехода к феодализму, по-разному оценивающих конкретные черты рабовладения и феодализма в Древнем Китае³.

В происходящей в последнее время в маоистском Китае так называемой кампании «Критики Конфуция и Линь Бяо» ее участники, пытаясь подвести древние социальные учения под априорно сконструированную схему, утверждают, что в середине первого тысячелетия до н. э. в Китае произошла смена рабовладельческой общественно-экономической формации формацией феодальной. При этом учение Конфуция и его последователей изображается как выражение интересов отмиравшего рабовладельческого строя, а учение легистов — как взгляды и идеалы нового, феодального строя. Однако факты не подтверждают,

² См., например: С. Георгиевский. Мифические воззрения и мифы китайцев. Спб, 1892.

³ См.: Ф. С. Быков. Зарождение политической и философской мысли в Китае. М., 1966; В. Г. Буров, М. Л. Титаренко. Философия Древнего Китая. Вступ. статья к собранию текстов «Древнекитайская философия». Т. 1, М., 1972.

что в то время в Китае происходило становление феодальной формации.

В ту эпоху мы встречаем в Древнем Китае социальные учения трех основных типов:

За сохранение существующих порядков (то есть, по сути, господства «старой», родовой, патриархальной знати) путем нравственного «обновления» людей, установления «справедливых», патерналистских отношений между правителями, их чиновниками и народными массами. Это в основном конфуцианские учения (Конфуций, Мэн-цзы и др.).

За создание условий для прихода к власти новых, «сильных» и авторитарных правителей, которые покончат с междоусобицей, хищничеством, бедствиями. Это в основном моистские учения (Мо-цзы и последователи), а также легистские учения (Шан-Ян, Хань Фэй-цзы и др.), учения «аграрников» (Сюй Син и др.). Сюда же, по-нашему мнению, относится и учение Сюнь-цзы, нередко по традиции причисляемое к конфуцианским.

За возврат к идеализированным порядкам родового строя, с ликвидацией «старой» и «новой» знати, чиновников, всего государственного аппарата. Это в основном даосские учения (Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и др.).

Некоторые из этих учений носили характер программ и проектов действительно проводившихся реформ. Но во всех случаях преследовалась заведомо утопическая цель: установить идеальный строй путем «нравственного самообновления», либо «упорядоченного» правления, либо возврата к идеализированным порядкам родового строя.

Религиозно-философское обоснование учений было слабым (по сравнению, например, с античными). Религия, как уже говорилось, недалеко ушла от первобытной. Философия истории сводилась к распространенной, но туманной теории циклов от «эпохи смуты» (одну из них, по общему тогда мнению, переживал Китай) к эпохе «становления мира» («сяокан») и далее к эпохе «великого благоденствия» («тайпин»), «великого единения» («датун»), которая якобы уже была в далеком прошлом и к которой предстоит вернуться⁴. На этом фоне ведущую роль играл утопизм, с его апелляцией к «здравому смыслу», с его рационалистическим императивом («разумно — значит необходимо»), с его априорным постулированием некоей абсолютной «справедливости» некоего абстрактного, «упорядоченного», правления.

В какой-то мере при исследовании социальных учений Древнего Китая напрашивается аналогия с социальными утопиями античного Средиземноморья. Но аналогия небезоговорочна: Китай не знал рабовладения в его классической, античной форме; Европа не знала тех феодальных утопий, которые характерны для Древнего Китая; классическая сущность утопий (особенно общинных и феодальных) в Европе и Китае имела различия.

Приведенная выше примерная система классификации нуждается в оговорках. Все эти социальные учения были нередко внутренне противоречивы, отражали интересы различных социальных слоев. Кроме того, нельзя забывать о динамике развития каждого учения: со временем суть и формы его менялись, иногда весьма значительно. Впрочем, это относится не только к социальным учениям Древнего Китая. Наконец, предложенная схема является известной теоретической абстракцией. Независимо от того, насколько она основательна и правомерна,

⁴ См.: Хоу Вай-лу. Социальные утопии древнего и средневекового Китая. — «Вопросы философии», 1959, № 9, стр. 81.

это не должно подменять конкретного анализа особенностей каждого учения. Иначе закономерная попытка обобщения может обернуться априорным схематизмом.

Поэтому целесообразно обратиться к особенностям наиболее важных социальных учений Древнего Китая. Из множества социальных учений в данном случае — сообразно цели и задачам рассмотрения — отбирается лишь несколько упомянутых выше (кроме Сюй Сина). В этих учениях социальные идеалы всех трех типов вырисовываются наиболее ярко. Именно на основе анализа данных учений сделаны изложенные здесь обобщения.

В основе социальных воззрений Конфуция (Кун Фу-цзы, 551—479 г. до н. э.) лежал принцип «ли» (справедливый порядок) и связанные с ним принципы «жэнь» (человеколюбие), «чжун» (умеренность) и другие. На этой основе воздвигались сложные конструкции — по существу, заповеди социального идеала раннего конфуцианства. По китайской традиции они сводились в «тройки», «пятерки» и т. д.

Формулировалось нечто вроде системы потребностей человека: «пять проявлений счастья» (долголетие, богатство, здоровье, добродетель, спокойная кончина) и «шесть проявлений несчастья» (преждевременная смерть, болезнь, горе, нищета, уродство, слабоумие)⁵. Достижение идеала — значит, прежде всего добиться первых и избавиться от последних.

Для этого правители обязаны развивать «пять хороших качеств» (не быть расточительным, несправедливым, алчным, тщеславным, жестоким), искоренять «четыре плохих качества» (жестокость, произвол, несправедливость, алчность), соблюдать «девять неизменных правил» (быть добродетельным, выдвигать достойных, любить родственников, уважать сановников, благоволить к чиновникам, относиться к народу как к своим детям, развешивать общественные работы, привечать иноземцев, жить в мире с правителями других государств)⁶.

Со своей стороны подданные должны соблюдать «четыре заповеди» (поступать в отношении правителя, отца, старшего брата, ближнего, как хотел бы, чтобы слуга, сын, младший брат, твой ближний поступал в отношении тебя самого)⁷.

В конфуцианских трактатах рассыпано множество других «четверок» и «пятерок» того же характера.

Итак, добродетельный правитель, добросовестные чиновники, справедливый порядок, человеколюбие — и возвращается давно прошедшая эпоха «великого единения», когда «Поднебесная принадлежала всем», для управления «избирались мудрые и способные», между людьми «царили доверие и дружелюбие», люди считали близкими себе «не только своих родителей и по-отечески относились не только к своим детям», все «одинокие, вдовы, сироты, бездетные, калеки и больные были окружены заботой», богатства «не скапливались у отдельных лиц», способности людей «использовались полностью и не служили выгоде отдельных лиц», когда «не было предательства, лжи, интриг, кражи, смут и люди, уходя из дому, не запирали дверей»⁸.

⁵ Шу цзин. Гл. «Великий закон», § 9. — «Древнекитайская философия». Т. I, стр. 111.

⁶ Лунь юй. Гл. 20, См.: «Древнекитайская философия». Т. I, стр. 174.

⁷ Там же.

⁸ Ли-цзи. Гл. «Ли юнь». — «Древнекитайская философия». Т. I, стр. 46.

Это представление об идеале общественного устройства было воспринято многими другими школами и просуществовало в китайском утопизме до нашего века.

Развивая конфуцианское учение, Мэн-цзы (389—305 гг. до н. э.) разработал экономическую программу установления «великого единения» с аграрной реформой в ее основе. Он призвал правителей не допускать захвата крестьянских земель, покончить с хищническими поборами независимо от урожая. Предлагалось ввести систему «справедливого» землепользования, которая, согласно народным легендам, существовала в древнейшие времена. Предусматривалось установление круговой поруки с обязательной взаимопомощью в случае болезни или смерти кормильца одной из семей. Учреждались строгие правила рационального земледелия, животноводства и рыбоводства, временные льготы для хозяйств, не успевших окрепнуть. Уменьшался налог с выручки от продажи товаров. Отменялись внутренние пошлины. Создавались системы социального обеспечения немущих и страхования (хлебными запасами) на случай неурожая или других бедствий. «Тогда народ будет жить в любви и согласии»⁹.

Чтобы урегулировать отношения «старой» и «новой» знати, предлагалось гарантировать первой ее положение («не оскорблять знатные фамилии»), вместе с тем подбирать чиновников по принципу «способных и достойных», упорядочить титулы «новой» знати, приведя их в соответствие с титулами «старой», ввести принцип ответственности правителя за свои действия хотя бы перед «небом», создать социальную опору правительства в виде массы зажиточного крестьянства, владеющего гарантированной недвижимой собственностью¹⁰.

Свою программу Мэн-цзы подкреплял ссылкой на «волю неба», «предопределение», на авторитет легендарных правителей древности Яо и Шуня, при которых все предлагаемое им якобы уже существовало, наконец, на распространенную тогда философско-историческую концепцию, согласно которой «эпохи смут» всегда сменялись «эпохами спокойствия», причем «через каждые 500 лет непременно появляется истинный, гуманный государь»¹¹. Не отсюда ли Мао Цзэ-дун заимствовал идею о закономерности периодических «встрясок» общества в Китае, уменьшив интервалы между такими «смутными эпохами» до 7—8 лет?

Мэн-цзы напоминал, что со времени Яо и Шуня прошло более 700 лет, и пора бы явиться идеальному правителю, который установит «эпоху спокойствия»¹². Как и Конфуций, он не раз пытался претворить свою утопию в жизнь. Но правители в лучшем случае соглашались на словах: «Ах, какие прекрасные речи!» Один из них поступил более дипломатично: «Князь посмотрел направо и налево и заговорил о другом»¹³.

В синологической литературе справедливо подчеркивается, что «длительное господство конфуцианства в Китае, его воздействие сказалось на всех уровнях общественного сознания китайцев»¹⁴. Идеологическое и социально-психологическое влияние конфуцианства испытали многие поколения китайских мыслителей, в том числе революционно-

⁹ Мэн-цзы. Гл. 3, § 1. — «Древнекитайская философия». Т. 1, стр. 236.

¹⁰ Там же. Гл. 1, 4, 5, 7.

¹¹ Там же. Гл. 2, 3.

¹² Там же. Гл. 2.

¹³ Там же. Гл. 1.

¹⁴ В. А. Крипцов. Маоизм и конфуцианство. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3, стр. 74.

неры-демократы конца XIX — начала XX в., которые предпринимали поистине героические усилия, чтобы преодолеть это влияние, развернуть критику реакционных черт социального учения Конфуция.

Не избежал влияния конфуцианства и Мао Цзэ-дун. Он сам признавал, что его мировоззрение складывалось в значительной мере под идеологическим воздействием конфуцианских канонов¹⁵. До середины 60-х годов Мао не раз апеллировал к авторитету Конфуция, стремясь использовать его для «обоснования» своего политического курса.

В конфуцианстве идеологов маоизма привлекают прежде всего идеи этноцентризма, представления о Китае как о единственном центре мировой цивилизации, а также то, что можно использовать для апологии культа личности. Конфуцианские принципы авторитарности правителя, создания таких политических отношений, которые подчиняют людей неограниченной власти одного лица, были и остаются на вооружении правящей группировки КНР. Естественное в те времена игнорирование Конфуцием социально-экономической основы общественных отношений, сведение последних к чисто нравственным отношениям в наше время также нашли свое выражение в идеологии маоизма.

Таким образом, маоизм вобрал в себя реакционнейшие черты конфуцианства, несмотря на все попытки самих маоистов «откреститься» от конфуцианства. Он длительное время развивался, паразитируя на живучести конфуцианских традиций в общественном сознании китайцев. Это положение сохраняется до сих пор. Беспринципное выдергивание цитат из конфуцианских канонов для «подкрепления» политических кампаний сменяется столь же беспринципным огульным «поруганием» конфуцианства в интересах очередной политической кампании. Суть дела остается прежней. И она не имеет ничего общего ни с марксистско-ленинским научным анализом социальных учений древности, ни с марксизмом-ленинизмом вообще.

* * *

Иную картину социального идеала видим мы в трактате «Дао дэ цзин», который, видимо, относится к IV в. до нашей эры, но по традиции приписывался Лао-цзы, старшему современнику Конфуция (VI—V вв. до н. э.).

...Нет больше государств, знати, чиновников, войск. Нет предметов роскоши — будь то дворцы или украшения, — которые могли бы вызвать стяжательство, неравенство. Пища, одежда, жилище просты и скромны. Только самое необходимое. Люди живут самоуправляющимися общинами в небольших деревнях. Каждый глава семьи — сам себе хозяин. Делами общины ведают выборные десятские и сотские со строго ограниченными полномочиями. Каждая община существует сама по себе, не сталкиваясь с другими: странствовать незачем, торговать нечем, воевать не из-за чего.

«Пусть государство будет маленьким, а население редким, — говорится в «Дао дэ цзине». — Если имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца жизни не уходят далеко (от своих мест). Если имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. Даже если имеются воины, не надо их выставлять. Пусть народ снова начинает плести узелки и употреблять их вместо письма. Пусть его пища будет вкусной, одеяние красивым, жилище удобным, а жизнь радост-

¹⁵ Там же, стр. 75.

ной. Пусть соседние государства смотрят друг на друга, слушают друг друга пение петухов и лай собак...»¹⁶.

Сразу же возникает соблазн провести параллель с общинными утопиями Ямбула, Руссо, Л. Толстого (который сам проводил ее), с многочисленными анархистскими утопиями вплоть до современных трактатов под девизом «Назад, к природе!». Возникает соблазн наклеить на даосские утопии ярлык «реакционных». Все это неоднократно проделывалось в синологической литературе.

В какой-то мере подобные параллели и квалификации правомерны. Но с очень существенными оговорками, проистекающими из особенностей социально-экономического положения Древнего Китая и его общественной мысли.

Даосские представления об идеальном общественном устройстве, в основе которых лежал «Дао дэ цзин», действительно звали назад, к родовому строю, к отказу от достижений культуры, сокровищ искусства, богатств знания, от технического и социального прогресса в целом. Но ведь они противостояли идеям конфуцианским и легистским, которые вместе с благами культуры протаскивали в будущее «старую» и «новую» знать со всеми проистекающими отсюда последствиями.

Позднее даосизм пропитывается религиозной мистикой, уводившей народ от социальной борьбы. Вместе с тем он же, подобно утопиям Ямбула и Руссо, неоднократно служил идейным знаменем народных восстаний¹⁷.

Иными словами, утопии вообще, и утопии древности в особенности, нельзя оценивать с помощью ярлыков и исходя только из современных критериев. Понятие прогрессивности в те эпохи было относительным и не всегда совпадает с нашими понятиями о социальной справедливости. Характер утопий часто был сложным и противоречивым. К ним нельзя, как это делают сейчас в маоистском Китае, механически прилагать оценки, применяемые при исследовании современных теорий и концепций, ибо то, что кажется реакционным, архаичным, а то и просто нелепым с позиций сегодняшнего дня, тысячелетия назад вполне могло быть в высшей степени прогрессивным для своего времени и знаменовать огромный шаг вперед в развитии материальной и духовной культуры того или иного общества. Здесь, несомненно, требуется научная система оценок по определенным историческим критериям, с общим выводом на основе всестороннего анализа данной концепции.

Основные положения даосизма развиты в трактате Чжуан-цзы (369—286 гг. до н. в.). Автор ярко обрисовал даосскую концепцию будущего, построив ее на пяти принципах: «отказ от знания» (от попыток проникнуть в тайны природы), «отказ от размышлений» (от помыслов обо всем, кроме самого насущного), «отказ от изменений» (от всякого развития того первоначального «естественного порядка вещей», который обрисован в идеализированной общине Лао-цзы), «отказ от управления» (от всякой государственности, выходящей за рамки идеализированного родового строя), наконец, как бы интегрирующий все эти принципы «отказ от деяния», «недеяние», «увэй» (приблизительно в смысле: отрешение от страстей мира сего и тем самым обретение полного покоя и счастья)¹⁸.

¹⁶ «Дао дэ цзин», § 80. — «Древнекитайская философия». Т. I, стр. 138; см. также: Ян Хун-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.—Л., 1950, стр. 158.

¹⁷ См.: В. М. Штейн. Из ранней истории социальных утопий (Даосская утопия в Китае). — «Вестник истории материальной культуры», 1960, № 6.

¹⁸ Чжуан-цзы. Гл. 2, 6, 11, 12 (сокр. перевод: «Древнекитайская философия». Т. 1, стр. 249—294).

Долой государство, долой суемудрие философов, ограничить потребности людей самым необходимым для безбедного существования, а в идеале для существования отшельника — созерцателя природы, восстановить «естественный порядок вещей». Или, говоря словами Чжуан-цзы, «не связывать себя обычаями; не приукрашивать себя внешними вещами; не вести себя нечестно по отношению к людям; не причинять вреда народу; желать порядка и покоя в Поднебесной, чтобы оберегалась жизнь народа; довольствоваться полным удовлетворением потребностей в пропитании других людей и самого себя и этим проявить свое сердце — все это в древности имелось в науке о дао. И тогда в Поднебесной воцарится спокойствие»¹⁹.

Еще один трактат, в котором ярко обрисована даосская концепция будущего, приписывают Ле-цзы (V—IV вв. до н. э.).

Ле-цзы описывает невиданные страны «на краю света»: страну Ку-ман «на самом юге дальнего запада», страну Фу-ло «на самом севере дальнего востока», остров Гу-жэ далеко в океане, горную страну Ху-лин на крайнем севере²⁰. В этих странах все по-иному. Кое-где текут молочные реки с кисельными берегами. Таким образом, возможен «иной мир», отличный от окружающего. Мало того, такой мир существовал якобы когда-то и в самом Китае. Один из мифических родоначальников китайцев, император Хуан-ди, патрон — покровитель даосов, увидел во сне царство своей умершей матери Хуа Сю. Там — ни правителей, ни философов. Люди не знают ни желаний, ни страстей, ни любви, ни ненависти, ни страхов — ничего, что могло бы вызвать недовольство или сожаление, боязнь или зависть. Все идет само собой, своим естественным путем (дао). Проснувшись, Хуан-ди решил воплотить сновидение в жизнь. Он боролся за это 28 лет и еще 28 лет, и на земле воцарился почти такой же блаженный мир, что и в царстве Хуа Сю. И все были счастливы²¹.

Как и в отношении конфуцианства, маоизм взял на вооружение и перенес в XX век самые реакционные стороны учения даосов. Принципы казарменного «коммунизма», вульгаризация идеала социального равенства в духе крестьянско-плебейских эгалитарных утопий, апология бедности, лозунг «опоры на собственные силы», идеализация сельской общины — все это роднит маоизм с даосизмом, лишней раз показывает утопическую сущность социально-политических концепций маоизма. «Создание «нового человека», полностью подчиненного физически, социально и духовно своей коммуне, — пишет в связи с этим автор работы, специально посвященной критическому разбору концепций казарменного «коммунизма», — требование невыполнимое. Оно равносильно попытке восстановить положение индивида, каким оно было на заре человеческого становления, когда первобытный человек ни в своей деятельности, ни в своем сознании не выделял себя из родовой целостности. Добиться такой архаической целостности у человека XX в., если им даже будет самый отсталый китайский крестьянин, — значит пере-

¹⁹ Чжуан-цзы. Гл. 10, 33. — «Древнекитайская философия». Т. 1, стр. 287—288, 266. Дао — одна из основных категорий древнекитайской философии («путь неба», «истинный путь», в даосизме — «первопричина вселенной», здесь — в смысле «естественный порядок вещей»).

²⁰ Ле-цзы, Гл. 2, § 2; гл. 3, § 5; гл. 5, § 6 (излагается по немецкому переводу: R. Wilhelm. *Liā Dsi*. Jena, 1911, сверенному с английским переводом: A. C. Graham. *The Book of the Lieh-tzū*. L., 1960. Принадлежность трактата Ле-цзы в синологической литературе служит предметом дискуссии).

²¹ Там же. Гл. 2, § 1 (Wilhelm. *Op. cit.*, S. 11—12; Graham. *Op. cit.*, p. 34).

черкнуть всю мировую историю. Неизбежность сопротивления людей такой установке делает ее чистойшей утопией»²².

* * *

Разнообразные, часто противоположные друг другу концепции будущего, отличные от конфуцианских и даосских, открывают трактат Мо-цзы (Мо Ди, 479—400 гг. до н. э.).

Не искать образа лучшего будущего в прошлом, а творить его мудростью разума — такова главная черта представлений о будущем в монизме: «Хорошему в древности нужно следовать, но нужно создавать и современное хорошее»²³. Путь к этому — «выдвижение достойных» (чиновники не по родовитости, а по способности, добросовестности), «полное равенство» (в смысле «каждый должен добросовестно трудиться»), «умеренность в расходах» (отказ от предметов роскоши и всех обременительных ритуалов), а главное — «всеобщая любовь» (в смысле «возлюби ближнего, как себя самого»). В этом и заключается высший разум, «воля неба»²⁴.

В древности, учил Мо-цзы, беспорядок был такой же, как среди диких зверей. Но вот избрали мудрого правителя — и воцарился порядок. Это возможно и сейчас. «Если благородные и мудрые управляют глупыми и низкими, то царит порядок». Мудрые чиновники справедливо разделяют имущество и распределяют обязанности, будут добросовестно трудиться наравне со всеми. Они подадут пример умеренности, отказавшись от роскоши, от расходов, не приносящих пользы народу. Не будет войн. Люди откажутся от своекорыстия и станут бескорыстными, проникнутся взаимной любовью друг к другу, поймут, что долг каждого «состоит в служении тому, чтобы приносить пользу Поднебесной и уничтожать зло...»²⁵.

Соблазнов для параллелей в таком сложном и противоречивом учении еще больше, чем в конфуцианстве и даосизме. Мо-цзы вместе с Эпикуром, Лукрецием, Локком, Гоббсом и Руссо относили к создателям теории «общественного договора» между правителем и народом, видели в нем идейного предшественника христианского социализма, предтечу толстовства и т. д. Набор ярлыков, навешенных на Мо-цзы, беспрецедентен по своему диапазону: от «реакционера», «защитника интересов ванов и гунов» (т. е. «старой» и «новой» знати) до революционера-демократа, социалиста-утописта и даже «большевика древней эпохи».

Конечно, в какой-то мере Мо-цзы в своей концепции объективно отражал интересы «новой» знати. Ведь он призывал порвать с идеализацией прошлого в конфуцианстве и даосизме, открыть дорогу «достойным». Но этот лозунг не мог не стать популярным также среди мелких торговцев, ремесленников, свободного крестьянства. Учение стало идейным знаменем народных движений и было задушено силой (кстати, с помощью «новой» знати). Советские синологи справедливо подчеркивают необходимость исследовать своеобразие учения Мо-цзы, сложное

²² См.: А. М. Арзамасцев. Казарменный «коммунизм». Критический очерк. М., 1974, стр. 144.

²³ Мо-цзы. Гл. «Гэн-чжу». — «Древнекитайская философия». Т. 1, стр. 198.

²⁴ Там же. Главы «Приближение служилых», «Подражание образцу», «Почитание мудрости», «Почитание единства», «Всеобщая любовь», «Воля неба», «Против судьбы», «Ценить справедливость» и др. — «Древнекитайская философия». Т. 1, стр. 176—199.

²⁵ Там же, стр. 193.

сплетение в нем реакционно-консервативных и прогрессивно-революционных черт²⁶.

Более последовательно и полно выражала интересы «новой» знати «Книга правителя области Шан» — Шан Яна (Гунсунь Яна, 390—339 гг. до н. э.). Концепция идеальной организации общества в ней сформулирована в виде программы реформ, предусматривавшей создание сильной централизованной власти, которая способна была бы навести строгий порядок в стране, всемерно усилить роль государства, его правителя, подавить автономистские стремления. Шан Ян предлагал ввести государственную монополию на торговлю хлебом, на добычу соли и железа, на снабжение войск; установить предельно высокие цены на зерно, чтобы сократить неземледельческое население; увеличить вдесятеро налог на мясо и вино. Он призывал ввести высокий налог на лиц, не занятых в земледелии, и на нахлебников, требовал усиления дорожной повинности, распространения повинностей на купцов, домочадцев, младших сыновей, запрещения держать наемных работников, запрещения самовольного переселения, права ношения нарядных одежд, максимального расширения площади обрабатываемых земель, унификации законодательства, регламентации деятельности чиновников, сокращения их численности, ужесточения наказаний, введения круговой поруки соседей за проступки, запрещения облегчения участи осужденных, искоренения всех «праздношатающихся», в том числе ученых-книжников, которые-де «смущают» умы земледельцев, чиновников и воинов — единственных сословий идеального государства. Наконец, он выступал за победоносную войну в целях объединения Китая, чтобы ослабить классовую борьбу в отдельных царствах и княжествах²⁷.

Как видим, маоисты в наши дни осуществляют «идеалы», весьма похожие на то, за что ратовал Шан Ян, нимало не смущаясь тем, что со времени его жизни прошло 2300 лет!

Шан Ян не чернил древность, но и не идеализировал ее. В свое время люди «исчерпали свой путь». Надлежало «изменить его» соответственно новым условиям. Основа всего — строгое законодательство: «Когда права и обязанности закреплены, то даже хитрые становятся преданными и честными, все люди становятся почтительными и искренними, каждый управляя сам собой»²⁸.

Таким образом, здесь, по существу, возведены в принцип произвол и всецелое верховной власти, чтобы создать сильное централизованное государство. По существу, это призыв превратить села в казармы, задуть «инакомыслие», терроризировать людей круговой порукой, деморализовать их страхом перед расправой, поощрением доносов, чиновничеством.

Легистскую концепцию будущего развил Хань Фэй-цзы (ок. 288—233 гг. до н. э.). Он решительно отказался от идеализации прошлого. «Совершенно мудрый, — писал он, — не нуждается в том, чтобы следовать древности, не подражает установившимся нормам, а разбирается в современных обстоятельствах и действует в соответствии с ними»²⁹. Он расширил круг «паразитов», от которых должно избавиться идеальное государство, добавив к ученым-книжникам, торговцам и ремеслен-

²⁶ См.: М. Л. Титаренко. Древнекитайская философская школа монистов и ее учение (канд. дисс.). М., 1965, стр. 21—22.

²⁷ «Книга правителя области Шан». Пер. Л. С. Переломова. М., 1968, Гл. 2, 13, 22.

²⁸ Там же. Гл. 7, 26.

²⁹ Хань Фэй-цзы. Гл. 49. — «Древнекитайская философия». Т. 2, стр. 261; см. также: А. И. Иванов. Материалы по китайской философии. Хань Фэй-цзы. Сиб., 1912.

никам также придворных и бродяг. Он более последовательно отстаивал принцип «выдвижения способных», а главное — примат «хорошего» закона, способного якобы автоматически решить все социальные проблемы. Идеал «государства-казармы» как высшей ступени развития общества доведен здесь до логического завершения.

Конфуцианская традиция веками приучала китайцев противопоставлять конфуцианство легизму как абсолютное благо — абсолютному злу. Ссылаться на легизм (даже применяя его принципы на деле) издавна было принято в Китае только в таком смысле. Поэтому в открытой маоистской печати ссылки на легизм вплоть до начала кампании «критики конфуцианства» встречались редко. Это не мешало маоистам заниматься многие положения легистов, в частности апологетику физического насилия как «решающего аргумента» в идеологической борьбе, постулат о преимущественном значении развития сельского хозяйства (один из основополагающих тезисов маоизма), взгляд на любую войну как на средство укрепления государства, без чего якобы неизбежно его «загнивание» и т. п. Но главное, что роднит маоизм с реакционными сторонами легизма, — культ авторитарного правителя и атмосфера, если можно так выразиться, перманентного террора для укрепления власти правителя, какой бы катастрофической для страны ни была его политика.

Печальную известность получило выступление Мао Цзэ-дуна в 1958 г., когда он призывал «сочетать при управлении (принципы) Карла Маркса и Цинь Ши-хуана» — императора, который стремился превратить в жизнь самые реакционные черты социальной теории легизма. Мао в этом выступлении похвально тем, что истребил в сто раз больше людей, чем Цинь Ши-хуан, подчеркивает, что он и его приспешники «еще мало сделали в этом отношении, можно сделать еще больше»³⁰.

При всем том, как правильно указывает Л. С. Переломов, «нельзя согласиться с теми, кто пытается поставить знак равенства между легизмом и маоизмом». Сам факт обращения Мао к некоторым давно отжившим легистским концепциям является еще одним наглядным доказательством реакционной, антимарксистской сущности маоизма, пишет он. Однако спекулятивное обращение маоистов к легизму не должно влиять на нашу общую оценку этого учения³¹.

Древнекитайские концепции социального идеала мы встречаем не только в конфуцианских, даосских, легистских учениях. Интересны, например, трактат Гуань-цзы с его идеей подъема экономики как основы процветания государства, мысли Сюй Сина и других «аграрников», видевших ключ к лучшему будущему в развитии сельского хозяйства, мысли Ян Чжу, призывавшего к отказу от обогащения и тщеславия, к наслаждению простыми радостями жизни, идеи материализма Ван Чуна, который отверг конфуцианскую телеологию и даосский фатализм, противопоставив им тезис о вечно меняющемся, циклическом характере развития общества.

Древнекитайские социальные учения нельзя сводить только к конфуцианству, даосизму, монизму и легизму, на что показывает пример

³⁰ Сб. «Мао Цзэ-дун сыян вань-суй». Пекин, 1967. Цит. по: «Лит. газета», 1974, № 14, стр. 9; см. также «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, стр. 89.

³¹ Л. С. Переломов. О сущности легизма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, стр. 89.

Сюнь-цзы (ок. 313—238 гг. до н. э.). По традиции он считается последним выдающимся конфуцианцем древности. Но он был учителем Хань Фэй-цзы, хотя к легистам причислить его так же трудно, как и к даосам. По сути, его трактат — попытка синтеза всех трех типов социальных учений Древнего Китая.

«Человек по своей природе зол», — учил Сюнь-цзы вопреки противоположному тезису Мэн-цзы. Поэтому нечего оглядываться на прошлое и уповать на «волю неба». Лучше «самим, умножая вещи, подчинить себе небо». Для этого надо ограничить потребности необходимым, отказавшись от роскоши, развить земледелие и торговлю, передать управление «достойным», установить «хорошие» законы и строго соблюдать их³².

Излишне говорить, насколько отвечала такая концепция интересам «новой» знати, хотя освящалась именем Конфуция.

* * *

Поразительна судьба всех трех основных разновидностей социальных учений Древнего Китая.

Конфуций, Лао-цзы, Мо-цзы и их ученики тщетно искали правителя, готового попытаться претворить в жизнь их утопии. Спустя века конфуцианство почти на две тысячи лет сделалось, по сути, государственной религиозной идеологией Китая. Но в нем от социального идеала Конфуция осталось не больше, чем в христианстве средних веков или наших дней от социального идеала ранних христиан.

Даосизм выродился в мистику. Но его социальный идеал стал знаменем народных движений — от восстания «желтых повязок» в начале н. э. до восстания тайпинов в XIX в. И каждый раз восставшие вкладывали в строки трактата Лао-цзы свое собственное понимание, соответствовавшее конкретной исторической обстановке.

Моизм, ставший знаменем народных движений, еще ранее распался на секты и был буквально потоплен в крови.

Наконец, легисты сразу же, казалось, добились успеха. Шан Ян стал проводить реформы по выработанной им программе. Хань Фэй-цзы тоже был приглашен осуществлять реформы. Но ни один из них не ушел от общей судьбы древнекитайских «социальных идеологов». Шан Ян после смерти его покровителя растерзала «старая» знать. Хань Фэй-цзы погиб в тюрьме по ложному доносу своего коллеги-соперника, выполнившего одну из заповедей легизма: держать людей в страхе угрозой расправы по малейшему подозрению, с наградой доносчику.

Тем не менее идеи легизма в сложном сплетении с выхолощенными формулами конфуцианства и с мистикой даосизма прочно вошли в арсенал идеологии правящих слоев Китая. Однако никакого «совершенного строя и совершенномудрого правителя» вопреки утопическим взглядам Сюнь-цзы не получилось. Вместо этого прошли два тысячелетия гнета, войн, бедствий, восстаний...

В буржуазной синологической литературе Запада конфуцианство, даосизм, легизм используются как идеологическое оружие современности. Политические спекуляции на именах выдающихся китайских мыслителей древности откровенны. Исторические параллели порой прямо-таки вопиющи. В конфуцианстве видят предтечу идеологии либерализма, в даосизме — корни социал-демократизма, в легизме — истоки «боль-

³² Сюнь-цзы. Гл. 9, 10, 17, 21, 23. — «Древнекитайская философия». Т. 2, стр. 150—209.

шевизма» и т. д.³³ Необходимо противопоставить этим концепциям по-
ливно научный, марксистско-ленинский анализ, вскрыть их классовую
сущность, показать их действительную роль в идеологической борьбе
современности.

Именно такой подход отличает марксистскую, в частности совет-
скую, синологию.

Что же противопоставляет буржуазным спекуляциям на древнеки-
тайских социальных учениях нынешняя правящая группировка в КНР?
Да практически ничего, кроме разве пустословной ругани. Мало того,
социальные учения Древнего Китая тем же беспринципным способом
используются в самом Пекине.

И это неудивительно.

Убрав с дороги действительных и мнимых соперников, окружив се-
бя готовыми на все карьеристами, у власти в КНР находится человек,
которому очень хочется стать «гегемоном мира», «классиком при жизни».
О марксистско-ленинской философии, политической экономии, тео-
рии научного коммунизма — равно, впрочем, как и об истории культу-
ры вообще, — у него самые туманные, примитивные представления. Но
его интересует не наука, не культура, не судьба человечества и китай-
ского народа, а власть. По меньшей мере — над Китаем. По возможно-
сти — над целым миром.

Во имя личной власти, престижа, честолюбия была предпринята
авантюра «большого скачка». Она завершилась развалом экономики
страны, дезорганизацией социалистического строительства, банкротст-
вом правящей группировки. Надо было либо уходить со сцены, либо
пускаться во все тяжкие, чтобы удержать власть. Однако еще ни один
авантюрист в мире не предпочел первого добровольно. С тех пор как
свет стоит, все они прибегали для спасения к одним и тем же нехитрым,
затасканным средствам: внешнеполитические провокации, чтобы от-
влечь обманутых людей криками об «угрозе извне»; внутривластные
погромы, чтобы запугать протестующих, истребить свободомыслящих;
безудержная демагогия (в том числе ссылки на исторические традиции
страны), чтобы оболванить народные массы, сделать их послушными
своей воле. Все это полностью продемонстрировал Пекин конца 50-х —
начала 70-х годов н. в.

«Культурная революция». Антисоветизм. Военная истерия. Крики
об «угрозе с севера». Бесперывные «чистки» в правящих кругах. Погро-
мы, погромы, погромы...

Это — дела. И тут же — слова о «марксизме-ленинизме», о «миро-
вой революции», об «интересах трудящихся», об «исторических тради-
циях».

Отброшено учение марксизма-ленинизма. Нарушены элементарные
положения марксистско-ленинской этики. Попрана социалистическая
законность.

Подорваны стимулы к труду. Остался, пожалуй, единственный: не
умереть с голоду. Все остальное определяет положение в правящей

³³ См., например: W. S. A. Pott. Chinese Political Philosophy. N. Y., 1925; E. D. Thomas. Chinese Political Thought, L.—N. Y., 1927; Liang Chi-chao. History of Chinese Political Thought. L.—N. Y., 1930; Chieng Fu-lung. The Evolution of Chinese Social Thought. Los Angeles, 1941; Lin Mou-sheng. Men and Ideas. An Informal History of Chinese Political Thought. N. Y., 1942; Fung Yu-lan. A History of Chinese Philosophy. Princeton, 1952—1953; P. Do-Dinh. Confucius et l'humanisme chinoise. Bourges, 1958. A. Doebelin. The Living Thoughts of Confucius. L., 1959; A. Waley. Three Ways of Thoughts in Ancient China. L., 1963; W. T. Bluhm. Theories of the Political Systems. Ancient China. Engelwood., 1965; The Chinese Mind. Essentials of Chinese Philosophy and Culture. Honolulu, 1967.

нерархии, принадлежность к той или иной прослойке «руководителей». Материальные блага (духовных почти не осталось), престиж, сама жизнь — все зависит от воли старшего по чину начальника, снизу до самого верха. И полная, абсолютная бесперспективность во всех отношениях, кроме перспективы дальнейших погромов и провокаций.

Естественно, такие вещи предпочитают прикрывать пустопорожними полосами газет и пустословными декламациями радиопередач. Можно только догадываться, какая коррупция процветает под дымовой завесой демагогии. Какая грязь идет, чтобы прорваться в руководящую прослойку повыше и удержать за собой теплое местечко. Каковы масштабы латентной преступности или, попросту говоря, казнокрадства, на которое смотрят сквозь пальцы. Какова степень деморализации людей, обманутых, запуганных, испытывающих острую нужду в самом необходимом. И какова степень их скрытого пока что ожесточения.

Ну а тем временем звучат пышные фразы, произносятся громкие слова, употребляются наукообразные термины. Несуветная мешанина тезисов анархизма, троцкизма, мелкобуржуазного национализма, сдобренных цитатами, произвольно надерганными из произведений основоположников марксизма-ленинизма. И конечно, из социальных учений Древнего Китая.

Давно ли в Пекине превозносили Конфуция? В его учении нынешнюю правящую группировку Китая привлекали китаецентризм, проповедь духа покорности, воспевание авторитарной власти, культ верховного правителя. На авторитет Конфуция ссылались в 1964 г., когда начали громить университеты и предложили «срезать напополам» курс наук. Прошло десять лет, и тот же Конфуций служит «козлом отпущения» в очередном идейном погроме и «чистке» среди правящих кругов. Чтобы сохранить атмосферу истерии, покорности и страха, в «конфуцианстве» обвиняют ничего общего с ним не имеющих людей, которые обречены на растерзание.

Известный специалист по истории социальных учений Китая, декан философского факультета Кантонского университета профессор Ян Юн-го выступает со статьей в журнале «Хунци» с переоценкой роли конфуцианства в общественной мысли Китая. Его статья полностью перечеркивает его же собственные труды по той же самой проблематике³⁴. Может быть, выявлены какие-то новые источники, позволяющие представить конфуцианство в новом свете? Да ничего подобного! Просто выполнен приказ сверху — написать статью, которая послужила бы сигналом к очередному погрому, к очередной перетасовке «руководителей» в продолжающейся борьбе за власть.

Президент Академии наук КНР академик Го Мо-жо заявляет, что «под влиянием идей Мао Цзэ-дуна» он несколько раз пересматривал свои оценки в области древнекитайской истории³⁵. И все это опять-таки связано не с новыми фактами, а с новыми поворотами политической конъюнктуры.

Еще совсем недавно Го Мо-жо превозносил Конфуция, изображал его чуть ли не «предшественником Маркса», «древним революционером» и т. д. Теперь он спешно пересматривает свои взгляды. Какова же в та-

³⁴ См.: Ян Юн-го. История древнекитайской идеологии. М., 1957; Борьба двух линий в идеологии периода Чуньцю-Чжальго. — «Хунци», 1972, № 12.

³⁵ См.: В. Н. Никифоров. Перекраивание истории маонистами. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, стр. 92.

ком случае научная ценность его прошлых, настоящих и будущих выводов?

Конечно, такая «гибкость» помогла Го Мо-жо и Ян Юн-го пережить террор «культурной революции», чего не удалось их менее «гибким» коллегам. Можно понять их личные мотивы. Но при чем тут марксизм-ленинизм и историческая наука?

Отброшено элементарное требование марксизма-ленинизма рассматривать социальные учения прошлого в контексте конкретной исторической обстановки тех времен, оценивать их авторов не с той точки зрения, чего они не дали (и не могли дать) по современным меркам, а с той — какой вклад сумели внести они в развитие национальной и мировой общественной мысли, несмотря на историческую ограниченность условиями соответствующей эпохи.

Нагнетая страх, официальная пропаганда Пекина предвещает, что «великие беспорядки» в стране будут повторяться каждые 7—8 лет. Вновь дается ссылка на учения древности, где говорилось об «эпохах смуты», чередующихся с «эпохами спокойствия». Но при чем тут Конфуций, Лао-цзы, Мо-цзы? Поистине в борьбе за личную власть годятся все средства.

Философия Древнего Китая — в том числе социальные учения, утопии, концепции будущего — отличается исключительным своеобразием. Впрочем, то же самое относится к философии Древнего Востока вообще. Логика умозаключений, характер философских категорий, система понятий и ценностей, образность мышления, этика, эстетика, культурные традиции, социально-экономическое развитие, наконец, самый язык, опирающийся к тому же не на буквенную, а на иероглифическую письменность, — все здесь разительно отличается от того, с чем мы сталкиваемся в истории европейской культуры.

И это очень хорошо. Было бы хуже, если бы культура человечества развивалась однолико, однопланово, одноцветно. Только невежды-клеветники обвиняют теорию научного коммунизма в стремлении подогнуть все народы под единый духовный стандарт. На деле коммунистическое строительство неразрывно связано с расцветом культуры каждого народа, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Но трудность понимания древнекитайских социальных учений — еще не повод отдавать их на произвол идеологов буржуазии или демагогов из среды нынешней правящей группировки Китая. Необходимо дальнейшее развертывание большой, очень трудоемкой работы по публикации и подлинно научному анализу с марксистско-ленинских позиций памятников общественной мысли Древнего Китая. И не в последнюю очередь социальных учений конфуцианства, даосизма, легизма, играющих столь видную роль в идеологической борьбе современности.

Чжурчжэни Приамурья по данным археологии

А. П. Окладников, академик

В. Е. Медведев

Эпоха чжурчжэньского государства Цзинь в средневековой истории Дальнего Востока и соседних областей представляет поистине выдающееся явление. Тунгусоязычные чжурчжэни создали в XI—XIII вв. могущественное государство, границы которого простирались на юге до Хуанхэ и еще дальше. Одна из столиц чжурчжэньского государства находилась на месте нынешнего Пекина.

Это было время высокого развития производительных сил, земледелия и скотоводства, ремесла. Социальная организация государства чжурчжэней, с феодальной в основе структурой общества, с развитым государственным аппаратом, приближалась к организации соседних государств, прошедших длительный исторический путь: Китая, Кореи, Японии.

Чжурчжэни создали самобытную культуру, которая смогла творчески освоить и переработать также и культурное наследие их соседей. Они имели своих литераторов и ученых, в том числе летописцев¹.

В настоящее время о чжурчжэнях (нюйчжэнях) в советской исторической науке накоплен достаточный объем не только письменных, но и вещественных, археологических сведений, используя которые можно воссоздать широкие картины их истории и культуры.

Вместе с тем необходимо отметить, что археологические данные о чжурчжэнях имеются преимущественно на территории Приморья. С первых шагов (в 1953—1954 гг.) Дальневосточная (ныне Северо-Азиатская) археологическая экспедиция Сибирского отделения АН СССР предприняла в сотрудничестве с Отделом истории и этнографии Дальневосточного филиала АН СССР (ныне Институт истории, археологии и этнографии ДВНЦ АН СССР), краеведческими музеями в Хабаровске, Благовещенске и Владивостоке, а также местными педагогическими институтами специальные поиски и раскопки средневековых памятников. Тем самым была продолжена работа, начатая еще в прошлом столетии Палладием Кафаровым, Ф. Ф. Буссе и другими русскими исследователями.

Существенным пробелом чжурчжэноведения являлась крайне слабая или полная неизученность северных чжурчжэньских территорий, то есть бассейна Амура. Конкретных сведений относительно расселения этой народности в Приамурье в исторических хрониках имеется очень мало. Это понятно. Летописцы — китайцы или окитаившиеся чжурчжэни, — конечно, не всегда ясно представляли себе районы обитания север-

¹ В Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР завершена работа по подготовке к печати интересного памятника истории чжурчжэней — перевода на русский язык с маньчжурского истории чжурчжэней, Цзиньши, выполненного более ста лет тому назад Николаем Розовым.

ных, «исцивилизованных», далеко отстоящих от них «варваров», упорно сохранявших свои старинные обычаи и культуру, восходящие к эпохе доклассового, первобытнообщинного строя.

И много веков спустя, в XVII в., после гибели чжурчжэньского государства и его цивилизации, «Амур и прилегающие к нему земли привлекли внимание Пекина только благодаря появлению там русских»². Среди средневековых известий находим следующую запись: «К северо-востоку (от Сунгари. — Авт.) земли нюйчжэней простирались в бесконечность»³. За эти земли, по-видимому, можно принять часть Нижнего и Среднего Приамурья, в особенности юг и юго-запад Хабаровского края. Но таких скурых фактов, не подкрепленных другими источниками, слишком мало для точного определения ареала расселения чжурчжэней. Следующее летописное сообщение дает нам право предположить: не здесь ли сложилось ядро наиболее стойких воинственных племен, сумевших создать мощную империю Цзинь. Согласно Н. Я. Бичурину, «...нючжи взяли Кхай-фын-фу (Кайфын. — Авт.), столицу Китая, и увезли двух государей за границу, которые в крайней бедности жизнь кончили на берегах Амура»⁴.

У другого выдающегося русского востоковеда XIX в. — И. И. Захарова — находим следующие сведения, которые, во-первых, позволяют уяснить характер взаимоотношений феодального Китая с его северными соседями, во-вторых, подойти к решению поставленного вопроса. «...Тунгусы нюйчжэнь восстали против Киданей, и Сунский дом, желая сделать их орудием своей политики — истреблять варваров варварами, — тайно заключил договор с ними против Киданей. Но так как при исполнении договора китайцы не сделали ничего против общих врагов, то тунгусы, поняв коварство Сунского дома, по праву победителей не только не возвратили ему земель внутри Великой стены, напротив, изгнав Киданей из северного Китая, отрезали значительную часть владений у Сунского дома. Китайское правительство снова предприняло войну за собственные владения, но и здесь оно было несчастливо: два государя отвезены пленниками на реку Амур; многие области вновь отошли к тунгусам, и в этих крайностях Сунский дом принужден был заключить еще поноснейший мир для своей фамилии — признать себя вассалами Гиньской (Цзиньской. — Авт.) династии и ежегодно представлять дань, а не подарки»⁵.

Приведенные примеры дают основание считать, что Амур с его многочисленными притоками занимал важное место в жизни основателей Цзиньской империи, особенно в ранний период — после возвышения могущественных племен амурских мохэ. Берега Амура были населены чжурчжэнями не только во времена становления и расцвета их государственности, но и гораздо позже — в эпоху Юаньской и Миньской династий. Уместно вспомнить, что первый археологический памятник, относящийся к началу XV в. и открытый русскими казаками более 300 лет назад на Тырском утесе в низовьях Амура, сохранил надпись на чжурчжэньском языке⁶.

² В. К. Арсеньев. Этнологические проблемы на востоке Сибири. Харбин, 1916, стр. 9.

³ В. П. Васильев. История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в., с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. СПб, 1857, стр. 27.

⁴ Н. Я. Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. СПб, 1842, стр. 198. «Два государя» — последние императоры династии Северная Сун: Хуэйцзун и Циньцзун.

⁵ И. И. Захаров. Историческое обозрение народонаселения Китая. — «Труды членов Российской духовной миссии». Т. 1. СПб, 1852, стр. 296.

⁶ А. П. Окладников. Первые известия об археологических памятниках Нижнего Амура. — «Известия Всесоюзного географического общества», 1955, № 4, стр. 336.

Данный факт свидетельствует не только о том, что чжурчжэни жили далеко от принятого по традиции центра их цивилизации (Маньчжурии), но и что у них долго сохранялась своя письменность.

Как известно, письменных памятников на чжурчжэньском языке найдено немного. Но тем не менее уже в конце прошлого столетия главным образом благодаря переводам русских востоковедов, и в первую очередь таких выдающихся синологов, как Н. Я. Бичурин и В. П. Васильев, чжурчжэни приобрели широкую известность. Начиная с середины XIX в., когда наступила новая стадия освоения русским народом территории Приамурья и Приморья, почти каждый, писавший об этом крае, находил нужным упомянуть об истории чжурчжэней. Тогда же, более ста лет назад, русские путешественники стали сообщать о находившихся веками в забвении памятниках древности и средневековья в азиатских просторах. Однако все материальные остатки чжурчжэньской культуры относились к территории Приморья. Тем важнее для истории нашего Дальнего Востока и соседних стран археологические памятники чжурчжэньского времени на Амуре, что они позволяют конкретизировать, наполнить отзвуками реальной жизни сведения письменных источников той эпохи, созданных самими чжурчжэнями или их соседями.

К числу таких вещественных памятников относится замечательный Покровский клад, близ Хабаровска, и большая коллекция, собранная в 1913—1914 гг. при раскопках в зоне строительства Амурской железной дороги⁷.

Но в те годы какое-либо согласование находок с письменными источниками или хотя бы отнесение их к определенной эпохе не удавались в силу их малочисленности и случайности. Поэтому поступавшие в музей материалы сопровождалась заметкой вроде: «время их пока не может быть определено»⁸.

Сейчас мы знаем, что разнообразные бронзовые украшения, найденные в сосуде в 4 км от села Покровки, а также керамика и другие вещи, открытые на месте строительства железной дороги, принадлежали тем самым амурским чжурчжэням, всестороннее сопоставление письменных и археологических источников по истории которых стало возможным лишь в последние десятилетия.

С исследованием Северо-Азиатской археологической экспедицией на нижнем Амуре разнообразных вещественных памятников, появились все основания не только сравнить, но и дополнить и углубить свидетельства исторических хроник.

В первую очередь это относится ко многим элементам материальной культуры, сведения о которых в письменных источниках настолько разрозненны и отрывочны, что трудно составить ясное представление о культуре в целом.

Чжурчжэни оставили на Амуре после себя прежде всего поселения — документальные свидетельства их оседлой жизни, такой же в своих главных чертах, как в Приморье.

Остатки жилищ нередко просматриваются на поверхности почвы в виде неглубоких впадин. Распространенным типом жилых построек далеких предков нанайцев, ульчей и других тунгусо-маньчжурских народностей юга советского Дальнего Востока была четырехугольная в плане землянка. Первые раскопки жилища подобного типа производились в 1935 г. археологической экспедицией Института этнографии АН СССР

⁷ «Отчет археологической комиссии за 1913—1915 гг.». Петроград, 1918, стр. 220, рис. 274; Музей антропологии и этнографии. Ленинград, коллекция № 2664; «Прошлое Приамурья». — «Амурский земледелец». Благовещенск, 1914, № 8—9, стр. 253.

⁸ «Отчет археологической комиссии за 1913—1915 гг.». Петроград, 1918, стр. 220.

под руководством А. П. Окладникова на многослойном памятнике в пади Большой Дурал, приблизительно в 5 км ниже села Нижне-Тамбовского на левом берегу Амура⁹.

Жилые ямы этого поселения расположены рядом друг с другом, составляя как бы одно целое. Очертания их в основе прямоугольные, внутренняя часть ям имеет вид слегка углубленных площадок, окруженных валом, разомкнутым с той стороны, которая обращена к реке: там, очевидно, помещался выход из жилища. Исследованием полуподземной постройки размером 9×8 м, относящейся (судя по монете) к XII в., установлено, что вдоль трех ее стен сохранились остатки отопительной системы — кана, выложенного из плит дикого камня.

Замечательной находкой (на кане чжурчжэньского жилища в пади Большой Дурал) явилась фаянсовая чаша. Она украшена рельефными фигурками людей, животных, а также иероглифами. Как полагает изучавший ее Г. Г. Стратанович, это выдающееся произведение своими художественными мотивами связано непосредственно с нашим Дальним Востоком.

Еще одно аналогичное по структуре постоянное жилище чжурчжэней раскапывалось авторами в 1970—1973 гг. в нанайском селе Сакачи-Алян. Его основание — котлован до 7 м в диаметре — также было углублено в землю на глубину 50—60 см от поверхности. Когда-то уютный теплый кан, служивший обитателям землянки лежанкой и столом, не сохранился в своем первоначальном виде. Но тем не менее лежавшие в горизонтальном и вертикальном положении плиточные, с налетом копоти камни, достигавшие в длину 65 см, в общих чертах давали представление о традиционном устройстве жилища чжурчжэней.

Среди камней и рядом с ними найдено множество фрагментов характерной серой лощеной керамики, украшенной поясами штампованных уголков, ромбов, прямоугольников и квадратов. Вместе с этой керамикой, сделанной на гончарном круге, встречались также обломки баночных сосудов, получивших ранее широкое распространение у племен мохэ.

Кроме черепков, здесь обнаружены железные желобчатые ножи, миниатюрные прямоугольные грузила из глины и четыре бронзовые сунские монеты — по одной с наименованием Цзин-ю юань бао (1034—1038) и Чжао-шэн юань бао (1094—1098) и две — периода правления Чун-нин (1102—1106).

Что касается происхождения этих монет, употреблявшихся наряду с собственно чжурчжэньскими, то, помимо торговых связей, они попадали к чжурчжэням и в результате побед чжурчжэньских полководцев. Они увозили в свою страну из Китая в качестве трофеев не только монеты, но и монетчиков, не только дворцовые архивы, но и самих императоров.

О сакачи-альянских находках, залежавших в верхнем горизонте многослойного памятника, следует сказать особо, так как они твердо датируют XI — началом XII вв. не только большой комплекс вещественных остатков, выявленных в этом селе, но и материалы из других мест Приамурья.

Согласно летописям, в ранний период своей истории чжурчжэни не имели городов, постоянных поселений и прочных жилищ, «а лишь ко-

⁹ А. П. Окладников. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре. — «Советская археология», 1936, № 1, стр. 275—277; А. П. Окладников. Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре. — «Советская археология», XV, 1951, стр. 299—301; Г. Г. Стратанович. Китайская чаша из урочища Большой Дурал. — «Советская археология», XV, 1951, стр. 302—307.

чевья, пасли скот по течению рек, жили в повозках, запряженных лошадей»¹⁰. Строить постоянные жилища их якобы научил Суйкэ (правнук Хань-пу, предка Цзиньской династии) во второй половине X в.

Комментируя данное известие, М. В. Воробьев вполне справедливо отмечает, что полукочевая жизнь чжурчженей и до этого события вряд ли была явлением всеобщим¹¹. Безусловно, за кочевников или полукочевников, упоминающихся в письменных документах, следует принимать те племена или, скорее, отдельные группы людей, которые, имея прочные жилища-землянки, значительную часть времени года находились в движении, то есть занимались охотой и другими промыслами.

Но и в период «сезонных работ» чжурчжэни спасались от дождя и холода не только в шалашах, но и в углубленных в землю временных земляночных или полуземляночных постройках, как это до сих пор принято у нанайских охотников. Примером временных землянок амурских ньючжэней могут служить остатки жилищ, обследованных в поселении на левом берегу Биры, близ села Русская Поляна (Еврейская автономная область)¹². Котлованы жилищ вырыты на небольшом песчаном возвышении, которое, как нам приходилось наблюдать, в сезон сильных муссонных дождей покрывается водой. Следовательно, обитателям приходилось на время покидать их.

Единая традиция в строительстве жилых построек типа землянки, как известно из археологических данных, прослеживается у жителей Приамурья не только в средневековье, но и на несколько тысячелетий раньше — в эпоху неолита.

Веками устоявшиеся архитектурные приемы сохранились в рассматриваемом ареале вплоть до нашего столетия¹³. Нанайские землянки и полуземлянки, из которых еще в начале XX в. состояли целые стойбища, порой до мелочей копируют подобные строения чжурчжэней.

Однако характеристика видов жилья чжурчжэней была бы не полной, если бы мы не остановились на принципиально новом типе постройки — постоянном наземном доме чжурчжэней. В нем так же, как и в землянке, под полом сооружался из камней кан. Стены же и крыша жилища делались из дерева. В 1959 г. на правом берегу Амура, в районе Хабаровска (рядом с детским санаторием), производились раскопки многослойного поселения, два верхних горизонта в котором принадлежат чжурчжэням XII—XIII вв. и нанайцам XVII—XVIII вв.¹⁴. Примечателен тот факт, что в обоих слоях выявлены следы наземных жилищ с остатками оригинальных отопительных систем — канов, свойственных всем этим родственным народностям.

Наряду с неукрепленными поселками чжурчжэни строили городища — укрепления, часто окруженные рядами валов и рвов. Одним из наиболее крупных и хорошо известных в литературе является городище, воздвигнутое в окрестностях села Поярково Амурской области, неподалеку от места впадения р. Завитой в Амур. Расположено оно на одиноко

¹⁰ М. В. Воробьев. Хозяйство и быт чжурчжэней до образования династии Цзинь. — «Доклады по этнографии». Вып. 1 (4). Л., 1965, стр. 17.

¹¹ Там же.

¹² В. Е. Медведев. Научный отчет об археологической разведке в Еврейской автономной области в 1972 г. Рукопись. — Архив Ин-та истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, стр. 2—5.

¹³ И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. — «Записки Общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела Русского географического общества». Т. XVII. Владивосток, 1922, стр. 78; Ю. А. Сем. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.). Владивосток, 1973, стр. 39—41.

¹⁴ А. П. Окладников. Археологические раскопки в районе Хабаровска. — «Вопросы географии Дальнего Востока». Сб. 6. Хабаровск, 1963, стр. 255—282.

возвышающемся посреди поймы, овейном легендами холме, носящем в народе название горы «Шапки». В Амурской области известно еще одно крупное городище, находящееся в селе Новопетровка Константиновского района. В нем и сейчас сохранились оборонительные стены, сложенные из сырцовых кирпичей.

В Хабаровском крае чжурчжэньские городища открыты в Нанайском районе — у села Джари и у озера Болонь. Почти квадратное в плане Джаринское городище возведено на высоком, отвесном берегу Амура. Оплывшие земляные валы его шириной до 6 м, в высоту достигают более 2 м. С южной стороны вал проходит по краю берега, с запада к нему подступает овраг, а с северной вдоль вала снаружи прорыт ров, глубина которого в настоящее время превышает местами один метр. В восточном валу укрепления находятся ворота, защищенные снаружи валиками, образующими барбакан. С территории этой надежно защищенной крепости, на поверхности которой видны впадины жилищ, на многие километры вокруг просматривается Амур с его поймой.

Болоньское городище устроено иначе. Оно расположено на сравнительно невысоком полуострове, омываемом протоками Накки и Сий. Последний проток соединяет Амур с озером Болонь, одним из крупнейших на Дальнем Востоке. Удобный в стратегическом отношении полуостров был облюбован племенной или родовой организацией не случайно. Чжурчжэньские строители, искусные в возведении оборонительных сооружений, перегородили полуостров в наиболее узком месте мощными рядами валов и рвов, создав тем самым без лишних усилий надежное укрытие на случай военных действий. У этих своего рода крепостных стен, на возвышенном участке, примыкающем к основному массиву суши, у средневековых жителей Приамурья находились, должно быть, жилища. По другую сторону валов, вдоль берега протока обитателями городища оставлен грунтовый могильник, находки монет из которого датируют Болоньский комплекс памятников XI—XII вв.

Неукрепленные поселки и городища амурских чжурчжэней изучены пока в общих чертах, но тем не менее можно сделать важный вывод: корни строительного мастерства их создателей глубоко уходят в древность. В первую очередь это касается поселений, застроенных землянками с каменными канами вдоль стен. Но если жилища, углубленные в землю, стали строить на Амуре в каменном веке задолго до летописных сущэней, то такая новинка во внутреннем их устройстве, как каны, появилась (судя по раскопкам в Приморье) в раннем железном веке¹⁵. Следующей ступенью в эволюции архитектуры дальневосточных племен явилось создание ими укрепленных поселений или крепостей. Пронзошло это в раннем средневековье у мохэ. И наконец, чжурчжэни, унаследовавшие от своих предшественников все архитектурные традиции, пошли еще дальше — они научились строить постоянные наземные жилища.

Существенный сдвиг за истекшее десятилетие произошел в изучении другой важной категории чжурчжэньских памятников — могильников. Теперь это ценнейший источник для характеристики культуры населения Приамурья в X—XII вв.

Описанию погребальных обрядов ньючжэней в исторических хрониках уделено немного места. Лаконичные известия посвящены, как мы видим, высшим слоям общества, у которых после покорения соседних государств наметились тенденции заимствовать обычаи и традиции других народов, предавая забвению свои. Поэтому раскопки захоронений

¹⁵ Л. Д. Бродянский. Южное Приморье в эпоху освоения металла. Автореферат канд. диссертации. Новосибирск, 1969, стр. 5.

простых чжурчжэней Приамурья приобретают огромное значение. Ценность их увеличивается еще и потому, что оставлены они на территории, которая искони принадлежала северным племенам, носителям самобытной культуры.

Согласно летописям, умершего чжурчжэни зарывали в землю, но без гроба, для знатных сжигали в жертву живыми их любимых слуг и служанок, а также оседланных лошадей. Всякое кушанье и питье, приносимое в жертву, также сжигалось; это значило, по их выражению, варить кашу (для покойников) ¹⁶.

Среди погребальных памятников чжурчжэней известны два одинаково распространенных типа — грунтовые и курганные могильники. Грунтовые могильники хорошо изучены у села Надеждинского Биробиджанского района и у озера Болонь Нанайского района Хабаровского края, на которых вскрыто около 140 захоронений ¹⁷.

Места для них выбирались на небольших песчаных возвышенностях — рёлках, поблизости от берега реки или озера. Такие рёлки обыкновенно во время половодья превращались в острова. Погребения по характеру ритуала подразделяются на три типа. Так, по материалам Надеждинского могильника, к самой распространенной форме относятся захоронения, в которых умершие погребены в овальных или прямоугольных ямах по обряду труположения. Следы неглубоких могильных ям не сохранились не только на поверхности почвы, но зачастую их трудно заметить в песке даже после снятия верхних почвенных слоев. Погребенные чаще лежат на спине с вытянутыми вдоль тела руками и подогнутыми (или же согнутыми) в коленях ногами. Они ориентированы, как правило, головой на восток, часто с отклонениями на юг или север.

Почти во всех захоронениях найден инвентарь, состав которого колебался в зависимости от пола и возраста умершего, немалую роль играло также положение его в обществе.

Исходя из разнообразия и количества находок, могилы следует разделить на бедные, средние и богатые.

Инвентарь бедных погребений, естественно, скуден: железный нож, иногда глиняный сосуд.

В средних погребениях ассортимент вещей увеличивается: в них всегда есть сосуд, нож, кресало, наконечники стрел, часто детали конской сбруи.

Богатые захоронения содержат два-три глиняных сосуда (в некоторых встречены еще и железные котелки), украшения личные, украшения одежды и сбруи из бронзы, нефрита, халцедона, стекла, пасты, железа, серебра, золота, а также боевые топоры, копья, палаши. Процент бедных и богатых погребений вообще ниже, чем средних, особенно мало зафиксировано захоронений первого разряда.

На многих могилах Надеждинского могильника, по результатам раскопок которых сделана подавляющая часть выводов о ритуале труположения, выявлены следы кострищ. Помимо этого, остатки кострищ заполняют могильные ямы, а в отдельных случаях угли встречены и на дне погребений. Отмечены остатки костров и на Болоньском могильнике. Бесспорно, огонь в погребальном обряде людей, оставивших эти

¹⁶ В. П. Васильев. Указ. соч., стр. 201.

¹⁷ А. П. Окладников, В. Е. Медведев. Древний могильник на озере Болонь — памятник чжурчжэньской культуры на Нижнем Амуре, — «Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. общественных наук», Вып. 3, 1970, № 11, стр. 112—114; В. Е. Медведев. Раскопки чжурчжэньских могильников. — «Археологические открытия 1970 года». М., 1971, стр. 216—217.

некрополи, играл большую роль. Зажигая костры в могиле, над слегка засыпанной землей покойником, или сверху, на полностью засыпанной могиле, они верили, что оберегают его от влияния злых духов.

Чтобы полнее понять значение кострищ, находившихся на могилах или рядом с ними, полезно обратиться к летописным источникам, в которых сказано об обряде сожжения пищи во время поминок. Обряд «был в ходу у чжурчжэней до образования государства и заключался в том, что у могилы возводили специальную насыпь, на ней ставилось блюдо с пищей и напитками и все сжигалось. Смысл сожжения пищи заключался в высвобождении духа пищи»¹⁸. Залегание на поверхности большинства могил, в том числе и в кострищах, обломков горшков, а в ряде случаев пережженных костей, может служить доказательством того, что данный обряд бытовал у приамурских чжурчжэней.

Ко второму виду погребального ритуала относятся захоронения с трупосожжениями, составляющие десятую часть общего числа погребений. На поверхности почвы разжигались большие костры, головой на восток укладывали труп.

Открытые на Надеждинском памятнике под некоторыми трупосожжениями или рядом с ними — в материковом песке — следы от столбовых ям позволяют предположить следующее. Часть покойников на могильнике, возможно, кремировали в специальных деревянных устройствах — «домовинах». Но этот вариант не вяжется с таким важным фактом, как расположение ям в стороне от захоронений. Скорее, на столбах, которые размещались в 2—4 ряда в форме прямоугольника, сооружались деревянные помосты, на которых поконились умершие. После же того как помосты приходили в негодность, остатки костяков сжигались тут же на месте или рядом со столбовым сооружением. Устройство это, вероятно, имело сходство с помостами на сваях, строившимися для умерших еще в недалеком прошлом отдельными народностями Сибири. Оно также могло напоминать отчасти захоронения в лодках, воздвигнутых на столбы, как это было у североамериканских индейцев.

Третью форму погребального обряда грунтовых могильников представляют повторные погребения. У села Надеждинского они встречались очень редко и выглядят иначе, нежели на озере Болонь, где оказались доминирующими. Если на первом памятнике разрозненные остатки человеческих костяков закапывались в яму, то на втором оставались непосредственно на горизонте без какой-либо насыпи или хотя бы заметной засыпки. У погребальных комплексов третьего типа наблюдаются тесные аналоги с более древними мохэскими могильниками Приамурья. Например, ближайшее сходство в характере погребальной обрядности и частично в инвентаре чжурчжэней и мохэ четко прослеживается в материалах Найфельдского могильника, открытого в 1959 г. А. П. Окладниковым. Есть близкие черты в указанных элементах культуры и на других погребальных памятниках непосредственных предков чжурчжэней¹⁹.

Курганы чжурчжэней исследованы неподалеку от села Дубовое и у пос. Смидович (в двух пунктах) Еврейской автономной области.

¹⁸ М. В. Воробьев. Религиозные воззрения чжурчжэней. — «Доклады по этнографии». Вып. 4 (7), Л., 1966, стр. 64.

¹⁹ А. П. Окладников, А. П. Деревялко. Мохэский могильник у пос. Найфельд. — Сб. «Древняя Сибирь». Вып. 2. Новосибирск, 1966, стр. 343—358; Е. И. Деревялко. Мохэские могильники среднего Приамурья. — Автореферат. канд. диссертация. Новосибирск, 1974, стр. 6—8.

Кроме этого, чжурчжэньские курганы раскапываются у села Наумовка той же области²⁰.

Расположение курганов чаще одинаковое с грунтовыми могильниками — на невысоких песчаных рёлках, которых так много в пойме Амура и его притоков. Курганы составляют обширные группы, насчитывающие до 100 и более насыпей. Высота их варьирует от 40 см до 2,5 м при диаметре 4—17 м. Раскопками Смидовичской курганной группы выявлена еще одна форма погребального ритуала средневековых тунгусо-маньчжуров. Это, в сущности, тот же вид повторного захоронения на горизонте, только в отличие от Надеждинских и Болоньских могил здесь над ними возведены насыпи довольно внушительных размеров.

Многочисленные предметы быта, вооружения, детали конского убора, украшения вместе с установленными типами погребальной обрядности убедительно свидетельствуют, что распространенной формой религиозных воззрений приамурских чжурчжэней был шаманизм. Наряду с этим заключением вещевые комплексы позволяют сделать и другие важные выводы. Остановимся кратко только на некоторых из них.

Пожалуй, самым представительным видом находок является керамика. Сосуды, как уже сказано, встречались в большинстве захоронений, а отдельные черепки и скопления их залежали почти по всей площади грунтовых могильников.

По способу изготовления керамика чжурчжэней разделяется на станковую и лепную. Сосудов первой, характерной для чжурчжэней категории, в которую входят различные по профилировке изделия, заметно больше. Лепная керамика, оставленная в одних и тех же погребениях, что и гончарная, удивительно однообразна, как по форме профиля, так и по орнаментике.

И при взгляде на эти невысокие коричневато-бурые баночки с наклепанным валикообразным ободком по кромке венчика без колебаний относишь сосуды к мохэским памятникам. Причина этого очевидна: в керамике мохэских племен IV—VIII вв. преобладал упомянутый выше тип лепной баночной посуды, унаследованный полностью их потомками чжурчжэнями. Таким образом, керамика — обширный источник по истории культуры — еще раз настойчиво убеждает в прямом родстве этих народностей.

Большого внимания заслуживают детали конского убора, встреченные во многих захоронениях Надеждинского могильника. В эту группу вещей входят многие десятки пластинчатых обойм, служивших для соединения сбруйных ремней, а также удила, стремена, подпружные пряжки и различные наременные бляшки-украшения.

Примечательно, что ни в одной из могил не выявлены кости лошади. Иначе говоря, широко распространенные погребения с конем или его остатками у скотоводческих племен Евразии, в том числе и у амурских мохэ, превратились у чжурчжэней в более простой вариант — погребения умерших лишь со сбруями их коней. Это вызывалось, скорее всего, нехваткой лошадей, для нужд конницы, игравшей, как известно, огромную роль в жизни воинственных создателей цзиньской империи.

Летописи повествуют о мужестве и воинственности чжурчжэней, их большом умении стрелять из лука, об их любви к охоте. Они были действительно умелыми и хорошо оснащенными охотниками, способными добывать любого зверя. Об этом наглядно свидетельствуют согни желез-

²⁰ А. П. Окладников, В. Е. Медведев. О двух средневековых могильниках на юго-западе Хабаровского края. — «Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществ. наук». Вып. 1, 1970, № 1, стр. 126—128; Ю. М. Васильев. Могильник «Луданникова сопка». — «Археологические открытия 1973 года». М., 1974, стр. 185.

ных черешковых наконечников стрел всевозможных типов. Кроме железных наконечников стрел, среди которых часто встречаются боевые бронебойные, в могильниках найдены также боевые топоры, однолезвийные мечи-палашы длиной до 85 см, копья, панцирные пластины.

Не менее, чем предметы вооружения, выразительны для понимания жизни чжурчжэньского общества на Амуре украшения.

Многочисленные украшения, сопровождавшие погребенных в могильниках на Амуре, интересны не только как предметы искусства и развитого художественного вкуса, но и для более глубокого понимания социальных отношений и культурных связей чжурчжэней с другими народами.

Замечательны прежде всего наборные пояса, принадлежавшие, видимо, выдающимся представителям чжурчжэньской верхушки. Пояса эти украшены литыми ажурными бляхами — пластинами из бронзы, чаще всего украшенными солярными символами — крестиками. Кроме того, пояса украшались висячими фигурными бубенчиками.

Как свидетельствуют письменные источники, относящиеся к истории народов Центральной Азии и вообще средневекового Востока, такие богато украшенные пояса служили знаком отличия и высокого социального ранга. Так было еще у племен мохэ, от которых эти пояса перешли к чжурчжэням.

Для характеристики культурных связей не менее важно, что подобные наборные пояса были в употреблении у тюркских племен Монголии, некогда властвовавших на обширных пространствах Монголии и Восточной Европы, они изображались особо тщательно на скульптурных изваяниях Монголии, Алтая и Средней Азии.

Ювелирное искусство чжурчжэней с древнетюркским степным миром сближают и характерные серьги. Это широко известные от Хингана до Дуная в VI—XI вв. нашей эры, в том числе в Великой Моравии — первом славянском государстве на территории современной Чехословакии, — а также Болгарском царстве, серьги в виде незамкнутого овала с подвеской, напоминающей падающую каплю. У чжурчжэней, однако, этот исходный простой вид серег приобрел новую форму. Серьги стали больше, приобрели более изощренный декоративный вид. Кроме того, на Амуре появился совершенно новый тип серег, снабженных дисками-подвесками из белого нефрита. Этот тип с удивительной устойчивостью преодолел века и в почти неизменном виде дошел до нашего времени у амурских племен, в том числе у прямых потомков амурских чжурчжэней — нанайцев.

Наборные пояса и серьги служат выразительным свидетельством теснейших культурно-политических связей предков чжурчжэньского народа с их степными соседями — древними тюрками²¹.

Последние, как известно, на протяжении ряда веков в союзе с мохэскими племенами вели упорную борьбу против феодалов средневекового Китая, пытавшихся лишить их независимости.

Эту эстафету борьбы с феодалами средневекового Китая приняли от древних тюрков вначале мохэ, а затем чжурчжэни, силу которых почувствовала в XI—XII вв. гордая своим могуществом и культурой Сунская династия Китая.

²¹ А. П. Окладников. Археология Сибири — вчера, сегодня и завтра. — «Вопросы истории», 1968, № 5, стр. 170; его же: «Лики древнего Амура». Новосибирск, 1968, стр. 80—115; Е. И. Деревяко. Наборный пояс мохэцев как одно из свидетельств контактов с тюрками. — «Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществ. наук». Вып. 2. Новосибирск, 1974, № 6, стр. 95—101.

Таковы были свободолюбивые амурские чжурчжэни, вместе со своими более южными соплеменниками сокрушившие своих прежних угнетателей — киданей, а затем вышедшие на широкую мировую арену.

И не случайно, должно быть, когда в семнадцатом столетии на великой сибирской реке Лене появились первые русские, представители могущественного русского государства, якуты называли их словом «нючча, нючалар», а тунгусы вариантом того же слова — «лоча».

Слово «нючча», видимо, созвучно со словом «нюйчжи», которым на востоке называли когда-то чжурчжэней.

Так в русском языке появилось наименование самого могущественного некогда на востоке Азии тунгусского народа, чжурчжэней, чей след глубоко врезан в историю всей этой части Старого Света.

Маоистская пропаганда: некоторые социальные и психологические аспекты

М. Г. Степанов

Стремясь укрепить свою военно-бюрократическую диктатуру, маоисты широко используют обработку населения Китая с помощью массовых средств пропаганды, тенденциозной информации и т. п. Маоистская пропаганда, разумеется, антинаучна, как и идеология, на которой она базируется. Но это не значит, что маоистская пропаганда полностью неэффективна. Ей удается в ряде случаев воздействовать на сознание определенных слоев населения: неграмотных, людей, в психологии которых укоренились феодальные традиции и пережитки, подрастающего поколения, не имеющего жизненного и политического опыта. Этим социальным группам пытаются внушить искаженное представление о марксизме-ленинизме, о труде и жизни народов социалистических стран, о важнейших событиях на нашей планете.

В этих целях используются не только «теоретические» построения маоистских идеологов, но и общедоступные формы информации, распространяемые маоистской печатью, радио, телевидением, кинематографом, художественной литературой, книжками-картинками, коллективами художественной самодеятельности и т. д.

Ложь и фальсификация, демагогия и запугивание, манипулирование шовинистическими лозунгами и многие другие приемы, которыми так широко пользуется маоистская пропаганда, рассчитаны прежде всего на невежественную аудиторию, глухой стеной отгороженную от внешнего мира. Нельзя не учитывать того, что маоистские построения ни представления существуют в КНР не только на уровне «теоретическом», но прежде всего на уровне обыденного сознания. Это требует исследования социально-психо-

логических корней маоизма, изучения методологии его пропаганды, с помощью которой он распространяется из сферы идеологии в сферу психологии.

Особенно важно подчеркнуть, что в процессе активного психологического воздействия на людей маоистская пропаганда упор в своей деятельности делает на обработке в необходимом ей духе молодого поколения, тех подростков и даже детей, жизнь которых началась в угаре «культурной революции». Мао Цзэ-дун пытается отравить сознание незрелой, малоопытной, впечатлительной и горячей молодежи ядом национализма, великодержавного шовинизма, антисоветизма. Цель этого — распространить идеологию маоизма и на будущие поколения.

Каковы же основные методы и формы маоистской пропаганды?

Испытанные методы: обман и принудительная обработка массового сознания

Основным объектом при исследовании пропаганды является не «техника», при помощи которой она распространяет свои установки, лозунги, стереотипы и т. д., а идеология, на которой она базируется. Именно идеология определяет «технику» пропагандистского воздействия.

Прогрессивная идеология использует научные аргументы в сочетании со строгой логикой. В процессе распространения марксистско-ленинской идеологии главную роль приобретает воздействие путем убеждения, апелляции к разуму человека. Но это не значит, что марксистско-ленинская идеология недооценивает роль эмоций в процессе восприятия информации. Напротив, К. Маркс, например, призывал говорить с людьми «полным страсти языком самой жизни»¹.

Рациональное и эмоциональное в сознании человека всегда тесно связаны, и поэтому, воспринимая информацию, люди не только оценивают ее разумом, но вырабатывают к ней эмоционально окрашенное отношение. Социально-психологическая методология обработки массового сознания путем воздействия на эмоции людей, то есть путем внушения, играет значительную роль в обеспечении эффективности пропаганды. Осо-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 206.

бенно в восприятии людьми произведений литературы и искусства, а также в определении их отношения к событиям, имеющим яркую эмоциональную окраску.

Маоизм, идеология антинаучная в самой своей сути, является «китанизированным социал-шовинизмом»², как пишет академик П. Федосеев. Маоизм спекулирует на социалистических идеалах, рядясь для этого в одежды с чужого плеча. Эта мистификация бросается в глаза даже буржуазным ученым. Так, американский исследователь Китая профессор Ф. Шурман отмечает: «Без марксистско-ленинской теории Мао Цзэ-дун был бы всего лишь удачливым политическим деятелем национального толка»³.

Пекинская пропаганда пытается скрыть мелкобуржуазную суть, эклектический характер маоизма, пускаясь ради этого на фальсификации, подлоги, прямой обман. Лишенная научных аргументов, она широко использует метод внушения, который характеризуется двумя особенностями. Во-первых, внушение адресуется главным образом чувствам, а не разуму. Во-вторых, оно эффективнее действует на большие массы людей. При обращении к массе (например, к толпе) сила внушения, как давно установлено в социальной психологии, во много раз возрастает.

Вот почему кураторы маоистской пропаганды регулярно прибегают к коллективному прослушиванию радиопередач, к гигантским митингам, нередко включающим десятки тысяч участников, к радиомитингам в масштабе целой провинции, охватывающим многие миллионы людей. Так, например, радио провинции Цинхай сообщило 10 июля 1974 г., что «рабочие и служащие сталеплавильного завода г. Синин провели 10 крупных собраний критики, на которых присутствовало более 10 тыс. человек; более 7300 малых и средних собраний, отражающих ход широкой революционной критики, написали более 12 тыс. критических статей, свыше 500 стенок газет, нарисовали более одной тысячи различных карикатур, написали свыше 800 статей для радио и более 10 тыс. даэзыбао».

Все эти многочисленные мероприятия, судя по сообщению радио, были проведены в течение нескольких месяцев и были посвящены «критике» Линь Бяо и Конфуция.

Подобные меры позволяют организаторам вызывать значительно более сильную эмоциональную реакцию участников, возбудить в малограмотных слоях населения шовинистические настроения, чувства страха, враждебности, ненависти, зависти, злорадства, тщеславия, жестокости и т. д.

Дирижеры идейно-психологической обработки масс в нынешнем Китае намеренно вызывают в определенных слоях населения подобные чувства и настроения. Такие психологические процессы затемняют деятель-

ность разума, делают многих людей послушными воле манипуляторов.

С помощью этих приемов в КНР, в частности, нагнетается антисоветская истерия; эксплуатируются такие чувства, как недоверие к СССР, которое возникает в результате лживых утверждений о мнимом «буржуазизации» советских людей; страх, порождаемый совершенно бездоказательными заявлениями о так называемой «угрозе с севера»; враждебность к СССР, появляющаяся на этой основе.

Стремясь усилить эффективность пропаганды путем внушения, ее руководители прибегают к рассчитанным прежде всего на эмоциональное воздействие «театральным» эффектам: массовым шествиям, гонгам, барабанами, пиротехнике и многим другим. Цель этих действий — создать иллюзию объединения масс вокруг официальных лозунгов и установок, привлечь на свою сторону пассивных и колеблющихся, а невольных противопоставить «единодушным массам».

Китайская пропаганда пользуется буквально любой возможностью оказать воздействие как на групповое сознание, так и на психику отдельного индивида. Во время «культурной революции» жителей городов и поселков нередко среди ночи будили шум гонгов и барабанов, громкие голоса, возглашавшие «новейшие указания председателя Мао».

Метод пропагандистской обработки путем внушения облегчает усвоение массами политических лозунгов, социально-психологических стереотипов. Такими средствами широко пользуется китайская внутрисполитическая пропаганда, сконструировавшая большое количество броских лозунгов и примитивных стереотипов.

В практике пекинской пропаганды стереотипы — средство активного политического программирования сознания. Это своего рода психологические «дорожные знаки», при помощи которых пытаются регулировать мышление и поведение китайцев, подсказывать им, каких именно мыслей, чувств и поступков от них ждут власти.

«Председатель Мао — красное солнце», в КНР царит «прекрасная обстановка в революции и на производстве» — вот типичные ложные стереотипы маоистской пропаганды. На базе основных стереотипов, которые, по предположению пекинских идеологов, уже внедрены в массовое сознание, конструируются стереотипы «дочерние». После того как в ходе «культурной революции» был дискредитирован Лю Шао-ци, а впоследствии исчез с политической сцены Линь Бяо, китайская пропаганда сначала пустила в ход стереотип «мошенички типа Лю», а после X съезда КПК был применен еще один стереотип — «мошенички типа Линь Бяо». Еще несколько лет назад, прибегая к

² «Правда», 5.XII.1971.

³ F. Shurman, *Ideology and organization in communist China*. Berkeley and Los Angeles, 1966, p. 37—38.

бесконечному повторению стереотипа «верный ученик председателя Мао», пекинская пропаганда пыталась внушить уважение к Линь Бяо. Теперь, без устали повторяя эпитеты «черный бандит», «предатель», «партийный сатрап, не имевший ни малейшей рзудинии», она пытается вызвать к Линь Бяо противоположные чувства.

Широкое использование маоистами внушения как формы пропагандистского воздействия не означает того, что они пренебрегают фактами. Однако пользуются ими произвольно, вне их общей взаимосвязи, берут только те из них, которые, как они считают, подтверждают их установки. Именно такие факты, не отражающие сути явлений, пекинские пропагандисты пытаются выдать за «доказательства» истинности маоистской идеологии. Этим они, однако, только лишь раз демонстрируют свой антинаучный подход к общественным явлениям. В. И. Ленин писал, что «Фактики, если они берутся не целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только грушкой или кое-чем еще похуже»⁴.

При помощи такого жонглирования «фактами» маоисты стараются оказать воздействие на свою аудиторию методом убеждения.

Общезвестно, что базой для ложных убеждений могут служить предрассудки — религиозные, религиозные, расовые и т. д. Факты свидетельствуют о том, что маоистская обработка общественного сознания путем убеждения активно опирается на предрассудки, использует их для разжигания религиозных настроений, национальной розни, ненависти к народам других стран.

Направленная на все слои общества, эта форма пропаганды особенно заметно влияет на молодежь. Отсутствие у нее жизненного опыта, сколько-нибудь систематизированных политических знаний делают ее сравнительно легкой жертвой обмана. В результате идеино-психологической обработки масс в духе «идей Мао Цзэ-дуна» ложные убеждения, воспринятые сознанием, со временем становятся для молодых людей «своими».

Следует также учитывать, что в КНР пропаганда путем убеждения ведется в специфических условиях. В стране насчитывается около 400 млн. неграмотных, и это представляет собой благодатную почву для идеологических манипуляций. Народ живет в обстановке обостряющихся противоречий постоянно слышит призывы к «борьбе» с «злыми демонами и оборотнями», с «злыми притаившимися чуть ли не за каждым углом «классовыми врагами». Напряженное психическое состояние людей часто приводит к тому, что даже нелепые официальные

установки могут им показаться правильными или по крайней мере оправданными обстановкой.

Осуществляя пропаганду путем убеждения, исполнители воли пекинских лидеров не останавливаются ни перед духовным террором, ни перед административно-политическими мерами принуждения, ни перед физическим насилием.

Американский психиатр Лифтон, беседовавший в Гонконге с беженцами из КНР, рассказал в своей книге о многих «запрещенных приемах», которые применяются в ходе такого воздействия методом «убеждения». Автор подчеркивает, что сознание многих беженцев из КНР, с которыми ему приходилось беседовать, было в такой сильной степени запрограммировано нелепыми маоистскими установками, что они с трудом и далеко не сразу вырвались из плена таких суждений⁵. А ложные политические взгляды, как известно, оказывают немалое влияние на другие сферы сознания, на весь образ мыслей, на эмоциональный облик человека.

Однако неграмотностью, ненормированностью, неразвитым логическим мышлением, стремлением к самосохранению еще нельзя объяснить тот факт, что в КНР есть люди, верящие маоистским догмам, приносящие военно-бюрократической диктатуре в жертву свои интересы. Судя по всему, тут следует говорить о возникающем с годами сплаве ложных взглядов и ложных чувств. А если к этому добавить старательно культивируемый маоистами слепой фанатизм, затемняющий сознание, мешающий объективно воспринять информацию, то станет ясно, что такие люди становятся жертвами официальной пропаганды. Они заранее готовы делать выводы, укладывающиеся в привычную, стереотипную схему мышления.

Итак, в процессе обработки массового сознания в КНР широко применяются и метод внушения, и метод убеждения. В ряде пропагандистских акций широко применяется заведомая дезинформация. Пекинская пропаганда, несомненно, отдает предпочтение методу внушения перед методом убеждения. В отношении же людей, не разделяющих маоистские схоластические догмы, не поддающихся обработке чисто пропагандистскими средствами, применяется и прямое насилие.

В своих статьях и выступлениях Мао Цзэ-дун неоднократно пытался «теоретически» обосновать необходимость широкого применения насилия и репрессий. Напомним лишь некоторые из его высказываний на этот счет.

«Главное, — заявляет Мао, — в том, чтобы припугнуть людей»⁶. Не ограничиваясь этим, он предлагает соединить несо-

⁴ В. И. Ленин. Пол. собр. соч. Т. 30, стр. 350.

⁵ R. J. Lifton. Thought reform and the psychology of totalism. A study of «brainwashing». N. Y., 1961.

⁶ А. М. Румянцев. Истоки и эволюция «идей» Мао Цзэ-дуна. М., 1972, стр. 212.

единное — пролетарскую демократию с императорским деспотизмом. «Нельзя только придерживаться демократии, — говорит Мао, — надо сочетать Маркса с Цинь Шихуаном»⁷. Этого тирана китайской древности, по приказу которого сжигали книги и закапывали в землю живыми ученых, сейчас громко восхваляет китайская печать.

Мао не считается с жертвами, которые приносит народ. Человек — всего лишь разменная монета в политических планах «великого кормчего». «Раньше во время революции, — вещает Мао, — гибло много людей... Почему же и теперь нельзя работать на таких же началах?»⁸.

И в заключение приведем еще один человеконенавистнический «афоризм», «Человек, — обобщает Мао, — это животное, которому присуще чувство презрения к людям»⁹.

Мао неустанно призывает к сочетанию теории и практики. И действительно, его вышеречисленные «теоретические» откровения, к сожалению, нашли свое воплощение в практической политике. Только с 1949 по 1957 г. в КНР было убито около 6,5 млн. человек¹⁰. В последовавшие за этим годы курс Мао Цзэ-дуна отнюдь не стал более мягким. «Культурная революция» — доказательство этого.

Сделаем некоторые выводы. Первой характерной чертой маоистской внутривнутриполитической пропаганды является широкое использование лжи. Эта ложь направлена на то, чтобы убедить человека в «научности» антинаучных «идей Мао Цзэ-дуна». Эта ложь беззастенчиво спекулирует на низменных чувствах, неграмотности, неинформированности, пытается воспользоваться предрассудками, стимулировать иррациональные процессы психики и т. п.

Второй чертой является все более явное «сращивание» обмана и насилия. За ложью всегда стоят наготове репрессии, террор.

Третья черта — стремление вовлечь в свой замкнутый круг огромные людские массы, использовать идеологические, политические и административные меры для того, чтобы вынудить людей непрестанно заниматься «самовнушением», «самоубеждением». Это потребовало серьезных организационных мероприятий.

«Линия масс» — это социальный контроль

Многие организационные принципы маоистского воздействия на общественное сознание применялись задолго до образова-

ния КНР. Это относится и к такому «изобретению», как «линия масс».

Активный участник многих важнейших событий в Китае 30-х годов немецкий коммунист Отто Браун рассказывает, что «впервые она была выдвинута в начале 30-х годов. С ее помощью Мао Цзэ-дун якобы черпал идеи из глубин народа. В действительности же пресловутая «линия» была заимствована из военной практики, а точнее — из методов работы политотделов армии. Принятые наверху решения — партийные и административные — спускались вниз для исполнения, так же как приказы. Их выполнение обеспечивалось с помощью административных и дисциплинарных мер»¹¹.

Кроме осуществления мероприятий, связанных с пресловутой «линией масс», маоисты применяли и другие меры, чтобы создать в КНР социально-психологический климат, облегчавший им проведение своей политики.

С первых лет существования КНР маоисты пытались влиять на идеологическую деятельность государства: всемерно раздували культ Мао Цзэ-дуна; были инициаторами массовых политических кампаний, в ходе которых к коммунистам, к представителям трудового народа все шире применялись методы грубого психологического нажима, духовного террора; насаждали и развивали в стране систему слежки и доносов, создавших атмосферу устрашения.

Всемерно укреплялась система «информации», а попросту говоря — регулярных доносов. Это сопровождалось усилением контроля за населением со стороны органов общественной безопасности, которые также имели весьма солидный штат «активистов». Дело нередко доходило до мелочного надзора за деталями быта, за взаимоотношениями членов семьи, за тем, кто какую пищу готовит дома¹². Липкая полицейская паутина все более плотно опутывала страну. Люди становились подозрительными, недоверчивыми, замкнутыми.

В 1957 г. журналист из «Бэйцзин жибао» Ян Фан писал на страницах газеты о том, что все стали «очень уж осторожными даже в частных беседах, боясь, что их подслушают активисты и донесут властям»¹³.

Даже американский журналист Э. Сноу, личный биограф и друг Мао Цзэ-дуна, не устававший восхвалять маонизм, вынужден был признать, что система контроля над мыслями и поступками населения КНР превосходит все бывшее когда-либо в этой богатой подобными традициями стране¹⁴.

Между тем развивались такие средства массовой коммуникации, как пресса, радио.

⁷ А. М. Румянцев. Истоки и эволюция «идей» Мао Цзэ-дуна. М., 1972, стр. 211.

⁸ Там же, стр. 346.

⁹ Там же, стр. 168.

¹⁰ См.: «Маонизм без маски». М., 1970, стр. 93.

¹¹ «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4, стр. 149.

¹² Chou Ching-wen. Ten years of storm. N. Y., 1960, p. 62—63.

¹³ «Бэйцзин жибао», 21.V.1957.

¹⁴ Edgar Snow. Red China today. N. Y., 1970, p. 345.

за затем и телевидение. С начала 50-х годов в стране организовывались группы коллективного прослушивания радиопередач. Таких групп насчитывались многие десятки тысяч, так же как групп чтения газет и обсуждения прослушанного. Для неграмотных газеты читались вслух. Помимо этого, повсюду создавались «выездные дискуссионные группы», «группы информации», «группы новостей», «группы рассказчиков» и т. д. Следует отметить, что и эту работу маоисты организовали на свой излюбленный лад. Это отражалось даже в терминологии. В деревнях чтение газет обычно располагались в трех местах: на полях, в домах крестьян, на местах собраний бригады. Соответственно это называлось: «позиционная бойня», «партизанская война», «мобильная бойня»¹⁵.

Что касается радиопропаганды, то здесь примечательно свидетельство индийского ученого Шрипати Чандра-секхара, посетившего КНР. Он писал: «Даже в самых глухих селениях я видел громкоговорители на еверкушках деревьев. Можно спрятаться от луны и солнца, но не от громкоговорителя... Человек не имеет ни минуты покоя, когда сон мог бы отдохнуть или поразмыслить над своей новой жизнью»¹⁶.

Той же самой цели служили, помимо прессы, радио, театра, кино, различные формы стеной печати, всевозможные собрания, иногда длящиеся с перерывами многие дни.

Плотная сеть средств массовой коммуникации раскинута по всей стране, и ускользнуть из нее чрезвычайно трудно. Руководители пекинской пропаганды делают все для того, чтобы эта сеть охватывала все социальные группы, все семьи, всех людей. Путь им снова на помощь приходит пресловутая «линия масс», которая, по сути дела, является системой маоистского политического контроля над населением КНР. В результате «культурной революции» контроль над мышлением и поведением усилился. За этот период были организованы на базе ранее имевшихся «групп по изучению идей Мао Цзэ-дуна» «семейные курсы», «вечерние курсы», «вечерние политехнические школы», охватывающие даже домохозяйек и престарелых. На предприятиях и в учебных заведениях, в учреждениях и народных коммунах проводятся бесконечные митинги, собрания, обсуждения «важных» документов. Причем, каждый должен выступить и поправить того, кто «ошибается». Пресса и радио время от времени обрушиваются на тех, кто осмеливается утверждать, что-де все «почти изучено». В этом отношении примечательно сообщение радио г. Шэньяна о работе агитотряда 7-й средней школы г. Инкоу, переданное 8 июля 1974 г. В нем, в частности, говорится, что «учащиеся девятого «Б» класса, комсомоль-

цы Лу Вэнь-тин и Цзян Ша, мобилизовали весь класс на изучение произведения председателя Мао «Направление развития молодежного движения», написали более 30 критических статей, разоблачающих «абсурдные теории» против направления образованной молодежи в деревни... Все учащиеся данного класса подали заявления с просьбой послать их в деревню. Они говорят, что революционная молодежь не будет прислушиваться к ядовитым словам Линь Бяо и Конфуция. Некоторые говорят: «Мы должны стать «семенами революции»; где нас посеют, там мы и будем пускать корни, расти, цвести и давать плоды...». Как видим, мероприятие в 7-й школе г. Инкоу, проведенное, по всей вероятности, с определенной пропагандистской целью, явилось для радиовещателей удобным средством для очередного восхваления призыва Мао к молодежи — идти на постоянное поселение в отдаленные от городов районы.

Такие акции намеренно инспирируются и поддерживаются пекинским руководством, стремящимся облегчить себе задачу обработки массового сознания в духе «идей Мао Цзэ-дуна». Для достижения этой цели используются и другие способы идейно-психологического воздействия. Один из них — внушение и самовнушение с помощью произведений народного творчества.

Под флагом народного творчества

После победы революции в Китае трудовой народ жадно потянулся к образованию, к знаниям, к художественному творчеству. Этим не преминули воспользоваться руководители внутривластной пропаганды. В ходе «обучения» в сознание неграмотных внедрялись установки Мао, чье имя специально связывали со всем, что принесла китайскому народу революция. Маоисты стремились поставить на службу своей политике лучшие чувства людей — их любовь к родине, энтузиазм, уважение друг к другу, гордость завоеванной свободой и т. д. Все эти чувства воплощались в произведениях народного творчества. Все чаще и чаще в них звучало имя Мао Цзэ-дуна.

Всеячески возвеличивая личность Мао Цзэ-дуна, пекинская пропаганда ставила цель разжечь ложную национальную гордость, укрепить шовинистические настроения в массовом сознании. «Председатель Мао — великий пророк, — писала «Жэньминь жибао». — Каждое пророчество председателя Мао сбывается. Так было раньше, так будет и сейчас»¹⁷. Заметим, кстати, что

¹⁵ Liu P. L. A I a n. Communications and national integration in Communist China. Berkeley, 1971, p. 141.

¹⁶ Там же, стр. 112.

¹⁷ «Жэньминь жибао», 1.X.1958.

сам Мао культ своей личности считает обязательным условием управления страной¹⁸.

Готовя Китай к «большому скачку», маонисты искусственно стимулировали развитие народного творчества. Для этого начали проводить кампанию под внешне не вызывающим сомнений лозунгом: «Искусство и литература должны принадлежать народу». В ходе ее всячески принижалась роль и значение профессиональных литераторов и деятелей искусства в художественном творчестве. Интеллигенцию ссылали в деревни для «смычки с крестьянами». Рабочим и крестьянам внушали, что художественное творчество — дело совсем не сложное, что им легко может овладеть любой, говорили, что они должны сочинять стихи, поэмы, рассказы и т. д. и посылать их в газеты, которые щедро печатали эти сочинения. Так, маонисты, делая вид, что «черпают из народа», создавали «глас народа», одобрявший их политику. Многие, увлеченные процессом мнимого свободного творчества, не замечали, что становились пленниками навязанных им мыслей.

О том, каких масштабов достигло в конце 50-х годов подобное «народное творчество», широко воспроизводившее пекинские установки, можно судить по следующему примеру.

В январе 1959 г. шанхайская газета «Вэньхуэй бао» напечатала рассказ о художественном творчестве крестьян коммуны «Шицзи», расположенной неподалеку от городка Цзаосянь, провинции Аньхуэй. В этой коммуне проживало тогда около 21 тыс. человек.

«Стихи и песни, написанные массами, — говорилось в статье, — лучшая форма самовоспитания. Со времени большого скачка 13 тыс. членов коммуны приняли участие в написании стихотворений и песен, более 2 тыс. рисуют».

И в период «культурной революции», и после X съезда КПК «народное творчество» оставалось в центре внимания маонистской пропаганды. В начале 1974 г. оно оказалось всецело подчиненным целям развернутой маонистами политической кампании, называемой в Китае «критикой Линь Бяо и Конфуция», «великой политической борьбой» и продолжением «культурной революции».

Главная задача, которую маонисты ставят перед художественной литературой, — держать мысли и чувства читателей в плену своих политических лозунгов и стереотипов. Для этого на авторов оказывается сильнейшее давление. По китайской прессе можно проследить, например, процесс создания книги. Автор неразрывно связан с официальными инстанциями, которые утверждают выбранную тему. Фактический материал автор получает у «рабочих, крестьян и солдат». Обе эти стороны автор поэтапно знакомит с ходом своей работы.

В этих условиях трудно сказать, что же остается в книге от самого автора, профессионального или самодеятельного. Известны случаи, когда объемистую, в сотни страниц рукопись автор не один раз переписывал, чтобы угодить своим бесчисленным официальным и неофициальным критикам и цензорам.

5 октября 1973 г. пекинское радио рассказало о детских писателях Пеккина и Шанхая. «Среди них, — говорилось в передаче, — подавляющее большинство составляют самодеятельные писатели из среды рабочих, крестьян и солдат». «Партийные организации районов, уездов, управлений промышленности, промышленных предприятий и школ руководят писателями в добросовестном изучении ими произведений председателя Мао». «Создавая детские книги, писатели преследуют одну цель — воспитание миллионов детей в здоровом духе на основе идей Мао Цзэ-дуна».

Все достаточно ясно: и технология создания подобных книг, и их идейная основа, и цели их написания, и марionеточная роль писателей в творческом процессе. Политическая пропаганда, слегка загримированная под стихотворение или киносценарий, под повесть или роман, не перестает быть пропагандой. И тут уместно вспомнить слова великого Лу Синя о том, что всякая художественная литература — пропаганда, но не всякая пропаганда — художественная литература.

Дацзыбао: миф и реальность

Руководители пекинской пропаганды широко применяют такое средство обработки массового сознания, как дацзыбао, то есть рукописные листовки разных размеров — средство специфически китайское. В 1958 г. журнал «Сюэси» привел на своих страницах слова Мао Цзэ-дуна о том, что «дацзыбао в настоящих условиях — лучшая форма борьбы, приносящая большую пользу пролетариату, большие затруднения буржуазии»¹⁹.

Стимулируя народное творчество, руководители пропаганды спекулируют на естественной тяге простых людей к художественному самовыражению, а используя дацзыбао, они эксплуатируют понятное стремление народа к активному участию в политической жизни, его гражданские чувства.

Летом 1958 г. тот же журнал «Сюэси» призывал: «Дацзыбао очень хорошее средство в нашей борьбе за перестройку сознания на предприятиях. Чем больше мы пользуемся им, тем лучше. Если на вашем заводе появилось 10 тыс. дацзыбао — это достижение первого класса. Если 5 тыс. — достижение второго класса. Если 2 тыс. — достижение третьего класса. А если у вас дац-

¹⁸ Edg a r S n o w. Red China today. N. Y., 1970, p. 330.

¹⁹ «Сюэси», 1958, № 12.

зыка появляются время от времени, то это вообще не следует принимать в расчет»²⁰.

Всякая массовая кампания в КНР сопровождается лавинами дацзыбао. По количеству они могут соперничать разве что с произведениями народного творчества и исчисляются многими миллиардами. В 1958 г. в ходе одной из кампаний студенты Пекинского университета вывесили 500 тыс. дацзыбао. А в Шанхае во время одной из кампаний было сочинено 100 млн. дацзыбао²¹.

Днем люди напряженно трудились, а вечерами и даже ночами сочиняли дацзыбао. И так по всей стране. Недаром первый секретарь комитета КПК провинции Гуйчжоу Чжоу Линь отметил в 1958 г.: «Люди днем работают, а по вечерам пишут дацзыбао»²². Едва ли при этом большинство сочинителей дацзыбао действовали добровольно.

Если дацзыбао в КНР сочиняет всякий грамотный человек, то неграмотных обслуживают специальные бригады активистов, пишущих под диктовку. Уклониться от написания дацзыбао — значит навлечь на себя подозрения в «неполярности». С этой точки зрения сочинение дацзыбао — одна из многих форм маоистского политического принуждения.

Общезвестно, насколько широко использовались дацзыбао в ходе «культурной революции».

В своем выступлении на рабочем совещании ЦК КПК 25 октября 1966 г. Мао Цзэ-дун заявил, что в первой половине года «культурная революция» не привлекла большого внимания народа. «Но едва появились хунвэйбины и дацзыбао, — отметил Мао Цзэ-дун, — как они тут же привлекли внимание народа»²³. И недаром 5 августа 1966 г. он лично написал дацзыбао, озаглавленную «Огонь по штабам», послужившую сигналом к погромам «культурной революции». В ходе ее дацзыбао превратились в запал для политических взрывов, в орудие политики на государственном уровне.

Кроме того, пекинские лидеры видят в дацзыбао прекрасную возможность оказывать идеологическое воздействие на массы «чужими руками». В случае необходимости вину за результаты этого всегда можно свалить на исполнителей. Так, кстати, и произошло в ходе «культурной революции». Хунвэйбинов, как известно, снабдили данными из секретных архивов. Они широко использовали эти данные в своих дацзыбао, помогая маоистам организовать удар по КПК, разгромить органы государственной власти, общественные и творческие организации.

Дацзыбао как средство борьбы с политическими противниками дает китайским руководителям большие возможности для социальной демагогии. Непомерное количество дацзыбао, их содержание создают впечатление, будто бы в дацзыбао звучит «голос народа», будто бы массы — на стороне пекинской правящей верхушки. Но факты неопровержимо свидетельствуют о том, что и само появление дацзыбао в тот или иной момент, их количество и содержание — все это заранее организовано властями.

В июне 1966 г. «Жэньминь жибао» призвала массы активнее участвовать в «культурной революции», сочинять как можно больше дацзыбао. «Председатель Мао, — писала газета, — говорит: «Дацзыбао — это совершенно новое оружие. Революционные дацзыбао — очень хорошая вещь»²⁴. Газета подчеркивала, что дацзыбао позволяют срывать маски со всех «чудовищ и демонов». Так газета именовала честных коммунистов, тех, кто стоял на пути авантюристических планов Мао и его приспешников.

Есть и другие подтверждения того, что дацзыбао являются орудием в руках тех, кто инспирирует массовые политические кампании в Китае. В 1967 г. Цзянь Цин распорядилась, чтобы журнал «Хунци» напечатал дацзыбао, в котором хунвэйбины критиковали Лю Шао-ци. В том же году внезапно была прекращена начатая хунвэйбинами критика Чжоу Энь-лая. Наконец в сентябре 1967 г. дацзыбао исчезли, словно по мановению волшебной палочки. Неожиданное и полное исчезновение их дало повод пекинскому корреспонденту японской газеты «Асахи» заметить: «Такое внезапное изменение ситуации заставляет наблюдателя подумать, что он очутился в другой стране»²⁵.

Утверждения маоистов о том, что дацзыбао отражают революционную активность масс, являются их политическим творчеством, — не больше чем миф. Это со всей наглядностью показала события 1974 г., когда в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» дацзыбао обрушились на новых противников «линии Мао Цзэ-дуна», то есть на тех, кто подозревается в поддержке свергнутого Линь Бяо. Цель этого — убедить людей, будто Линь Бяо, руководствуясь учением древнего философа Конфуция, мечтал реставрировать в Китае капитализм. Как и прежде, новые «газеты больших иероглифов» были переполнены угрозами в адрес «оборотней и демонов», хотя на сей раз на критикуемых высокопоставленных лиц делались лишь намеки. Однако многие

²⁰ «Сюэси», 1958, № 12.

²¹ Уи, Т. С. Frederick. Mass persuasion in Communist China. N. Y. — L., 1964, p. 138.

²² Цит. по: А. М. Румянцев. Истоки и эволюция идей Мао Цзэ-дуна. М., 1972, стр. 241.

²³ Liu P. L. Alan. Communications and national integration in Communist China. Berkeley, 1971, p. 102.

²⁴ Там же, стр. 103—104.

²⁵ Там же, стр. 103.

дацзыбао невольно оказывались разоблачительным материалом, бьющим не по «оборотням и демонам», а по властям. Так, например, женщина по фамилии Нин Сю-чжэи 19 июня 1974 г. вывесила около пекинского «ревкома» дацзыбао, в которой заявила: «Дело в том, что руководители как на местах, так и в верхах пользуются своей властью в своих личных, узкокорыстных интересах, для своей личной выгоды, занимаются политикой с черного хода...» А 20 июня человек, прибывший в Пекин из Сычуани, написал в своей дацзыбао, что покончит с собой, если его не прекратят преследовать²⁶.

Как видим уже из этих примеров, ныне, в отличие от времен «культурной революции», дацзыбао из орудия маоистской пропаганды сплошь и рядом становятся бичом маоистов и не отражают угодную Мао Цзэ-дуну «революционную активность масс».

Кризис углубляется

Мао Цзэ-дун как-то сказал о пропаганде: «Одну линию и одну точку зрения надо разъяснять постоянно и многократно. Нельзя разъяснять только меньшинству, необходимо, чтобы о них знали широкие революционные массы»²⁷.

Выше иллюстрировалось, как эта установка проводится в жизнь.

Тотальная идейно-психологическая обработка, сопровождаемая насилием, — неотъемлемая составная часть маоистского тоталитарного режима. В этой связи обработку массового сознания маоистами следовало бы именовать принудительной индоктринацией, то есть насильственным внедрением определенных установок в сознание широких масс.

Было бы ошибкой недооценивать возможности маоистской пропаганды, ее способность к политической мимикрии, умение приспособливаться к аудитории, стремление компенсировать качество количеством, ее ловкость в полмене рациональных аргументов воздействием на эмоции людей и т. д.

Все способы идеологического и информационного воздействия, опирающиеся в конечном счете на средства насилия, направляются к одной цели: превратить людей в «послушных буйволов», в «нержавеющие винтики» маоистской государственной машины, в слепых фанатиков типа Лэй Фэна и ему подобных, которые, по мнению пекинских идеологов, должны стать идеальным пушечным мясом, если Пекин решит прибегнуть к военным авантюрам. В этих целях, чтобы еще больше оболванить и подчинить человека, в ход широко пускаются такие антигуманные лозунги-установки, как «не бояться трудностей и смерти», «готовиться

к стихийным бедствиям и войне» и многие другие.

Но несмотря на широкий размах пекинской индустрии «общественного мнения», надеждам маоистских манипуляторов на будущую возможность тотального управления мыслями и поступками людей, на полную «дегуманизацию» массового сознания сбыться не суждено.

У применяемых ими пропагандистских манипуляций и психологических трюков есть ахиллесова пята. Все их ухищрения не могут заставить народ забыть накопленный прежде практический опыт, полностью потерять здравый смысл. Ядовитый туман маоистской пропаганды не может застать людей зрение до такой степени, что они перестанут видеть пропасть между внушаемыми им иллюзиями и реальной действительностью.

Пропасть эта постоянно расширяется, потому что маоизм антинароден по самому своему существу, лишен научно-теоретической базы и не может предложить позитивную программу развития китайского общества, ибо политика пекинских лидеров противоречит жизненно важным интересам трудящихся КНР.

События в КНР с особой убедительностью свидетельствуют о том, что кризис маоизма как политического режима и как идеологии углубляется, что происходит ускоряющийся процесс эрозии маоистских «ценностей», политических, идеологических, моральных. И средствами пропаганды этот кризис не преодолеть.

Одной из задач нынешней антиконфуцианской кампании в КНР является попытка пекинских властей оправдать и защитить антинародную «культурную революцию». Этой цели служат статьи в прессе, радио-передачи, выступления ораторов на бесчисленных митингах и собраниях. Средства, приведенные в действие, говорят о том, что с их помощью хотели бы преодолеть не «жужжание нескольких политических мух», как любит повторять китайская пресса, а невыгодные для пекинских руководителей настроения очень многих людей в КНР. А тот факт, что «культурная революция» вызвала широкое недовольство в стране, вынуждена признавать сама китайская пропаганда. Так, в частности, радио провинции Цзилинь недавно признало, что есть люди, которые «клеветают» и «нападают» на великую пролетарскую культурную революцию, выступают «за пересмотр дел, за проведение контракт и сведение счетов. Некоторые выступают против новых явлений социализма» (имеется в виду расширяющаяся ссылка образованной городской молодежи в глухие деревни, «школы 7 мая» для кадровых работников, институт так называемых «босоногих врачей» и т. д. — М. С.), отрицая завоевания «великой пролетарской куль-

²⁶ «Правда», 7.VII.1974.

²⁷ «Жэньминь жибао», 25.XI.1968.

турной революции». Другие, по словам раддионастницы, снова вытаскивают на свет те вещи, которые были раскритикованы во время «великой пролетарской культурной революции, идут назад и тянут туда же революцию».

Это и другие подобные сообщения — свидетельства того, какую сумятицу в умах, какое взаимное озлобление людей и недовольство политикой пекинских властей вызвала «культурная революция».

Так что о единодушном одобрении авантюристической политики пекинских лидеров со стороны народа говорить никак не приходится. Напротив, идейный разброд в стране, обострение противоречий, возрастающее недовольство — вот неизменные спутники этой политики.

Естественно, что и на фронте идеологии дела у маоистов идут не лучше. Сколько раз за последние годы китайская пресса сетовала на то, что люди приходят на собрания, выступают на них, а после собрания ведут себя так, словно собрания вовсе и не было. Видимо, внешнее согласие — не признак того, что люди разделяют ортодоксальные маоистские догмы. Недаром не так давно раздался голос, сетующие на то, что «некоторые пассивно работают над книгами» (имеются в виду произведения Мао Цзэ-дуна. — М. С.).

Из материалов пропаганды мы, например, узнаем, что, по мнению некоторых рабочих и служащих, критика Конфуция — это дело фронта культуры и просвещения, и поскольку трудящиеся не читают книг Конфуция, то они имеют отдаленное отношение к его критике. Как видно, идеологическое оружие маоистов все чаще дает осечки.

То немногое, что сохранилось в китайской культуре после погромов «культурной революции», снова подвергается нападкам маоистов. Наблюдая за этими событиями, снова убеждаешься, что жизнь вопреки проломщикам торжествует над мертвыми догмами маоистов, вызывая их ярость.

Пекинские идеологи пытаются навязать массам плоское и безжизненное «революционное искусство». А люди поют «запрещенные» (то есть лирические) песни и даже сатирические куплеты. Маоистские культуртрегеры пытаются навязать массам иконическую «революционную литературу». А люди читают «запрещенные» книги, то есть классическую и революционную литературу 30—50-х годов, произведения зарубежных писателей.

Кризис маоизма находит свое выражение еще в одной сфере жизни китайского общества, — в сфере морально-правовых норм. Недовольство и протест, которые рождает авантюристическая политика пекинских лидеров, передко находят свое выражение в росте преступности, особенно среди молодежи.

В зарубежную печать проникли сведения о решении суда в городе Тяньцзинь от 5 августа 1973 г. Был вынесен приговор по делу Пань Бао-хуа и других 29 преступников, совершавших хулиганские действия и насильствовавших девушек, направленных в деревню. В этом решении говорилось, что среди преступлений, кроме изнасилований, наблюдаются: уличные ночные грабежи, ограбление домов среди белого дня, массовые хищения и кражи государственного и коллективного имущества, убийства и другие преступления²⁸. «Патрули нравственности» неустанно вылавливают бывших хунвэйбинов, живущих воровством. Только в одном городе Гуанчжоу двадцать из них в сентябре прошлого года для устрашения остальных были приговорены к суровым мерам наказания²⁹.

Что может противопоставить маоистская пропаганда этим реальным явлениям в китайском обществе? Угрозы в адрес недовольных и неакомыслящих, нынешних и потенциальных противников военно-бюрократической диктатуры? Неуклюжие попытки отвлечь внимание от острых проблем? Иллюзорный мир, сотканный из лжи и дезинформации? Фальшивый обобщающий образ-стереотип, согласно которому «в стране царит прекрасная обстановка»? Но всего этого недостаточно для того, чтобы изменить действительность, обмануть народные массы.

Сознавая это, стремясь всемерно регламентировать проявления индивидуальности, пресечь распространение недовольства и протестов, пекинские власти прибегают к административно-организационным мерам. Они прилагают все усилия, чтобы интегрировать личность в жесткие рамки маоистского бюрократизированного «коллектива». Но и эти меры не снимают противоречий реальной действительности.

Непрерывное эмоциональное взвинчивание и политическая наркотизация людей в «коллективе» приводят к аномальным состояниям обыденного массового сознания: к вспышкам массовой истерии, приступам фанатизма, ксенофобии, жестокости. Можно представить, какую глубокую депрессию испытывает человек в этих условиях. Его непрерывно терзают страх за себя и своих близких, сознание своей беспомощности перед государственной маоистской машиной, чувство отчуждения.

Это раздвоение индивидуального и массового сознания также свидетельствует о порочности способов, к которым прибегает маоистская пропагандистская машина.

Общий кризис маоизма находит свое выражение, в частности, в кризисе пропаганды. Живая жизнь ей во многом неподвластна. Это убеждает в том, что пекинским идеологам в конечном счете не удастся воспитать китайский народ в духе политики и идеологии, которые в корне противоречат его интересам.

²⁸ «Чжунгун яньцзю», 1973, № 10.

²⁹ «Шингель», 11.III.1974.

Судьбы национального языка в Китае

М. В. Софронов,
доктор филологических наук

Национальный язык — один из существенных признаков нации — является важной составной частью жизни общества. Формирование национального языка — важная область национального строительства.

Судьбы национального языка в Китае складываются под влиянием как лингвистической ситуации, так и стратегии его создания, которая тесно связана со стратегией национального строительства в Китае, с путями формирования и развития китайской нации.

«Национальный язык»

Еще в конце XIX в. Китай представлял собой недостаточно интегрированную страну с весьма слабыми связями как между ее отдельными частями, так и между провинциями и центром. Слабая интеграция ее территории привела к формированию обычной лингвистической ситуации, характерной для феодального общества.

Для лингвистической ситуации в Китае было характерно принципиальное различие письменных и устных средств общения. На рубеже нынешнего века в Китае было два письменных языка: *вэньянь*, который выполнял функции письменного государственного языка, а также языка литературы высоких жанров, и *байхуа*, который выполнял функции языка литературы низких жанров, а устными средствами общения были многочисленные диалекты китайского языка, на которых говорило все население страны. Распространенность этих диалектов была различной: наряду с чисто локальными диалектами существовали также диалекты более широкой сферы применения, которые служили средствами устного междиалектно-

го общения в отдельных частях Китая. Среди устных языков такого рода наиболее известен был *гуаньхуа*, распространенный в Северном Китае. *Гуаньхуа* — язык чиновников — основывался на диалекте Пекина, который с XVII в. был столицей.

В этих общественных условиях общегосударственная информация распространялась в письменной форме по всей или значительной части территории страны. Местная информация распространялась в устной форме в пределах соответствующих ареалов. В этой ситуации не оставалось места для единого устного языка всей страны в целом. «В те времена, когда я пошел в школу, в Китае, в 90-х годах XIX в., — вспоминает Чжао Юань-жэнь, — такой вещи, как стандартный национальный язык, не существовало»¹.

Создание общегосударственного устного средства общения было одним из условий модернизации китайского общества, к которой призывали демократические силы страны в конце XIX — начале XX в. Решение этой задачи требовало огромных усилий и длительного времени. Первой целью на пути к ее решению было сближение письменного и разговорного языка.

В самом начале нынешнего века в Китае началось быстрое распространение художественной литературы на *байхуа*, за которой последовал выпуск газет и других популярных изданий². Для того чтобы приспособить *байхуа* для научных, политических и публицистических текстов, потребовались широкие заимствования из *вэньяня*, где вся эта терминология уже существовала. Это укрепило общественные позиции *байхуа* и привело к постепенному росту его влияния в стране. Тенденция сближения *байхуа* и *вэньяня*, по крайней мере в сфере научных и общественно-политических текстов, проявилась уже в начале нынешнего века.

В начале нынешнего века появился новый термин «*гоюй*», который употреблялся для обозначения современного разговорного языка, имеющего общегосударственное распространение. Впервые он встречается в программе Шанхайского союза студентов всех провинций, организованного в 1906 г.³

Перевод термина «*гоюй*» на иностранные языки связан с некоторыми трудностями. *Го* — государство, *юй* — язык. Основная трудность заключена в переводе слова «*го*». Его значение достаточно определено — «государственная организация». Однако при

¹ Y. R. Chao. What is correct chinese? Journal of American Oriental Society. Vol. 81, № 3, p. 171.

² С. А. Полевой. Периодическая печать в Китае. Владивосток, 1913, стр. 23—28.

³ Chow Tse-tung. The May Fourth movement. Intellectual revolution in modern China. Cambridge (Mass.), 1960, p. 34.

перевод на европейские языки возможно возникновение двусмысленности, потому что во многих европейских языках *patio* означает не только нацию, но и государство. Эта двусмысленность несущественна в тех случаях, когда речь идет о национальных государствах, граждане которых принадлежат к одной нации. Однако она нежелательна в тех случаях, когда речь идет о многонациональных государствах. Китай — многонациональное государство, поэтому гоюй означает национальный язык китайцев и государственный язык Китая. Таким образом, официальный перевод термина «гоюй» как «национальный язык» не вполне точен, так как здесь не учитывается его функция как государственного языка в многонациональной стране.

Первым правительственным мероприятием на пути создания государственного языка явилась конференция для выработки единого современного произношения иероглифов, которая была созвана министерством просвещения Китайской Республики 15 февраля 1913 г. Такая тема первой конференции вполне понятна. Китайские иероглифы не имели единого современного чтения, а читались по-своему на каждом диалекте.

На конференции обсуждалась фонетика современных китайских диалектов и были намечены те их общие черты, из которых можно было сконструировать орфоэпическую норму национального языка. Конференция приняла первый китайский фонетический алфавит *чжунинь цзюму*, созданный на основе национальной графики, а также список, примерно из 7 тыс. иероглифов, чтение которых было утверждено. Характер обсуждения и состав участников конференции не оставляет сомнений в том, что национальный язык, к созданию которого они приступили, был прежде всего языком школы.

Общественное движение за создание национального языка началось вне институциональных форм министерства просвещения и общества изучения проблем национального языка, созданного в Пекине в 1916 г., в среде демократической интеллигенции, и было связано с более широким демократическим «движением 4 мая» 1919 г.⁴

Движение за обновление языка китайской литературы началось с выступлений в литературно-публицистическом журнале «Синь циньянь». В этой дискуссии приняли активное участие видные деятели движения: Ху Ши, Чэнь Ду-сю, Цянь Сюань-тун и др. Перед китайской литературой они поставили задачу полностью отказаться от устаревшего влияния и создавать новую литературу на языке байхуа.

Создание национального языка рассма-

тривалось как одна из важных целей литературной революции, входившей в состав «движения 4 мая». «Наша цель в литературной революции,— заявлял Ху Ши,— состоит лишь в том, чтобы создать в Китае литературу на национальном языке, национальный язык может быть создан только после того, как мы создадим литературу на национальном языке, и национальный язык может считаться подлинным национальным языком лишь после того, как мы создадим национальный язык для нашей литературы»⁵.

Уже позднее, отвечая на вопрос, как создать национальный язык в Китае, Ху Ши указывал на готовый образец — средневековую литературу на байхуа. «Те из нас,— говорил он,— которые могут писать прозу на байхуа, не изучали его по учебникам или словарям, а научились пользоваться им благодаря чтению великих романов, написанных на этом языке. Эти великие романы, которые мы все любили с детства, являются для нас самыми лучшими наставниками в пользовании байхуа, а байхуа в будущей поэзии и прозе делается стандартным языком будущего Китая»⁶. Эти высказывания Ху Ши и аналогичные высказывания других деятелей «движения 4 мая» отнюдь не означали призыва к возрождению средневекового байхуа. В действительности речь шла о приспособлении того байхуа, который уже существовал на страницах популярных изданий, к нуждам «большой литературы». Для названия этого нового языка китайской литературы был использован существовавший термин гоюй — «национальный язык». Уже в апреле 1917 г. Чэнь Ду-сю в письме к Ху Ши называет новую литературу на байхуа литературой на национальном языке⁷.

Итак, на рубеже 20-х годов проблемы китайского национального языка решались с двух сторон, двумя различными путями. С одной стороны, они решались учеными-филологами и деятелями народного образования, с другой — самими литераторами, которым новый национальный язык был нужен как необходимое условие осуществления своей профессиональной деятельности. Каждая из сторон преследовала свои цели при решении этой проблемы, поэтому и пути решения были также различными.

В 1918—1919 гг. сформировались стратегические принципы создания китайского национального языка. В их разработке принимали видное участие деятели умеренного буржуазно-демократического направления в «движении 4 мая». Основное содержание этой стратегии состояло в том, чтобы создать единый национальный язык для всего Китая. Письменностью этого языка должна остаться иероглифическая письменность.

⁴ А. Г. Шпрынцин. «Движение 4 мая» и китайский литературный язык. — «Движение 4 мая», М., 1971, стр. 303.

⁵ Ху Ши. О созидательной революции в китайской литературе. — «Синь Циньянь», IV, 4, стр. 289—306.

⁶ Hu Shih. The Chinese Renaissance. Chicago, 1934, p. 58.

⁷ Chow Tse-tsun g. Op. cit., p. 277.

Создание национального языка начиналось с его письменной формы. Поэтому на первом этапе эта стратегия выглядела как передача традиционных функций вэньяня второму письменному языку традиционной лингвистической ситуации — байхуа.

Образец в виде великой литературы на байхуа был еще недостаточен для создания национального языка. Он мог быть создан лишь в результате кодификации его письменной и устной формы, выраженной в виде стандартной орфоэпии, грамматики, словаря. Первым учреждением, которому была поручена стандартизация китайского национального языка, был Подготовительный комитет объединения национального языка, созданный министерством просвещения в апреле 1919 г.⁸

Итак, письменная форма национального языка, хотя и в нестандартизированном виде, была создана в короткое время. Первоочередная задача второго этапа формирования национального языка состояла в том, чтобы создать его устную форму. В 1918 г. министерство просвещения утвердило алфавит чжунь цыму, а в 1919 г. официально издало «Словарь национального произношения», в котором чтение каждого иероглифа было описано этим алфавитом. Эти чтения были обязательны при обучении в школе. «Национальное произношение», реализованное в чжунь цыму, представляло собой искусственную конструкцию, составленную из элементов северных и южных диалектов, которая в целом не соответствовала ни одному из живых диалектов китайского языка.

Чрезмерные сложности распространения устной формы национального языка в форме «национального произношения» привели к поискам другого решения этой проблемы. Оно могло состоять в том, чтобы принять в качестве устной формы национального языка один из реальных живых диалектов китайского языка. В 1924 г. решением Подготовительного комитета объединения национального языка пекинский диалект был официально признан произносительной нормой китайского национального языка. В 1932 г. «Словарь национального произношения» был переиздан под другим названием. Однако его главное отличие от первого издания состояло в том, что вместо искусственных чтений, утвержденных конференцией 1913 г., здесь под иероглифами стояли современные пекинские чтения. С этого времени они сделались официальным «национальным произношением».

Однако и после того как реальный пекинский диалект был принят в качестве «национального произношения», его распространение большого успеха не имело. Министерству просвещения были подчинены не все школы страны, среди преподавателей китайского языка было недостаточно людей, владеющих пекинским диалектом. Наконец, са-

мое главное состояло в том, что общественные стимулы к изучению гоюя практически отсутствовали: «национальное произношение» не давало никаких преимуществ тем, кто его знал.

«Язык масс»

Конструктивная критика результатов развития национального языка и новые идеи относительно перспектив его развития появляются в Китае в конце 20-х годов. Новая постановка проблемы национального языка исходила из среды деятелей революционно-демократического направления китайской литературы, работавших под идейным руководством КПК. Первенство в постановке новых проблем принадлежит Цюй Цю-бо — выдающемуся революционеру, видному деятелю КПК. Отправной точкой его литературной и лингвистической концепции была неудовлетворенность верхушечным характером литературной революции периода «эзической 4 мая». Он призывал к новой литературной революции, задачу которой он видел в том, чтобы довести до конца демократизацию китайской литературы, сделать ее литературой для широких трудящихся масс. Цюй Цю-бо видел в литературе одно из средств революционной пропаганды. Для этого было нужно, чтобы она обращалась к народу на понятном для него языке. Отсюда его постоянное внимание к вопросам литературного языка и к социолингвистическим проблемам вообще.

Основной идеей Цюй Цю-бо по вопросу о языке современной китайской литературы было полное сближение литературного и разговорного языка. Его предложение состояло в том, чтобы создать новый язык китайской литературы, — язык, на котором говорят широкие трудящиеся массы Китая. Эта идея была полной противоположностью идее национального языка. В самом деле, Ху Ши указывал на средневековый байхуа как на образец для современного китайского литературного языка, иначе говоря, он ориентировал писателей на один из письменных языков. Цюй Цю-бо называл образцом нового литературного языка современный разговорный язык, на котором говорят широкие массы, иначе говоря, он ориентировал писателей на устный язык.

Единого устного языка в Китае в то время не существовало, но Цюй Цю-бо и его товарищи указывали на новое явление в лингвистической ситуации. С повышением мобильности китайского населения, вызванной развитием промышленности, транспорта, политическими событиями первых десятилетий XX в., участились контакты представителей различных диалектов в различных условиях. Лингвистические проблемы таких контактов решались с помощью так назы-

⁸ Fu Liu. Les mouvements de la langue national en Chine. Paris — Pékin, 1925, p. 47—48.

ваемого путунхуа — общепонятного языка, который служил средством междиалектного общения в местах сосредоточения людей, говорящих на разных диалектах, — в армии, на строительстве, промышленных предприятиях, транспорте.

Устный язык, точнее языки путунхуа, о котором говорит Цюй Цю-бо, не имел никаких регламентированных форм. В каждом отдельном случае его форма определялась составом взаимодействующих диалектов. Естественно, что при таких условиях путунхуа мог быть лишь бедным разговорным языком, приспособленным для передачи простейшей повседневной информации. Этот путунхуа был предложен в качестве основы для создания нового литературного языка.

Главным признаком нового литературного языка Цюй Цю-бо называл близость к живому разговорному языку. В нем должно быть полностью осуществлено требование «единства письменного и разговорного», выдвинутое еще в ходе «литературной революции». В качестве практического требования к литературным произведениям на путунхуа он назвал их понятность на слух, возможность их устного исполнения.

Однако это требование в обществе, говорящем на многих существенно различающихся диалектах, представляет собой довольно сложную социолингвистическую проблему, смысл которой был вполне понятен Цюй Цю-бо. «Этот литературный язык, — разъяснял он, — должен быть един с разговорным языком, но о единстве с каким разговорным языком идет речь? Он должен быть един с путунхуа. Путунхуа не обязательно представляет собой пекинское гуаньхуа в полном объеме. Этот термин, собственно, бюрократический. И уж конечно, он не является диалектом самого Пекина. Современные культурные, политические, экономические центры, расположенные в местах скопления людей из различных местностей Китая, являющиеся результатом общего развития общественной жизни, могут влиять на диалекты разных районов таким образом, что их население естественно будет отходить от специфических для них особенностей фонетики и грамматики своих диалектов, и таким образом постепенно образуется своего рода общепонятный язык путунхуа. Произношение этого путунхуа во многом сходно с орфоэпической нормой, предложенной «Подготовительным комитетом единства национального языка», его грамматика в основном совпадает с грамматикой так называемого пекинского гуаньхуа. Этот гуаньхуа не стоит называть национальным языком. Причины этого состоят в следующем. Во-первых, любой местный диалект в случае необходимости должен быть введен в произведение на путунхуа, для того чтобы расширить возможности отражения реальной жизни (например, в диалогах такая потреб-

ность временами появляется). Во-вторых, кантонский, фузяньский, цзянсу-чжэцзянский и другие диалекты должны иметь право на независимое существование, они не могут объединяться насильно. Сейчас мы пишем только на общекитайском языке и не используем говоры и диалекты. Следует ли в будущем создавать особо кантонскую литературу, написанную на кантонском путунхуа, или другую «литературу на диалектах», это можно будет определить в зависимости от уровня социально-политического развития этих районов и общего положения»⁹.

Из этой цитаты явствует, что план создания национального языка в Китае, предложенный Цюй Цю-бо, строился на совершенно других принципах и предусматривал совершенно другой путь его создания.

Цюй Цю-бо исходил из реальной лингвистической ситуации, поэтому не мог предложить ничего иного, кроме системы, состоящей из государственного языка, который он называл общекитайским путунхуа, и местных языков. Полноправие этих языков гарантировалось возможностью создания региональных литератур.

Идея Цюй Цю-бо, относящаяся к созданию региональных литератур, высказывалась им в такой довольно осторожной форме только в статьях для массовых изданий, предназначенных для читателей с литературными интересами. В своих лингвистических работах о латинизации китайской письменности он прямо высказывается за создание региональных языков и региональных алфавитов. Логическим завершением этой идеи могло стать только создание региональных литератур.

Цюй Цю-бо и его товарищи отдавали себе отчет в том, что распространение революционного слова в форме литературы для масс неизбежно столкнется с неграмотностью большинства населения Китая. Наиболее досадным для него обстоятельством было то, что неграмотными были как раз те слои китайского общества, для которых эта литература была предназначена. Так выяснилось, что одним из условий распространения массовой литературы является ликвидация неграмотности.

Известны два пути достижения этой цели: долгий путь ликвидации неграмотности при сохранении иероглифического письма и более короткий путь, связанный с заменой иероглифов фонетическим письмом. Революционный темперамент Цюй Цю-бо проявился и в его требовании немедленного отказа от иероглифической письменности и принятия алфавитной. Так, призыв к созданию литературы для масс вызвал цепь требований: массовая литература потребовала создания нового литературного языка, а новый литературный язык — новое средство письменного выражения, с помощью которого

⁹ Цюй Цю-бо. Вэньцзи, II. Пекин, 1954, стр. 646.

можно было бы донести массовую литературу до массового читателя.

Вот почему важным признаком нового литературного языка, обусловленным его основным назначением, является новая алфавитная письменность. На смену гоюю — национальному языку — с иероглифической письменностью должен прийти путунхуа с алфавитной письменностью, потому что, «пока существует иероглифическая письменность, в китайском литературном языке не может наступить «единство письменного и разговорного»¹⁰.

Как сторонники гоюя, так и сторонники «языка масс», несмотря на противоположность основных предположений, стремились к одной и той же цели — к созданию единого для всего Китая устного национального языка. Сторонники гоюя предлагали создать национальный устный язык путем постепенного сближения имеющегося в наличии письменного языка с живым разговорным языком. Перспективу они видели в постепенном распространении этого языка по всей стране через школьное обучение и различные государственные организации. Сторонники «языка масс» предлагали систему, состоящую из государственного языка, играющего роль средства междиалектного общения и нескольких региональных языков. Перспективу этой системы они видели в постепенном слиянии региональных языков с единым государственным языком.

На пути создания как одного, так и другого национального языка стояли диалекты. Сторонники гоюя рассматривали их как нечто несовместимое с национальным языком и потому подлежащее преодолению в той или иной форме. Сторонники «языка масс» рассматривали их как основное средство создания национального языка, которые должны были служить полноценными литературными языками вплоть до их естественного отмирания.

Условия реализации этих проектов формирования китайского национального языка также были весьма различны. Проект гоюя не требовал никаких предварительных условий, но его реализация должна занять неопределенно долгое время. Проект «языка масс» мог быть эффективно осуществлен лишь при одном очень важном предварительном условии — при отмене иероглифической письменности и введении алфавитного письма для государственного и основных региональных языков, но его реализация была бы возможна в довольно короткий срок.

Оба пути — единый национальный язык и система из государственного и региональных языков — достаточно хорошо известны в мировой практике языкового строительства. Оба они в конце концов ведут к одному и тому же результату — формированию единого языка. Поэтому для Китая речь

может идти лишь о том, какой из этих путей более всего соответствует общей стратегии решения национальных проблем страны. Проект гоюя представляет собой основную часть стратегии традиционной централизации культуры и литературы, проект «языка масс» может быть осуществлен лишь в рамках отказа от традиционной централизации культуры и литературы. Так, проблема национального языка оказывается в зависимости от общей стратегии национального строительства в Китае.

За этими двумя путями создания китайского национального языка стояли две основные политические силы Китая 20-х — 40-х годов — Коммунистическая партия Китая и Гоминьдан. Программа КПК в области культуры в 30-е годы разрабатывалась под влиянием «Лиги левых писателей» и ее идейного вдохновителя Цюй Цю-бо. «Литература масс» была важным пунктом программы КПК в 30-х и 40-х годах. «Языку масс» уделялось меньше внимания, но и он находился в поле зрения руководства КПК. Об этом свидетельствует замечание Мао Цзэ-дуна в работе «О новой демократии»: «...письменность, — указывает он, — при определенных условиях должна быть реформирована, язык должен быть приближен к народным массам»¹¹.

«Общепонятный язык»

Победа КПК в китайской революции и образование КНР в 1949 г. потребовали создания стратегии национального строительства в масштабах всей страны, составной частью которой должна была явиться стратегия формирования национального языка. Первым официальным высказыванием по проблемам национального языка, сделанным ответственным представителем руководства КПК, было выступление Ху Цяо-му на лингвистической дискуссии в Пекине 9 декабря 1950 г. Текст его выступления не был опубликован, но отдельные высказывания цитировались в статьях участников дискуссии. Он упрекнул современных китайских писателей за их чрезмерное пристрастие к диалектизму и небрежное отношение к родному языку. Логическим следствием этих упреков был призыв бороться за чистоту китайского языка.

Передовая статья «Жэньминь жибао» от 6 июня 1951 г. под названием «Правильно пользоваться родным языком, бороться за чистый и здоровый язык!» официально возвестила о начале нового этапа в создании китайского национального языка.

Эта статья, вероятно, отражает начальный период разработки стратегии формирования национального языка. Примечательно, что в ней отсутствует официальное название национального языка. Он обозначается опи-

¹⁰ Там же, стр. 649—650.

¹¹ Мао Цзэ-дуни. Избр. произв. Т. 4, М., 1953, стр. 273.

сательно как «наш язык», «язык нашей страны», «родной язык». Однако его черты намечались достаточно определенно. Новый национальный язык должен сохранять прочные связи со всей лингвистической традицией, включающей не только байхуа, но и вэньянь, при этом он может содержать некоторые грамматические и лексические элементы, заимствованные из иностранных языков. Ни о роли диалектов в его формировании, ни о судьбе иероглифической письменности в передовой не упоминается, но высказывания Ху Цяо-му относительно пагубного пристрастия современных писателей к диалектизмам достаточно определенно говорили за себя. Таким образом, «родной язык», контуры которого можно было разглядеть за высказываниями Ху Цяо-му и передовой «Жэньминь жибао», больше напоминал иголку, чем «язык масс».

Несмотря на единодушное одобрение идеи единого китайского языка, высказанное лингвистами и работниками просвещения, в их среде возникли разногласия как по поводу того, каким должен быть этот язык, так и по поводу его будущих функций. Все участники дискуссии достаточно ясно отдавали себе отчет в политической значимости обсуждаемой ими проблемы. Они постоянно ссылались на определение нации, принятое в марксистской литературе, где общий язык нации был указан как один из ее основных признаков. Поэтому содержание термина «общий язык нации» и описательных терминов из передовой «Жэньминь жибао» спора не вызывало. По поводу толкования терминов «путунхуа», «стандартный язык», «литературный язык» завязалась оживленная дискуссия.

Исходный пункт дискуссии состоял в следующем: существует ли в современном многодиалектном китайском обществе общий язык китайской нации? Первый ответ на этот вопрос был отрицательным. Юй Минь, автор первой дискуссионной статьи, говорит об общем языке китайской нации не иначе, как о «будущем общенациональном языке»¹². Однако через год Ван Ли дал более сложный ответ на этот вопрос. Он предложил различать общий язык китайской нации, являющийся результатом стихийного развития языка, и собственно национальный язык, который создается в результате сознательной деятельности людей на основе общего языка нации. Ответ Ван Ли состоял в том, что общий язык китайской нации уже существует, хотя процесс его формирования еще не завершился, а национальный язык, который он называл стандартным языком, еще предстоит создать¹³.

Независимо от личных взглядов на общий язык нации в Китае лингвисты и работники просвещения сходились на том, что национальный (или стандартный) язык должен быть создан в результате сознательной деятельности специалистов. Однако здесь немедленно возникла проблема функций того национального языка, который предполагалось создать. В зависимости от функций определялись как его основные характеристики, так и пути формирования.

В функциях национального языка явственно различается государственный аспект, то есть использование языка в сфере политики и администрации, и часто коммуникативный аспект, то есть использование языка в сфере частного и официального общения, культуры, просвещения, где требовалось прежде всего удобное и общепонятное средство общения. Участники дискуссии достаточно ясно сознавали наличие этих двух аспектов проблемы, однако решительно расходились между собой в оценке их относительной важности.

Участники дискуссии, которые в первую очередь акцентировали государственный аспект национального языка, говорили, что национальный язык нужен как средство межнационального общения народов страны, как средство ускорения национальной интеграции самих китайцев. В последней функции он мыслился как противовес диалектам китайского языка, который должен сыграть роль фактора, сдерживающего развитие диалектов.

Участники дискуссии, которые акцентировали в первую очередь коммуникативный аспект национального языка, говорили, что этот язык нужен прежде всего для того, чтобы им могло пользоваться наибольшее количество людей. Они оперировали теми же понятиями, что и их оппоненты, но соотношение между этими понятиями было другим. Стандартный язык и путунхуа, который понимался в том же смысле, что и у Цюй Цю-бо, они рассматривали как разновидности общего языка на двух уровнях. «Стандартный язык и путунхуа представляют соответственно высший и низший уровень общего языка. Путунхуа представляет собой общий язык, который сформировался в процессе общественного развития самостоятельно, а стандартный язык — это такой язык, который создается искусственно с учетом тенденций его развития. Задача стандартного языка состоит в том, чтобы ускорять развитие общего языка, повышать всеобщность общего языка»¹⁴, — писал Чжоу Ю-гуан.

Чжоу Ю-гуан и его сторонники считали, что национальный язык, который они назы-

¹² Юй Минь. К вопросу о стандартном языке китайской нации. — «Чжунго юйвэнь», № 4 (10), 1953, стр. 14.

¹³ Ван Ли. О стандартном языке китайской нации. — «Чжунго юйвэнь», № 6 (24), 1954, стр. 13.

¹⁴ Чжоу Ю-гуан. Алфавитная письменность и стандартный язык. — «Чжунго юйвэнь», № 6 (24), 1954, стр. 23.

вали общим языком, может сформироваться лишь в результате естественного развития диалектов китайского языка. Стандартный язык должен играть роль вспомогательного средства при формировании национального языка. Его роль должна состоять не в том, чтобы сдерживать развитие диалектов, а, наоборот, в том, чтобы содействовать диалектам развиваться до уровня национального языка. Таким образом, при полном совпадении терминологии понимание функций стандартного языка было противоположным у представителей этих двух сторон.

В основу стандартного языка должен быть положен пекинский диалект. Ван Ли и его единомышленники толковали это общее положение исходя из своего представления о национальном языке как о едином языке Китая, который должен послужить средством унификации диалектов. Поэтому именно стандартный язык должен был влиять на диалекты, а не наоборот. Противоположным был подход к пекинскому диалекту у Чжоу Ю-гуана и его сторонников. Он тоже соглашался с тем, что основой стандартного языка должен стать пекинский диалект, но, исходя из своего понимания стандартного языка как языка, находящегося в непрерывном взаимодействии с диалектами, он требует, чтобы этот язык был максимально понятен представителям остальных диалектов китайского языка. Этого можно достигнуть путем насыщения пекинского диалекта словами и грамматическими формами других диалектов. «Стандартный язык, — заявляет Чжоу Ю-гуан, — не должен быть просто равен пекинскому диалекту, а должен быть равен «пекинскому диалекту минус А плюс В»¹⁵.

Важным пунктом дискуссии явился вопрос о перспективах стандартного языка. Будет ли он неподвижным стандартом или он будет развиваться? Прямого ответа на этот вопрос в статьях сторонников пекинского диалекта не содержится, однако весь ход их мыслей приводит к тому, что стандартный язык должен быть весьма мало подвержен влиянию времени. Взгляд сторонников путунхуа был противоположным. «Стандартный язык — это язык, который непрерывно развивается, причем развивается сравнительно быстро, он отнюдь не является окаменевшим неподвижным языком», — говорит Чжоу Ю-гуан. Иначе говоря, стандартный язык уже с самого начала должен быть как бы прообразом будущего национального языка.

Журнальная дискуссия о путях развития национального языка положила начало обсуждению этой проблемы на филологическом факультете Пекинского университета в первой половине 1955 г. Оно завершилось принятием важного документа под названием «Итоги нашего обсуждения проблемы

«литературного языка». Основные положения «Итогов» соответствуют взглядам Ван Ли, однако в них имеется одна важная терминологическая уступка. «Итоги» предлагают отказаться от термина «стандартный язык». Соответственно стандартизация носит в этом документе название «нормализация».

Итоги почти пятилетнего обсуждения проблемы китайского национального языка были подведены на Всекитайской конференции по реформе китайской письменности 15—23 октября 1955 г. В повестку дня конференции входили не только вопросы реформы письменности, но также и вопросы национального языка. В результате обсуждения было принято решение назвать китайский национальный язык, то есть общий язык китайской нации, путунхуа. Соответственно, путунхуа получил следующее определение: «Путунхуа — это общий язык китайской нации, диалектной основой которого являются северные диалекты, а стандартным произношением — фонетика пекинского диалекта»¹⁶.

Конференция по нормализации современного китайского языка, организованная отделением философии и общественных наук АН КНР, проходила с 25 по 31 октября 1955 г. На пленарном заседании конференции был заслушан совместный доклад Лю Чан-пэя и Люй Шу-сяна, в котором было использовано новое определение национального языка. Они значительно более ясно, чем другие, подчеркнули тот факт, что национальный язык, о котором идет речь, это письменный язык, опирающийся на письменную традицию. «В ходе развития китайского языка за последние несколько столетий постепенно сформировался своего рода общенациональный язык, то есть «общепонятный язык» (путунхуа), основой которого являются северные диалекты». За последние несколько десятилетий этот общепонятный язык получил большее распространение. Вторым источником национального языка путунхуа является письменный язык байхуа. «Байхуа, — продолжают они, — литературный язык, который представляет собой обработанную форму общенационального языка, имеет более длительную историю, чем общепонятный язык; на нем созданы и продолжают создаваться многие замечательные произведения»¹⁷. Итак, устный путунхуа и литературный байхуа происходят из единого источника и в целом создают единую структуру средств общения — устного и письменного, способную обеспечить нужды всего Китая.

Объектом нормализации должен явиться прежде всего письменный язык и, соответственно, его устная форма: язык радио, кино, театра, публичных выступлений. Нормализация представляет собой комплекс мероприятий, куда входит создание нормативно-

¹⁵ Там же, стр. 24.

¹⁶ Чжоу Ю-гуан и. О реформе китайского письма. Пекин, 1964, стр. 98.

¹⁷ «Советское востоковедение», 1956, 1, стр. 78.

по словаря китайского языка, нормативной грамматики, нормативного произношения. Назначение этого нормализованного языка — вытеснение существующих диалектов или, как говорится в докладе, сокращение функциональной сферы диалектов.

Этой тенденции сближения путунхуа с письменной традицией, проявившейся в докладе Ло Чан-пэя и Люй Шу-сяна, соответствует новое определение путунхуа, появившееся в Указе Госсовета от 6 февраля 1956 г. о распространении путунхуа. «Основна единства китайского языка уже существует, — говорилось там, — это путунхуа, стандартным произношением которого является пекинская фонетика, основой которого являются северные диалекты, грамматической нормой которого являются образцовые произведения на современном байхуа»¹⁸. Это расширенное определение задает соотношение между путунхуа, живыми современными северными диалектами и современным байхуа. При таком определении ссылка на северные диалекты означает, что им отводится роль не более чем общей основы разговорного путунхуа и письменного байхуа. Таким образом, все определение в целом приобрело смысл, который был очень близок к гоюю.

Новое определение не могло не вызвать неудовольствия сторонников путунхуа в его первоначальном определении. Проявлением такого несогласия с новым определением можно считать то, что в своем докладе на V сессии ВСНП первого созыва «О работе по реформе письменности в настоящее время и о системе фонетической транскрипции китайского языка» председатель комитета по реформе письменности У Юй-чжан пользуется первым вариантом определения путунхуа.

Официальное мнение по поводу путей формирования национального языка в Китае высказал Чжоу Энь-лай в речи 10 февраля 1958 г. на собрании представителей лингвистических кругов и деятелей просвещения. Чжоу Энь-лай придает путунхуа большое значение как будущему общему языку всего Китая, который в настоящее время должен быть распространен повсеместно. Цель распространения путунхуа — «постепенно унифицировать диалекты 500-миллионного ханьского населения»¹⁹. Диалекты должны отмереть и уступить место путунхуа. Он не назвал срока, который потребуется для решения этой задачи, огра-

ничиваясь лишь указанием условий, необходимых для достижения этой цели; развитие путей сообщения, экономики, культуры, а также соответствующие масштабы пропагандистской работы.

Десятилетие, следовавшее за речью Чжоу Энь-лая, было заполнено бурными политическими событиями, которые не благоприятствовали изучению проблемы национального языка. Первой официальной публикацией после «культурной революции» явилась небольшая заметка Го Мо-жо в журнале «Хунци»²⁰. Его выступление было в основном посвящено вопросам письменности, но в нем можно найти весьма существенное упоминание о национальном языке. «Для достижения этой цели (реформы письменности. — М. С.), — пишет Го Мо-жо, — бывший комитет реформы письменности провел некоторую предварительную работу, например, распространение и популяризацию латинского алфавита как средства письма и пекинского диалекта как стандартного языка».

Выражение «пекинский диалект как стандартный язык» вызвало, вероятно, недоумение в среде специалистов, в результате чего Го Мо-жо выступил в том же журнале с поправкой, где он приносил извинения за искажение определения национального языка и приводил полное определение в редакции указа Госсовета от 6 февраля 1956 г.²¹. В настоящее время трудно что-либо сказать о причине столь резкого искажения определения национального языка в заметке Го Мо-жо. Вполне вероятно, что это было случайностью, но если оно не было таковым, то оно означает следующее. Ликвидацию комитета реформы письменности, о котором он пишет как о бывшем, он воспринял как ликвидацию результатов его деятельности, поэтому в своей заметке дал то определение национального языка, которое существовало до путунхуа, то есть определение гоюя.

Поправка Го Мо-жо означает, что официальное определение путунхуа и в настоящее время продолжают защищать достаточно мощные силы. Эта короткая внутренняя дискуссия, о которой можно судить лишь по небольшой поправке, свидетельствует о том, что в середине 70-х годов в Китае по-прежнему нет единства в понимании путей формирования китайского национального языка.

¹⁸ Сборник материалов научной конференции по вопросам нормализации современного китайского языка. Пекин, 1956, стр. 249.

¹⁹ Чжоу Энь-лай. Задачи реформы письменности в настоящее время. — «О реформе китайской письменности (Сборник материалов)». Пекин, 1958, стр. 12.

²⁰ «Хунци», 1972, № 4, стр. 84.

²¹ «Хунци», 1972, № 10, стр. 71.

ПУБЛИЦИСТИКА И ОЧЕРКИ

Немецкие реваншисты и Пекин

Эрнст Генри

Под заголовком «Пером Аденауэра» в китайском журнале «Сюэси юй пипань» напечатана статья Ши Цзянь-биня, касающаяся советско-западногерманских и советско-китайских отношений¹. Статья эта заслуживает внимания только в одном отношении. Все факты в ней поставлены вверх ногами. Все в действительности противоположно тому, что говорит автор.

Случается, что в пылу полемики люди допускают неточности и опускают вещи, противоречащие их концепции. Но извращать историю так, как это делает Ши Цзянь-бинь, — это все же позволяют себе не все специалисты даже в таких делах.

Ссылаясь на К. Аденауэра, канцлера ФРГ в 1949—1963 гг., Ши Цзянь-бинь утверждает, что, когда в сентябре 1955 г. Аденауэр посетил Советский Союз, ему в Москве якобы предложили проводить антикитайскую политику. «Настойчивая просьба» в этом смысле была будто бы повторена трижды.

Мы цитируем со всей точностью. Это не из анекдота, а из подлинной статьи в маоистском политическом журнале. Автор пишет об этом как о новом доказательстве того, что Советский Союз намеревался и намерен «поглотить Китай», «создать огромную империю», охватывающую Европу и Азию, и «вершить судьбами мира».

Спорить с Ши Цзянь-бином нет нужды. Каждому нормальному человеку ясно, что версия о советском предложении Западной Германии в 1955 г. заключить союз против КНР — смехотворная, бредовая выдумка. О советской политике маоисты фантазируют уже много лет, побивая все известные в этой области рекорды. Но в данном случае примечательно другое.

Главная задача Ши Цзянь-биня явно заключается не столько в том, чтобы опорочить лишний раз советскую политику, сколько в том, чтобы прикрыть нечто весьма существенное в пекинской политике. Факт таков, что именно в тот период, о котором идет речь, — в 50-х, а также 60-х годах, когда у власти в ФРГ стояла правая партия Аденауэра и его преемники, — предпринимались настойчивые попытки довести дело до тайной сделки между маоистами и западногерманскими реваншистами.

Мало того. Есть все основания утверждать, что со стороны реваншистов важную роль в этом с самого начала играли совершенно определенные силы: старые, «чистокровные» нацисты, тянувшие на своем поводе аденауэровцев. Нити к Пекину протягивались в первую очередь их руками. Это можно было проследить во всех ответвлениях правого лагеря в ФРГ: на уровне дипломатии, в кругах монополий, среди военщины, в партии ХДС/ХСС, в печати. Повсюду бросалось в глаза одно и то же: за сближение с Китаем неутомимо, с лихорадочной энергией выступали старые гитлеровцы и их новые ученики. Все указывало на то, что они действовали по плану.

Если историей заниматься серьезно и добросовестно, а не переписывать ее «пером Аденауэра» или пером Ши Цзянь-биня, то выясняется следующая картина.

* * *

Важно прежде всего учесть, какие силы руководили аденауэровской дипломатией в те годы. В Пекине с самого начала знали, с кем имели дело. Как известно, многое в ФРГ изменилось с того времени; у власти в Бонне правительство социал-демократов и свободных демократов, заключившее договоры с СССР, Польшей, ГДР, Чехословакией и выступающее за дальнейшее улучшение отношений с социалистическими странами. Во главе западногерманской дипломатии стоят теперь другие люди и ее политика идет по иным путям, чем в первый период после войны. Но в то время постоянной основой этой политики был реваншизм и аппарат ее был всецело в руках реваншистов.

¹ «Сюэси юй пипань», 1973, № 3.

Азиатскими делами в министерстве иностранных дел ФРГ при Аденауэре ведал существовавший тогда так называемый «восточный отдел». После учреждения министерства в 1949 г. он был особенно быстро укомплектован и занял в ведомстве видное место. Достаточно было приглядеться к людям, которые работали в его секторах, чтобы увидеть, что это был старый азиатский департамент ведомства Риббентропа, перекочевавший в почти нетронutom виде из Берлина в Бонн. Изменений по сравнению с 30-ми и 40-ми годами здесь было меньше, чем в любом другом отделе боннского министерства. Кто управлял азиатской политикой ФРГ при Аденауэре и его наследниках из этой же партии?

В середине 50-х годов, когда на Рейне внезапно заинтересовались Китаем, восточным отделом руководил испытанный нацист О. Бройтигам, служивший в годы второй мировой войны у Риббентропа и Розенберга. Бройтигам был ответственен за уничтожение сотен тысяч евреев в Восточной Европе². При этом дипломате и были завязаны первые контакты Аденауэра с Пекином. Впоследствии Бройтигам ушел на пенсию, но, судя по всему, продолжал действовать за кулисами. Выступая 23 апреля 1969 г. во влиятельном дюссельдорфском клубе рурских магнатов «Рейн-Рур», Бройтигам заявил: «Китай, по-видимому, намерен идти нам навстречу... В этом деле все мы должны действовать с величайшей осторожностью. Тем не менее мы должны тщательно наблюдать за событиями, чтобы понять, в чем кроются наши шансы»³. О каких шансах идет речь, старый гитлеровец не сказал.

После него восточный отдел министерства возглавлял Г. Дуквиц — фашист с 1933 г., работавший еще во внешнеполитическом управлении нацистской партии⁴. Он шел по тем же стопам. Потом начальником отдела стала еще более красочная фигура: Ф. Крапф, член гитлеровской партии с 1936 г., в годы войны секретарь германского посольства в Токио и в то же время — сотрудник агентуры СС на Дальнем Востоке⁵. Под руководством этого бывшего эсэсовца из Бонна в Пекин были протянуты прямые нити.

В 1964 г. Крапф направился в Швейцарию для тайных переговоров с эмиссарами Мао Цзэ-дуна. Переговоры велись в здании китайского посольства в Берне и почти привели к сделке: заключению торгового договора между ФРГ и КНР, прелюдии к установлению дипломатических отношений. Как впоследствии сообщил депутат ХДС в бундестаге Майоника, посланцы Мао были готовы согласиться на признание «прав» ФРГ на Западный Берлин. 10 июля 1964 г. Мао Цзэ-дун действительно выступил с грубыми нападками на советскую политику по германскому вопросу. В одной из своих бесед с иностранными делегациями он даже заявил, что ФРГ «не должна пока признавать границу по «Одеру и Нейсе» — то есть вправе думать о реванше!

Мало того. Маоистами было выдвинуто утверждение, что в соответствии с II разделом Потсдамского соглашения Китай якобы тоже несет «ответственность» за германские дела. При этом подчеркивалось, что КНР никогда не требовала, чтобы «воссоединение Германии проходило под покровительством социализма». Сказать яснее, что маоисты готовы предать ГДР реваншистам, было трудно. По сообщениям американской печати, Пекин позже прямо предложил Аденауэру сократить китайское посольство в ГДР до уровня простой миссии. Близкая к баварской правой партии Штрауса газета «Аугсбургер альгемайне цайтунг» тогда же с нескрываемым одобрением сообщила: «Пекинский поверенный в делах в Париже намекнул, что Пекин в ходе развития торговых отношений с ФРГ готов признать доктрину Хальштейна и, следовательно, порвать с ГДР, признав ФРГ единственным германским государством, а саму ГДР рассматривать как западногерманский Тайвань...»⁶. Дальше этого навстречу реваншистам маоистам идти было некуда.

Вмешательство Соединенных Штатов помешало в 1964 г. успеху переговоров Крапфа. Президент Джонсон потребовал от явившегося в Вашингтон канцлера Эрхарда отказа от завершения сговора с Китаем⁷. Но старый гестаповец сделал свое дело. С тех пор стало ясно, что первым пунктом сговора Бонна с Пекином должно было быть согласие Мао на захват ГДР реваншистами. Вторым условием, видимо, считалось согласие Аденауэра на захват неких советских территорий маоистами. Так, на бумаге гитлеровские последыши предусматривали перекройку карты Европы и Азии совместно с маоистами. Следует добавить, что неудача миссии Крапфа никоим образом не привела к концу его карьеры. Еще в 1969 г. он занимал пост посла ФРГ в Токио и продолжал свои интриги оттуда.

² «Правда», 17.VI.1959, 28.I.1956; «Neues Deutschland», 22.I.1956; W. Shirer. The Rise of the Third Reich. N. Y., 1966, p. 1226—1227.

³ Сообщение агентства АДН из Дюссельдорфа, 24.IV.1969.

⁴ «Nazi-Diplomaten» in Bonner Diensten». Dresden (далее — «Nazi Diplomaten»), S. 45; «Wer ist Wer». Berlin, 1962, S. 271.

⁵ «Nazi-Diplomaten», S. 48; «Braunbuch», Berlin, 1965, S. 248—249; «Graubuch», Berlin, 1967, S. 115.

⁶ «Азия и Африка сегодня», 1967, № 7, стр. 36—37.

⁷ «Der Spiegel», Hamburg, 24.XI.1969; «Junge Welt», Berlin, 26.III.1969.

Такой же курс методически и без устали проводили другие «специалисты» из азиатских секторов аденауэровского министерства иностранных дел — люди с точно таким же прошлым, как у Крапфа, Бройтигама и Дуквица. Во главе отдела, занимающегося Китаем, позднее стоял бывший сотрудник риббентроповского посольства в Таиланде Л. Верц, нацист с 1934 г.⁸ Заместителем начальника восточного отдела был нацист с 1935 г. Г. Норте, бывший советник гитлеровского посольства в Китае⁹. Восточноазиатским сектором отдела заведовал нацист Х. Басслер, руководивший в министерстве Риббентропа пропагандой в Восточной Азии и служивший одновременно в четвертом отделении главного управления СС — отделении гестапо. Позднее Басслер стал послом в Индонезии¹⁰. В чине посла в восточном отделе работал М. Фишер — член нацистской партии с 1943 г., в свое время заместитель гитлеровского посла в Китае¹¹.

Почти все ключевые посты в сети аденауэровской дипломатии в самой Азии были заняты той же нацистской кликой, явно связанной круговой порукой. Послом в Индии был барон Д. фон Мирбах, нацист с 1933 г., бывший пресс-атше в гитлеровском посольстве в Токио; послом в Малайзии — Х. Белинг, бывший гитлеровский вице-консул в Нанкине; послом на Филиппинах — Г. Рёрике, нацист с 1937 г. и бывший гитлеровский консул в Ханькоу; послом в Таиланде — У. Шеске, эсэсовец с 1933 г.; послом в Южной Корее — Ф. Ферринг, бывший референт по пропаганде в Восточной Азии у Риббентропа; послом в Сингапуре — барон О. фон Рихтгофен, нацист с 1938 г., эсэсовец и т. д.¹²

Все это была одна и та же компания. Кадровые риббентроповцы поочередно сменяли друг друга в посольствах Аденауэра, Эрхарда и Кизингера в Азии, и все они были яркими сторонниками альянса с маоистами. Неудивительно, что «прокитайские» настроения в официальных сферах на Рейне продолжали расти. Порукой этому был старый азиатский департамент в ведомстве Риббентропа, фактически никогда не прерывавший своей деятельности.

Сношения Аденауэра с Пекином велись в разные времена по разным каналам, в частности через Берн и Токио. Но был один канал, через который контакт осуществлялся день за днем. Это — генеральное консульство ФРГ в Гонконге, территории, граничащей с КНР и все еще принадлежащей Англии.

Здесь в течение ряда лет действовал настоящий дипломатический мост, соединяющий реваншистов с маоистами. Можно сказать, что на деле это генеральное консульство было тайным посольством реваншистской дипломатии в Китае; нужные встречи организовывали отсюда в кратчайший срок. Кто руководил этим замаскированным посольством?

В конце 50-х годов генеральным консулом ФРГ в Гонконге был тот самый Бройтигам, который до этого руководил всем восточным отделом боннского министерства иностранных дел. Уже само назначение столь видного сановника на консульский пост указывало на важность, которую в окружении Аденауэра придавали гонконгскому «мосту». Позднее сюда был командирован личный референт Аденауэра Ф. Бах¹³ — явно по поручению самого канцлера. При Эрхарде Баха заменил бывший посол ФРГ в Южной Корее К. Бюнггер¹⁴, служивший когда-то в гитлеровском посольстве в Китае. Генеральный консул ФРГ в Гонконге в 1969 г. — риббентроповский дипломат В. фон Хейден, нацист с 1934 г.¹⁵ Исключений для неонацистов в гонконгской миссии ФРГ, очевидно, не делалось. Искать лазеек для сношений с КНР им тоже не приходилось. «Бамбуковый занавес» открывался для них в любой момент.

В 1964 г. в Гонконг внезапно явился сам реваншистский лидер Штраус. После своего возвращения он заявил: «Пекин мог бы содействовать в деле воссоединения Германии»¹⁶. От кого Штраус получил такие заверения, он не сказал. Но в своей изданной в 1968 г. книге «Вызов и ответ» он подчеркнул, что интересы ФРГ и Китая ввиду их отношения к СССР «частично совпадают»¹⁷. Газета Штрауса «Байернкурир» даже напомнила в этой связи о древнем изречении: «Враг моего врага — мой друг»¹⁸.

Было похоже на то, что окопавшаяся в Гонконге клика бывших нацистов в сотрудничестве с послом ФРГ в Японии Крапфом действительно завербовала себе влиятельных друзей по ту сторону «бамбукового занавеса». Надо учесть, что западногерманский генеральный консул в Гонконге одновременно занимает пост консула в Макао —

⁸ «Die Bundesrepublik» 1966/67, 1967, S. 58; «Graubuch», S. 114.

⁹ «Nazi-Diplomaten», S. 51; «Wer ist Wer», 1962, S. 1105.

¹⁰ Там же, стр. 43; «Graubuch», S. 114.

¹¹ «Graubuch», S. 265; «Handbuch für das Deutsche Reich». Berlin, 1936, S. 39.

¹² «Nazi-Diplomaten», S. 44, 45, 50, 52, 53.

¹³ «Wer ist Wer», 1962, S. 37.

¹⁴ «Wer ist Wer», 1967, S. 242; «Braunbuch», C. 264.

¹⁵ «Nazi-Diplomaten», S. 47.

¹⁶ H. Frederick, F. J. Strauss. München-Inning, 1965, S. 227.

¹⁷ F. J. Strauss. Herausforderung und Antwort. Stuttgart, 1968, S. 96.

¹⁸ «Der Spiegel», 24.II.1969.

все еще принадлежащем Португалии соседнем порту, где идет бешеная спекуляция золотом и опиумом. Не секрет, что главные из спекулянтов в Макао и Гонконге теснейшим образом связаны с Пекином. Так, например, глава золотого синдиката в Макао мультимиллионер Хо Инь, владелец четырех банков, пяти гостиниц, двух газет и всех кинотеатров в городе — член Народного политического консультативного совета в Пекине¹⁹. Партнер Хо Иня по золотому синдикату — известный гонконгский богач И. Лианг, владелец банка «Хан-Син»²⁰. У этих дельцов прямой доступ к пекинскому «двору», и бывшие нацисты в Гонконге широко пользовались их услугами. За это тайских миллионеров делали посредниками в исключительно доходной западногерманско-китайской торговле.

В течение ряда лет этими делами специально занимался вице-консул и «торговый атташе» ФРГ в Гонконге Ф. Кордт, живший в довоенном Китае под видом «торговца мехами» и позднее работавший в гитлеровском генеральном консульстве в Шанхае. Именно этот деятель помог наладить из Гонконга торговлю Китая с ФРГ, в частности ввоз западногерманских военных материалов. Известно, что Кордт уже в 50-х годах вошел в особое доверие в Пекине и получал оттуда приглашения на длительные поездки в Китай²¹.

Так действовал «гонконгский мост». Повсюду, где бы они ни находились, старые дипломаты третьего рейха толкали Бонн к Пекину и Пекин к Бонну.

Могут спросить: почему они с таким рвением занимались этим делом? Почему именно они были столь заинтересованы в оси Бонн — Пекин? Ответ ясен. В союзе с предавшими дело социализма маоистами наследники Гитлера видели ключ ко всей своей внешней политике.

Современные германские реакционеры ищут себе на международной сцене союзников по душе: таких, которые так же готовы пойти на безумные авантюры, как они сами. Только одно правительство в мире сегодня считает для себя выгодной третью мировую войну — маоистский Китай. Тем самым вопрос для правых в ФРГ решен: Китай считается ими естественным союзником. То, что Мао Цзэ-дун все еще выступает под коммунистическим флагом, не имеет для немецких реакционеров никакого значения. Гитлер тоже называл свою партию «национал-социалистской» и «рабочей».

Это не значит, что неонацисты и реваншисты в ФРГ хотели отказаться от натовского союза с США. Пока Соединенные Штаты противились разрядке международной напряженности, реваншистам, разумеется, не было расчета менять союзников. Но вопрос среди них ставился уже так: кто пойдет к нам в партнеры и поможет подталкивать мир к войне, если в Соединенных Штатах возьмут верх политики умеренной буржуазии, сторонники мирного сосуществования?

Это и побуждало реакционеров в ФРГ уже теперь делать ставку на Мао. Вот почему так лихорадило старый азиатский отдел ведомства Риббентропа, живший второй жизнью на Рейне. Закулисная возня сторонников союза с Пекином продолжалась в Бонне день за днем. Но не только дипломаты участвовали в этих махинациях. Им помогали другие.

* * *

Уже в течение ряда лет открытую и широкую пропаганду за сближение с Китаем вела в Западной Германии организация, которую можно было назвать «китайским лобби» в этой стране. Ее участники действовали повсюду — в кулуарах бундестага, в приемных руководителей партии ХДС/ХСС, в печати, в кругах бундесвера. Не о всех этих людях было известно общественности. Хотя организация эта не только буржуазная, но даже крупнобуржуазная, она была теснейшим образом связана с Пекином. Судя по всему, неофициальные отношения между ФРГ и КНР нередко велись при ее посредстве. Ее руководители, несомненно, выполняли для аденгауэровцев специальные миссии.

Об истории ее возникновения известно очень немного. В сентябре 1957 г. в Гамбурге внезапно объявило о своем существовании объединение, назвавшее себя «Германо-китайское общество» (ГКО). В роли учредителей выступили лица с солидными именами: торговцы, банкиры, судовладельцы, журналисты, отставные сановники и некоторые депутаты бундестага; всего около ста человек. Общество заявило, что будет содействовать укреплению дружбы ФРГ с Китаем, устраивая лекции и выставки, распространяя информацию о КНР, организуя культурный обмен и устанавливая личные контакты²².

Сразу же выяснилось, что организация пользовалась всемерной поддержкой пекинских властей. Депутат бундестага Майоника, неофициальный уполномоченный в Бон-

¹⁹ «Daily Star», 5.1.1967.

²⁰ «Industriekurier». Düsseldorf, 11.V.1968.

²¹ «Handelsblatt». Düsseldorf, 15.XI.1967, «Junge Welt», 28.III.1969.

²² «Hamburger Nachrichten», 9.IX.1957.

не тайваньского правительства Чан Кай-ши, выступил с утверждением, что «Германо-китайское общество» ведет маоистскую пропаганду и даже стоит за расширение пределов КНР²³. В 1961 г. чрезвычайное собрание членов общества потребовало от боннского правительства заключения торгового договора и установления дипломатических отношений с Китаем. В принятой резолюции говорилось: «Время для этого пришло»²⁴. США и тогда помешали «китайскому лобби» в Западной Германии.

С той поры это лобби действовало без устали, почти не скрывая своих связей с высокими боннскими сферами. Председатель ГКО без стеснения заявил журналистам: «Мы хотим теперь делать то, чего не может делать федеральное правительство, вынужденное считаться с Соединенными Штатами». Иными словами, практиковалось разделение труда. Министерству иностранных дел ФРГ пришлось «опровергнуть» утверждения руководителей ГКО, что они «считают себя подсобным аппаратом министерства и негласными дипломатами Бонна для сношений с Красным Китаем»²⁵. Многие говорили за то, что влияние «китайского лобби» на боннской сцене росло. Кто же стоял за этой организацией? Кто организовал «Германо-китайское общество»?

Его основателями были лица, у каждого из которых довольно определенное досье.

О первом председателе общества «журналисте» Вольфе Шенке, издате гамбургского журнала «Нойе политик», известно, что в течение 11 лет он был одним из нацистских агентов в чанкайшистском Китае. Вернувшись после войны в Германию, Шенке некоторое время сотрудничал с небезызвестным гитлеровским генералом Андрэ, чинившим зверства в Греции и после войны участвовавшим в создании Немецкой имперской партии, предшественницы нынешней неонацистской партии НДП²⁶. С 1957 г. Шенке перешел на работу в «Германо-китайское общество». По чьему заданию, было ясно.

Другим основателем ГКО был бывший посол ФРГ в Индонезии В. фон Хентиг; при Гитлере — сотрудник того самого азиатского отдела риббентроповского ведомства, который продолжал существовать в недрах аденауэровского министерства иностранных дел. Фигура эта тоже не лишена интереса. Это был один из тех кадровых германских дипломатов, которые всю жизнь занимались интригами и заговорами на Востоке. Оставив пост западногерманского посла в Индонезии, фон Хентиг стал советником короля Сауда, феодального властителя Саудовской Аравии²⁷, а затем оказался в числе учредителей «Германо-китайского общества». Какие круги он представлял, пояснять не приходится.

Третьим организатором гамбургского «китайского лобби», а позднее его председателем был тот самый «торговец мехами» и чиновник гитлеровского генерального консульства в Шанхае Ф. Кордт, который после войны, находясь в Гонконге, помог западногерманским монополиям наладить торговлю с Китаем, а аденауэровской дипломатии — установить первые контакты с маоистами. Вернувшись из Гонконга в ФРГ, он и возглавил ГКО²⁸.

Можно назвать еще ряд видных бывших нацистов и матерых немецких реакционеров среди учредителей «Германо-китайского общества»: бывшего депутата бундестага Г. Шванна, конструктора бомбардировщиков «Фокке—Вульф» Г. Фокке, гамбургского судовладельца П. Рикмерса²⁹. Юрисконсульт ГКО, депутат от аденауэровской партии и одно время «военный уполномоченный» бундестага М. Хооген был в прошлом военно-полевым судьей в штабе люфтваффе Геринга.

Но главным, хотя и державшимся в тени действующим лицом в «китайском лобби» можно было с самого начала считать другого деятеля. Среди членов «учредительного комитета» ГКО при создании организации фигурировал не кто иной, как Я. Шахт — старый банкир и ближайший финансовый советник Гитлера. Человек этот в течение многих лет один из самых хитрых и грязных вдохновителей германского фашизма, видимо, и стал в действительности душой промаоистского «лобби» в Западной Германии. Факты указывали на то, что именно через него завязывались важные связи и отыскивались денежные средства. Но о роли бывшего казначая Гитлера за кулисами западногерманско-китайских отношений речь еще впереди.

Картина была как будто ясна. Маоистским «лобби» в ФРГ управляли те же силы, которые верховодили азиатскими секторами аденауэровского министерства иностранных дел. И там и тут действовали бывшие гитлеровцы, ставившие все на карту ради создания оси Бонн — Пекин.

²³ «Süddeutsche Zeitung». München, 10.IX.1957.

²⁴ «Neue Politik». Hamburg, 11.VII.1961, S. 444—445; «Junge Welt», 26.III.1969.

²⁵ «Der Tagespiegel». Berlin, 6.I.1968.

²⁶ W. Schenke. «Neue Weltmacht China». Hamburg, 1957, Umschlag; «Neue Politik», 22.III.1969, S. 3; 8.VII.1961, S. 435; M. Jenke. Verschwörung von rechts? Berlin, 1961, S. 200.

²⁷ «Wer ist Wer», 1962, S. 570.

²⁸ «Kölner Stadtanzeiger», 6—7, 1958; «Handelsblatt», Düsseldorf, 15.XI.1967.

²⁹ «Leitende Männer der deutschen Wirtschaft». Berlin, 1959, S. 735.

Судя по некоторым данным, подлинная история возникновения «Германо-китайского общества» такова.

В середине 50-х годов, когда Мао Цзэ-дун все более явно стал отходить от международного коммунистического движения и готовить разрыв с Советским Союзом, в реакционных кругах в ФРГ, среди монополистов, в частности в окружении Шахта, пришли к убеждению, что надо ковать железо, пока горячо. Генеральному консулу ФРГ в Гонконге Бройтигаму и его «коммерческому» помощнику Кордту было поручено наладить контакты за «бамбуковым занавесом». Вслед за тем бывший агент германской разведки в Китае Шенке был послан в Пекин в роли специального корреспондента правой газеты Шпрингера «Ди вельт». Туда же отправился близкий ему депутат бундестага Шванн.

Шенке и Шванн пробыли в Китае несколько недель. Шванн был принят самим Чжоу Энь-лаем; это была первая встреча кого-либо из боннских депутатов с китайским премьером. О содержании их беседы ничего опубликовано не было. Как Шенке впоследствии сообщил в своем журнале, с Шванном в Пекине «обошлись исключительно хорошо»; он встретился с «руководящими лицами» и сумел завязать «тончайшие нити»³⁰. Проект создания «китайского лобби» в ФРГ был в Пекине одобрен. По позднейшим сообщениям западногерманской печати, Чжоу Энь-лай и другие китайские руководители заверили эмиссаров из ФРГ, что «Германо-китайское общество» принесет обеим странам большую пользу и что его делегация будет приглашена в Китай³¹.

Все это происходило в 1956 г. — в год созыва VIII съезда КПК и за год до того, как Мао Цзэ-дун на первом московском Совещании коммунистических и рабочих партий впервые прямо заявил, что, несмотря на вероятность огромных жертв, третьей мировой войны бояться не надо. Уже тогда маоисты стали заигрывать с немецкими нацистами, для которых новая мировая война — ключ к решению всех вопросов.

«Китайское лобби» в ФРГ продолжало действовать. Его нацистские руководители воспевали Мао Цзэ-дуна и оправдывали «культурную революцию». В 1969 г. председатель ГКО Шенке заявил, что маоистский Китай стал «ключевой силой» мировой политики, что «китайское чудо далеко превосходит все события, все самые большие перевороты в истории человечества»³² и главное, что «Китай — единственная великая мировая держава, которая, исходя из собственных интересов, должна стремиться к восстановлению германского единства (т. е. к поглощению реваншистами ГДР — Э. Г.), более того — к созданию единой Европы»³³ (под их же главенством. — Э. Г.).

Реваншисты специально подчеркивали, что западный мир не должен принимать всерьез произносимые в Пекине фразы о «коммунизме». «На фоне 2500-летней истории китайской империи, — заявил Шенке в одном из своих публичных выступлений, — коммунистическая идеология значит очень мало. Это всего лишь переходная стадия и средство для ликвидации отсталости»³⁴.

На словесную «левизну» маоистов их союзники в ФРГ внимания не обращали. Зато их весьма интересовало другое. В своей опубликованной в 60-х годах книге «Новая мировая держава Китай» тот же Шенке писал дословно следующее: «Если Китай и не подвергнется нападению, то в случае войны он выйдет за свои границы. Действуя либо как дружественный объединитель, либо силой, он займет всю Корею и всю Юго-Восточную Азию. Он в кратчайший срок захватит Бирму и Таиланд, страны с самым большим экспортом риса в мире, и таким образом получит контроль над снабжением продовольствием, как и другим сырьем, Японии и других азиатских стран. Если рассматривать шансы сторон в будущей войне с точки зрения старой «политики силы», то почти напрашивается следующий вывод: та сторона, против которой будет Китай, наверняка проиграет. В случае атомной войны — безусловно, в случае «обычной» войны — с не меньшей вероятностью»³⁵.

Вот о чем думали и на что рассчитывали западногерманские реакционеры, мечтая об оси Бонн — Пекин. Это была чисто гитлеровская политика, перенесенная в современность. Гитлер когда-то объяснял своим соратникам: «Сейчас самое главное для нас — победить. Для достижения этой цели мы готовы заключить союз хотя бы с самим дьяволом». Ученики Гитлера среди реваншистских дипломатов и в гамбургском «китайском лобби» преследовали одну и ту же цель.

Правда, все это относилось к верхушечным группам, за которыми не стояли массы. Действительно, на промаоистов за Эльбой можно было бы и не обращать внимания, если бы они не опирались на несравненно более влиятельные силы: на крайне правых монополистов, заинтересованных в гонке вооружений и тем самым в обострении международных отношений, и на реакционную военщину. Стоит привести факты и об этом.

³⁰ «Neue Politik», 29.III.1969, S. 1, 2.

³¹ «Rheinischer Merkur», Koblenz, 13.IX.1967, S. 6.

³² «Neue Politik», 29.III.1969, S. 1, 11.

³³ Там же, стр. 4.

³⁴ «Der Tagesspiegel», 11.II.1966.

³⁵ W. S c h e n k e, «Neue Weltmacht China». Hamburg, 1967, S. 305—306.

* * *

В послевоенные годы у ФРГ с Китаем не было ни дипломатических отношений, ни торгового договора. Тем не менее ни одна страна в Европе не вела с КНР такую широкую торговлю, как ФРГ. Разительный рост западногерманско-китайского товарообмена за последний десяток лет рассматривался на Западе как некое чудо. В 1955 г. эта торговля была равна нулю, в 1957 г. составила 230 млн. марок, в 1961 г. — 283 млн., в 1966 г. — 888 млн., в 1967 г. — свыше 1 млрд., в 1968 г. — 1200 млн. марок. ФРГ отставала в товарообмене с Китаем только от Японии, которой благоприятствуют географические условия. Американские, английские и французские экспортеры с нескрываемой завистью глядели на успехи ФРГ. Таких скачков за столь короткий срок в торговле между двумя странами в истории мировой торговли действительно известно немного.

Все это происходило при деятельном участии «Германо-китайского общества» и его покровителей в Пекине. На собрании общества в феврале 1966 г. выступил «экономический эксперт по восточным делам» Карл Титчер. Заявив, что «разрыв между Москвой и Пекином стал совершившимся фактом», Титчер сообщил, что имел свидание с Чжоу Энь-лаем, заверившим его, что Пекин заинтересован в росте западногерманско-китайской торговли. Возможно, многозначительно добавил Титчер, этому будет способствовать отклонение Пекином «теории о двух германских государствах», то есть факта самостоятельного существования ГДР.

Экономика ФРГ становилась все больше заинтересованной в поставках в Китай. Уже в середине 60-х годов экспорт на Дальний Восток был для многих западногерманских дельцов одним из их важнейших дел. Новая военная промышленность маоистского государства росла с их помощью. Некоторые специалисты предсказывали, что в недалеком будущем Китай вообще может включиться в число главнейших торговых партнеров ФРГ и что «неисчерпаемый» дальневосточный рынок станет для западногерманской промышленности своего рода пещерой Али Бабы. Так или иначе, не подлежит сомнению, что экономическое сближение Пекина с управлявшейся адеуауэрцами ФРГ способствовало их политическому сближению.

Встает тот же вопрос, что раньше: кто стоял за этим? Кто организовывал боннско-пекинское торговое «чудо»?

При анализе товарообмена между ФРГ и КНР сразу бросалось в глаза, что со стороны ФРГ эта торговля не дробилась среди мелких поставщиков. Она почти целиком находилась в руках крупнейших монополий, заключавших с китайским правительством сделки на десятки и даже сотни миллионов марок. В первую очередь речь шла о группе ведущих военных концернов ФРГ, поставлявших в Китай оборудование для производства вооружений, в частности для атомной, ракетной, электрической и металлургической промышленности.

Все это были главенствующие концерны западногерманской индустрии, столпы, на которых зиждется здание монополистической олигархии ФРГ; все — с нацистским прошлым. В том, что эти концерны заинтересовались китайским бизнесом и поставили его на широкую ногу, не было, разумеется, ничего удивительного: маоисты хорошо платят. Но для сделок в таких масштабах, уже достигавших сотен миллионов марок, при отсутствии торгового договора явно требовался сговор на высшем уровне. Люди, которые свели архиреакционных западногерманских дельцов с «архиреволюционными» маоистами, представляют немалый интерес.

В середине 50-х годов в Китае появился «бизнесмен» из ФРГ по имени Артур Аксман. Поездка, как он сообщил, была предпринята по поручению его брата Курта Аксмана, дельца в Западном Берлине. Аксман пробыл в Китае два месяца. С кем в Пекине он встретился, осталось неизвестным. Весьма вероятно, что его поездка была согласована с Пекином через того же «торгового атташе» ФРГ в Гонконге Кордта, который впоследствии возглавил промаоистское «Германо-китайское общество» в Гамбурге.

Вернулся Аксман в ФРГ не один. Оказалось, что он сопровождает туда торговую делегацию КНР. Глава делегации заявил печати, что он «настоял» на сопровождении Аксмана³⁶. Тогда же синдикат западногерманских промышленников заключил первое соглашение с китайским Комитетом содействия развитию международной торговли. Западный Берлин в этом соглашении был отнесен к зоне боннской марки. Вскоре после этого в ФРГ обосновалась фирма под названием «Общество торговли с Китаем»; соучастниками его были Артур и Курт Аксманы³⁷. Это бюро Аксмана и стало посредником между западногерманскими монополиями и Пекином.

Кто такой Артур Аксман?

В 1940 г. он был назначен Гитлером имперским фюрером нацистской молодежи и оставался на этом посту до последнего дня третьего рейха. Аксман был в то время

³⁶ «Der Tagesspiegel», 8.V.1958.

³⁷ P. M e s k i l. Hitler's Heirs. N. Y., 1961, p. 185.

одним из наиболее близких к фюреру людей; Гитлер прочил его на высшие посты в рейхе и нацистской партии. Он же входил в ту кучку фанатичных нацистов, которые в дни штурма Берлина советскими войсками укрывались с Гитлером в подвале имперской канцелярии и бежали оттуда только после самоубийства своего господина. Молодежный фюрер формировал в те дни отряды мальчишек, которых посылали гибнуть на улицах города. Его брат Курт тоже имел немалый фашистский чин: он был вожаком гитлеровской молодежи в Бранденбурге.

После крушения гитлеризма Аксман, оставшийся в Западном Берлине, не прекратил своей деятельности. Он был одним из тех, кто уже в первые послевоенные годы пытался восстановить гитлеровскую партию. Документально установлено, что именно Аксман помог бывшему заместителю и «наследнику» Геббельса А. Науману в 1951 г. созвать с этой целью в Дюссельдорфе и Гамбурге тайный съезд бывших гауляйтеров и эссовских генералов. Он сам участвовал в этом съезде³⁸. С тех пор нити от Аксмана, как и от Наумана, вели к тогдашнему фюреру неонацистской партии НДП фон Таддену. Но столь же несомненно, что главным делом Аксмана в 50-е и 60-е годы было «коммерческое» посредничество между западногерманскими монополистами и Пекином. Когда-нибудь, надо думать, станет известно, каким образом бывший приближенный Гитлера стал доверенным лицом у маоистских руководителей. То, что это произошло, — факт.

Аксман был фашистским гангстером. Он знал, как устраивать погромы и создавать вооруженные банды мальчишек. Откуда у такого человека был опыт в торговых делах? Кто снабдил его деньгами и доверенностями от боннских миллионеров? Все становится ясно, если учесть, что ментором Аксмана и подлинным деловым руководителем «Общества торговли с Китаем» был бывший банкир и ближайший советник Гитлера Яльмар Шахт.

Пересказывать досье Шахта нет нужды: его имя вписано в самые черные страницы германской империи. Известно, что, будучи ведущим банкиром Веймарской республики, он помог Гитлеру пробраться к власти, перетянув на его сторону магнатов Рура. Известно, что после этого Шахт стал «финансовым чародеем» Гитлера, изобретая диковинные способы финансирования германских вооружений. Известно, что в 1946 г. он стоял как один из главных военных преступников перед Нюрнбергским трибуналом и был оправдан только голосами западных судей.

Утверждали, что в послевоенные годы Шахт якобы уже не имел отношения к политике, полностью посвятив себя частным коммерческим делам — своему новому банку в Дюссельдорфе «Внешнеторговый банк Шахт и К⁰». Его компаньоном по этому делу стал бывший риббентроповский дипломат князь Бисмарк. Только через несколько лет после основания дюссельдорфского банка стало понятно, каким новым делом занялся Шахт. Речь снова шла о чисто политическом бизнесе. Некоторые сведущие лица за рубежом утверждали, что вся послевоенная торговля между ФРГ и Китаем была прежде всего делом рук Шахта³⁹.

Его «Внешнеторговый банк» сразу же нацелил свою деятельность на азиатские и африканские страны. Еще в 1953 г., при открытии банка, Шахт заявил: «Вновь настало время, когда мы можем проникнуть в юго-восточное пространство от Сараево до Японии». Самая большая страна в этом пространстве — Китай⁴⁰. Давнишний друг и советник Флика, Абса и других западногерманских магнатов, Шахт начал убеждать их «идти на Восток», используя накопившиеся в ФРГ запасы иностранной валюты для прорыва на азиатские рынки. В 1957 г. он стал одним из подлинных инициаторов создания «Германо-китайского общества» в Гамбурге. К тому времени бывшему банкиру Гитлера было 80 лет.

Двумя годами позже Шахт сам отправился на Дальний Восток и остановился в Гонконге, где сплетали свое гнездо старые риббентроповские дипломаты. Было сообщено, что, проследовав в Токио, он предложил японскому премьеру Киси разработать совместный японо-германский план «экономического развития слаборазвитых стран» — прежде всего Китая. Но еще раньше стараниями Шахта в Китай был приглашен бывший фюрер гитлеровской молодежи Аксман. Основанное братьями Аксманами «Общество торговли с Китаем» и было на деле филиалом «Внешнеторгового банка Шахт и К⁰».

Действуя через этот филиал, Шахт устраивал сделки боннских монополий с Пекином, помогая маоистам закупать в ФРГ сталь, машины, оборудование, атомные и химические материалы. Через посредство Шахта и Аксмана на работу в Китай вербовались западногерманские атомные специалисты. Они же добились того, что правительство ФРГ гарантировало западногерманским экспортерам оплату китайских заказов. Шахт скупил также акции старейшего германского колониального общества,

³⁸ «Frankfurter Rundschau», 10.VI.1953; «Новое время», 9.V.1968.

³⁹ «Wer ist Wer», 1967, S. 1669; «Der Volkswirt». Frankfurt a/M., 12.I.1957; «Die Welt», Hamburg, 7.X.1961.

⁴⁰ Агентство АДН, 15.I.1957.

когда-то хозяйничавшего в одной из провинций Китая,— Шаньдунской торговой компании»⁴¹.

Так был дан толчок тому стремительному росту западногерманско-китайской торговли, о котором так много говорили на Западе. Устроив это дело, Шахт заново укрепил в кругах большого бизнеса в ФРГ свою репутацию «финансового чародея».

По существу же, Шахт опять делал большую фашистскую политику. После своего оправдания Нюрнбергским трибуналом он не порвал своих старых связей с укрывшимся в ФРГ нацистским ядром. Помимо Аксмана, Шахт (по данным министерства внутренних дел ФРГ) поддерживал контакт с Науманом — человеком, годами стоявшим за спиной нацистов, — и с гитлеровским палачом Скорцени⁴², женатым на племяннице Шахта⁴³.

В 1969 г. Шахту было 92 года⁴⁴. За несколько лет до этого западногерманская пресса сообщила, что он перестал заниматься делами и продал свой банк. Но свою последнюю услугу германскому фашизму этот бесноватый банкир к тому времени уже оказал. Реваншисты спаялись с маоистами крепкими торговыми узами с помощью старых гитлеровских дельцов.

* * *

Мы говорили о скрытых нитях, тянувшихся к маоистам от правых западногерманских дипломатов, политических лоббистов и дельцов большого бизнеса. Повсюду, в каждом случае была видна одна и та же рука, действовавшая за ширмой, — рука старых нацистов. Были ли вовлечены в эту сеть сторонников сговора с маоистами и круги реваншистской боннской военщины?

На первый взгляд могло казаться, что у этой военщины, зависимой от Пентагона, не входившей без его согласия ни в какие блоки, не могло быть точек соприкосновения с Китаем. Это было не так.

Уже сама идея антисоветской оси Бонн — Пекин, как когда-то идея оси Берлин — Токио, имела для бывших генералов и полковников вермахта, одержимых мыслью об окружении СССР, прямое военное содержание. Можно не сомневаться, что эти люди оказались не менее заинтересованными в наведении «мостов» в Китай, чем правые боннские монополисты и дипломаты. Германская военщина никогда не упускала возможности заблаговременно обеспечить себе союзника в тылу у намеренного противника: это принадлежит к главным принципам ее исконной стратегии. Уже вскоре после второй мировой войны, глядя на Дальний Восток, она стала думать именно об этом; тем более что мосты в Китай она начала строить за много лет до того. Уже в то время опоры с немецкого берега возводили фашисты.

История отношений германских милитаристов с военными кругами в Китае не очень широко известна. Стоит напомнить и о ней.

Весной 1927 г. в Китае произошел контрреволюционный переворот. Власть была захвачена военно-бюрократической кликой правых гоминьдановцев во главе с Чан Кай-ши, до того носившим маску сторонника дружбы с Советским Союзом. В стране был установлен режим террора, коммунистическая партия загнана в подполье, дружественные отношения с СССР разорваны. Народно-революционные силы перешли к сопротивлению; была создана китайская Красная армия. Перед захватившей власть военно-бюрократической кликой в Нанкине встал вопрос: с чьей помощью укрепить свой режим и создать сильную антикоммунистическую армию?

Ответ был найден очень быстро. В том же 1927 г. чанкайшисты пошли на тайную сделку с группой влиятельных германских военных, за которой стояло командование реакционного рейхсвера. Немецкая сторона обязывалась реорганизовать китайскую армию и в дальнейшем обеспечить ее снабжение современным оружием. Реорганизация должна была происходить под непосредственным контролем немецких офицеров. Германии взамен предоставлялись разные экономические выгоды. Подробности этой сделки стали известны лишь впоследствии, и то лишь частично.

Первым, еще в 1927 г., в Китай из Германии был направлен небезызвестный полковник Макс Бауэр, ближайший сподвижник генерала Людендорфа. Бауэр, одна из самых зловещих фигур старого кайзеровского генерального штаба, был в 1920 г. главным организатором контрреволюционного капповского путча против Веймарской республики⁴⁵. После провала путча он продолжал связывать рейхсвер с фашистскими группами. Заняв в Нанкине пост ближайшего военного советника Чан Кай-ши,

⁴¹ «Economist». London., 25.I.1964.

⁴² «Hamburger Echo», 16.I.1953.

⁴³ Совершенно очевидно, что смычка западногерманских монополий с маоистами была устроена Шахтом и Аксманом не просто в порядке заманчивого бизнеса, а прежде всего в интересах аденауэровской внешней политики.

⁴⁴ В 1970 г. он умер.

⁴⁵ «Neue Deutsche Biographie». Bd. 1, Berlin, 1953, S. 643.

Бауэр приступил к подготовке реорганизации китайской армии, но вскоре же умер. Его место немедленно занял другой немецкий фашист из той же группы: генерал Герман Крибель, бывший военный советник самого Гитлера, руководивший отрядами Гитлера и Людендорфа в дни мюнхенского путча в 1923 г.⁴⁶ Крибель закрепил «смычку» германской военщины с гоминьдановцами. К началу 30-х годов сотрудничество между той и другой стало настолько тесным, что командование рейхсвера решило взять дело непосредственно в свои руки.

В 1930 г. на посту главного военного советника Чан Кай-ши оказался генерал Георг Ветцель — бывший начальник берлинского военного округа, приблизенный командующего рейхсвером Ганса Секта. Непосредственно перед отъездом в Китай Ветцель возглавлял в Берлине так называемый «трупенамт» — тайно восстановленный германский генеральный штаб⁴⁷. Его новое назначение указывало на то, какое важное значение германская военщина уже придавала сговору с Китаем. Несколько лет спустя это стало уже яснее. В 1934 г. в Нанкин на смену Ветцелю явился сам генерал Сект — создатель рейхсвера. К тому времени Гитлер уже был у власти, и Сект был его ярким сторонником⁴⁸. Не подлежит сомнению, что миссия Секта была предпринята с ведома Гитлера, может быть, и по его указанию.

Стоит упомянуть, что именно Ветцель и Сект помогли Чан Кай-ши разработать план пятого похода против китайской Красной армии, в результате которого ей пришлось очистить районы на юге страны и проделать «Великий поход» на север⁴⁹. Германия поставляла чанкайшистам пулеметы и другое оружие. Германские военные советники продолжали сменять друг друга. С 1934 по 1938 г. за спиной главы нанкин-ского правительства стоял еще один из бывших приближенных Секта, явившихся в Китай вместе с ним, — генерал Александр Фалькенгаузен, во время первой мировой войны командовавший под начальством Секта турецкими войсками⁵⁰. В 1938 г. с миссией в Китай прибыл гитлеровский фельдмаршал Рейхенау, бывший начальник личного штаба нацистского военного министра Бломберга⁵¹. После переговоров с Чан Кай-ши Китаю был предоставлен германский заем, и член гитлеровской миссии Клейн был назначен советником по реорганизации китайских финансов. Тогда же находившийся в Берлине чанкайшистский министр иностранных дел выступил с заявлением, что «Китай считает Германию своим лучшим другом»⁵². Чан Кай-ши действительно уже возлагал в это время большие надежды на фашистскую Германию.

Командированные в Китай германские генералы были первоклассными, отборными генштабистами рейхсвера и вермахта. К середине 30-х годов в стране в качестве «военных советников» находились уже 43 гитлеровских офицера⁵³, мало-помалу забравших в свои руки руководство армией Чан Кай-ши. Походы против китайской Красной армии проходили по их указанию, большой арсенал в Шанхае был передан в их управление. Даже начальником личной охраны Чан Кай-ши был сделан немецкий фашист — бывший вожак берлинских штурмовиков Стенес⁵⁴. В то же время китайская армия оснащалась германским оружием. Только в 1936 и 1937 гг. его было поставлено в Китай на 125 млн. марок, сумму немалую по тем временам. Взамен немцам было позволено вывозить из Китая ценное стратегическое сырье, в частности вольфрам. Им же были переданы особые права в богатейших провинциях Цзянсу и Юньнань⁵⁵. В сотрудничестве с ними намечалось строительство военной промышленности в самом Китае. В Нанкине делом управлял всемогущий гитлеровский посол в Китае Траутман.

Под руководством вермахта фактически возникал германо-китайский союз. Незадолго до второй мировой войны Китай стоял накануне дальнейшего сближения с третьим рейхом. Мир, занятый гитлеровскими авантюрами в Европе, почти не замечал, что происходило между Германией и Китаем, тем более что все делалось под покровом тайны. Несомненно, планы нацистов шли тогда очень далеко. Судя по всему, вермахт намеревался создать под командованием Чан Кай-ши, но на деле под своим собственным верховным руководством ударную китайскую армию и в критический момент войны в Европе бросить ее на Сибирь и советский Дальний Восток.

Только сделка Гитлера с Японией вслед за заключением «антикоминтерновского пакта» заставила германскую военщину накануне второй мировой войны прервать

⁴⁶ K. Heiden, Hiltler, Zürich, 1930, S. 133, 160, 169, 187, 202, 279.

⁴⁷ «Der Grosse Brockhaus», 1935. Bd. 20, S. 278.

⁴⁸ F. V. Rabenau. Seect. Leipzig, 1940, S. 675, 680—681, 701—702, 709.

⁴⁹ А. Губер. Германский империализм на Дальнем Востоке. М., 1942, стр. 17, 18—19.

⁵⁰ «Der Grosse Brockhaus». Bd. 3, 1953, S. 757.

⁵¹ J. W. Wheeler-Bennett, Nemesis of Power. London, N. Y. 1954, p. 81, 301, 817.

⁵² А. Губер. Германский империализм на Дальнем Востоке, М., 1972, стр. 18—19.

⁵³ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945». London, Series D., p. 854—855.

⁵⁴ Там же, стр. 852.

⁵⁵ Там же, стр. 834—835.

свой «китайский эксперимент». Считая, что квантунская армия Японии окажется для Германии более серьезным союзником, чем сомнительные войска чанкайшистов, Гитлер в конце 1938 г. сменил вехи и признал созданное японцами марионеточное правительство в Маньчжурии. Германский посол в Китае пытался посредничать между чанкайшистами и японцами, чтобы сохранить в лагере Германии и тех и других, но было уже поздно. Несмотря на протесты Нанкина, все германские военные советники были отозваны из Китая и поставки германского оружия прекращены. Чан Кай-ши был брошен рейхом на произвол судьбы. Известно, что генералы вермахта возражали против принятого в Берлине решения. Но Гитлер срочно менял ось Берлин — Пекин на ось Берлин — Токио, и позиции вермахта в Китае были сданы.

Гитлер ошибся в японском союзнике, просчитавшись в Азии так же, как в Европе. В германских военных кругах этот просчет был учтен. Китайский эксперимент Секта, Ветцеля и Фалькенгаузена забыт не был. В 50-х годах процесс переоценки азиатских стратегических ценностей в кабинетах реваншистской военщины возобновился. Старый союзник вермахта Чан Кай-ши был изгнан из материкового Китая. Но жив был Мао Цзэ-дун.

Ничего нового идея сговора с Китаем для реакционной германской военщины, таким образом, не представляла. У нее был долголетний «китайский опыт». Позиции на Дальнем Востоке, у азиатских границ Советского Союза, привлекали ее теперь, во всяком случае, не меньше, чем до войны. Мало того. Несомненно, что Мао Цзэ-дун казался ей столь же желанным союзником, каким когда-то был Чан Кай-ши.

То, что в Пекине теперь правили люди, называвшие себя «коммунистами», ничуть не меняло существа дела для реваншистских генералов. Слова и ярлыки их не интересовали. Уже заблаговременно им было очень хорошо известно, насколько фальшив и фиктивен был «коммунизм» маоистских националистов; это подтверждали китаеведы из азиатского отдела аденауэровского министерства иностранных дел и «Германо-китайского общества», подчеркивавшие в каждом открытом и закрытом выступлении, что марксизм для маоистов всего лишь дымовая завеса. Главной и решающей целью реваншистских стратегов было другое: ярый антисоветизм маоистов.

Свой интерес к КНР они, разумеется, не афишировали и, оглядываясь на натовское начальство, даже отрицали. Тем не менее ряд неопровержимых фактов указывал на то, что в этих кругах уже практически думали о возобновлении «китайского опыта».

В какой форме? О посылке немецких офицеров в качестве советников китайских генералов и о немецком контроле над китайскими штабами теперь, конечно, речи быть не могло. Китайская Народно-освободительная армия, в свое время учившаяся на опыте Советской Армии и получавшая советскую помощь, не нуждалась в инструкторах, тем более что соотношение сил после войны коренным образом изменилось. Другое дело — снабжение Китая важными военными материалами, строительство в Китае военных заводов и направление в Китай западногерманских специалистов по атомным и ракетным делам. И то, и другое, и третье происходило уже несколько лет подряд и форсировалось из года в год.

Совершенно ясно, что без ведома и одобрения руководства правой реваншистской военщины все это не могло бы иметь места. Достаточно отметить, что длительные командировки видных специалистов по атомному делу и ракетостроению на службу в чужие страны практикуются только по решению и с санкции высших политических и военных органов. Кто же из иностранных специалистов помогал в 60-е годы в налаживании производства оружия массового уничтожения в Китае?

В КНР об этом молчали, в ФРГ, как правило, не упоминали. Тем не менее время от времени в печати мелькали некоторые имена.

Назывались, например, такие известные лица, как бывший командир подразделения ракетных войск вермахта профессор Вольфганг Пильц и западногерманский строитель ракет среднего радиуса действия Бертольд Зелигер⁵⁶. Кто командировал их в Китай?

И тот и другой были по роду работы связаны с военными кругами. И тот и другой были нацистами или близки к ним. Нацистами были генералы и офицеры, стоявшие в 30-х годах за спиной Чан Кай-ши. Нацистами были генералы, которые после войны попытались восстановить вермахт. Здесь вновь действовали те же пружины. И здесь, как в реваншистской дипломатии, в гамбургском «китайском лобби» и в правлениях торговавших с Китаем западногерманских монополий, подлинной движущей силой, толкавшей к монтажу оси Берлин — Пекин, были старые гитлеровцы.

Ни для кого не секрет, какое значение в последнее время придают в маоистских кругах развитию атомной и ракетной промышленности в Китае. Огромные средства выделяются на это дело, все мыслимое делается для того, чтобы ускорить производство китайских водородных бомб и средств их доставки. Районов, где действуют или строятся такие предприятия, не было дозволено коснуться даже «куль-

⁵⁶ «Красная Звезда», 22.V.1969.

турной революции». Известно также, что главные усилия маоистской военщины направлены на создание китайской межконтинентальной ракеты с радиусом действия в 10 тыс. км и более. Нет нужды подчеркивать, что любая помощь маоистам в этом деле со стороны реваншистов была фактически равносильна наличию военного сговора между ними.

Сказать, какую форму этот сговор мог принять в дальнейшем, было трудно. Соединенные Штаты в то время еще тормозили сближение ФРГ с КНР, предпочитая сами играть в ту же игру. Открытый сговор с Пекином в любом случае откладывался реваншистами до того времени, когда проявились бы долгосрочные перспективы развития международных, в частности советско-американских, отношений. Помимо того, первоочередной внешнеполитической задачей в этих кругах по-прежнему считали создание большой западноевропейской системы под своим руководством.

Было совершенно очевидно, однако, что пекинские шовинисты уже стали рассчитывать на сотрудничество с западногерманскими реваншистами как в своих антисоветских замыслах, так и в планах намеченной ими агрессии в Юго-Восточной и Южной Азии. Кое у кого в Бонне эти стремления, очевидно, находили полное понимание. Не случайно, например, в официозе правых военных кругов ФРГ «Веркунде» в мае 1969 г. в статье «Глобальные перемены» появились такие многозначительные строки: «КНР как великую державу будут все больше и больше включать в сметы всех политических и стратегических расчетов»⁵⁷. Ясно, что это означало: и в сметы реваншистской военщины. Ударение слишком явно звучало на словах «стратегические расчеты». Автором статьи был депутат бундестага от партии ХДС/ХСС Х. Э. Ян, вице-председатель реваншистского Союза изгнанников, военный эксперт руководства ХДС/ХСС, а в прошлом — нацистский политический офицер, награжденный золотым знаком гитлеровской партии.

Во второй половине 20-х годов реакционная германская военщина была первой, которая откликнулась на призыв антисоветских сил в Китае. 10 лет спустя ей волею-неволею пришлось отказаться от альянса с китайскими милитаристами. В 50—60-х годах она стала думать о том, чтобы к нему вернуться. Надеясь, что в современной международной обстановке такой альянс даст ей то, что не дал союз Гитлера с Японией, она несомненно, хотя и скрытно, действовала в пользу сколачивания оси Бонн — Пекин.

Таковы некоторые факты, касающиеся истории отношений маоистов с германскими реваншистами в годы существования правого режима в ФРГ. Можно ли предположить, что связи между теми и другими в последние годы, в частности после падения правительства Кизингера — Штрауса, оборвались?

Нет. Факты убедительно говорят об обратном. Приход к власти в Бонне коалиции социал-демократов и свободных демократов ничего не изменил в стремлении маоистов к сговору с немецкими реваншистами.

В конце 1972 г. в Пекин по приглашению маоистских лидеров в сопровождении толпы журналистов приехал заместитель председателя партии ХДС Г. Шредер, бывший министр иностранных дел в правительстве Кизингера и когда-то член нацистской партии. Шредер был принят с подчеркнутой торжественностью. «Не составляет тайны, — писала в те дни близкая к социал-демократам западногерманская газета «Нойе Рейн-цайтунг», — что в ХДС/ХСС есть люди, которые хотели бы проводить восточную политику (политику ФРГ в отношении СССР и других социалистических стран в Европе. — Э. Г.) окольными путями, то есть через Китай»⁵⁸. Это относилось к мотивам, побудившим правые круги в ФРГ отправить в Пекин миссию Шредера. Мотивы же маоистов при этой встрече объясняла другая западногерманская газета, «Вестфелише рундшау»: «Визит Шредера был выгоден Пекину. Но китайцы заглядывают дальше. Они заинтересованы в том, чтобы... в Бонне правили не Социал-демократическая и Свободная демократическая партии, а ХДС/ХСС, которые, если бы им удалось вернуться к власти, стали бы соблюдать дистанцию по отношению к Восточной Европе, сделали бы упор на Западную Европу и стали бы искать связей с Китаем»⁵⁹.

Игра в четыре руки, таким образом, продолжалась, несмотря ни на что, и в 1972 г. Но тем дело не кончилось. Летом 1974 г. стало известно, что в Пекин приглашены еще два руководителя правого лагеря в ФРГ: председатель партии ХДС Г. Коль и глава баварских реакционеров Ф.-Й. Штраус, когда-то уже побывавший в Гонконге. Как сообщила тогда газета «Известия», «в Пекине стараются способствовать активизации реваншистских кругов в Западной Германии. По существу, китайское руководство выступает в поддержку тех сил, которые стоят за пересмотр итогов второй мировой войны, зафиксированных в известных международных документах»⁶⁰.

⁵⁷ «Wehrkunde». München, Mai, 1969, S. 230.

⁵⁸ Цит. по: «Известия», 20.VII.1972.

⁵⁹ Цит. по: «Правда», 6.VIII.1972.

⁶⁰ «Известия», 6.VII.1974.

Сомнений нет: маоисты и реваншисты по-прежнему рассчитывают друг на друга и только ждут своего часа. Недовольные политикой нынешнего правительства ФРГ, нормализовавшего отношения с СССР и социалистическими странами, пекинские лидеры тем более заинтересованы в сговоре с правой оппозицией на Рейне. Одним из доказательств тому, что контакт между этими двумя силами продолжается, и служит между прочим статья Ши Цзянь-биня «Пером Аденауэра».

Может возникнуть вопрос: почему в свое время солгал по поводу якобы сделанных ему в Москве в 1955 г. заявлений сам Аденауэр? Понять это нетрудно. Глава германских реваншистов стремился со своей стороны сделать все, чтобы натравить маоистов на СССР. Ясно и то, почему ложь Аденауэра столько лет спустя повторяется маоистами. История извращается ими, во-первых, для того, чтобы лишний раз очернить Советский Союз. Во-вторых, для того чтобы прикрыть действительно имевшие место в 50-х и 60-х годах тайные сделки маоистов с западногерманскими реакционерами. В-третьих, с той целью, чтобы заново подтвердить готовность Пекина к этому сговору. Все — для того, чтобы как-нибудь, любым способом, помешать разрядке в международных отношениях.

Ши Цзянь-бинь кончает свою статью словами: «Мы должны твердо придерживаться указаний председателя Мао о необходимости „готовиться к войне, готовиться к бедствиям... глубже рыть траншеи...“». Он прямо угрожает Советскому Союзу.

Но не Ши Цзянь-биню и таким, как он, говорить от имени китайского народа. Жизнь требовала, требует и будет требовать мира и дружбы между СССР и КНР. Книжки и статьи, написанные перьями лжецов, в этом ничего не изменят. Советский Союз ведет и будет вести политику, объявленную в Программе мира. Несмотря на интриги и выкрики пекинских лидеров, советский народ за сотрудничество с китайским народом, за коллективную безопасность в Азии.

ВОСПОМИНАНИЯ

Китайские мемуары

С. А. Далин

Предлагаемые вниманию читателя фрагменты из воспоминаний С. А. Далина относятся к тому периоду, когда в Китае были образованы и делали первые шаги коммунистическая партия и Социалистический союз молодежи.

Автор воспоминаний в 1921 г. был членом Дальневосточного секретариата Коминтерна, затем работал в восточном отделе Исполкома Коммунистического Интернационала молодежи. Ему довелось присутствовать на III и IV конгрессах Коминтерна, на II и III конгрессах КИМ, на съезде революционных организаций Дальнего Востока, на съезде революционной молодежи Дальнего Востока. Трижды он работал в Китае: в 1922 и 1924 гг. и в 1926—1927 гг. Он встречался с основателями КПК, Социалистического союза молодежи, участвовал в работе I съезда этого союза, вел переговоры с Сунь Ят-сеном, совершил переход из Кантона в Наньчан во время Северного похода. Словом, был свидетелем многих событий, вошедших в историю революционного движения в Китае тех лет.

Полностью воспоминания доктора экономических наук С. А. Далина будут опубликованы Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука».

I. Переворот в Кантоне

После поражения в войне с У Пэй-фу Чжан Цзо-лин вынужден был возвратиться из Северного Китая в Маньчжурию, за пределы Великой китайской стены. Он провозгласил независимость Маньчжурии и уже не претендовал теперь на Пекин и господство во всем Китае.

Военная победа У Пэй-фу означала усиление позиции английского и американского империализма в Китае и ослабление роли Японии.

Англия и США рассчитывали с помощью У Пэй-фу распространить свое господство на весь Китай, Стремясь привлечь на свою сторону общественное мнение, У Пэй-фу выдавал себя за либерала и широко пользовался демагогией. Он заговорил о гражданском мире, объединении страны, сокращении армии и созыве парламента. На буржуазию Центрального Китая эти заявления оказывали большое влияние. Пресса много писала о предстоящих реформах. У Пэй-фу говорил даже о своем согласии на созыв в Пекине старого парламента, того самого, который был собран Сунь Ят-сеном в Кантоне и который провозгласил его в 1921 г. президентом Китая. Распространялась версия, согласно которой У Пэй-фу подчинился бы, если этот парламента, собранный в Пекине, подтвердил избрание Сунь Ят-сена президентом.

Третьего июня 1922 г. я беседовал по этим вопросам с Сунь Ят-сеном. Он говорил, что заявления У Пэй-фу являются признанием преступления, выразившегося в свое время в разгоне парламента. Поэтому условием возвращения парламента в Пекин должно быть наказание виновников роспуска этого высшего законодательного органа оспублики, а также разоружение армии У Пэй-фу. Другим условием был пропуск воинских частей Сунь Ят-сена в Пекин. Все это должно было, по его словам, обеспечить нормальную работу парламента и служить гарантией того, что он не будет вновь разогнан. Что же касается повторного избрания парламентом президента, то Сунь Ят-сен отвергал это, поскольку он только недавно был избран на этот пост.

Между тем китайская буржуазная пресса продолжала свою кампанию в пользу У Пэй-фу, который теперь заговорил о социальных реформах и демократии. Это была чистейшая демагогия, при помощи которой иностранный империализм и крупная китайская буржуазия пытались выбить почву из-под ног Сунь Ят-сена и подготовить общественное мнение к свержению этого «нарушителя мира в Китае».

Кампания в прессе была настолько сильна, что 6 июня 1922 г. Сунь Ят-сен вынужден был выступить со специальной декларацией о положении в стране. В этом документе он описывал бедствия китайского народа от войн и междоусобиц, начавшихся в 1917 г., после незаконного роспуска парламента северными милитаристами. Он выражал надежду, что намерения У Пэй-фу окажутся искренними, и выдвигал ряд предложений и требований.

Прежде всего Сунь Ят-сен требовал наказания виновников роспуска и гарантий безопасности для парламента, о чем он говорил и в беседе со мной. Он предлагал реорганизовать армии милитаристов в трудовую армию, заменив орудия смерти орудиями труда с тем, чтобы солдаты работали по 6 или по 8 часов в день на строительстве дорог и других сооружений. Половина доходов от трудовой деятельности армии по предложению Сунь Ят-сена, должна была пойти в пользу государства, другую же половину следовало разделить поровну между рабочими-солдатами. «Таким образом, — говорилось в заявлении Сунь Ят-сена, — в самое короткое время дело войны превратится в дело труда. Солдаты не потеряют средств к существованию, и не будет места для отчаяния, при этом станет возможным колоссальное развитие производительных сил».

Одновременно Сунь Ят-сен предлагал создать национальную армию в 200—300 тыс. человек на основе всеобщей воинской повинности с продолжительностью службы в два года. «Если все эти меры будут проведены в жизнь, — заявлял Сунь Ят-сен, — то тем самым все находящиеся в Китае противозаконные военные группировки лишатся возможности опираться на свою собственную силу и тогда исчезнет опасность нового попражнения закона».

Армии У Пэй-фу, по предложению Сунь Ят-сена, должны были наполовину разоружиться и реорганизоваться в трудовую армию, что явилось бы доказательством мирных намерений У Пэй-фу.

На этих условиях Сунь Ят-сен обязывался отдать приказ по всей стране о прекращении военных действий, восстановить мир и сообща приступить к разработке плана восстановления порядка в Китае.

Понятно, что для милитариста У Пэй-фу и стоявших за его спиной империалистических держав эти условия были совершенно неприемлемыми. Как бы в ответ на эту декларацию У Пэй-фу назначил президентом вместо бежавшего в Тяньцзинь японофила Сюй Ши-чана отъявленного реакционера Ли Юань-хуна, бывшего заместителя диктатора Юань Ши-кая.

В Китае Ли Юань-хуна знали как безвольную личность, предателя республики и одного из виновников гражданской войны. В своем манифесте при вступлении на пост президента в Пекине он и сам признавал: «Я, Ли Юань-хун, во многом виноват перед парламентом».

10 июня 1922 г. бывший сподвижник Ли Юань-хуна, а теперь член кантонского правительства Го Тай-ци в специальном обращении к Ли Юань-хуну разоблачал его контрреволюционную роль после смерти Юань Ши-кая. Затем последовали декларации У Тин-фана и, наконец, заявление Сунь Ят-сена иностранным державам с требованием не признавать Ли Юань-хуна президентом.

Тем временем войска Сунь Ят-сена успешно продвигались вперед в провинции Цзянси, а английские империалисты тайно готовили вооруженный мятеж Чэнь Цзюн-мина в тылу армии Сунь Ят-сена.

У Пэй-фу опубликовал декларацию о том, что хочет мира, конституции и порядка в стране, а на самом деле связался с Чэнь Цзюн-мином, чтобы нанести удар Сунь Ят-сену. Агенты У Пэй-фу вели агитацию на Юге и уговаривали членов парламента, находившихся в Кантоне, возвратиться в Пекин.

В этой обстановке вспыхнула забастовка рабочих на соляных запрудах и скотоводческих фермах Юга. Рабочие требовали повышения заработной платы. Соль — государственная монополия — один из источников доходов правительства, бойни снабжали армию продовольствием. Сообщали, что хозяева пожертвовали крупные суммы «для нужд северной экспедиции» с тем, чтобы полиция стала на их сторону и подавила забастовку. Гай По-пин — начальник кантонской полиции, реакционер, взяточник, человек, который после переворота первый изменил Сунь Ят-сену, начал расправу с рабочими. Руководителей забастовки арестовывали, избивали в полиции, рабочие союзы закрылись.

Результатом расправы явилась солидарность всех рабочих союзов с забастовщиками. Кантон находился под угрозой всеобщей забастовки. Стаечное движение потеряло чисто экономический характер и вылилось в политическую борьбу: рабочие требовали убрать Гай По-пина.

Говорил я по этому поводу с Сунь Ят-сеном, обращал его внимание на опасность борьбы правительства против рабочих, доказывал необходимость союза гоминьдана с рабочими массами. Сунь Ят-сен молчал, а затем ответил мне, что ему ничего не известно об избияниях рабочих, что он выяснит это. Гай По-пин не был смещен. Все это вновь подорвало поддержку народных масс правительству Сунь Ят-сена, которая

вновь усилилась в связи с событиями в Макао. Действия Гай По-пина были выгодны Чэнь Цзюн-мину и У Пэй-фу.

В это время из Советской России вернулся в Кантон Чжан Цю-бо — член парламента, который был на съезде народов Дальнего Востока в Москве. Там мы с ним познакомились. Его немедленно принял Сунь Ят-сен. Чжан Цю-бо был в восторге от Советской России. Он рассказывал мне, что ведет здесь кампанию за союз китайского народа с Советской Россией, пишет книгу о своей поездке в Москву. Его информация оказала большое влияние на Сунь Ят-сена.

Во время очередной нашей встречи Сунь Ят-сен высказывал глубокое сожаление, что Гуандун находится так далеко от границ Советской России. Мы говорили недолго, успевшие встретиться в ближайшие дни. Больше мы уже не встречались.

В ночь с 15 на 16 июня 1922 г. я проснулся от оружейных выстрелов и ружейной перестрелки. Утром пытался выйти из дому, но меня предупредили, что в городе идут бои.

В ту ночь Чэнь Цзюн-мин своими войсками окружил Кантон и подверг бомбардировке дворец, в котором жил Сунь Ят-сен. Войска Чэнь Цзюн-мина вступили в город, не встречая особенного сопротивления, ибо армия Сунь Ят-сена находилась на Северном фронте. Сунь Ят-сену удалось бежать на оставшееся ему верным военное судно. Его жена и ближайший товарищ по работе Сун Цин-лин переделась жмой (няней) и скрылась в Шамяне. Там же скрывалась жена Ляо Чжун-кая, старого друга и соратника Сунь Ят-сена. Вскоре обе они уехали в Шанхай.

На следующий день часть города еще находилась в руках правительственных войск. На набережной шла перестрелка.

Я все же пробрался в Дуншань. Там, в квартире корреспондента Дальта Стояновича, царил переполох. Сунь Ят-сен обстреливал со своего военного судна позиции противника, и вот уже шесть снарядов разорвались в Дуншане, вблизи дома, где мы сейчас находились. Стекла дрожали и звенели.

Мы говорили о Сунь Ят-сене. Он допустил много ошибок, которые привели его к поражению. Мне часто приходилось спорить с ним о путях китайской революции, но это был спор с революционером, пережившим много поражений в своей борьбе, но никогда не падавшим духом, с человеком, который в полном смысле слова болел и страдал, глядя на свою родину, которую грабили китайские милитаристы и иностранные империалисты.

Он делал ошибки, они были порождены существовавшими тогда в Китае экономическими и общественными отношениями. Но Сунь Ят-сен всегда оставался революционером не только по существу своей деятельности, но и по всему своему духу, по своим субъективным качествам.

Теперь, в часы, когда мы говорили о Сунь Ят-сене, этот мужественный человек не поддавался панике. Он оказывал упорное сопротивление мятежникам. Находясь на своем военном судне, Сунь Ят-сен не покидал Кантона, продолжал бороться, бомбардировал войска Чэнь Цзюн-мина.

Уже стало темно. Я решил пересечь весь Кантон и пойти из Дуншаня в Шамянь, где жил в те дни. Город казался мертвым. На улицах были устроены баррикады из поленьев, которые можно было перешагнуть. У баррикад стояли солдаты. На каждом перекрестке — патруль в полной боевой готовности. Пулеметы. Это были части Чэнь Цзюн-мина. Откуда-то, как видно со стороны набережной, доносилась ружейная перестрелка.

Иду, и пока — благополучно. На непонятные окрики дозоров отвечаю «Шамина», предоставляя понять солдатам, что я иностранец, возможно даже англичанин.

Наконец в этой тьме кромешной добрался до широкой улицы, ведущей на набережную. Здесь уже хорошо слышалась перестрелка. Злобный окрик с военной заставы. Ничего, конечно, не понимаю, но знаю: спрашивают, кто идет? Кричу снова: «Шамина!» — не помогает, слышу щелчок затвора винтовки. Еще раз кричу: «Шамина!» — толку мало. Из дома, у которого я стоял, высунулась голова какого-то обывателя. Он посмотрел на меня и что-то крикнул. Тогда я увидел, что один из солдат куда-то побежал. Через минуту ко мне подошел чэньцзюнминовский офицер. В темноте быстро наступающей тропической ночи я едва разглядел его лицо, но хорошо заметил белые перчатки. Убедившись, что я иностранец, он отдал мне честь, улыбнулся, извинился (не знаю, за что) и на ломаном английском языке спросил меня, куда я иду. Я сказал ему о своем направлении. Он тотчас же приказал какому-то унтер-офицеру провести меня в Шамянь. Унтер через узенькие китайские улочки благополучно довел меня до мостика, ведущего на остров. Он не знал, что спустя несколько дней на улицах будут развешаны объявления Чэнь Цзюн-мина, обещающие награду в 20 тыс. юаней за мою голову.

На следующий день снова пошел в город. Все было наглухо закрыто и забито. Жители попрятались. На улицах одни лишь солдаты, заставы и караулы. Бросилось в глаза, что над всеми китайскими магазинами, расположенными на набережной, развешались английские, американские и японские флаги. Это объяснялось тем, что иму-

щество иностранцев в Китае подлежало особой охране. Купцы и предприниматели в Кантоне обратились к иностранным консулам за покровительством. За определенную мзду консулы выдавали разрешения водрузить над китайскими магазинами иностранные флаги, чтобы уберечь их от разгрома.

Но, не надеясь только на иностранные флаги, хозяева крупных магазинов оградили свои владения колючей проволокой, через которую был пропущен электрический ток. На проволоке — дощечка с черепом и перекрещенными костями. Надпись: «Смертельно».

Все же солдаты Чэнь Цзюнь-мина занимались грабежом. Грабили в узеньких улочках старого города. Для того чтобы обезопасить себя от грабежа, жители забаррикадировали входы в кварталы.

Вскоре я получил записку с просьбой срочно прибыть в Дуншань. Меня ждал здесь Евгений Чэн (Чэнь Ю-жэнь), ближайший друг Сунь Ят-сена, один из активных деятелей гоминьдана. До тех пор я не был с ним знаком, но слышал о нем, как о крупном китайском журналисте, получившем образование за границей и только что приехавшем из Англии.

Чэн скрывался сейчас в Дуншане и каждую ночь пробирался к Сунь Ят-сену на военное судно. Он рассказал мне подробности переворота, поддержанного У Пэй-фу и англичанами из Гонконга. Чэн интересовался моим отношением к перевороту. Нечего и говорить, что наши взгляды в этом вопросе целиком совпали. Я просил передать Сунь Ят-сену пожелания успеха в его борьбе.

Сунь Ят-сен через Чэна передал мне, что все документы, касавшиеся наших переговоров, он захватил с собою на судно. Меня поразило хладнокровие Сунь Ят-сена, который в момент неожиданного переворота, когда каждая минута промедления могла стоить ему жизни, не растерялся и захватил с собой те материалы, которые не должны были стать известны его противникам.

Мы расстались с Евгением Чэном, условившись о месте и времени наших дальнейших встреч.

Вскоре мы встретились снова. Сунь Ят-сен еще не терял надежды. Флот был ему верен. Он отдал приказ войскам, участвовавшим в северной экспедиции, возвратиться в Кантон к нему на помощь. Сейчас он ждал свою армию. Трагизм положения заключался в недостатке угля и продовольствия на судне. Успеют ли войска подойти к Кантону прежде, чем иссякнут запасы угля и риса, — вот вопрос, который волновал Сунь Ят-сена.

Между тем армия северной экспедиции, узнав, что Сунь Ят-сен потерпел поражение в Кантоне, быстро разлагалась. Наемники, прежде всего из числа командного состава, изменили президенту и переходили на сторону противника. Положение становилось более чем тяжелым. Сунь Ят-сен на своей канонерке отошел к острову Вампу. Продовольственный кризис удалось ликвидировать путем конфискации барж с рисом. Но угля не было. Сунь Ят-сен говорил, что будет бороться до последней капли крови.

Настроение в Кантоне было подавленное. В город вошла английская военная эскадра из Гонконга «для защиты жизни и имущества иностранцев». Сразу же раскрылся союз Чэнь Цзюнь-мина с английскими империалистами, против которых так единодушно боролся весь Кантон во время гонконгской забастовки моряков. Хозяйственная жизнь в городе была нарушена, предприятия закрыты, и прежде всего пострадали рабочие. Они лишились работы. Буржуазия начинала жаловаться, что Чэнь Цзюнь-мин мешает торговле. Уже на четвертый день после переворота обнаружилось недовольство населения и разочарование в Чэнь Цзюнь-мине.

В это время скончался У Тин-фан, один из видных деятелей революции 1911 г., а в самое последнее время — министр иностранных дел в правительстве Сунь Ят-сена. Не разделяя многих демократических идей Сунь Ят-сена, он все же не изменил ему в трудную минуту. Белый как лунь старик был так потрясен переворотом, что заболел и умер. Он был очень известной фигурой в Китае. Население Кантона считало Чэнь Цзюнь-мина виновником его смерти. Похороны У Тин-фана вылились в демонстрацию сочувствия Сунь Ят-сену, в протест против мятежа Чэнь Цзюнь-мина.

Члены иностранного консульского корпуса в полном составе были на похоронах У Тин-фана. Представители империалистических держав недаром отдали ему свой последний долг. Ведь он был первым, кто в дни революции 1911 г. по поручению Сунь Ят-сена обратился к державам с нотой, в которой заверял, что революция ни в какой мере не затронет интересов иностранцев. Чувствовалось, что вместе с У Тин-фаном они провозжали теперь в могилу и это заверение. Они словно чувствовали, что этот период китайской революции ушел в прошлое вместе со смертью У Тин-фана. Начался новый период революции — антиимпериалистический.

Мы снова встретились с Евгением Чэном. Он сообщил следующие слова Сунь Ят-сена, которые тот просил мне передать: «Много я думал в эти дни с судьбе китайской революции. Я разочаровался почти во всем, во что я раньше верил. И теперь я

убедился, что единственным действительным и искренним другом китайской революции является Советская Россия».

Сунь Ят-сен изъявил тогда желание поехать в Советскую Россию. Держаться на судне уже не было возможности, запасы угля кончались, помощи неоткуда было ждать.

Я сообщил тогда Сунь Ят-сену, что покидаю Кантон, и просил передать ему мою уверенность в том, что, несмотря на этот печальный эпизод, дело революции восторжествует.

Накануне своего отъезда я снова встретился с Евгением Чэнном. Сунь Ят-сен передал мне следующее:

— Если бы у меня не было возможности поехать в Советскую Россию, я теперь не уехал бы даже в Шанхай, а боролся здесь до конца своей жизни. Но я убедился, что Советская Россия является моим единственным другом даже в нужде. Я решил уехать в Шанхай и продолжать борьбу. В случае неудачи я уеду в Советскую Россию.

Тут же Евгений Чэн вручил мне письмо Сунь Ят-сена народному комиссару иностранных дел Г. В. Чичерину.

Письмо было написано наспех, на четвертушке бумаги, вырванной из ученической тетради. Сунь Ят-сен писал в нем, что я расскажу Чичерину о том положении, в котором сейчас он, Сунь Ят-сен, находится, что он не прекратит своей борьбы и просит передать свои дружеские чувства Ленину.

Так совершился великий поворот в мировоззрении Сунь Ят-сена. Он был вождем буржуазно-демократической революции, которой удалось свалить монархию, но не удалось вывести Китай на путь независимого капиталистического развития. Теперь в стране созрели новые движущие силы революции: рабочий класс, крестьянство, интеллигенция. Попытки добиться победы при помощи только наемных армий и милитаристских комбинаций уже не соответствовали новому соотношению социальных сил в Китае. Решающим для победы революции стало движение народных масс. Никакая комбинация из наемных милитаристов не могла привести к победе.

Стало очевидным, что нельзя рассматривать революцию только как военную борьбу, откладывая глубокие социальные реформы до полной военной победы. Революция могла победить при сочетании социальных реформ с военной борьбой против внутренней реакции и иностранного империализма. Военная борьба должна была опираться на движение народных масс.

Величие Сунь Ят-сена выразилось в том, что в конце своей жизни он увидел новые движущие силы китайской революции. Он понял, что без активного участия рабочего класса и крестьянства не может победить теперь буржуазно-демократическая революция. На закате своих дней он совершил переоценку ценностей. Сунь Ят-сен пошел на союз с Коммунистической партией Китая с тем, чтобы опереться отныне в своей борьбе на народные массы.

Сунь Ят-сен понял, что, после того как Октябрьская революция в России расколола старый мир на две противоположные социальные системы, иностранный империализм во всех колониях и полуколониях усилил свою помощь самым реакционным силам. Надежда на поддержку революции в Китае какой-либо иностранной империалистической державой превратилась в иллюзию, жертвой которой стал теперь он сам. Советская Россия оказалась единственной силой, которая поддерживала китайскую революцию. Сунь Ят-сен увидел, что в лице Советской России китайский народ имеет подлинного друга и союзника.

Наступил час прощания с Евгением Чэнном. Мы крепко пожали друг другу руки и расстались. Я уехал в Шанхай, где встретился с руководством коммунистической партии и Социалистического союза молодежи. Я информировал их о положении в Кантоне, о роли Чэн Гун-бо и его компании во время контрреволюционного переворота в Кантоне. Мы обменялись мнениями по всем этим вопросам.

Из Шанхая я уехал в Пекин, где из газет узнал, что Сунь Ят-сен прибыл в Шанхай.

2. Пленум ЦК Социалистического союза молодежи. Конфликт с Мао Цзэ-дуном

Во Владивосток я приехал в середине февраля 1924 г. Красивый город расположен амфитеатром на сопках вокруг бухты Золотой Рог. Порт — незамерзающий, и после суровых московских морозов удивляли бушующие у мола морские волны. К тому времени переговоры о признании Англией Советского Союза и установлении дипломатических отношений между двумя странами настолько продвинулись вперед, что сюда уже регулярно заходили пароходы под английским флагом.

Во Владивостоке жило тогда довольно много китайских торговцев, а также рабочих, приезжавших на заработки. Еще больше было корейских эмигрантов. Суще-

вали корейские партийная и комсомольская организации. Для местных китайцев и корейцев издавались газеты и брошюры на корейском и китайском языках. Они проникали различными путями в Корею и Китай.

Встретил здесь Те Хуна, который был теперь представителем ИККИМ по Корее. Групповая борьба в корейской эмиграции продолжалась, и это обстоятельство было большим препятствием для развертывания революционного движения в Корее. В конце февраля во Владивостоке состоялась встреча представителей всех течений и групп в революционном движении молодежи Кореи. Удалось наконец договориться об объединении, и совещание единогласно приняло соответствующие решения. Коминтерн ориентировался главным образом на революционные организации внутри Кореи, что в значительной степени оздоровило обстановку и способствовало сплочению революционного движения в стране.

Незадолго до моего приезда во Владивостоке побывал представитель ЦК Социалистического союза молодежи Китая Пу Ши-цзи (Пролетариев)¹. Здесь он договорился с уполномоченным Коминтерна молодежи во Владивостоке Я. Цитовичем о создании в Китае гоминьдановского союза молодежи. Сам факт постановки такого вопроса говорил о происходивших переменах в Китае. Если до сих пор приходилось убеждать китайских товарищей в необходимости блока с гоминьданом, то теперь, после всекитайского съезда этой партии в январе 1924 г. в Кантоне, появилась тенденция противоположного порядка — отказа от политической самостоятельности.

Пленум ЦК Социалистического союза молодежи Китая должен был состояться во второй половине марта. Надо было спешить. 3 марта я выехал на английском пароходе в Шанхай. Пароход вместимостью 2 тыс. т был загружен круглым лесом. Море было бурным, и до Шанхая мы плыли пять суток.

Хотя в Шанхае я уже был старожилом, но без помощи С. Л. Вильде трудно было обойтись. Он работал бухгалтером в шанхайской конторе Центросоюза. Хорошо знал Шанхай и многих его жителей, сочувствовавших Советской России, знал китайских коммунистов — некоторые из них работали в конторе Центросоюза. Я подружился с С. Л. Вильде еще в первый свой приезд в 1922 г., и теперь мы встретились с ним как старые друзья. С его помощью я быстро устроился в одном семейном пансионате.

Прошло полтора года после моей первой поездки в Китай. За это время Социалистический союз молодежи добился больших успехов. Усилилось его влияние на студенческие организации, которые поддерживали теперь контакт с рабочими союзами. Во время забастовки рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги студенческие объединения в Чаньчжоу, Ханькоу и других городах организовали сбор денег в пользу бастующих. Когда весть о расстреле бастующих рабочих пришла в Пекин, она вызвала взрыв негодования в среде пекинского студенчества. На митинге студентов была принята резолюция протеста. Редакция студенческой газеты перешла в руки Социалистического союза молодежи.

Вскоре состоялась студенческая демонстрация, на которую напала полиция. В результате побоища 500 студентов были избиты, из них 80 человек оказались тяжелоранеными. Несколько студентов умерли в больнице в результате тяжелых ранений, что вызвало волнения уже во всем Китае. Был созван Всекитайский съезд студенческих союзов, который принял резолюцию, направленную против иностранного империализма и китайских милитаристов. Съезд проходил на территории французской концессии в Шанхае и после принятия антиимпериалистической резолюции был разогнан французской полицией. Решено было перенести заседания в Кантон. Там в августе 1923 г. продолжались заседания студенческого съезда.

Прежде студенческое движение было направлено в основном против Японии. Теперь все иностранные державы были «уравнены в правах» — говорилось о борьбе с господством иностранного империализма в целом. Соединенные Штаты Америки, которые в 1919 г. противопоставлялись Японии и назывались «другом Китая», ныне на кантонском съезде студенческих союзов были заклеены как «смертельный враг китайской свободы». Все это говорило о полевении студенческого движения.

Вскоре после расстрела рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги и кровавого подавления студенческой демонстрации в Пекине антиимпериалистическое движение вспыхнуло с новой силой в связи с так называемым «линьчэнским инцидентом».

Излюбленным приемом империалистических держав в Китае были провокации с

¹ Пу Ши-цзи учился в Москве. Здесь он выбрал себе псевдоним — Пролетариев. Изучил русский язык, на котором довольно свободно говорил. Был руководящим комсомольским и партийным работником. На IV конгрессе Коминтерна молодежи в 1924 г. был избран в состав президиума. Позже учился в Университете им. Сунь Ят-сена в Москве. Затем вернулся в Китай. В 1936 г. был арестован чанкайшистскими властями. Купил себе свободу предательством. В 60-х годах одно время был министром иностранных дел в правительстве Чан Кай-ши на Тайване.

целью создания поводов для военной интервенции. Наемные убийцы, подобранные в среде китайских бандитов, убивали какого-нибудь иностранца. За этим обычно следовал ввод иностранных войск для «защиты жизни и имущества иностранцев». В «линчэнском инциденте» нетрудно было разглядеть знакомый почерк империалистических держав. Китайские бандиты напали недалеко от станции Линьчэн на пассажирский поезд и увели с собой нескольких иностранцев. В августе 1923 г. державы потребовали установления своего контроля и своей охраны на всех железных дорогах в Китае.

В ответ на это пекинский студенческий союз от имени 35 тыс. студентов обратился с воззванием «К народам всего мира, к рабочему классу Англии, Франции, Японии, Америки, Италии, Голландии и других стран, к Советской России, Германии, ко всем другим нациям, угнетенным мировым капитализмом».

В этом воззвании, рассказав о хозяйничанье империалистических держав, о хаосе, который они создали в Китае, студенты писали: «Пекинский студенческий союз открыто и прямо заявляет, что только империалисты и поддерживаемые ими милитаристы ответственны за линчэнский инцидент. Что касается народа, то он не обязан брать на себя какую-либо ответственность. Если кто-либо скажет, что китайский народ должен быть ответственным за все, мы заявим, что народ ответствен только за то, что до сих пор он еще не уничтожил главную причину своих страданий и китайского хаоса — империалистов и их орудие — милитаристов».

Обращение к рабочему классу всего мира, к Советской России, к угнетенным народам, обвинение, брошенное не только японским, но всем империалистам, а также внутренней реакции, показывает, какой большой шаг вперед сделало студенческое движение по сравнению с 1919 г.

Усиление антиимпериалистического движения сопровождалось кампанией за признание пекинским правительством Советского Союза. Это стало одним из основных требований студенческого движения с конца 1923 до середины 1924 г., когда были наконец установлены дипломатические отношения между Москвой и Пекином.

Наряду с этим начался процесс классового расслоения внутри студенчества: буржуазная его часть, а также студенты, вышедшие из среды богатых крестьян и шэншши, отходили от национально-революционного движения. Руководство студенческим движением перешло в руки коммунистической партии и Социалистического союза молодежи. Одновременно из союза уходили неустойчивые мелкобуржуазные элементы. Численность его ко времени второго съезда в августе 1923 г. сократилась на 500 членов и составила теперь 2,5 тыс. человек.

После II съезда Социалистического союза молодежи усилилась работа союза среди рабочей и крестьянской молодежи. Вместо одной газеты «Пионер» стали издаваться три центральных органа: «Бюллетень», рассчитанный главным образом на членов союза, «Китайская молодежь», предназначенный главным образом для студенчества, и «Молодой рабочий», само название которого говорит о его назначении.

Социалистический союз молодежи принимал активное участие в забастовочном движении. Там, где не было партийных организаций, союз зачастую руководил стачками и организовывал рабочие союзы.

В некоторых провинциях социалистические организации молодежи приняли активное участие в создании крестьянских союзов. Так было в Хунани, где был организован Союз трудового крестьянства. Подобная же организация была создана в Гуандуне.

Таким образом, работа Социалистического союза молодежи продвигалась вперед во всех направлениях. Однако и в 1924 г. он объединял еще главным образом студентов. Именно они руководили всеми организациями союза сверху донизу.

Изменение ориентации гоминьдана, происшедшее под руководством Сунь Ят-сена, реорганизация этой партии на основе новой программы, переход от чисто военных операций к работе среди народных масс, усиление антиимпериалистического движения, образование единого национально-революционного фронта поставили перед Социалистическим союзом молодежи новые задачи. Для их обсуждения и был созван пленум Центрального Комитета союза в Шанхае в конце марта 1924 г.

Заседания пленума происходили на территории международного (фактически английского) селтльмента в типично китайских кварталах в районе Норт Сычуань род. В лабиринте китайских улочек трудно было найти здание, в котором проходил пленум. Поэтому в условленном месте меня встречал кто-либо из знакомых китайских товарищей, и я следовал за ним на расстоянии нескольких метров. Наконец — нужный дом, второй этаж, сравнительно большая комната, на столах тушь, кисточки, желтоватая тонкая бумага для письма.

Здороваемся, знакомлюсь с представителем ЦК партии Мао Цзэ-дуном. Сразу бросается в глаза его высокий рост, полнота, розовые щеки, а главное — шелковый светло-серого цвета халат. Все остальные были в обычных синих хлопчатобумажных халатах.

На этом пленуме я выступил с докладом о задачах союза. Еще до начала пленума в органе ЦК союза была напечатана моя статья о работе среди рабочей молодежи. Участникам пленума был роздан переведенный на китайский язык проект тезисов, которые тогда принимались вместо резолюций. Сохранился и полный текст моего доклада, что дает возможность привести здесь его основное содержание².

В докладе говорилось, что, несмотря на большие успехи в работе, Социалистический союз молодежи еще не превратился в массовую организацию рабочей и крестьянской молодежи и состоит главным образом из студентов. Объяснялось это тем, что союз выступал с лозунгами общенационального характера, поскольку ближайшей задачей является освобождение Китая от гнета иностранного империализма и демократизация общественного строя. Это задачи буржуазно-демократической революции. Нельзя перепрыгивать через этапы исторического развития, и совершенно очевидно, что на данном этапе союз не может выступать с лозунгами диктатуры пролетариата и социализма. Общеполитическая деятельность союза отодвинула на второй план работу, направленную на защиту интересов рабочей и крестьянской молодежи. Общенациональные же лозунги привлекли в союз прежде всего студенческую молодежь. Однако Социалистический союз молодежи является классовой организацией, стоящей на позициях пролетариата и борющейся за его интересы. Отсюда следует, что он должен состоять главным образом из рабочей и крестьянской молодежи. Для достижения этой цели нужно, по-видимому, создать массовые организации рабочей и крестьянской молодежи, внутри которых работал бы Социалистический союз молодежи.

В своем докладе я говорил об имевшем место разговоре во Владивостоке, где мы обсуждали с китайскими товарищами вопрос о массовой организации молодежи. Мое мнение сводилось к тому, что следовало бы создать союзы рабочей и крестьянской молодежи. Другие товарищи предлагали организовать гомиьндановский союз молодежи. Я был противником этого предложения, полагая, что если до сих пор Социалистический союз молодежи не смог привлечь в свои ряды рабочую и крестьянскую молодежь, то тем более этого не сможет сделать гомиьндановский союз молодежи.

Социалистический союз молодежи еще не имеет опыта работы среди молодых рабочих и крестьян. Поэтому рано решать вопрос о названии массовой организации молодежи. Можно лишь говорить об основных ее принципах. Что касается рабочей молодежи, то следовало бы начать работу с ней путем создания кружков или клубов. В деревнях же следует организовать союзы крестьянской молодежи. Главное — это найти такие методы работы, которые могли бы заинтересовать рабочую молодежь и привлечь ее в организацию. Не следовало пренебрегать и теми методами, которыми пользуется Христианский союз молодых людей. На первом месте стоит культурно-просветительная работа. Мы также должны вести такую работу, читать научно-популярные лекции для молодых рабочих и крестьян, помогать им в деле самообразования, заниматься ликвидацией неграмотности.

Однако, говорил я, следует учесть, что «чистой культуры», оторванной от политики, не существует. Мы включаем в нашу культурную работу и политику, свою политику. Эти основные принципы нашей культурно-просветительской работы никогда не следует забывать, иначе союз превратится в организацию, которую нельзя будет отличить от буржуазных и пацифистских.

Культурно-просветительную работу следует сочетать с борьбой за улучшение экономического положения рабочей молодежи, за сокращение рабочего дня, за установление еженедельного выходного дня, за повышение заработной платы. Необходимо вовлечь рабочую молодежь в профессиональные союзы, вести политическую работу в духе классовой борьбы.

В деревне существуют свои проблемы, которые волнуют крестьянскую молодежь, но на переднем плане здесь стоят общие вопросы: борьба за улучшение положения безземельных крестьян, за снижение арендной платы, за уменьшение налогов, за отмену лицензий, то есть внутренних таможенных поборов в каждой провинции, в каждом уезде.

Создавая кружки рабочей молодежи, союзы крестьянской молодежи в городах и деревнях, не следует спешить с централизацией этих организаций в национальном масштабе. Сначала нужно научиться работать среди этой молодежи, уметь привлечь ее на сторону союза, создавая низовые организации. Лишь после этого можно будет созвать соответствующие съезды, сформировать единую массовую революционную организацию в масштабе всей страны и дать ей определенное название.

² В 1957 г. он был издан на китайском языке в книге: «Материалы по истории движения молодежи в Китае». Т. I, 1915—1924 гг. Издание Новодемократического союза молодежи Китая. Пекин, 1957, стр. 477—484.

Организация кружков или клубов рабочей молодежи, союзов крестьянской молодежи должна быть делом Социалистического союза молодежи. Ему должно принадлежать руководство этими организациями.

Решительный поворот Социалистического союза молодежи лицом к молодым рабочим и крестьянам отнюдь не означает прекращения работы среди студенчества. Ее необходимо продолжать, однако в центре внимания должна быть работа среди рабочей и крестьянской молодежи.

Было бы хорошо, если бы гоминьдан поддержал усилия союза в создании массовых организаций, однако следует стремиться к тому, чтобы клубы или кружки рабочей молодежи, союзы крестьянской молодежи находились всецело под коммунистическим влиянием.

Ныне, продолжал я, во весь рост практически встал вопрос об отношениях с гоминьданом. На своем январском съезде в Кантоне эта партия приняла некоторые принципы, которые совпадают с коммунистическими. В этих случаях ведется совместная пропаганда. Однако гораздо сложнее обстоит в тех случаях, когда принципы Социалистического союза молодежи расходятся с принципами гоминьдана.

Некоторые товарищи ошибочно считают, что в этом случае молодежь не должна пропагандировать собственные взгляды. Но это означало бы отход от коммунизма, и на это идти нельзя. В этих случаях следует быть осторожными.

В ближайшие годы предстоит двигаться вперед вместе с гоминьданом. После победы национальной революции пути коммунистической партии и гоминьдана разойдутся. До победы предстоит бороться вместе со всеми национально-революционными организациями. Это следует иметь в виду и не раскалывать единый национально-революционный фронт. Но одновременно нельзя забывать своих принципов, нельзя от них отказываться при любых обстоятельствах, даже тогда, когда они расходятся с принципами гоминьдана.

Мой доклад вызвал оживленный обмен мнениями, перешедший в полемику после выступления Мао Цзэ-дуна. Следует подчеркнуть, что в своем докладе я исходил из решений IV конгресса Коминтерна по восточному вопросу, решений III конгресса Коминтерна молодежи, директив ИККИМ. Разумеется, лично я целиком и полностью разделял эти решения и директивы, принимал активное участие в их разработке. Было также известно, что III съезд Коммунистической партии Китая и II съезд Социалистического союза молодежи присоединились к решениям Коминтерна. Между тем выступление члена ЦК партии Мао Цзэ-дуна шло вразрез с этими решениями.

В своем выступлении, ссылаясь на новые «три принципа», Мао Цзэ-дун утверждал, что гоминьдан является революционной рабочей партией, которая должна быть принята в Коммунистический Интернационал. Достаточно сказать, что сам гоминьдан на своем съезде в январе 1924 г. даже словом не заикнулся о принятии его в Коминтерн. По уставу Коминтерна в каждой стране могла существовать только одна коммунистическая партия. Принятие гоминьдана в Коминтерн означало бы признание ее коммунистической партией и ликвидацию той партии, членом ЦК которой являлся Мао Цзэ-дун.

Мао Цзэ-дун решительно выступил против классового подхода к китайскому крестьянству, против выдвижения лозунгов, которые противопоставляют одну часть крестьянства (безземельных арендаторов) другой — богатой части. Он трактовал все крестьянство, и арендаторов, и земельных собственников, больших и малых, как единый класс, противостоящий капитализму и иностранному империализму.

И наконец, в своем выступлении Мао Цзэ-дун ничего не сказал по центральному вопросу пленума — о работе среди рабочей молодежи.

После речи Мао Цзэ-дуна все участники решили выступить. Пленум затянулся на несколько дней.

Под непосредственным впечатлением этого пленума я написал письмо Г. Войтинскому. Он должен был выехать в Китай одновременно со мной, но дела задержали его в Москве. Мы договорились встретиться во Владивостоке. Однако и этого не удалось сделать. Я не мог его ждать, ибо в Шанхае на определенный день была назначена встреча с японскими комсомольцами. Эту встречу уже невозможно было отложить, и поэтому я должен был, не дождавшись Войтинского, выехать в Шанхай.

Теперь, после пленума, я воспользовался оказией и написал ему письмо.

Письмо это было написано наспех, карандашом. Было уже поздно, а утром уезжал товарищ, который должен был доставить его по назначению. Оно сохранилось, привожу здесь дословные выдержки из этого письма.

«Шанхай, 30 марта 1924 г.

Дорогой Григорий!

Сегодня пленум ЦК молодежи закончился. (Далее я писал о причинах, по которым не могу ждать его в Шанхае и должен уехать в Москву. — С. Д.) Тебе бы здесь не помешало поработать до самого конгресса (имеется в виду V конгресс Коминтерна. — С. Д.)... ты услышишь здесь от секретаря ЦК Мао (не иначе как ставленник Ма-

ринга³) такие вещи, что у тебя волосы дыбом встанут. Как, например, гоминьдан есть и был и является пролетарской партией и должен быть признан Коминтерном как его секция. По крестьянскому вопросу — классовую линию нужно бросить, среди бедного крестьянства нечего делать, нужно связаться с помещиками и чиновниками (шэньши) и т. д. Этот тип был представителем партии в Социалистическом союзе молодежи, и эту точку зрения он настойчиво, но, к счастью, безуспешно пытался проводить на пленуме союза. Я послал письмо в ЦК партии с просьбой назначить нового представителя».

Такова была политическая физиономия Мао Цзэ-дуна в начале 1924 г. Его позицию еще можно было бы понять, если бы дело происходило в 1919 г., еще до создания КПК, во время «движения 4 мая», участником которого был и Мао Цзэ-дун. Но это говорилось пять лет спустя после «4 мая», после I, II и III съездов Коммунистической партии Китая!

Больше Мао Цзэ-дун не представлял Центральный Комитет коммунистической партии в Центральном Комитете Коммунистического союза молодежи⁴.

Вскоре Мао Цзэ-дун был командирован ЦК партии в Кантон для работы в гоминьдане. Рабочим движением в те годы он не занимался.

В начале апреля 1924 г. я уехал из Китая и к маю был уже в Москве.

В июне 1924 г. проходил V конгресс Коминтерна. По его окончании с 15 по 25 июля состоялся IV конгресс Коммунистического Интернационала молодежи. На этом конгрессе снова обсуждался вопрос о работе на Востоке. Было принято решение о создании в колониальных странах, помимо комсомола, особых массовых национально-революционных организаций молодежи, которые должны работать под руководством коммунистических союзов молодежи. Это решение подтверждало ту директиву, которую я получил в ИККИМ перед своим отъездом на пленум ЦК Социалистического союза молодежи Китая.

На IV конгрессе Коминтерна молодежи в прениях выступил Чжан Тай-лэй. Говоря о необходимости активного участия комсомола в национально-революционном движении, он подчеркнул важность сохранения комсомола в колониальных и полуколониальных странах как самостоятельной организации. Чжан Тай-лэй всегда стоял на позициях Коминтерна. По образу своего мышления, по всему своему духу он был подлинным интернационалистом.

Эпизод с Мао Цзэ-дуном на пленуме ЦК Социалистического союза молодежи, его позиция по отношению к гоминьдану были не случайным явлением. После съезда этой партии и ее переориентации некоторые китайские коммунисты в свою очередь переориентировались. Прежде приходилось бороться с группой Чжан Го-тао, которая трактовала гоминьдан как реакционную силу. Теперь возникла противоположная крайность — кое-кто считал эту партию настолько революционной, что требовал принятия ее в Коминтерн.

Позже Мао Цзэ-дун обвинил Чэнь Ду-сю в правом уклоне за его отношение к гоминьдану. Но первым представителем этого уклона был сам Мао Цзэ-дун.

³ Маринг — голландский социал-демократ, работавший одно время в Голландской Индии (ныне — Индонезия). Настоящая его фамилия Н. Снифлит. Примыкал к левой группе, присоединившейся к Коминтерну. На II конгрессе Коммунистического Интернационала принимал участие в работе комиссии по колониальному и национальному вопросам. Маринг был представителем Исполкома Коминтерна на I и III съездах Коммунистической партии Китая в 1921 и 1923 гг. Он считал, что в колониальных и полуколониальных странах Коминтерн должен ориентироваться не на коммунистические партии, а на буржуазно-националистические и даже религиозные организации, как, например, Сарикат-Ислам в Голландской Индии. В Китае, по его мнению, следовало опираться на гоминьдан. Он считал Коммунистическую партию Китая преждевременно созданной организацией, не имеющей социально-экономических корней. Против этой точки зрения мы вместе с Войтинским выступали.

В 1927 г. Маринг порвал с Коминтерном и примкнул к троцкистам.

⁴ В 1925 г. на III съезде Социалистического союза молодежи было принято решение о переименовании союза в Коммунистический.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Китайские записки» Отто Брауна

Среди книг, разоблачающих маонизм и маонистскую фальсификацию истории китайского революционного движения, а также показывающих истоки и конкретные исторические условия формирования этого анти-марксистского мелкобуржуазно-националистического течения в Коммунистической партии Китая, несомненный интерес представляют воспоминания Отто Брауна «Китайские записки (1932—1939)»¹. Они опубликованы в конце 1973 г. в Германской Демократической Республике и выходят в свет в переводе на русский язык в Советском Союзе.

Недавно скончавшийся автор воспоминаний — ветеран рабочего и коммунистического движения, немецкий коммунист-интернационалист Отто Браун (он же Карл Вагнер, Ли Дэ, Хуа Фу) находился в Китае семь лет, с 1932 по 1939 г., и принимал непосредственное участие в вооруженной борьбе китайских коммунистов против объединенных сил внутренней и внешней реакции, за национальное и социальное освобождение Китая. Он был направлен в Китай Исполкомом Коминтерна по просьбе руководства Коммунистической партии Китая и являлся военным советником непосредственно при Центральном Комитете КПК и командований китайской Красной армии.

До того, как Отто Браун оказался в Китае, он прошел славный и героический путь революционной борьбы в рядах немецкого рабочего класса. В апреле 1919 г., будучи 19-летним юношей, сражался на баррикадах Баварской советской республики, в 20-х годах, выполняя ответственные задания Коммунистической партии Германии, неоднократно подвергался арестам и тюремным заключениям.

В 1928 г., после побега из знаменитой Моабитской тюрьмы², Отто Браун по решению ЦК КПГ выехал в Советский Союз, где знакомился с революционным опытом большевистской партии и военным делом. Военными вопросами, опытом и уроками боев немецкого и зарубежного пролетариата Отто Браун интересовался и раньше, нахо-

дясь на партийной работе в Германии. Поэтому не случайно Отто Браун был направлен в Китай на работу в качестве военного советника при ЦК КПК.

Когда Отто Браун в 1932 г. прибыл в Китай, в стране шли ожесточенные классовые бои, продолжалась гражданская война и одновременно расширялась интервенция японского империализма. Несмотря на угрозу колониального порабощения со стороны империалистической Японии, гоминьдановская реакция, возглавляемая Чан Кай-ши, при поддержке империалистических держав, США, Англии, Германии, Франции и других, продолжала предпринимать один карательный поход за другим против созданных КПК советских районов и Красной армии Китая, поставив перед собой задачу полной их ликвидации. Совместно с руководством КПК и китайской Красной армии Отто Браун разрабатывал и осуществлял военно-оперативные мероприятия, направленные на срыв этих усилий.

«Ли Дэ, — пишет промаонистски настроенный американский журналист и писатель Эдгар Сноу. — был исключительно талантливым военным тактиком и стратегом. Он отличился в рядах германской армии во время первой мировой войны, а позднее был командиром в Красной Армии в России и учился в первой академии Красной Армии в Москве. Поскольку он был немцем, красные с вниманием прислушивались к его анализу стратегии и тактики, которую немецкие советники рекомендовали генералиссимусу Чан Кай-ши. Последующие события подтвердили правильность такого отношения. Когда нанкинские генералы нашли некоторые работы Ли Дэ, в которых он объяснял их тактику, они с удивлением признавали, что он в точности предвосхищал каждый этап их наступления»³.

Верный принципам пролетарского интернационализма, Отто Браун помогал руководству КПК и китайской Красной армии в разработке тактики, стратегии и военно-оперативных мероприятий, в организации боевых действий китайской Красной армии, в укреплении и повышении ее боеспособности, в подготовке командного состава и т. п. Он был инициатором создания военной академии китайской Красной армии и многое сделал для организации и налаживания учебного процесса.

Вместе с китайскими коммунистами Отто Браун прошел славный и героический путь от Шанхая, где в то время находился боевой штаб китайской революции — Центральный Комитет Коммунистической партии Китая, — до столицы красного Китая, города

¹ Otto Braun, *Chinesische Aufzeichnungen (1932—1939)*. Berlin, Dietz Verlag, 1973, 390 S.

² См.: Отто Браун, *Моабит*. М., 1929, 31 стр.

³ Edgar Snow, *Red Star over China*. N. Y., 1961, p. 419—420.

Жуйцзинь (провинция Цзянси) и от Жуйцзиня до Яньани (провинция Шэньси). Он был единственным иностранцем, участвовавшим в Великом походе китайской Красной армии, пройдя вместе с ней с боями около 10 тыс. км с Юга на Северо-Запад Китая.

Находясь в гуще революционных событий и выполняя функции военного советника при ЦК КПК до момента образования единого национального антияпонского фронта КПК и гоминьдана в 1937 г., Отто Браун непосредственно и повседневно общался с видными руководителями КПК и китайской Красной армии, в том числе с Мао Цзэ-дун и его сторонниками, присутствовал на многих заседаниях Реввоенсовета, Политбюро и Секретариата ЦК КПК, в частности на известном совещании Политбюро ЦК КПК в Цзуньи в январе 1935 г., на котором Мао Цзэ-дун сделал первые шаги к захвату руководства в партии и армии. Отто Браун был очевидцем и участником многих важнейших исторических событий, которые имели место в тот крайне трудный и сложный период китайской революции. Он многое увидел и узнал за время своего семилетнего пребывания на революционных дорогах Китая. Это и легло в основу его книги воспоминаний «Китайские записки (1932—1939)». Личные впечатления и наблюдения подкреплены автором документальными и другими данными. Это придает «Китайским запискам» высокую степень достоверности и убедительности.

«Китайские записки» Отто Брауна состоят из пяти больших глав: «Исходный пункт Шанхай» (1932—1933), «В центральном советском районе» (1933—1934), «Великий поход» (1934—1935), «Переходный этап в Шэньси-Ганьсу-Нинся» (1935—1937), «Первые годы антияпонской войны» (1937—1939). Этап за этапом прослеживает автор в «Китайских записках» героическую борьбу китайских коммунистов и их вооруженных сил против внутренних и внешних врагов, за национальное и социальное освобождение китайского народа, за победу народной революции. Он правдиво освещает деятельность КПК, крайне сложную и трудную обстановку, в которой проходила эта деятельность, успехи и отдельные неудачи и ошибки КПК; много внимания автор уделяет разногласиям в руководстве КПК, в котором не было единства и шла скрытая внутрипартийная борьба. Автор дает кратко, но довольно ярко характеристики отдельным руководителям КПК и китайской Красной армии, с которыми он работал и которых лично знал (Бо Гу, Ло Фу, Чжоу Энь-лай, Мао Цзэ-дун, Ван Цзя-сян, Сян Ин, Чжу Дэ, Пэн Дэ-хуай, Линь Бяо и др.). Ясная память, хорошая марксистско-ленинская подготовка и богатый революционный опыт помогли автору воссоздать яркую и правдивую картину важнейших событий тех дней, очевидцем и участником которых он был.

Интересно написанные и в целом соответствующие историческим фактам, «Китайские записки» Отто Брауна представляют

большой интерес в научном и политическом отношении. Это в определенном смысле уникальная книга; она воссоздает яркую и живую картину событий тех дней и героической борьбы китайских коммунистов на том историческом этапе. В книге содержится много малоизвестных или вообще неизвестных данных о наиболее важных исторических событиях того периода. Размышления над фактами, свидетелем которых автору пришлось быть, отличаются пронзительностью и глубиной.

Правдиво излагая исторические события и факты тех дней в их динамике и противоречивости, Отто Браун тем самым восстанавливает многие страницы подлинной истории Коммунистической партии Китая и китайского революционного движения в тот исторический период и аргументированно разоблачает маоистских фальсификаторов, которые, как известно, полностью извратили историю КПК и китайского революционного движения в угоду Мао Цзэ-дуну.

Как бывший военный советник при ЦК КПК, Отто Браун, естественно, значительное место в своих «Записках» отводит военным вопросам, деятельности КПК в военной области, вооруженным силам КПК, их организации, структуре, подготовке, анализу боевых действий и т. п. Он особо отмечает высокую дисциплину бойцов китайской Красной армии, их образцовое поведение в отношении местного населения и высокий боевой дух. При этом автор подчеркивает, что всем этим китайская Красная армия обязана руководству Коммунистической партии Китая, ее огромной организационной, политической и воспитательной работе.

Анализируя ход военных действий китайской Красной армии во время пятого похода Чан Кай-ши (1933—1934), автор не скрывает и те отдельные упущения и недостатки, которые были допущены им лично как военным советником.

Большой интерес представляет раздел «Китайских записок», где автор описывает, как готовился выход главных сил Красной армии в 1934 г. из Центрального советского района, то есть Западный поход, который затем превратился в Великий поход. Эти свидетельства автора полностью разоблачают маоистскую версию о Великом походе и о роли в нем Мао Цзэ-дуна. Много интересных сведений сообщает автор и о том, как проходил Западный поход, какие трудности и препятствия встречались на его пути, какой позиции придерживались Мао Цзэ-дун и его сторонники во время этого похода, к каким катастрофическим последствиям привела уже тогда авантюристическая деятельность Мао Цзэ-дуна и его стремление узурпировать руководство партией и армией.

Уникальными являются свидетельства Отто Брауна о так называемом расширенном совещании Политбюро ЦК КПК в Цзуньи в январе 1935 г., о серьезном кризисе в руководстве партии и армии, возникшем после этого совещания «в результате

эвантюристической стратегии и тактики Мао Цзэ-дуна», о намерении Мао Цзэ-дуна весной 1935 г. «провести Красную армию через Сикан и Цинхай в Синьцзян, с тем чтобы связаться там с Советским Союзом и получить от него всестороннюю помощь».

«Предлагая такой план, — пишет Отто Браун, — Мао Цзэ-дун, по-существу, вернувшись к своей старой теории о том, что Китай — центр противоречий в мире и что Советский Союз должен играть вспомогательную роль при их разрешении. Главным для него в тот момент была не национально-освободительная борьба против японских агрессоров, а гражданская война против гоминьдана. При этом Мао, несомненно, рассчитывал, что продвижение в Синьцзян китайской Красной армии приведет к серьезному дипломатическому, а возможно даже к военному, конфликту между Советским Союзом и гоминьдановским Китаем». «Это свидетельствует о том, — подчеркивает далее Отто Браун, — что Мао Цзэ-дун не верил в собственные силы китайской Красной армии, мощь которой он всегда превозносил».

Значительный интерес представляют свидетельства Отто Брауна о разногласиях между Мао Цзэ-дуном и Чжан Го-тао и борьбе между ними за лидерство в партии и армии после объединения Красных армий 1-го и 4-го фронтов летом 1935 г., приведших, как известно, к расколу партии и армии.

Наряду с военными вопросами Отто Браун одновременно рассматривает в «Китайских записках» также и политические проблемы, которыми занималась КПК в тот исторический период, в частности отношение КПК к гоминьдану и различным его оппозиционным группировкам, отношение КПК к агрессии японского империализма, к единственному национальному антияпонскому фронту, к рекомендациям и установкам Коминтерна и т. д.

Анализируя эти проблемы, автор показывает сложные перипетии революционной борьбы, которую КПК вела в те годы. Он подмечает двойственность и противоречивость некоторых позиций тогдашних руководителей КПК, их примиренческое отношение к ошибочным и чуждым марксизму-ленинизму взглядам и практическим действиям Мао Цзэ-дуна, которые выражались, в частности, «в игнорировании национально-революционных сил в лагере гоминьдана, в недооценке противника и переоценке собственных успехов, в односторонней ориентации всей политики на гражданскую войну, на вооруженную борьбу Красной армии и сельских советских районов», в «уклонении от четких решений и стремлении к компромиссам» и т. п. Это, по словам Отто Брауна, объяснялось, с одной стороны, стремлением руководства КПК, его марксистско-ленинского ядра, сохранить единство партии и не допустить раскола, а с другой стороны, тем, что марксистско-ленинское ядро «по некоторым вопросам даже подавлялось влиянием Мао Цзэ-дуна». Сближению позиций, указы-

вает Отто Браун, способствовала также «суровая действительность: особенно с 1930 г. регулярно проводившиеся Чан Кай-ши походы против советских районов».

Одновременно Отто Браун показывает в «Китайских записках», какую огромную интернациональную помощь оказывало международное коммунистическое движение в лице Коминтерна Коммунистической партии Китая в выработке и осуществлении правильной стратегической и тактической линии, в строительстве и укреплении партии и ее вооруженных сил. Характеризуя факторы, давшие в середине 30-х годов Мао Цзэ-дуну и его сторонникам возможность укрепить свое положение в руководстве КПК и в определенной степени дезорганизовать деятельность партии и ее вооруженных сил, Отто Браун особо подчеркивает, что во время Западного похода, начавшегося осенью 1934 г. и продолжавшегося до конца 1935 г., руководство КПК не имело связи с Коминтерном и не могло получить от него помощи.

«Особенно губительным было то, — пишет Отто Браун, — что в 1934—1935 гг. партийное руководство было полностью изолировано от внешнего мира. Оно не могло получить от международного коммунистического и рабочего движения в лице Коминтерна ни совета, ни помощи. Изоляция ЦК КПК вполне устраивала Мао Цзэ-дуна. Он получил свободу действий для фракционной борьбы против руководства партии. При этом Мао Цзэ-дун не гнушался использовать против марксистско-интернационалистских кадров рекомендации ИККИ и представителей Коминтерна, дававшиеся ранее при совершенно иных обстоятельствах, которые он произвольно искажал и толковал на свой лад».

Исключительно большой вклад, указывает далее Отто Браун, Коминтерн внес в 1935—1937 гг. в разработку и осуществление политики единого национального антияпонского фронта, что явилось поворотным моментом в развитии КПК и китайской революции, открывшим путь к союзу с самыми широкими слоями китайского общества и превратившим КПК в мощную политическую силу Китая.

Излагая позицию Мао Цзэ-дуна и его сторонников в отношении единого национального антияпонского фронта, автор «Китайских записок» не оставляет камня на камне от фальсифицированной маоистской версии этой проблемы, согласно которой главным инициатором создания единого национального антияпонского фронта был Мао Цзэ-дун и будто в рамках этого национального фронта он проводил правильную марксистскую линию. В противовес линии Коминтерна, разработанной совместно с делегацией КПК в ИККИ и на VII конгрессе Коминтерна, которая предусматривала создание единого национального антияпонского фронта на базе сотрудничества КПК и гоминьдана (без чего нельзя было добиться прекращения гражданской войны и бессмысленной растраты национально-революционных

сил перед лицом угрозы колониального порабощения со стороны японского империализма), Мао Цзэ-дун и его сторонники выдвинули «левацко»-сектантский, авантюристический курс борьбы на два фронта — против японских империалистов и против гоминьдановского режима Чан Кай-ши. При этом ударение делалось на борьбе против гоминьдановского режима Чан Кай-ши, без свержения которого якобы нельзя было оказать вооруженное сопротивление японским захватчикам.

«Всерьез ли рассчитывал Мао Цзэ-дун на успех провозглашенной им войны на два фронта? — задает вопрос Отто Браун и отвечает: Разумеется, нет!».

Автор «Китайских записок» с полным основанием приходит к выводу, что Мао Цзэ-дун, следуя старой концепции Ли Ли-сяня, которую он «предвосхитил в 1923 г. и рьяно отстаивал в 1930 г.», серьезно рассчитывал втянуть Советский Союз в вооруженный конфликт с империалистическими державами, прежде всего с Японией, «который привел бы к мировой войне, вызвал бы мировую революцию и таким образом обеспечил победу революции в Китае».

В этой связи уникальными являются изложенные в «Китайских записках» свидетельства Отто Брауна о попытках Мао Цзэ-дуна начиная с весны 1935 г. втянуть Советский Союз в вооруженный конфликт с гоминьдановским Китаем и империалистической Японией. Особый интерес представляют сведения о стратегическом плане Мао Цзэ-дуна осуществить поход Красной армии через провинции Шаньси и Суйюань к границам Монгольской Народной Республики с целью «установить непосредственную связь с Дальневосточной армией Советского Союза» и получить от Советского Союза «техническую и материальную помощь». Этот план Мао Цзэ-дун навязал находившейся при нем группе членов Политбюро ЦК КПК в начале 1936 г., то есть после известного решения Политбюро ЦК КПК от 25 декабря 1935 г. в Ваяобао о политике единого фронта, которое Отто Браун характеризует как попытку Мао Цзэ-дуна и его сторонников «эклетики соединить» установки Коминтерна и их собственную линию.

Разрабатывая свой стратегический план, указывает Отто Браун, Мао Цзэ-дун, безусловно, понимал, что появление китайской Красной армии у границ МНР может не только обострить и без того крайне напряженные отношения между Японией и МНР, но и способствовать развязыванию войны между ними, а следовательно, и войны между Японией и Советским Союзом. Но это и входило в его расчеты.

Узнав об этом авантюристическом плане Мао Цзэ-дуна, коммунист-интернационалист Отто Браун опротестовал его, направив специальное письмо в Политбюро ЦК КПК, в котором подчеркнул, что «продвижение китайской Красной армии к границам Монгольской Народной Республики ставит под угрозу мирную политику Советского Союза

и объективно может послужить предлогом для нападения Японии на МНР». Одновременно Отто Браун указал в этом письме, что этот стратегический план Мао Цзэ-дуна идет вразрез с основной политической задачей КПК, заключавшейся в создании единого национального антияпонского фронта, «способствует разжиганию гражданской войны и дает японским захватчикам дополнительный повод усилить агрессивные действия в Северном Китае (что и произошло в действительности)», а также «ставит под вопрос существование советского района в Северной Шаньси». Этот совершенно правильный и обоснованный протест Отто Брауна был отвергнут Мао Цзэ-дуном и его сторонниками. Но на практике им не удалось осуществить этот стратегический план Мао Цзэ-дуна. Выступившая в соответствии с этим планом в провинцию Шаньси и возглавляемая Мао Цзэ-дуном объединенная северозападная Красная армия в феврале 1936 г. под давлением гоминьдановских войск вскоре была вынуждена вернуться обратно в Северную Шаньси. Однако, по свидетельству Отто Брауна, Мао Цзэ-дун не отказался от своих «стратегических замыслов» и еще «не раз и не два пытался с помощью различных маневров повлиять Советский Союз в такое положение, которое привело бы его к конфликту с гоминьдановским Китаем или Японией». Одним из таких маневров, в частности, были «шаньские события» в декабре 1936 года. «Шаньские события», подчеркивает Отто Браун, были чреватые развязыванием «новой большой генеральской и гражданской войны, которая более чем устраивала японских агрессоров. Мао Цзэ-дун и его сторонники, без сомнения, понимали это». Но как раз это и входило в их расчеты. «Без сомнения ясно, — делает вывод Отто Браун, — что Мао Цзэ-дун хотел навязать ИККИ свою сектантскую авантюристическую линию. Мао Цзэ-дун перестроился лишь тогда, когда он, должно быть, понял, что ему не удастся осуществить свое намерение. Я подчеркиваю это потому, что впоследствии Мао Цзэ-дун, грубо фальсифицируя историческую правду, сам приписал себе главную заслугу в мирном урегулировании шаньского конфликта», хотя решающая роль в этом принадлежала Коминтерну и Советскому Союзу.

Далее автор «Китайских записок» аргументированно доказывает, что Мао Цзэ-дун и после шаньских событий продолжал свою сектантскую, авантюристическую линию, тем самым оказывая содействие антикоммунистическим силам в гоминьдане и объективно играя на руку японским империалистам.

Несмотря на то что Мао Цзэ-дун тщательно маскировал свои истинные замыслы и взгляды, Отто Браун сумел подметить, с какой методичностью и изощренностью он добивался своих целей, не считаясь ни с чем. Излагая обстановку, а также методы и средства, при помощи которых Мао Цзэ-дун шел к власти, Отто Браун указывает, что борьба между марксистами-ленинцами и

Мао Цзэ-дуном была неравной. «Неравной потому, — подчеркивает он, — что мы все уважали Мао как популярного революционного вождя и честно пытались найти с ним общий язык, тогда как он, искушенный в политических интригах, тайно строил козни, чтобы не только вернуть былое влияние, но и захватить руководство всей партией... Охваченный манией исключительности своего призвания довести революцию, как он ее понимал, до победы, Мао считал дозволенными любые средства, приближающие его к цели — неограниченной личной власти». В подтверждение этому Отто Браун приводит ряд интересных малоизвестных или вообще не известных данных о закулисной деятельности и фракционной борьбе Мао Цзэ-дуна.

Отмечая крайнюю сложность обстановки, в которой проходила закулисная фракционная борьба Мао Цзэ-дуна и его сторонников, Отто Браун указывает, что «партия не была укреплена идеологически и состав Центрального комитета был более или менее случайным: 80% членов и кандидатов ЦК не были избраны на съезде партии, а кооптированы позднее; такая же картина сложилась и в Политбюро. 37% состава ЦК были выходцы из помещичьих и торговых кругов»; резко сократилась рабочая прослойка в партии, КПК развивалась главным образом в сельских районах и по своему составу все более становилась крестьянской, в результате провалов и предательства руководителей Шанхайского бюро ЦК КПК Ли Чжу-шэня и Шэн Чжун-яна были разгромлены центральные и местные партийные ор-

ганизации в гоминьдановских районах, арестованы многие руководящие партийные работники, прервалась связь с Коминтерном, начался организационный и идейный разброд и т. п. Все это, указывает Отто Браун, способствовало фракционной борьбе Мао Цзэ-дуна и узурпации им руководства в партии и армии.

Узконационалистическая, авантюристическая своекорыстная деятельность Мао Цзэ-дуна, делает вывод Отто Браун, дорого обошлась Коммунистической партии Китая и ее вооруженным силам.

«Цель моих воспоминаний, — пишет Отто Браун в заключение, — дать картину исторических событий, как я ее видел своими глазами. Именно поэтому эти воспоминания, возможно, дадут историкам, которые в основном руководствуются в своих исследованиях официальными документами, новый стимул, импульс для их исследований». В то же время книга рассчитана и на массового читателя. Она представляет собой волнующую летопись, позволяющую лучше понять не только историю революционно-освободительной борьбы китайского народа под руководством Коммунистической партии Китая, но и лучше разобраться в теории и практике маоизма, антимарксистского, антинародного течения, враждебного делу мира, прогресса и социализма.

М. И. Сладковский,
член-корреспондент АН СССР

А. С. Титов

Маоизм — пособник империализма

Берлинское издательство «Дитц-ферлаг» опубликовало работу секретаря ЦК СЕПГ Германа Аксена «Вопросы международного положения и интернациональных связей СЕПГ»*, которая привлекла к себе внимание специалистов-международников, всех интересующихся международным положением в современном мире как в Германской Демократической Республике, так и за ее пределами. Объясняется это важностью

и актуальностью проблем, которые затрагиваются в данном исследовании, где, по существу, речь идет об основных направлениях в развитии современной международной обстановки, раскрывающих диалектику борьбы прогрессивных и миролюбивых сил за мирное сосуществование всех государств независимо от их общественного строя.

В своей работе Г. Аксен рассматривает такие центральные проблемы современного международного положения, как изменение соотношения сил в мире вообще и в Европе в частности и значение этих изменений для мировой политики, диалектика борьбы и мирного сосуществования, усиление борьбы против гонки вооружений, положение на Ближнем Востоке и работа Женевской конференции по Ближнему Востоку. Он касается тех уроков, которые прогрессивные силы извлекли и еще должны извлечь из трагических событий в Чили в 1973 г.

Г. Аксен указывает, что в настоящее время характерной чертой мирового империализма является наличие двух тенденций, одна из которых — это проведение реалистической политики на международной арене,

* Hermann Axen. «Fragen der internationalen Lage und der internationalen Beziehungen der SED». Ditz Verlag, Berlin, 1974.

а вторая — извечный курс империализма на агрессию и войну. Внутри лагеря империализма ныне идет борьба между этими двумя тенденциями, исход которой во многом зависит от усилий и настойчивости сторонников реалистического курса во внешней политике всех государств.

Заключительные разделы работы Г. Аксена посвящены проблемам дальнейшего развития социализма как мировой общественной системы, положению и борьбе рабочего класса капиталистических стран, проблемам международного коммунистического движения, а также значению всех рассмотренных автором факторов для внешней политики Германской Демократической Республики и международных связей Социалистической единой партии Германии.

Содержащиеся в работе секретаря ЦК СЕПГ тов. Г. Аксена теоретические положения, оценки и выводы являются обобщенным выражением конкретного внешнеполитического курса, осуществляемого Германской Демократической Республикой, выступающей на международной арене в тесном строю с другими братскими странами, входящими в состав содружества социалистических государств.

Среди рассматриваемых в работе актуальных проблем, характеризующих нынешнее развитие в мире, автор уделяет серьезное внимание критике идеологии и политики маонизма. Г. Аксен отмечает, что пекинское руководство ведет опасную игру на международной арене, выступив, по сути дела, в открытый поход против социализма и международной безопасности. «Сегодня уже нельзя больше рассматривать эту политику только как отход от марксизма-ленинизма, как радикализм, как политическую детскую болезнь, — пишет автор. — Позиция пекинских руководителей во всех основополагающих политических вопросах доказывает: идеология и политика маонизма — это полный разрыв с марксизмом-ленинизмом» (стр. 46—47).

Как в теории, так и на практике маонисты выступают против интересов социалистических стран и рабочего движения в капиталистических странах, против национально-освободительного движения.

Их реакционный курс особенно открыто проявился в последние годы, когда в мире наметился четкий водораздел между сторонниками и противниками международной разрядки, между теми, кто осуждает, и теми, кто поддерживает «холодную войну». Китайские лидеры открыто ведут борьбу против политики смягчения международной напряженности, причем здесь с самого начала были поставлены все точки над «i». Маонистский пропагандистский аппарат, эмиссары Пекина за рубежом, не жалея ни сил, ни времени, ведут широкую кампанию, главная цель которой — скопрометировать в глазах западной общественности и сорвать осуществление мероприятий, призванных устранить напряженность из отношений между странами и народами, смягчить общий по-

литический климат в мире. «Теоретическим» обоснованием этой кампании явился тезис, выдвинутый в докладе Чжоу Энь-ляя на X съезде КПК о том, что «разрядка — явление временное и поверхностное, а колоссальные потрясения будут продолжаться и дальше. Такие колоссальные потрясения являются для народа делом хорошим, а не плохим». Вся «стратегия» маонистов после X съезда КПК, по сути дела, руководствуется этим принципом.

Г. Аксен приводит конкретные факты и примеры политической и пропагандистской деятельности маонистов, направленной на блокирование с силами реакции против социалистических стран и всех миролюбивых сил. Пекин открыто выступает за укрепление военного блока империалистических стран НАТО и коалиции стран Общего рынка, против Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Автор подчеркивает, что имели место сообщения о создании китайского представительства при Европейском экономическом сообществе. Маонисты ведут зондаж возможности вступления Китая в члены так называемых Всемирного банка и Международного валютного фонда.

Активизируя свою дипломатическую деятельность в ФРГ, Великобритании и Франции, пекинские представители заигрывают с наиболее правыми силами, которые противятся международной разрядке и сотрудничеству. Характерно, например, что официальные китайские лица не раз демонстрировали свою солидарность с откровенно реваншистскими силами ФРГ, заявляя в унисон с последними, что существует «только одна немецкая нация», что еще предстоит заключение «мирного договора с Германией» и т. д. Подобные выступления маонистов весьма одобрительно воспринимаются правыми силами в ХДС/ХСС. Не случайно, подчеркивает Г. Аксен, также и то, что вслед за известным противником курса на разрядку международной напряженности американским сенатором Джексоном в Китай были приглашены лидер баварских ультра Ф. Штраус и его коллеги по партии ХСС.

Факты, приводимые Г. Аксеном, свидетельствуют о нарастании усилий китайского руководства сорвать процесс нормализации обстановки в мире. При этом, как уже указывалось, оно не скрывает своей заинтересованности в ее обострении и развязывании конфликтов. Маонисты хотели бы, употребляя их собственную фразеологию, «сидеть на горе и наблюдать за схваткой тигров». Отсюда их провокационные попытки столкнуть между собой СССР и США, Западную Европу и Советский Союз. Ради этого они создают и усиленно пропагандируют всевозможные мифы о «советской угрозе», о «советских военных приготовлениях», которые якобы направлены против Китая и против Западной Европы.

Если проанализировать политику Китая на Ближнем Востоке на протяжении последних лет, то можно прийти лишь к единст-

военному выводу, а именно, что она преследует все ту же основную цель: сохранить напряженность и в этом районе мира. Достаточно указать, что предшественники Китая поддержали ни одной резолюции Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи ООН, которые были направлены на мирное урегулирование арабо-израильского конфликта. Заявляя на словах «о своей верности арабским друзьям», Пекин делает все возможное, чтобы разжечь конфликт на Ближнем Востоке, посорить Советский Союз с арабскими странами, использовать события в этом районе с таким расчетом, чтобы ухудшить отношения между СССР и США.

Таким образом, анализ политической и партийной линии китайского руководства приводит к выводу, что в результате предательства марксизма-ленинизма маоисты оказались в лагере врагов рабочего класса, врагов всего миролюбивого человечества, поставили под серьезную угрозу дело строительства социализма в Китае, проводя внутри и вне страны политику, которая самым коренным образом противоречит прежде всего интересам китайского народа.

В своей работе Г. Аксен рассматривает вопрос о том, как отразился антинародный курс маоистского руководства на общественном строе Китая, вопрос, который задает все большее число людей. «Мы не списываем Китай со счета как социалистическую страну», — пишет Г. Аксен (стр. 48) и дает далее сжатую характеристику политической линии КПК с 1949 г. по наше время, которая отражает отход Мао Цзэ-дуна от марксистско-ленинской программы, принятой на VIII съезде КПК в 1956 г., на позиции великодержавного шовинизма и антикоммунизма.

«Да, — подчеркивает автор, — в Китае были обобществлены основные средства производства и в период до 1956 г. были сделаны важные шаги на пути строительства социализма в различных областях общественной жизни. Однако какая польза от того, что экономическая база обобществлена, если надстройка потеряла свой социалистический характер? — спрашивает он. — Диктатура пролетариата осуществлять через руководящую роль марксистско-ленинской партии, укрепление и постоянное совершенствование социалистической государственной власти, развитие социалистического планового хозяйства, социалистической демократии, постоянное укрепление союза рабочего класса с крестьянами и другими слоями трудящихся, социалистическая революция в области идеологии и культуры, политика пролетарского интернационализма, а это значит — активной борьбы за единство сплоченного вокруг СССР социалистического содружества. Господство групп Мао уничтожило все это. Партия Мао предала славные революционные традиции великой Коммунистической партии Китая. Партия Мао не является больше марксистско-ленинской партией. В Китае сегодня господствует не социалистическая го-

сударственная власть, а военно-бюрократическая диктатура» (стр. 48—49).

Г. Аксен указывает далее, что в течение более чем 15 последних лет внутреннее развитие Китая характеризуется отступлением от социалистических завоеваний, а внешняя политика руководящей группировки все более направлена против интересов социализма, мирного коммунистического движения и антиимпериалистического фронта народов. Все это, подчеркивает он, представляет большую опасность для китайского народа, для дела мира и прогресса.

Существуют, однако, объективные факторы, которые, по мнению автора исследования, говорят в пользу того, что, несмотря на все старания маоистов, им все же не удалось окончательно закрыть Китаю возможность возврата его на путь строительства социализма, на путь восстановления социалистических отношений с братскими странами. Среди этих факторов — прежде всего связанные с индустриализацией Китая рост и постепенное усиление рабочего класса. Пекинские руководители, констатирует Г. Аксен, хотели бы искоренить марксизм-ленинизм. Но для того чтобы уничтожить научную теорию рабочего класса, маоисты должны были бы искоренить сам рабочий класс. А это им не под силу. К числу указанных факторов относятся также растущие материальные и культурные потребности трудящихся, которые маоисты не могут держать бесконечно долгое время на предельно низком уровне. Это также требовало научно-технической революции, связанные с неизбежным повышением образовательного уровня трудящихся, уровня государственного руководства обществом и экономикой, уровня планирования.

Острейшие внутренние противоречия в стране, создаваемые политикой маоистов, дополняются провалами в области внешней политики, отмечает автор рассматриваемой работы. Все это ведет к неустойчивости маоистского режима, проявляющейся прежде всего в постоянной борьбе за власть между различными группировками, враждующими между собой. В последние годы эта борьба носила и продолжает носить крайне острый характер, о чем ярко свидетельствуют «падения» Лю Шао-ци и Линь Бяо, а также принявший сейчас самые широкие масштабы конфликт между «умеренными» и экстремистами, который внешне проявляется в «кампании критики Конфуция и Линь Бяо». Нет сомнений, что в конечном счете эти раздирающие страну внутренние и внешние противоречия приведут маоистскую группировку к краху.

В заключение Герман Аксен пишет: «Мы очень серьезно оцениваем опасность и вред идеологии и практики маоизма. Мы считаем нашим долгом разъяснить всем антиимпериалистическим силам: тот, кто борется против империализма, должен также бороться и против маоизма» (стр. 51).

Выход в свет работы секретаря ЦК СЕПГ Германа Аксена «Вопросы международного положения и интернациональных связей СЕПГ» свидетельствует об укреплении единого фронта сил мира, прогресса и социализма, выступающих против империализма

и блокирующихся с ним ренегатов, перешедших сейчас на позиции откровенного социал-шовинизма и антисоветизма.

В. Б. Ломейко,
кандидат исторических наук

Новая книга по истории монгольской культуры *

Некоторые вопросы, относящиеся к монгольской письменности, освещены в общей монголоведной лингвистической литературе и специальных работах¹. Однако трудов, посвященных монгольской книге, до сих пор не было. Между тем изучение прошлого монгольской письменности и старых письменных памятников имеет огромное значение для воссоздания истории культуры монголов. И поэтому нельзя не приветствовать появление труда венгерского исследователя Д. Кара.

Так как возникновение и развитие монгольской книги тесно связаны с историей письменности, то в работе, естественно, отведено значительное место истории систем письма, употреблявшихся монголами в прошлом (стр. 7—102). Д. Кара разделяет историю письменной культуры монголоязычных народов: 1) возникновение (в политической истории — создание и развитие монгольской государственности; в истории культуры — стык китайских, отчасти чжурчженских, тангутских, тюркских и тибетских влияний и первое знакомство монголов с буддизмом; в истории языка — среднемонгольский период, формирование литературного языка); 2) возрождение (в политической истории — борьба за восстановление единства монголов в XVI—

XVII вв.; в истории культуры — усилившееся влияние буддизма и тибетской культуры; в истории языка — переход к классическому языку и формирование литературных наречий) и 3) создание современных письменностей (возрождение и развитие монголоязычных народов в содружестве социалистических наций; встреча с мировой культурой; современные литературные языки) (стр. 7). Автор в соответствии с этой периодизацией и разбирает историю письменной культуры монголов. Он справедливо указывает, что северные, прибайкальские племена, из которых выделились и монголы Чингисхана, по сообщениям китайских источников, тогда не были знакомы с письмом, но отдельным группам южной, хинганской ветви древних монголоязычных народов удалось еще раньше создать свою государственность и свою письменность (стр. 7). Автор относит к числу таких народов табгачев (IV в.) (по древнетюркским орхонским надписям — табгач), а также ту-юй-хунь (III—VIII вв.) и киданей (X—XII вв.). Сохранившаяся в китайской транскрипции табгачская лексика, по мнению Ж. Базена и других исследователей, отражает тюркский язык. Д. Кара в конечном счете поддерживает недавний вывод Л. Лигети о том, что табгачский язык представлял собой «сяньбийский диалект» древнемонгольского языка (стр. 9). Ту-юй-хунь, народ сяньбийского происхождения, переселившийся в Северо-Восточный Тибет, по указаниям китайских источников, пользовался письмом, похожим на табгачское. Кидани, которых Д. Кара считает, «несомненно, монголоязычным народом южной хинганской ветви сяньбийцев» (стр. 9), достигли высокого развития культуры и имели два вида письменности — «большое письмо» и «малое письмо». На киданском языке сохранилось лишь полдюжины больших надписей (на стенах могил императоров и императриц), текст в конце китайской надписи 1134 г. при усыпальнице одного танского императора и некоторые мелкие памятники — такие, как пайцзы эпохи Чингисхана. В настоящее время определено значение полусотни киданских знаков и их сочетаний, но они пока не прочитаны. Как правильно указывает Д. Кара, для дальнейших исследований большое значение имеет работа ленинградского ученого В. С. Старикова², который на основании графического

* Д. Кара. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). Главная редакция восточной литературы. М. 1972, 194 стр., 26 таблиц.

¹ См., например: P. Pelliot. Les systèmes d'écriture en usage chez Les anciens Mongols. — «Asia Major». Vol. II, 1925, p. 284—289;

Б. Ринчен. Монгол бичгийн хэлний зүй Тэргүүн дэвтэр («Монгольский письменный язык. Книга первая»). Улан-Батор, 1964, 248 стр.; Библиографию см. рец. соч., стр. 152, прим. 1.

² V. S. Starikov. Catalogue of graphemes of the Kitan script, Moscow, 1966.

анализа текстов дает каталог словоформ по начальным знакам в графическом порядке, по конечным знакам (оборотный словарь) и сочетаемости знаков, позволяя с некоторыми оговорками установить «графическую» грамматику киданьского языка (стр. 12—13).

Д. Кара подчеркивает, что кочевое государство, созданное Чингисханом и объединившее множество монгольских племен и других народов, требовало введения общегосударственной письменности (стр. 13—14). В старой монгольской литературе распространены проникнутые религиозным духом позднейшие легенды о том, как тибетский монах Сакья-пандита Гунгаджалцан (1182—1252), помимо проповеди «желтой» религии среди монголов, изобрел для них буквы в виде зубцов, увидев однажды утром после ночного бдения женщину с кэдэргэ (палка с лазубринами для обработки кожи, скребок, кожемялка), и как буддийский просветитель Чойджи-одсэр (XIV в.) позже усовершенствовал этот алфавит. Действительно, из подобных сочинений можно почерпнуть не только полезные сведения, но и, по меткому выражению автора, то, «как легко рождается неправда во имя веры» (стр. 16).

Отметив, что, по китайским источникам, в частности «Юаньши», Тататонга (везир найманского хана), в 1204 г. обучил Чингисхана применению государственной печати, а царевницей уйгурскому письму, Д. Кара верно подчеркивает, что «неизвестно, на каком языке общался он (Тататонга. — Н. М.) с монголами, как неизвестно также то, были ли найманы... тюркоязычны, монголоязычны или они говорили на обоих языках» (стр. 177). Монгольский этноним найман («восемь») и тюркские собственные имена в этом союзе племен «свидетельствуют, несомненно, лишь о широте этнических связей, а не обязательно о языке, на котором говорил народ» (там же). Теория о «домонгольском» уйгуро-монгольском письменном языке, по которой монголы Чингисхана получили готовый литературный язык от керенитов или найманов, по моему мнению, справедливо отвергается Д. Кара. Дело в том, что аргумент сторонников ее — предположение о расхождении между живым словом и его письменной формой — покоится на довольно поздних сведениях второй половины XIII в. (стр. 18).

Как бы то ни было, в начале XIII в. монголами была заимствована уйгурская система письма, которая в конечном счете восходит к семитскому (арамейскому) алфавиту. Монголы, как правильно отмечает автор, «заимствовали весь состав уйгурского алфавита и даже орфографию, приспособленную к их языку, а к уйгурскому. Эти несоответствия языка и письма привели к новым случаям многозначности букв» (стр. 19). Д. Кара справедливо считает, что монголы Чингисхана с самого начала писали по-монгольски, а не на керенитском или найманском т. е. языке. По выражению китайского историка Ту Цзи (1856—1921), монголы

«транскрибировали (и) монгольские слова уйгурскими буквами»³.

Уже в начале XIII в. среди монголов грамотность получила значительное распространение. Как пишет Д. Кара, «каждый уважающий себя князь старался приобрести грамотея, личного секретаря» (стр. 19—20). Прежде всего требовались писцы в аппарате управления монгольской империи и ее частей. Еще в 1206 г. сразу же после создания монгольского государства, по свидетельству «Тайной истории монголов» (§ 203), в канцелярии хана под руководством приемного брата Чингисхана Шиги-Хутуку⁴ стали вестись «списки книги на белой бумаге», куда записывались, в частности, решения хана по правовым вопросам (стр. 17).

Монгольская письменность была распространена во всех концах огромной монгольской державы: в золотоордынском Сарае, Иранском Тебризе, в столице Чагатай Бешбалыке, в Каракоруме и императорской столице Ханбалыке (Пекин).

Письменность использовалась не только в канцеляриях, но и для перевода на монгольский язык буддийских сочинений. Интересны сведения о буддийских книгах у монголов XIII—XIV вв. на их родном языке, собранные автором (см., например, стр. 22—26). Сборник «Сокровищница мудрых изречений» Сакья-пандиты, переведенный с тибетского еще до 1269 г. монахом Сономгарой, по мнению Д. Кара, ныне представляет собой один из важных памятников средневекового литературного языка (стр. 24). Говоря о Чойджи-одсэре, автор допускает, правда очень осторожно, предположение, что он мог бы быть уйгуром, хотя прекрасное знание монгольского языка, обнаруженное им в стихотворном коллоквиуме к монгольскому комментарию и переводу «Бодхиначарьяватары» 1312 г., выдает в нем монгола. Такое предположение, по мнению Д. Кара, было бы «одним из возможных решений вопроса о пути проникновения уйгуризма в монгольский язык» (стр. 24). В XIV в. монахом ордена Сакья Шераб-сенге были переведены на монгольский с тибетского древнеиндийский сборник заговоров и заклинаний «Панчаракша», собрание житийных рассказов и философских сентенций «Сутра золотого блеска» и «Двенадцать деяний Будды» (житие Шакьямуни). У монголов в канцеляриях и монастырях работало много немонгольских писцов и книжников. Как отмечает автор, в это время рождались и самобытные монгольские сочинения, такие, как утраченная «Золотая книга» или «Тайная история монголов». Среди чингисидов и рядовых монголов появились грамотные и образованные люди. Встречались и знатоки чужих языков.

³ Ту Цзи и Мэн-у-эр ши-цзи. Б. м., 1934, гл. 45, стр. 1а.

⁴ Подробнее о Шиги-Хутуку см. работу: P. Ratchnevsky. Sigi-Qutuqu, ein mongolischer Gefolgsmann im 12—13. Jahrhundert. — «Central Asian Journal», Vol. X, 1965, p. 87—120.

Например, Газан-хан, по словам Рашид ад-Дина, знал не меньше семи языков, кроме своего родного монгольского (стр. 26).

Автор интересно и подробно рассказывает о квадратной письменности, на короткое время получившей распространение (стр. 27—32). В 1269 г. по приказу Хубилая (1260—1294) был введен новый алфавит, чаще называемый в литературе «квадратной письменностью» по своей форме или «письмом Пагбы» — по имени его создателя. По «Юань-ши» тибетец Пагба Лодойджалцан (1234—1279), представитель ордена Сакья, образованный монах, был приглашен в Ханбалык Хубилаем и получил звание «государственного наставника» и яшмовую печать. «Каждое государство имеет свое собственное письмо, — говорил Хубилай, собираясь ввести письмо Пагбы, — а в монгольской империи используются китайские и уйгурские письма» (стр. 27). Очевидно, несмотря на то, что монголы пользовались уйгурским алфавитом более чем полвека, он все еще оставался для них чужим. Может быть, ощущалось ими основное неудобство для монгольского языка этого алфавита — его полифоничность. Во всяком случае, монголы захотели иметь именно свою письменность, причем пригодную и для записи звуков речи всех народов империи. Не случайно, что эта попытка была предпринята в период наивысшего расцвета могущества империи Хубилая. Новое письмо представляло собой видоизмененный родной для Пагбалы тибетский алфавит с прибавлением нескольких букв из индийского деванагари. Д. Кара, разбирающий лингвистические и исторические проблемы, относящиеся к нему, и сохранившиеся памятники его (стр. 28—32), отмечает, что Пагба в созданном им алфавите практически устранил полифоничность знаков. Этот алфавит точно передавал и китайские звуки. Он представлял собой первый в истории китайской письменности точный фонетический алфавит. Однако квадратная письменность в начале XIV в. уже не применялась.

Автор оправданно большое место в книге уделяет вопросам возрождения монгольской культуры и создания и развития монгольского классического письменного языка в XVI—XVIII вв. (стр. 35—103). Д. Кара справедливо отмечает тот факт, что в условиях междоусобных войн и угрозы со стороны сперва китайских, а затем маньчжурских завоевателей, правители Монголии, стремясь к единовластию и нуждаясь в более мощной, чем шаманизм, идейной опоре, в этот период снова обратились к идеологии Тибета (стр. 36—37). Когда в последней четверти XVI в. в Монголии, куда и раньше прибывали тибетские монахи (из секты красншапочников) и где существовали отдельные очаги буддизма, широко распространился ламаизм (секта желтошапочников), вновь и шире, чем в эпоху Юань (1206—1388), развернулась работа по переводу буддийских сочинений на монгольский язык. Надо отметить, что Д. Кара в этой части книги, как

и в других разделах работы, собрал обильный материал о переводах буддийских книг и о деятелях монгольской литературы (стр. 37—40). В указанный период в стране было издано большое число книг, среди которых наряду с религиозными произведениями нередко встречаются и сочинения светского содержания. Достаточно сказать, что еще в 1587 г. был напечатан в Монголии перевод объемистой «Сутры золотого блеска»; в 1720 г. был издан 108-томный монголоязычный Ганджур, редактирование которого было завершено еще в 1629 г., а за ним последовало издание 226 томов монгольского Данджура, второй части ламаистской энциклопедии (1749).

XVI—XVIII вв. были эпохой обновления монгольской словесности и формирования классического языка. Освещая эти вопросы, автор, по моему мнению, впервые в научной литературе всесторонне и самым подробным образом показывает развитие уйгуро-монгольской графики с XIII до XVIII в. на основании многочисленных дошедших до нас памятников (стр. 40—68).

Среднемонгольский язык, получивший отражение в рукописях, печатных книгах, каменописных и других памятниках XIII—XV вв., как отмечает Д. Кара, претерпел заметные изменения в XVI—XVIII вв. и на его основе в XVIII в. образовался классический письменный язык. Были устранены устаревшие орфографические и грамматические формы, разработаны правила орфографии и создана богатая религиозная и философская терминология. Так как перевод буддийских и философских сочинений требовал точной транскрипции иноязычных, главным образом индийских и тибетских, слов, чего нельзя было добиться с помощью уйгуро-монгольской графики, то в 1587 г. знаменитым переводчиком и просветителем Аюши-гуши был составлен транскрипционный алфавит али-гали, который автор тщательно исследует (стр. 72—77). Характеризуя монгольский классический письменный язык, автор справедливо подчеркивает, что монгольский литературный язык, оторвавшийся от диалектов еще ранее, вопреки некоторым нововведениям сохранил свой консервативный наддиалектный характер (стр. 71).

Вместе с тем, несмотря на нормы классического языка, появились так называемые литературные «наречия», то есть в различных районах расселения монголов в литературных произведениях и письменных документах стали отражаться живые диалекты. Подробно разбирая «ясное письмо» (*toda bidig*) — новый алфавит, разработанный ойратским ученым ламой Зая-пандитой (1599—1662) и радикально приближающий уйгуро-монгольскую графику к разговорному языку, автор приходит к выводу, что это письмо получило распространение среди ойратов в конце XVII в. (стр. 79—80). Он высказывает заслуживающее внимания предположение о том, что Зая-пандита создал новую письменность не только для ойратов, а имел в виду все монголов, так как в «ясном письме» тольк

одна буква ,К, передающая палатальный смычный перед заднеязычными долгими, может быть признана «чисто ойратской» (стр. 882).

Отметив, что с середины XIX в. в Бурятии в дацанах издавались не только монголоязычные буддийские, но и самобытные бурятские сочинения, автор справедливо заключает, что они похожи на произведения «европейских литераторов эпохи господства церкви в культуре, однако они являются и свидетельствами общественного движения, в котором началось формирование бурятской нации» (стр. 95). Изобретение письма для бурят Агваном Дорджи Д. Кара считает одним из важных событий в истории монгольской письменности — «последней ступенью многовекового путешествия семитского алфавита на Восток» (стр. 97). Письмо это, созданное в 1905 г. на основе ойратской графки Зая-пандиты, было наиболее приспособлено к особенностям бурятского языка. В нем были ликвидированы все аллографы (разнописания) других монгольских систем письма, знаки одинакового начертания, но разного звучания (омографы) и не было позиционных аллографов. Диакритическими знаками выражались долгота гласных и смягчение согласных. Самого изобретателя бурятского письма автор считает «одной из интереснейших личностей эпохи» (стр. 97). Вообще он высоко оценивает этого крупного бурятского просветителя. Человек незаурядных способностей, лама по образованию, он одно время состоял внешнеполитическим советником далай-ламы. Он много путешествовал — побывал в Париже, Лондоне, Индии, Японии и многократно в Петербурге, где и остался в 1912 г., после поражения его планов вырвать Тибет из британской сферы влияния. В оставленной им стихотворной автобиографии упоминается и о построении петербургской буддийской кумирни в Новой деревне вопреки сопротивлению православных попов — этих, по его словам, «длинно-малых негодяев с черными мыслями» (стр. 97).

В разделе «Монгольская книга» Д. Кара подробно разбирает древние памятники письменности, предшествовавшие печатной книге. Это стелы, в том числе китайско-монгольские надписи периода Юань (1206—1388), и письма на печатях и знаменах Д. Кара подразделяет на официальные и

частные, светские и буддийские), а также сохранившиеся ранние грамоты и письма дипломатического, административного и экономического содержания (стр. 104—110). В связи с этим интересно предположение автора о том, что в первом столетии китайской династии Мин (1368—1644) китайцы пользовались монгольским языком для дипломатических сношений с некоторыми западными странами (стр. 107). Автор также описывает монгольские рукописные книги XVII—XVIII вв. (стр. 111—114). Он правильно отмечает, что монголы еще в XIII в., гораздо раньше, чем европейские народы, имели дело с книгопечатанием, и отводит много места характеристике монгольской ксилографической книги (стр. 115—150). Он пишет, что «книги монгольской старины разнообразны по характеру содержания, которое сочетает такие противоположности, как народная и «книжная» литература, исконная и заимствованная (переводная), светская и религиозная (преимущественно ламаистская), художественная и специальная литература» (стр. 141). Нужно признать, что Д. Кара в этой части работы дает первую в научной литературе всестороннюю характеристику монгольской книги, особенно XVII—XVIII вв.

Необходимо отметить, что в своей работе Д. Кара впервые перевел на русский язык ряд монгольских документов, например письмо 1661 г. ойратского правителя Дайчинтайши русскому царю (стр. 159) и решение XIV в. о спорной земельной собственности одного монастыря (стр. 170—171). Вообще вся работа Д. Кара строго документирована, причем она основана, помимо опубликованных другими исследователями материалов, на документах, рукописях и ксилографах из богатых ленинградских коллекций, и в первую очередь монгольского фонда Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, где автор в течение года (1968) изучал памятники монгольской письменности и написал рецензируемую книгу. Последнее обстоятельство стало возможным благодаря расширению сотрудничества Советского Союза с ВНР в области науки и культуры.

Н. Ц. Мункуев,

доктор исторических наук

Актуальный труд об идейной жизни современной Японии¹

За последние годы советские японоведы добились значительных успехов в деле научного изучения различных сторон и аспектов японской экономики, истории, литературы, культуры. Мы уже имели возможность на страницах «Проблем Дальнего Востока» дать краткую оценку наиболее значительных из работ советских ученых-японоведов². Недавно главная редакция Восточной литературы издательства «Наука» выпустила в свет обстоятельное исследование по современной японской идеологии известного специалиста по истории философской и общественной мысли Японии Б. В. Поспелова, привлечшее внимание нашей научной общественности.

Рецензируемая книга — первая в советской науке попытка дать систематизированное представление о некоторых процессах и явлениях идейной жизни современной Японии. Не претендуя на исчерпывающее освещение всей суммы вопросов, определяемой темой исследования, она затрагивает в первую очередь те из них, которые являются важными для понимания характера современной идейно-теоретической борьбы, происходящей в Японии.

В течение последних 50—60 лет в Японии сложилась та система философских и социологических направлений и школ, которая оказывает воздействие на развитие нынешней философской мысли в стране. В книге рассматриваются взгляды отдельных представителей японской философской мысли начиная с 1920—1930 гг., но это обращение автора к недалекому прошлому идейной жизни Японии объясняется не стремлением свести исследование к простому изложению «истории идей» (хотя само по себе изучение данного предмета исключительно важно). Прошлое в книге живет в настоящем, воспринимается под углом зрения современности — именно таково назначение предпринимаемых автором историко-философских экскурсов, значительно обогащающих картину идейной жизни современной Японии.

¹ Б. В. Поспелов. Очерки философии и социологии современной Японии. М., 1974.

² С. Л. Тихвинский. К 250-летию АН СССР. Успехи советского японоведения. — «Проблемы Дальнего Востока», № 2, 1974, стр. 25—40.

Исследование этой весьма актуальной темы выполнено на большом количестве японских первоисточников. Их изучение и обработка сами по себе представляют немалые трудности. Но эти трудности увеличиваются еще более из-за специфики японских философских текстов, неразработанности принципов перевода философских терминов с японского на русский язык. Их преодоление стало возможным благодаря глубокому знанию автором философской проблематики, а также владению японским языком.

Использование автором метода марксистско-ленинского анализа идейных явлений, нацеливающего на выявление классового содержания любых философских и социологических теорий, требующего партийного подхода и партийной оценки, позволило ему тесно увязать анализ философских и социологических взглядов представителей японской философской мысли с политической теорией и практикой тех классов, интересы которых они выражают, раскрыть конкретное социологическое и идейно-политическое содержание многих их теорий и концепций. Хотя исследование материалистической, марксистско-ленинской философии и социологической мысли современной Японии не являлось непосредственной темой книги, историю и современное состояние буржуазных и ревизионистских концепций автор освещает сквозь призму той идейно-философской борьбы, которая сейчас ведется в Японии в связи с широким распространением марксизма-ленинизма.

Основные разделы и главы книги посвящены критическому анализу японской буржуазной философии. Традиционная японская буржуазная философия и ее роль в современной Японии, современные идеалистические концепции исторического развития, экзистенциализм в современной Японии и его место в идейно-философской борьбе — эти и другие проблемы получили в книге подробное освещение. Перед читателем встает целая галерея наиболее типичных представителей японской философской и социологической мысли, анализируются их основные труды, характеризуются отдельные философские течения и направления. Все это в небольшой степени прототипирует завесу над одной из важных сторон идейной жизни Японии, доселе малознакомой советскому читателю. Автор показывает, как японская буржуазная философия служит интересам господствующих классов, способствуя сохранению существующего общественного строя, как в борьбе с марксизмом-ленинизмом видоизменяются буржуазные философские и социологические концепции. Все более наполняясь иррационалистическим содержанием, они стремятся увести человека в мир подсознательного, проповедают агностицизм, пытаются доказать невозможность познания реальной действительности, научного предвидения путей общественного развития. В конечном итоге они направлены на опровержение марксизма-ленинизма и пропаганду идей антикоммунизма. Таким путем идео-

логи господствующих классов в Японии пытаются подорвать идейную базу антимонополистической, антикапиталистической борьбы японских трудящихся, внести в их ряды буржуазную идеологию.

Основным течением современной японской буржуазной философии является экзистенциализм. В книге убедительно показана его консервативная роль в идейно-политической жизни японского общества, раскрыта его резко антимарксистская направленность. Экзистенциализм в Японии, как и в любой другой капиталистической стране, весьма неоднороден. Но при всей своей неоднородности, при всем различии взглядов примыкающих к нему философов его социально-классовая роль ясна: это конформистское, охранительное течение, призванное подправить доступными ему средствами идеологические основы буржуазного общества. Именно это является характерным для взглядов таких представителей японского экзистенциализма, как Хара Тасуку, Сидо Сэйдзо, Канэко Такэдзо, Муро Мицуро, и других философов, о которых идет речь в книге.

Во взглядах философов-экзистенциалистов в то же время заключены и определенные критические тенденции, элементы осуждения отдельных сторон капиталистической действительности. Но эта критика не затрагивает основ буржуазного общества. Больше того, акцентируя внимание на все углубляющемся процессе отчуждения человека в буржуазном обществе, экзистенциалистские концепции призывают смиряться с подобным явлением, доказывают возможность его преодоления в рамках буржуазного государства. Автор справедливо пишет, что экзистенциализм как философская теория отражает мироощущение отчаяния и безысходности, которые охватывают мелкую буржуазию, буржуазную интеллигенцию в условиях усиления гнета монополистического капитала (стр. 147). Вместе с тем автор подчеркивает, что своими концепциями экзистенциализм не указывает реального выхода из той ситуации, которая его порождает; экзистенциализм лишь способствует сохранению тех социально-классовых причин, которые вызывают подмечаемые и критически осмещаемые им явления.

В книге подробно анализируются взгляды сторонника «демократического социализма» Муро Мицуро, пытающегося использовать экзистенциализм в качестве идейно-философской базы этого социал-реформистского течения. В виде альтернативы современному капиталистическому государству она монополистической стадии его развития он выдвигает идею «государства благосостояния» со смешанной экономикой, которое, в его толковании, обеспечивает проявление «экзистенции». Но известно, что «государство благосостояния» — это типичное буржуазное государство, которое не в состоянии достичь провозглашаемого социал-реформистскими и буржуазными идеологами идеала «благосостояния», ибо это воз-

можно лишь при условии коренной ломки буржуазных общественных отношений.

Так экзистенциализм, став идейной базой правой социал-реформистской теории, ратует за сохранение капиталистического строя (стр. 182).

Как показано в книге, социально-классовая роль экзистенциализма принципиально не изменяется и тогда, когда он начинает питать леворадикалистские идеи, лежащие в основе «ультралевого» политической практики. Выступая с критикой капитализма, японские ультралевого группировки проповедуют антисоветизм, антикоммунизм. Концепции «мировой революции» и «бунта», в которых эти группировки усматривают условие проявления «экзистенциальной свободы», становятся непреодолимым препятствием на пути действительной борьбы с капитализмом.

Не приходится говорить о том, что значительная часть японских философов из экзистенциалистического лагеря, не приемля марксизм и научный коммунизм, вообще выступает в защиту монополистического капитала и буржуазного государства, приспосабливая свои философские концепции к идейно-политическим целям монополистического капитала. В книге разбираются взгляды отдельных представителей этого направления японской буржуазной философии.

Специальный раздел книги (стр. 202—225) посвящен критике взглядов социал-реформистских теоретиков в Японии. Автор показывает, что причиной кризиса социал-реформистской идеологии в этой стране, как и в других капиталистических странах, является отступничество реформистских идеологов от марксизма-ленинизма, их смыкание с буржуазными теоретиками в трактовке основных проблем современности.

В концепциях японских теоретиков правого социал-реформизма много общего с концепциями западных социал-реформистских идеологов, что объясняется все усиливающейся схожестью социально-экономических и политических условий, в которых развиваются западные буржуазные государства и Япония. В то же время, как показано в книге, концепции современных буржуазных и социал-реформистских теоретиков в Японии в немалой степени опираются на традиционные философские и социологические теории недалекого прошлого. Современная японская действительность также наложила свой отпечаток на теории японских правореформистских идеологов. Японская «специфика», в частности, проявляется в психосоциологических концепциях Накамуры Кикую, который в целях ревизии марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы прибегает к утверждениям об «особом психическом складе японцев», якобы препятствующем развитию классовой борьбы в этой стране.

В рецензируемой книге объектом историко-философского исследования стала исключительно актуальная тема японо-китайских отношений. Предпринятое автором рассмот-

рение идейно-философских аспектов японо-китайских отношений вполне естественно и закономерно. Известно, какое место всегда занимал Китай, в японской политике, насколько глубоки были связи Японии с Китаем в прошлом. Сейчас положение в области японо-китайских отношений значительно изменилось, но и теперь события в Китае стоят в центре внимания японского общественного мнения, являясь причиной непрекращающихся теоретических дискуссий.

В прошлом, в период подготовки и развязывания второй мировой войны, японская буржуазная философия играла роль служанки японских господствующих кругов, оправдывавшей агрессивную внешнюю политику японского империализма в отношении Китая. В книге убедительно раскрыта связь, существовавшая между концепциями философов Кётоской школы — основного направления японской буржуазной философии довоенного периода — и внешнеполитическими теориями японского милитаризма. Агрессивная война против народов Китая и других стран Азии освящалась националистическими концепциями превосходства Японии, ее «прав» на господство в Азии и во всем мире. В обосновании этих концепций немалую роль сыграли японские буржуазные философы Нисида, Танабэ, Косака, Кояма, Ниситани и другие, взгляды которых детально анализируются в книге. Автор глубоко раскрывает содержание так называемой «философии мировой истории». В японской философской литературе трудно, пожалуй, найти примеры столь циничного, столь открытого провозглашения идей социального угнетения и мракобесия, какое мы встречаем в «трудах» некоторых представителей этого течения. В них, как в зеркале, отражены те идейно-политические принципы, на основе которых японский империализм намеревался организовать пресловутую «сферу совместного процветания в Восточной Азии». Ее создание вело к закабалению китайского народа, установлению в странах Азии реакционных режимов колониального угнетения и рабства (стр. 103—114).

Поражение японского империализма во второй мировой войне положило конец деятельности философов Кётоской школы. Демократическая научная общественность Японии решительно осудила их теории. Японские философы-марксисты проделали большую работу по разоблачению философии Кётоской школы. Но, как справедливо предупреждает автор, борьба за правильное освещение роли и места буржуазной философии в системе идеологических институтов японского империализма и сейчас остается актуальной задачей в связи с тенденцией к возрождению национализма, все более явственно проявляющейся в буржуазных идеологических кругах современной Японии.

В условиях все обостряющейся идейно-философской борьбы буржуазные идеалистические концепции недалекого прошлого начинают играть все большую роль. Это проявляется в попытках реабилитировать

философию Кётоской школы и использовать ее отдельные положения применительно к уровню современного философского мышления. Особенно напряженная полемика в последние годы разгорелась вокруг философского наследия главы японской буржуазной философии довоенного периода Нисиды Китаро. Предпринимаются попытки полностью выхолостить из его концепций реакционно-монархическое содержание, представить его как последовательного сторонника японского либерализма. Отдельные теоретики стараются соединить Нисиду с Марксом или даже при помощи его концепций «развить» марксизм.

Идейно-философский аспект современных японо-китайских отношений наглядно проявляется в полемике, которая на протяжении нескольких последних лет ведется в японских идеологических кругах в связи с теорией и практикой маоизма. Этой важной теме в книге посвящен специальный раздел. На основе большого фактического материала автор разбирает теоретическую борьбу, которая ведется в Японии вокруг «идей Мао Цзэ-дуна» и его «философии». Философы и социологи ревизионистского толка, вторя пекинской пропаганде, пытаются доказать «вклад» Мао Цзэ-дуна в развитие марксистско-ленинской теории, объявляют его «идеи» «вершиной марксизма-ленинизма в наши дни». Им противостоят большая группа ученых, которые, срывая с маоизма маску революционности, убедительно показывают, что маоизм не имеет ничего общего с марксизмом, что это заурядная мелкобуржуазная эклектическая теория, в корне противоположная учению научного коммунизма.

В книге рассматриваются труды таких ученых-китаеведов и публицистов, как Накадзима Мицэо, Сибата Минору, Ито Кикудзо и другие. Стремясь к объективному анализу событий в Китае и сущности маоизма как идейного течения, они в своих работах раскрывают его антисоциалистическое содержание. Много сделал для разоблачения маоизма Накадзима Мицэо, чьи работы широко известны в Японии. Среди них видное место занимает книга «Введение в изучение современного Китая». Выдержавшая в Японии несколько изданий, она особенно наглядно опровергает утверждения промаоистской пропаганды относительно ультрареволюционной сущности политики маоистов. Решительно осуждая культ личности Мао Цзэ-дуна, освобождаясь от некоторых иллюзий в отношении содержания и целей «культурной революции», пересматривая позитивную оценку отдельных событий из истории становления маоизма, извращенно истолкованных промаоистской историографией, Накадзима в ней в резко критических тонах освещает путь, по которому пришла к власти великодержавная националистическая группировка Мао Цзэ-дуна, дает объективную картину политической борьбы в Китае в годы так называемой «культурной революции», показывает произвол и на-

силле, чинившиеся маонистами и их штурмовыми отрядами — «хунвэйбинами» и «цзаофанями» (стр. 255—257).

Анализируя работы японских философов и социологов, посвященные проблеме маонизма, автор показывает, что даже те из них, кто пытается доказать «марксистскую» сущность маонизма, невольно разоблачают его мелкобуржуазное, реакционное содержание. Такова сила научной правды, которую не в состоянии скрыть ни один промаонистски настроенный теоретик.

Так, например, касаясь вопроса о так называемой «китанизации» Мао Цзэ-дуном марксизма, автор анализирует концепцию сущности маонизма, изложенную Ямагути Итиро. Ямагути утверждает, что идеи Мао Цзэ-дуна развивались в русле национальной китайской традиции и что «китанизация» марксизма у него проявилась в привнесении в марксизм специфических китайских морально-этических представлений и философско-социологических категорий. В качестве одного из доказательств «китанизации» Мао Цзэ-дуном марксизма японский теоретик приводит сходство некоторых положений «идей Мао Цзэ-дуна» и идеологии крестьянской войны тайпинов (середина XIX в.), в частности утопических, уравнилельных идей «крестьянского социализма» — идеи «датун». Автор рецензируемых «Очерков» убедительно показывает, что заимствование Мао Цзэ-дуном отдельных элементов тайпинской идеологии отнюдь не означает «развитие» марксизма-ленинизма, как это ошибочно полагает Ямагути; наоборот, инкорпорация идеи «датун» в маонизм удаляет маонизм от научного коммунизма, наполняет его не пролетарским, а мелкобуржуазным содержанием (стр. 260—2663).

Автор рецензируемого труда наглядно показывает, что в японских философских и социологических работах весьма полно и обоснованно доказана генетическая связь маонистских концепций с традиционными китайскими идеями прошлого. Кроме Ямагути

Итиро, в этой области следует отметить книгу Такэути Минору «Идеология Китая. Традиции и современность», а также исследования Кавабара Такэдзи, Такаги Такэо, Имабори Сэйдзи и многих других.

Нельзя не согласиться с автором рецензируемой книги, что «культурная революция» явилась, по существу, политическим переворотом, призванным создать в стране военно-бюрократический режим личной власти Мао Цзэ-дуна и его группы, прервать развитие Китая по социалистическому пути. Автор отмечает, что «в конечном итоге маонизм и совершенный маонистами переворот, названный «культурной революцией», есть проявление мелкобуржуазного уклона в китайской революции... Маонизм — консервативное, мелкобуржуазное течение, зиждущееся на субъективному идеализме, который особенно ярко проявляется в его политических теориях. Роль маонизма крайне реакционна» (стр. 244—245).

На большом фактическом материале автор раскрывает сходство маонистских идей с концепциями «ультралевых» идеологов современной Японии и показывает использование маонистских постулатов отдельными левыми организациями. Как пишет автор, «такая их позиция объясняется определенным сходством социально-классовой базы и идейных убеждений маонизма и социальных групп, которые они отражают. То и другое возникло как результат мелкобуржуазного мироощущения и мелкобуржуазной идеологии. Мелкобуржуазная, псевдореволюционная идеология живуча в Японии...» (стр. 259).

Таковы некоторые вопросы, поставленные в «Очерках философии и социологии современной Японии». Выход в свет «Очерков», безусловно, должен быть отмечен как положительное явление, они вносят значительный вклад в наше японоведение и китаеведение.

С. Л. Тихвинский,

член-корреспондент АН СССР

Польский синолог об истоках китайской драмы

ется докторской диссертацией, защищенной им в Варшавском университете в декабре 1973 г.

Тадеуш Жбиковский — известный польский синолог, автор более 150 работ, в число которых входит монография «Конфуций», а также статьи, рецензии, предисловия, переводы. Диапазон научной деятельности Т. Жбиковского чрезвычайно широк. Он пишет о китайской драме, о мыслитель-

Вышедшая в свет на английском языке книга Тадеуша Жбиковского «Ранние пьесы наньси южносунского периода» явля-

* Tadeusz Zbikowski. Early Nansi Plays of the Southern Sung Period. Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 1974.

ных системах китайского народа, о китайской поэзии и прозе, о переводах польской литературы в КНР. Глубокие знания китайской культуры и китайского языка позволяют Т. Жбиковскому обращаться к самым разным временам истории Китая от древности до последних событий «культурной революции».

Работы Т. Жбиковского отличаются ясностью мысли, точностью выражения, вниманием к фактам, логичностью и убедительностью исследования.

Докторская диссертация Т. Жбиковского «Ранние южносунские пьесы наньси» явилась результатом многолетнего изучения им традиционной китайской драмы, о чем свидетельствует ряд опубликованных им статей. Естественно, что при обсуждении докторской диссертации прежде всего возникает вопрос научной ценности и актуальности самой темы диссертации. Нет никаких сомнений, что ранняя южносунская драма наньси в истории китайской драмы сыграла большую роль и влияние ее было весьма значительным, исследований же о ней очень мало.

Докторская диссертация должна содержать в себе некое открытие. Мы можем с уверенностью сказать, что работа Т. Жбиковского открывает для науки раннюю южносунскую драму наньси в разностороннем анализе. Со свойственной Т. Жбиковскому тщательностью и научной добросовестностью исследованы все необходимые источники и сделаны самостоятельные важные научные выводы о ранней драме наньси.

Метод Т. Жбиковского мы можем проследить по его диссертации, начиная с введения и кончая заключением, в котором подытоживаются наблюдения и размышления автора.

Во введении дана краткая история знакомства Запада с китайской драмой и общая характеристика китайской драмы. Об истоках и начале развития китайской драмы Т. Жбиковский говорит в первой главе. Он рассматривает работы китайских исследователей — Ван Го-вэя, Чжэн Чжэнь-до, Чжоу И-бая и все важнейшие труды западных ученых, а также переводы китайской драмы.

По наблюдению Т. Жбиковского интерес к китайской драме безмерно вырос после второй мировой войны. Автор отмечает особо исследования Д. Калводовой и советских китайстов, считая их наиболее глубокими и сожалея о том, что русский язык часто недоступен западным нашим коллегам: «не так популярен, как английский или французский». Нам остается присоединиться к справедливым словам Т. Жбиковского: все большее количество появляющихся советских работ по истории, литературе, культуре Китая настоятельно требует от китайстов знания русского языка наряду со знанием западноевропейских языков, действительность же показывает, что не все западные ученые способны ввести в свой научный оборот эти работы.

Мы согласны с выводом автора, вытекающим из его рассуждений о китайской драме: «По всей видимости, китайская драма возникла в результате соединения двух независимых развивавшихся элементов — искусства актерских представлений, с одной стороны, и прозаического и поэтического сказа, с другой стороны».

В первой главе мы находим точные характеристики литературных жанров, повлиявших на рождение драмы, а также изложение истории актерского мастерства от ранних представлений до развитой юаньской и минской драмы. Автор щедро предоставляет читателю возможность ознакомления с текстами, па которые он ссылается.

Первая глава подводит нас непосредственно к теме исследования. Т. Жбиковский отмечает два основных типа китайской драматургии — северную и южную. До недавнего времени северная драма считалась самой ранней, так как в распоряжении ученых не было более ранних, чем тексты северных пьес, известные же нам южные относились по времени к концу господства династии Юань.

Что же произошло в дальнейшем? Почему оказалось так, что нашей науке открылись иные возможности и представления паши о хронологии развития китайской драмы изменились? Этому посвящена вторая глава — «Пьесы наньси».

Первый китайский исследователь ранней южносунской драматургии Ван Го-вэй высказал мысль о том, что наньси появились в сунское время. Но это могло быть лишь предположение, так как при жизни Ван Го-вэя еще не было обнаруженных позднее текстов. Т. Жбиковский говорит о позднем интересе к южной драме, о забвении даже самого термина наньси.

В исследовании Т. Жбиковского очень полезны и те страницы, которые как будто и не имеют непосредственного отношения к его теме, но оказываются необходимыми. Говоря об энциклопедии «Юнлэ дадянь», составленной в начале XV в. и содержащей тридцать три ранних южных драмы, из которых сохранились лишь три, автор останавливается на событиях, связанных с историей создания и гибели энциклопедии.

Т. Жбиковский доказывает, разбирая свидетельства китайских ученых, южное происхождение сохранившихся в «Юнлэ дадянь» пьес: судя по языку, они принадлежат ханчжоуским драматургам. Автор раздумывает над тем, почему эти драмы, существовавшие в записи, остались все же незамеченными в минском государстве и в начале правления Цинь, и считает главной причиной этого «плебейский» характер их содержания и языка.

Важен окончательный вывод — наньси возникает в начале XII в., основывается на местных народных песнях, ранних представлениях с разговорными диалогами и пением. Завоевав юг Китая, монголы запретили незнакомую им южную драму, разрешив лишь

то, с чем они уже сталкивались, то есть серьезную драму. Это повлияло на исчезновение ранней южной драмы, возродившейся даже в новой форме после падения монгольского владычества.

В следующей, третьей главе Т. Жбиковский рассматривает репертуар наньси. Это сделано хотя бы потому, что в распоряжении исследователя три полных текста и многоим более ста отрывков наньси, разбросанных в разных китайских источниках.

Автор начинает с сюжетов, которые он рассматривает в тесной связи с общественной функцией пьес. Нельзя не отметить проникновение автора в смысл пьес и его художественный вкус при изложении сюжетов, частности «Чжао Чжэнь-шуй и Цай Цун-лан». Рассмотрев сюжет этой драмы, а также пьес Ван Куе и Ван Хуане, автор анализирует их социальную сущность. В центре всех этих пьес — студент, готовящийся к экзаменам на государственную должность. Возлюбленная помогает ему сделать карьеру. Героини положительны. Среди героев неблагоприятен лишь Ван Куй, за что и платится жизнью. Но и здесь автор диссертации находит в китайских традициях черту, могущую послужить к смягчению души молодого карьериста: Ван Куй, хотя и поклялся никогда не покидать возлюбленную, которой он обязан был своим успехом на экзаменах, но не мог ослушаться родителей, выбравших для него невесту.

Естественно, что более подробно Т. Жбиковский останавливается на трех пьесах наньси, текст которых сохранился в энциклопедии «Юнлэ дадянь», а детальнее всего в третьей — «Прошедший первым на государственных экзаменах студент Чжан Се». Пересказ Т. Жбиковского сюжетов достоин высокой похвалы. Он делает это, расчлняя пьесу на сцены, выделяя узловые моменты, подчеркивая особенности характеров персонажей, попутно как бы анализируя пьесу, заставляя читателя сравнивать ее с теми рассказанными автором. Аналитический, научный, этот пересказ готовит почву для общей характеристики наньси, к которой автор нас подводит. Какова же она?

В начале третьей главы автор коснулся характерных черт драматургии древней Индии, Японии. Как соотносится с ними китайская драма наньси? В ней нет легендарных героев, нет схватки богов, нет борьбы царей за власть. В ней в главной роли чаще всего студент, углубившийся в подготовку к экзаменам и так добывающий славу и благополучие для себя и для семьи.

Судьбе такого студента находила свое преддочное мечта многих людей. Интересна мысль Т. Жбиковского о том, что молодые люди, изображенные в китайской драме, были надеждой и гордостью их родителей, и поэтому им прощало очень многое, и исключением одного — нарушения сыновней почтительности, самого страшного для конфуцианца греха.

Как правило, девушки, связывающие свою судьбу со студентом — героем пьес,

сы, фигуры положительные, хотя встречаются и исключения. Они принадлежат к разным социальным слоям, чем, прибавим от себя, подчеркивается наличие демократических черт в китайском обществе, отсутствие непроницаемых перегородок между различными группами. Лишний пример того, как существенно знание литературных памятников при изучении прошлого.

Наблюдение над ранними пьесами наньси еще раз приводит автора к выводу о связи их с прозаическим сказом и пением. Автор обнаруживает раннюю тематическую основу в танских новеллах чуаньци, но совершенно правильно замечает, что, написанные на книжном языке чуаньци, они не могли оказать непосредственное влияние на сунские пьесы. Прямое влияние было оказано сунскими народными повестями и таким жанром, как поэтический сказ чжундяо.

Четвертая глава посвящена главным вопросам построения наньси. Автор делит три пьесы, сохранившиеся в «Юнлэ дадянь», на сцены. Он делает интересное для нас выводы о длительности драматического представления в сунское время, о причине наличия пролога в драме как результате связи драмы с устным рассказом, требовавшим непременно вступления до полного сбора слушателей. Автор делает весьма обоснованное предположение, что именно рассказчики повестей стали пробовать свои силы в написании драмы.

Т. Жбиковский для подробного анализа из трех пьес выбрал наиболее сложную — «Чжан Се». Ею иллюстрирует он ряд своих наблюдений и выводов. Он выделяет два главных персонажа — студента и его возлюбленную, бедную девушку. По-настоящему серьезны на сцене только они. В остальных действующих лицах всегда присутствует элемент комизма. Когда автор работы останавливается в дальнейшем на разборе амплуа наньси и говорит о шиэ и дань, основных персонажах драмы, он еще раз подчеркивает их серьезность, полное отсутствие любой черты характера или любого поступка, которые могли бы вызвать смех.

Следует остановиться на очень интересном рассуждении Т. Жбиковского о пассивности персонажей наньси, об их покорности судьбе. «Они редко борются за свою цель». Причину этого видит он в следовании знаменитой китайской прописи: «Жизнь и смерть предопределены судьбой, слава и благоденствие испосланы небом». В этой прописи автор находит соединение конфуцианства с даосизмом: первое связывает жизнь с общественным положением, второй утверждает, что чем больше борешься за что-нибудь, тем меньше возможностей достижения этого.

Т. Жбиковский обнаруживает здесь нечасто, к сожалению, встречающееся в нашей науке понимание неразделимости в китайском сознании конфуцианства и даосизма, как будто противоречащих друг другу, а на самом деле выступающих в определенном

единстве в жизни китайского общества. Возникает лишь один вопрос — справедливо ли рассуждение Т. Жбиковского о пассивности для всех персонажей? Здесь хочется поспорить с автором и все-таки отметить активность подруг пассивных героев. Женские характеры активны и в жертвенности своей и в стремлении соединиться с героем. Путь им преграждает только та самая конфуцианско-даосская действительность, о которой с таким знанием дела говорит Т. Жбиковский.

Опираясь на мнение С. Скварчинской о различии между эпической и драматической формой сюжета (эпическая — прямое развитие событий, драматическая — развитие событий в результате борьбы, столкновения антагонистических сил), Т. Жбиковский считает ясным эпический характер ранних южных пьес, в чем видит и зависимость этих пьес от простонародной литературы, созданной уличными рассказчиками, — от эпических произведений на разговорном языке. Прозанческими истоками драмы автор диссертации в какой-то мере истолковывает и пренебрежение китайцев (в отличие от древних греков) единством времени и места.

Очень убедительно объяснение Т. Жбиковского обязательной в пьесах саморекордации тем, что слова представления себя в те времена, когда не было программ, необходимы были для понимания зрителем сюжета пьесы. Менее обоснованы рассуждения автора диссертации о смысловом значении имен в наньси. Нельзя, конечно, отрицать наличие смыслового значения в общем, но и преувеличивать его не следует.

Раздел о юморе в пьесах еще раз подтверждает доскональность знания Т. Жбиковским языка и культуры Китая; в одном том, как автор говорит о случаях трудностей в расшифровке текста, обнаруживается подлинное понимание китайского текста. Совершенно справедливо поддержанное цитатой из заключительной сцены «Чжан Се» наблюдение Т. Жбиковского о том, что «драма «Чжан Се», как и почти все остальные, имеет счастливый конец».

Диссертация Т. Жбиковского завершается главой о форме наньси. Автор анализирует пение, диалог и движение — основные элементы драмы, останавливается на вопросе определения южного или северного типа драмы по характеру арии, происхождению ее стихов от «цы» или «цюй», останавливается на интереснейшем вопросе истории названия мелодий, на музыкальном сопровождении южной и северной драмы, говорит об иконографическом наследии, благодаря которому мы можем представить себе облик актера XII—XIV вв. Все рассуждения автора иллюстрируются переводами монголов и больших отрывков наньси. Везде автор опирается на свидетельства и исследования прежде всего китайских ученых. Нам пред-

ставляется привлеченный им материал для нынешнего состояния науки о китайской драме исчерпывающим.

Через всю работу проходит важнейший вывод автора о происхождении наньси от искусства рассказа. Т. Жбиковский приходит к этому с разных сторон. В последней главе он показывает, как текст арии превалирует в наньси, в то время как в северных драмах наибольшую эстетическую ценность имеет мелодия, текст же занимает подчиненное положение. И этим также подтверждается то, что истоки северной драмы в чжугундяо, южной же — преимущественно в устных рассказах. Автор диссертации показывает, что лишь рифма в наньси отличается от монолога, что и в ариях и в диалогах господствует разговорный язык сунского времени.

Так Т. Жбиковский подводит нас к окончательному заключению. Оно легко вытекает из всего предыдущего, представленного нами в существе своем в настоящей статье. Перед нами труд, в котором шаг за шагом обоснованно, с подлинной научной честностью, с подтверждением собственных положений работами своих китайских и западных предшественников, умно и творчески прослеживается путь ранней южносунской драмы наньси и анализируется ее сущность.

Читая в заключении о том, что наньси, самая ранняя из сохранившихся форм китайской драмы, отличается и от юаньской северной драмы (которая до 30-х годов нашего столетия считалась наиболее ранней) и от поздней южной минской драмы, читая и о зависимости китайской драмы от искусства рассказа, что особенно заметно на южной драме наньси, и, наконец, читая последнюю фразу работы о том, что в отличие от большинства форм, известных в мировой драматургии и ведущих свое происхождение от религиозных, ритуальных церемоний, китайская драма возникла из народных эпических представлений светского характера, — читая все это, мы можем подтвердить, что всем своим содержанием труд Т. Жбиковского приводит нас именно к этому выводу. Что может быть лучше для ученого, поставившего перед собой определенную цель исследования?

Работа радует своим научным оформлением. К ней приложена полная библиография сохранившихся текстов ранних наньси, китайских материалов и исследований, исследований на западных языках, а также неероглифические указатели.

Мы можем с удовлетворением отметить, что в синологии сделан еще один весьма успешный шаг на пути изучения национальной китайской драмы.

Л. З. Эйдлин,
доктор филологических наук

Китайские милитаристы — пособники интервенции на Дальнем Востоке (1918—1922)

Октябрьская социалистическая революция «к весне 1918 г. победила почти повсеместно»¹. Советская власть была установлена и на просторах Сибири и Дальнего Востока. Она победила во Владивостоке и Сучане, в декабре — в Хабаровске, Томске, Новоиколаевске, в феврале 1918 г. — в Чите и большинстве других городов и районов Дальнего Востока.

Первый общесибирский съезд Советов, собравшийся в Иркутске в октябре 1917 г. — накануне Петроградского восстания, — поддержал лозунги партии и создал большевистский ЦИК Советов Сибири (Центросибирь) — организующий центр борьбы за власть Советов на местах. Под его руководством началась ожесточенная борьба с проконтрреволюционной и объединенными силами империалистической интервенции. Борьба велась в тяжелых условиях, когда контрреволюция, сосредоточившись в Сибири и на Дальнем Востоке, пыталась силой оружия захватить эти районы, превратить их в оплот «белой» власти, в плацдарм для наступления против молодой Республики Советов.

В начале 1918 г. империалистические государства — США, Англия, Франция и особенно Япония, — объединив свои силы, поддерживали и снабжали оружием российскую контрреволюцию. Японские империалисты с помощью пекинского китайского правительства и северных милитаристов помогали формированию и бандитским налетам белых армий Семенова, Калмыкова и других на территорию Приморья и Забайкалья, предоставив им в качестве исходного плацдарма территорию Маньчжурии.

Империалистические государства участвовали, используя свой военно-морской флот и армию в контрреволюционной войне против молодой Советской Республики, стремясь захватить и превратить в свою колонию богатые сырьем районы Сибири и Дальнего Востока. В конце мая 1918 г. по указанию правительства Франции, Англии и США и при содействии меньшевиков и эсеров командование чехословацкого корпуса бывших военнопленных, следо-

вавших по Транссибирской железной дороге во Владивосток для отправки затем морским путем на родину, подняло мятеж против Советской власти и свергло ее в основных центрах Сибири. Иркутск и весь Дальний Восток оказались отрезанными от центра России.

В. И. Ленин, внимательно следивший за событиями на Дальнем Востоке и руководивший действиями ЦИК Советов Сибири, в связи с высадкой 5 апреля 1918 г. японских и английских десантов во Владивостоке одобрил решение Центросибири об объявлении военного положения. В телеграмме от 7 апреля он писал: «Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверняка будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил»². Это указание В. И. Ленина стало руководством для действий большевиков Сибири и Дальнего Востока.

Рецензируемая книга³ — яркое и волнующее повествование о мужестве и героизме большевиков Сибири и Дальнего Востока, вставших во главе всенародной войны против объединенных сил интервентов и контрреволюции. В книге собраны воспоминания ветеранов — руководителей и участников гражданской войны 1918—1922 гг. на Дальнем Востоке. В ней четко выделены три раздела: руководство вооруженной фронтовой, а затем и партизанской войной, подпольной работой коммунистических организаций в городах и районах Сибири и Дальнего Востока, захваченных врагом, дипломатической деятельностью Дальневосточной Республики — буферной республики между РСФСР и Японией. Как указывал В. И. Ленин на заседании фракции РКП(б) VIII съезда Советов, «Вопрос стоял таким образом: Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку ее военные силы там распоряжаются, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной Республики, и мы прекрасно знаем, какие неимоверные бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма, какое неслыханное количество зверств проделали японцы в Сибири»⁴.

Как подчеркивает в предисловии к книге Маршал Советского Союза И. С. Конев, она воспроизводит «дух эпохи гражданской войны» и «насыщена сотнями имен участников боев, участников подпольных партий-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36, стр. 216.

³ «Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922)». М., 1973, 351 стр.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 42, стр. 93.

¹ «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 3. Кн. 1. М., 1967, стр. 428.

ных организаций», рассказывает «о партийной и боевой деятельности в те годы таких прославленных героев, как П. П. Постышев, В. К. Блюхер, И. И. Уборевич, С. Г. Лазо, внесших большой вклад в освобождение Дальнего Востока»⁵.

Книга представляет несомненный интерес для историков-востоковедов, поскольку обогащает малоизвестными фактами из истории советско-японских и советско-китайских отношений. Как известно, японский империализм, вступая в союз с другими империалистическими государствами с целью задушить власть Советов, оккупировать и превратить в свою колонию обширные земли Сибири и Дальнего Востока, с самого начала интервенции узурпировал себе право преимущества перед другими союзниками по интервенции. При этом правительство Японии в своем официальном обращении к союзным державам в декабре 1917 г. выступило с предложением о посылке японских войск на Дальний Восток и в Сибирь якобы для поддержания порядка и для защиты в этих областях интересов держав, заверяло их в том, что «не думает о территориальных приобретениях, а лишь добивается исключительных прав на горные, лесные и рыболовные концессии на советском Дальнем Востоке»⁶. После того как японский крейсер «Ивами» 12 января 1918 г. вошел без разрешения советских властей во владивостокскую бухту, японский консул во Владивостоке заявил, что японские военные силы прибыли для «защиты» проживающих там японских подданных, что «императорское правительство несколько не намерено вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России»⁷. Командующий японской эскадрой адмирал Като после высадки 5 апреля 1918 г. японского десанта во Владивостоке вновь повторил версию о том, что десант высажен «для защиты японских подданных»⁸. В действительности захватнические цели японских империалистов выходили далеко за пределы Владивостока и даже Приморья. Еще в начале 1918 г. премьер-министр Японии Тэраути, министр иностранных дел Мотоно в беседе с американским журналистом заявили, что «будет бесполезным для Японии высадить войска во Владивостоке, не попытавшись овладеть Сибирской железной дорогой вплоть до Иркутска»⁹. Уже к началу октября 1918 г. численность японских войск на Дальнем Востоке и в Сибири превышала 70 тыс., а в дальнейшем, к концу 1921 г., — 150 тыс. солдат и офицеров¹⁰. Вслед за вой-

сками на Дальний Восток и в Сибирь была направлена из Японии значительная группа «специалистов» в качестве «наблюдателей, советников и исследователей масштабов и реальности освоения ресурсов сырья и продовольствия Приморья, Приамурья, Забайкалья и Сибири»¹¹.

По секретному соглашению с пекинским правительством японские войска заняли КВЖД, превратили Северную Маньчжурию в плацдарм для расширения интервенции на Дальнем Востоке.

После побед Красной Армии над армиями Колчака, Деникина и Юденича, к концу 1919 г., создалась обстановка, заставившая страны Антанты сделать вывод о бесперспективности свержения Советской власти в России. Военная мощь Красной Армии, сплоченность трудящихся вокруг партии большевиков убедили империалистов в том, что «русские защищают свою новую власть как свой собственный дом, свою собственную семью»¹². И в начале 1920 г. английские, французские, американские и другие войска интервентов были эвакуированы с советского Дальнего Востока. И лишь японские войска оставались на оккупированной ими территории. При этом японцы всячески затягивали переговоры с делегацией ДРВ. Дайренские (VIII, 1921—IV, 1922) и Чаньчунские (4—25. IX, 1922) переговоры закончились безрезультатно. Мощные удары Народно-революционной армии, движение протеста японских трудящихся против интервенции в Советской России, разложение экспедиционной армии в результате грабежа, насилий и убийств советских людей, участвовавшие случаи дезертирства, отказа японских солдат воевать против русских рабочих и крестьян заставили правительство Японии в конце октября 1922 г. отозвать свои войска с советского Дальнего Востока. В то же время оно задержало свои гарнизоны на Северном Сахалине до 1925 г. и вывело их оттуда только после установления дипломатических отношений с Советским Союзом.

Одной из серьезных причин, способствовавших империалистической Японии осуществлять столь длительную и кровавую интервенцию на Дальнем Востоке, была антисоветская политика пекинского правительства Дуань Ци-жуня и милитаристской клики Чжан Цзо-линя. Они предоставили Японии североманьчжурский плацдарм, построенную Россией Китайско-Восточную железную дорогу, водные коммуникации по Сунгари и Амуру для перегруппировок и перебросок японских войск, обеспечивали формирование, пополнение белогвардейских армий Семенова, Калмыкова и других, пропуская банды через маньчжурскую границу на территорию Приморья, Приамурья и Забайкалья.

¹¹ F. Coleman. Japan moves North. London, 1918, p. 46.

¹² A. Siebold. The Russia character. Boston, 1929, p. 87.

⁵ «Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922)». М., 1973, стр. 8.

⁶ См.: Х. Эйдуэс. Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946, стр. 64.

⁷ «Действия Японии в Приамурском крае». Владивосток, 1921, стр. 7.

⁸ F. Coleman. Japan moves North. London, 1918, p. 27.

⁹ Там же, стр. 30.

¹⁰ T. Millard. Democracy and the Eastern Question. N. Y., 1919, p. 315.

Мало того, они участвовали, используя собственные войска, в интервенции в Забайкалье.

С какой целью китайская сторона могла участвовать в интервенции против молодой Советской Республики? Для того, утверждают в Пекине, чтобы «иметь право для предъявления юридических прав на китайские земли», якобы ранее захваченные русским царизмом на Дальнем Востоке¹³.

Пекинское правительство Дуань Ци-жуня активно участвовало в интервенции на советском Дальнем Востоке в качестве союзника, купленного японскими агрессорами за довольно значительные «дары». Только за 1918 г. Япония предоставила пекинскому правительству, милитаристам 29 займов на общую сумму 246,4 млн. иен (30 млн. амер. долл.). Это была плата за подготовку маньчжурского плацдарма в качестве оперативного тыла для агрессии против молодой Республики. В секретном приложении к японо-китайскому соглашению от 16 мая 1918 г. о военном сотрудничестве китайская сторона взяла на себя: а) охрану тыловых коммуникаций японских войск на территории Маньчжурии от Хэгана до Янцзы и от Итулихэ до ст. Маньчжурия; б) обеспечение свободного продвижения японских войск по Сунгари и Амуру, предоставление японскому командованию плавсредств и проводку их по фарватеру; в) обязанность предоставлять железнодорожную магистраль КВЖД для перевозки японских войск и охрану эшелонов; г) закупку на территории Маньчжурии продовольствия и фуража для японских войск; д) обязанность пригласить японских офицеров-инструкторов для обучения частей китайских войск, несущих охрану и гарнизонную службу от Урги до Читы; е) обещание не препятствовать формированию оказавшихся на территории Маньчжурии русских войск и пропуску их через границу на территорию русского Дальнего Востока¹⁴. Китайское правительство согласилось на ввод в северную часть Маньчжурии 60 тыс. японских войск. Кроме того, оно согласилось пропустить через Северную Маньчжурию войска Квантунской армии, действовавшие совершенно независимо от союзных войск под руководством штаба Квантунской армии в Порт-Артуре и генерального штаба в Токио¹⁵. Такова историческая правда об участии Пекина и мукден-чжильской клики милитаристов в интервенции на Дальнем Востоке.

О непосредственном участии китайских войск в интервенции на Дальнем Востоке свидетельствуют и авторы рецензируемой книги. Командовавший Дальневосточным Коммунистическим отрядом В. А. Бородавкин в своих воспоминаниях пишет, что в бо-

ях на фронте Адрианова—Оловянная в разгромленном отряде противника «участвовало 2 тыс. китайцев, 1 тыс. русских предателей — офицеров, кадетов, юнкеров, солдат и казаков»¹⁶. Китайские военные власти обслуживали части белогвардейского атамана Калмыкова. Командующий Уссурийским фронтом — коммунист В. В. Сакович в своих воспоминаниях свидетельствует: «Со стороны Маньчжурии к нам стали заявляться китайские представители, подсылаемые, по видимому, империалистами США и Японии. Они «дружески» предупреждали, что якобы движутся белогвардейские отряды, которые заходят к нам в тыл. Таким путем надеялись вынудить нас бросить выгодные позиции и отойти далее к северу. Но мы не поддались на эту удочку, хотя необходимые меры против возможного подхода белых со стороны Маньчжурии приняли»¹⁷.

Пекинское правительство предоставило японцам и белогвардейским атаманам и генералам свободу набирать наемников в свои армии не только из среды белых эмигрантов, но и среди китайской молодежи. В докладе американскому сенату. «О японской агрессии на русском Дальнем Востоке» отмечается, что, «заверяя руководителей земства в Приморье, что Япония не вмешивается во внутренние дела, они в то же время перебрасывали из Маньчжурии с помощью официальных властей Чжан Цзо-линя китайские бандитские шайки, которые терроризировали население»¹⁸. Семеновские и калмыковские офицеры вербовали китайскую молодежь, а китайское пекинское правительство обещало льготы их семьям за участие в интервенции на стороне белой армии. Из завербованных создавались отдельные подразделения, «которые хорошо вооружались, в том числе и пулеметами»¹⁹.

Действия пекинского правительства и милитаристских клик Северо-Восточного Китая в период интервенции на Дальнем Востоке принесли нашему народу огромные лишения и невосполнимые потери. В книге воспоминаний ветеранов — участников гражданской войны на Дальнем Востоке — приведены многочисленные факты такого рода. Против антисоветской политики тогдашних пекинских руководителей и милитаристских клик выступали трудящиеся и все честные люди в Китае. Китайские студенты, проходившие обучение в Японии, в знак протеста против японо-китайского соглашения от 16 мая 1918 г. бросили учебу, вернулись в Китай, создали «Общество спасения Родины», развернули движение протеста в Шанхае, Пекине и ряде других городов Северного и Центрального Китая. Руководители «Общества спасения Родины» обратились с призывом

¹³ «Учебные пособия по географии». Пекин, 1969, стр. 88.

¹⁴ Архив МО СССР, ф. 216, оп. 24987/кд. 142, л. 37—38.

¹⁵ См.: Gleason. What shall I think of Japan. N. Y., 1921, p. 24.

¹⁶ «Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922)». М., 1973, стр. 32.

¹⁷ Там же, стр. 54.

¹⁸ «Japanese aggression in the Russian Far East». Washington, 1922, p. 45.

¹⁹ Там же, стр. 10.

к народу и армии выступить против секретного соглашения об участии Китая в интервенции на советском Дальнем Востоке: «...идите на любые жертвы,— писали они в обращении,— но не признавайте этот договор»²⁰.

В движение протеста против антисоветской политики Пекина включались рабочие и трудовая интеллигенция. 4 февраля 1920 г. союз революционных организаций Китая, выражая свою солидарность с борющимся против интервенции советским народом, опубликовал манифест, в котором протестовал против увеличения японских войск на территории Китая, «требовал от своего правительства пересмотра всех согла-

шений с японским правительством»²¹. Китайские трудящиеся выступали против антисоветской политики пекинского правительства.

Нынешнее маоистское руководство продолжает противоречить интересам народа традиции антисоветизма китайской реакции периода интервенции 1918—1922 гг. на советском Дальнем Востоке, вызывая решительное осуждение советских людей, которым памяты трагические последствия империалистической интервенции против молодой Советской Республики в те годы. Книга «Гражданская война на Дальнем Востоке» еще раз напоминает об уроках истории. Следует помнить о них и сегодняшним маоистским антисоветчикам.

²⁰ Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, стр. 95.

²¹ П. Парфенов. Борьба за Дальний Восток. М., 1931, стр. 112.

Б. Г. Сапожников,

доктор исторических наук

Судьба национального капитала в КНР

Публикация большой фундаментальной работы по проблемам социально-экономического развития современного Китая— это в последние годы не столь частое явление как в отечественной, так и зарубежной китаеведческой литературе, хотя события в КНР с каждым днем все с большей настоятельностью требуют принципиального марксистско-ленинского всестороннего анализа социально-экономических и политических метаморфоз в стране за истекшие четверть века. Проблема оценки современного состояния, перспектив изменения социально-экономического строя Китая является одной из актуальнейших, научно значимых проблем китаеведения. Одной из основных составных частей проблемы социально-экономического развития современного Китая представляется анализ изменений в национальном капитале страны. Именно этой теме посвящена недавно вышедшая книга В. И. Ванина «Государственный капитализм в КНР»^{*}.

Нельзя не согласиться с положением автора о том, что коренные социально-экономические преобразования осуществлялись

«в отсталой стране, в своеобразных условиях перерастания антифеодальной, антиимпериалистической, демократической революции в социалистическую при наличии сильных тенденций мелкобуржуазной идеологии, национализма и великодержавности, в обстановке сложной борьбы в КПК между марксистско-ленинским, интернационалистским и мелкобуржуазно-националистическими течениями» (стр. 3—4).

В работе в широком теоретическом плане рассматривается проблема обобществления важнейших средств производства в слаборазвитых странах на этапе перехода к социализму на примере Китая, умело используется марксистско-ленинская методология в конкретной оценке экономических и социально-политических явлений и процессов в КНР.

Очень важной частью работы является глава первая, в которой рассматривается с принципиальных позиций марксистско-ленинской методологии социально-экономическая сущность государственного капитализма в период перехода к социализму. Автор, творчески используя ленинские положения о госкапитализме, рассматривает его как средство реализации ведущей роли общенародного государственного сектора «в постепенном распространении элементов государственно-планового регулирования на другие секторы для преодоления стихии в различных сферах народного хозяйства» (стр. 23—24). Интересны положения автора о связи госкапитализма с кооперацией, с мелкотоварным производством в условиях переходного периода к социализму (стр. 24—28), о причинах использования объективно необходимых переходных форм строительства социализма (стр. 28—30). В главе рассматриваются теоретически возможные в определенных условиях мирно осуще-

* В. И. Ванин. Государственный капитализм в КНР. М., «Наука», 1974.

ствить замену капиталистической собственности на средства производства социалистической собственностью (стр. 35—42). Характерным для этой части работы является сочетание абстрактного анализа с привлечением фактов исторической практики Советского Союза и стран народной демократии.

Логически и теоретически хорошо вписывается в монографию та ее часть, которая посвящена общественно-историческим условиям развития государственного капитализма в КНР (стр. 43—79).

Перед тем как перейти к анализу форм государственного капитализма в КНР, в книге, на наш взгляд, обоснованно дается анализ рычагов государства КНР для контроля и регулирования частнокапиталистического хозяйства (стр. 80—112). Здесь же дается принципиальная оценка кампаний «против трех злоупотреблений» и «против пяти злоупотреблений». Причем, начиная с проведения в жизнь мероприятий по реализации мартовского постановления 1950 г. Государственного административного совета о «централизации финансово-экономической работы в стране», дается анализ деятельности народного правительства по дальнейшему ограничению деятельности частного капитала.

В работе всесторонне анализируются начальные формы государственного капитализма (стр. 112—138), а также смешанных государственно-частных предприятий (стр. 139—170). Заслуживает внимания деление и характеристика, данная автором, смешанных государственно-частных предприятий на два типа предприятий, «которые существенно отличались друг от друга социально-экономической природой»: а) смешанные государственно-частные предприятия, созданные в 1949—1955 гг., б) смешанные предприятия, которые появились в период поотраслевого преобразования в 1956 г. (стр. 140). В работе на богатом фактическом материале рассматриваются пути преобразования капиталистических, главным образом промышленных, предприятий в смешанные государственно-частные в период 1949—1955 гг.

В соответствии с делением смешанных государственно-частных предприятий на два типа в монографии специально рассматривается поотраслевое преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли (стр. 171—251). В этой части работы не менее тщательно, чем в промышленности, анализируется процесс преобразования частнокапиталистических предприятий в смешанные государственно-частные предприятия в области торговли. Автор, подчеркивая глубину качественного изменения характера смешанного государственно-частного предприятия после поотраслевого преобразования, отмечает: «фактически в ходе поотраслевого преобразования, при всем своеобразии этого процесса, лозунгов и политических заявлений, предприятия буржуазии перешли

в руки государства. Буржуазия при создании «смешанных» предприятий лишалась права распоряжения капиталом во всех его формах, утратила непосредственные связи со средствами производства предприятий. Капиталисты потеряли право распоряжения средствами производства, имуществом предприятий, управления производством в качестве капиталиста, а также распоряжения и командования трудом работников предприятий. Средства производства буржуазии поступили в полное и непосредственное ведение государства, в его фактическую собственность» (стр. 196—197).

В результате поотраслевого преобразования капиталистической промышленности и торговли, по мнению автора, произошло коренное изменение в производственных отношениях, перестали действовать законы, свойственные капитализму (стр. 198). При этом в книге правильно подчеркивается, что реальное экономическое положение буржуазии после поотраслевого преобразования характеризуется сохранением элементов капиталистических производственных отношений, что связано «с выплатой капиталистам фиксированного процента на прибыли предприятий» (стр. 199).

Чрезвычайно интересна часть работы, которая посвящена так называемому фиксированному проценту как особой экономической категории. «В фиксированном проценте, — говорится в книге, — нашли свое выражение сохранившиеся вторичные элементы капиталистических производственных отношений, касающихся сферы распределения, и формальные связи капиталиста с прежним капиталом. Вместе с тем фиксированный процент одновременно явился формой реального отделения буржуазии от собственности на средства производства и непосредственного выкупа рабочим классом средств производства буржуазии. Он выражал особые отношения между рабочим классом и национальной буржуазией по поводу выкупа капитала» (стр. 206). Нельзя не согласиться с такой постановкой вопроса. Тем не менее следует отметить, что вопрос этот и сегодня является дискуссионным.

Особое место занимает раздел о производственно-экономической реорганизации частнокапиталистических предприятий в результате социально-экономических преобразований в КНР (стр. 212—236). Современному положению национально-буржуазных элементов в КНР, их связи с китайской национальной буржуазией за рубежом посвящена глава восьмая монографии (стр. 252—296).

Учение о государственном капитализме представляет собой важную часть общей теории о путях построения социализма. Социально-экономическое преобразование капиталистических предприятий через различные формы государственного капитализма в КНР явилось составной частью решения основных задач переходного периода к социализму в КНР. «Позитивное в целом раз-

витие государственного капитализма в КНР в годы первой пятилетки, — пишет В. И. Ваннин, — было обусловлено прежде всего тем, что оно увязывалось с общим социалистическим направлением развития страны, в значительной степени основывалось на общих закономерностях строительства социализма с учетом конкретной ситуации в стране» (стр. 300). Автор подчеркивает, что государственный капитализм в КНР имел большое значение в деле укрупнения производства.

В книге справедливо подчеркивается, что хотя государственный капитализм позволил перевести классовую борьбу с национальной буржуазией в наиболее выгодные для рабочего класса формы, ослабил сопротивление буржуазии, тем не менее многие моменты «мирного переустройства» капиталистического хозяйства, компромиссы с национальной буржуазией были чреваты опасностью потери принципиального пролетарского курса. Эта опасность особенно обнаружилась в связи с открытым переходом в конце 50-х годов китайского руководства к на-

ционалистическому, шовинистическому курсу.

Содержание работы В. И. Ваннина выходит за рамки ее названия. Развитие государственного капитализма рассматривается в тесной связи с проведением аграрной политики КПК, политики осуществления курса на социалистическую индустриализацию. Причем в книге судьба китайской национальной буржуазии прослеживается на всем протяжении почти четвертьвековой истории КНР. В исследовании приводится и анализируется исключительно богатый, разнообразный фактический материал.

Несомненно, книга В. И. Ваннина «Государственный капитализм в КНР» с большим интересом будет прочитана не только специалистами-китаеведами, но и преподавателями политической экономии, а также широким кругом читателей, интересующихся проблемами современного Китая.

М. М. Никольский,
кандидат экономических наук

За коллективную безопасность в Азии надо бороться

При всей очевидной сложности и противоречивости положения в современном мире доминирующей тенденцией, несомненно, является происходящий поворот от «холодной войны» к разрядке международной напряженности, от военной конфронтации к упрочению безопасности, к мирному сотрудничеству. Существенной особенностью этого процесса является тот факт, что он происходит под все более возрастающим воздействием широких кругов прогрессивной общественности всех стран и континентов. Это ярко продемонстрировала и международная встреча, которая была посвящена вопросам борьбы за мир и безопасность в Азии. Встреча проходила в Самарканде с 25 по 27 сентября 1974 г. и явилась крупным форумом демократической общественности, в котором приняли участие представители 30 стран и более 10 международных демократических организаций.

Выступая с речью на открытии встречи, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов сделал глубокий анализ факторов, определяющих принципиально новый характер происходящей в настоящее время разрядки напряженности и создающих объективные предпосылки для дальнейшего улучшения международной обстановки. Ш. Р. Рашидов отметил, что этот процесс не может проходить стихийно, без борьбы с силами реакции, пытающимися любыми способами сохранить и даже укрепить свои позиции в деле экономического и политического порабощения народов, борющихся за полную независимость и суверенитет своих стран.

Улучшение общего состояния международных отношений, подчеркнул Ш. Р. Рашидов, привело к возникновению благоприятных условий для создания системы безопасности в Азии. Важность установления такой системы определяется не только тем, что здесь проживает более половины населения всего человечества, но и тем, что Азия по-прежнему остается постоянным объектом интриг и провокаций империалистических сил против народов, пытающихся добиться полной независимости и стре-

мящихся идти по пути национального процветания и социального прогресса.

Ссылаясь на исторические факты, Ш. Р. Рашидов показал, что с первых дней возникновения Советского государства в основу его внешней политики была положена забота о разработке эффективных мер по обеспечению мира, свободы и безопасности народов. Руководствуясь этими ленинскими идеями, Советское государство заключило первые договоры со своими соседями в Азии — Афганистаном, Ираном, Турцией, Монголией и Китаем. Все последующие годы Советский Союз неизменно активно выступал за безопасность народов, против нарушения мира в любой части света.

Миролюбивая внешняя политика Советской страны, решительная и всесторонняя поддержка борьбы азиатских народов против империализма и колониализма, за свободу и независимость получила высокую оценку в выступлениях участников самаркандской международной встречи. Вице-президент Организации солидарности народов Азии и Африки, государственный министр Ирака Азиз Шериф, в частности, заявил: «Мы с огромным вниманием ознакомились с теплым приветствием, которое прислал участникам самаркандского форума Леонид Ильич Брежнев. Генеральный секретарь ЦК КПСС еще раз подтвердил верность Советского Союза его миролюбивой внешней политике, направленной на сохранение мира и обеспечение мирного сосуществования. СССР последовательно проводит эту политику, начиная с провозглашения мира великим Лениным сразу после Октябрьской революции вплоть до принятия Программы мира на XXIV съезде КПСС. Эта политика предусматривает решительную поддержку борьбы всех народов, включая народы Азии, за свободу, развитие и равноправное участие в международной политической жизни. Арабские народы, верные своему высокому долгу неустанной борьбы за свободу и мир, никогда не забудут той твердой и решительной поддержки, которую Советский Союз оказывает нам не только в борьбе против агрессоров, но и в деле развития и достижения лучшей жизни и полной безопасности».

Многие участники встречи в своих выступлениях подчеркивали, что идея о необходимости мирного сотрудничества стран Азии их коллективных усилий в целях создания условий стабильной политической обстановки на этом континенте давно зрел и формируется в сознании передовых представителей Азии. Высокую оценку получили такие мероприятия, как деллийская Всеазиатская конференция, созванная в марте 1947 г. по инициативе выдающегося государственного деятеля Индии Джавахарлала Неру, а также историческая Бандунгская конференция, двадцатилетие со дня созыва которой

будет отмечаться в будущем, 1975 г. К 1969 г. созрели условия для постановки вопроса о создании системы коллективной безопасности в Азии в повестку дня. Отмечалось, что к этому времени в Африке, например, региональная Организация африканского единства показала большую эффективность в деле сплочения африканских стран, ранее разрозненных и часто противопоставленных друг другу империалистическими силами Запада. В Европе все более популярным был обмен мнениями относительно созыва Европейского совещания по вопросам сотрудничества и безопасности. Но пожалуй, самое главное состояло в том, что не только прогрессивные силы мира все более осознавали возможность и необходимость коллективных усилий народов различных регионов мира в деле борьбы против империализма и колониализма, но и империалистические силы не могли больше держаться в узде народы Азии и Африки прежними методами: они не могли не считаться с возросшей мощью СССР и других социалистических стран, с активизацией рабочего движения в капиталистических странах и мощным натиском национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке, а также все возрастающим демократическим движением в мире. Все эти явления к 1969 г. сделали идею коллективной безопасности в Азии не только насущной, но и реальной.

Националистическое руководство Пекина, как известно, встретило в штыки идею СССР о необходимости установления в Азии системы коллективной безопасности. Его представители попытались создать впечатление, будто советская идея, выдвинутая в 1969 г., обусловлена не особенностями положения во всем мире, а какими-то антикитайскими мотивами, стремлением «окружить Китай» и т. д. Империалистические силы, естественно, стали активно эксплуатировать домыслы пекинского руководства, с тем чтобы затормозить процесс консолидации народов Азии. Как показали события начала 70-х годов, у империалистических сил и пекинского руководства появилось «взаимопонимание»: они стали выступать как наиболее реакционные силы на Азиатском континенте, как силы, которые не останавливаются перед подталкиванием реакционных режимов в Азии на борьбу против соседних народов, борющихся за свое национальное освобождение, перед разжиганием национальной розни между азиатскими народами. «Факты со всей ясностью показывают,— говорил в своем выступлении на встрече представитель МНР Н. Имжамц,— что наиболее ярым противником международной разрядки и коллективной безопасности в Азии выступают ныне пекинские руководители. Будучи оголтелыми великодержавными шовинистами, они, не желая связывать себе руки какими-либо международными обязательствами, преднамеренно искажают самую суть идеи коллективной безопасности в Азии, расценив ее как «окруже-

ние» и «изоляцию» Китая. Для мировой общественности уже не секрет, что гегемонистским стратегическим целям Пекина более подходит обстановка напряженности и разобщенности среди азиатских народов. Не случайно китайские правители так усердно стремятся обострить кризисные ситуации в том или ином районе континента, поддерживать постоянную напряженность и трения в отношениях между государствами».

Многие участники встречи говорили о том, что идея создания системы коллективной безопасности в Азии, в которой бы участвовали на равных правах все страны Азии и которая строилась бы с учетом заинтересованности всего человечества в мирном развитии континента, является своевременной и отвечает самым насущным интересам азиатских народов. Профессор Джайпурского университета (Индия) Давендра Каушик в своей речи на пленарном заседании указал на то, что борьба за нормализацию положения, за устранение причин конфликтов и войн в Азии, за безопасность народов на коллективной основе стала жизненной необходимостью. К пониманию этого, сказал он, приходят все более широкие круги общественности. И это оказывает растущее воздействие на политику тех правительств, которые занимают в этом вопросе колеблющуюся или отрицательную позицию. Он подчеркнул, что противодействие руководства КНР идее коллективной безопасности осуждается в странах Азии, и с этим Пекин не может не считаться. «Можно надеяться,— отметил профессор Каушик в заключение,— что Пекин также будет вынужден изменить свой подход к вопросу о коллективной безопасности в Азии, поскольку он не имеет ничего предложить взамен и поскольку это ставит его перед угрозой изоляции. Коллективная безопасность в Азии не отдаленная мечта, как утверждают скептики, она реальна и достижима».

В Афганистане, отмечал в своем выступлении профессор Кабульского университета Бульбуль Шах Джалал, с пониманием относятся к каждой советской инициативе в Азии. Они вытекают из всей советской внешнеполитической линии. Нашему народу мир нужен, чтобы осуществить новый курс страны, решить наши социальные проблемы. Вот почему мы с интересом обсуждаем различные аспекты и предложения по коллективной безопасности в Азии.

Представитель Пакистана сенатор Ихсапул Хак, познакомившись с успехами Самаркандской области, заявил: «Мы видим, каких грандиозных успехов добились вы. Мы также хотим динамичного развития. Ему содействуют и добрые отношения между нашими странами. Народам Азии, как и всем народам, нужен мир. И мы готовы обсуждать любое предложение, направленное к миру. С этой целью мы и прибыли в Самарканд».

Многие участники в связи с этим особо выделяли ту часть приветствия Генерально-го секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, где

говорится, что прочный мир и безопасность, достигнутые коллективными усилиями стран Азии, создали бы благоприятные условия для решения актуальных задач экономического и культурного развития, социального прогресса азиатских стран. Дело в том, что иностранные монополии ради сохранения своих прибылей всемерно стремятся разъединить азиатские страны, помешать их экономическому и политическому сотрудничеству. Под влиянием империалистических интриг многие азиатские страны не доверяют своим соседям и значительные средства тратят на вооружение. Таким образом, политическая нестабильность на континенте, взаимное недоверие между молодыми азиатскими странами не только мешают взаимовыгодному экономическому сотрудничеству, но и ведут к прямым непроизводительным расходам, которые тяжелой ношей ложатся на плечи народов. В связи с этим важное значение приобретают призывы участников встречи зорко следить за происками империалистических и других реакционных сил, не поддаваться на их провокации, всемерно крепить единство и развивать взаимное доверие между всеми азиатскими странами. Как отмечал генеральный секретарь Непальского комитета афро-азиатской солидарности Кришна Прасад Шрестха, диктат империализма и колониализма может быть ликвидирован, если народы объединятся и будут преисполнены решимости бороться за свое освобождение. Проанализировав события на Ближнем Востоке и в Индокитае, представитель Непала подчеркнул, что необходимо крепить единство народов Азии, чтобы положить конец господству империализма в этой части земного шара. В этой борьбе, указал Кришна Прасад Шрестха, особое значение обретает предложение Советского Союза о создании коллективной безопасности в Азии. Это предложение вызывает огромный интерес и поддержку среди народов Азии, в том числе и у народов Непала. Создание системы коллективной безопасности отвечает самым сокровенным чаяниям народов Азии.

Председатель Национального комитета афро-азиатской солидарности Ирана сенатор Мохсен Хаджиури также отметил, что общественность Ирана заинтересована в том, чтобы страна могла широко использовать достижения науки и техники, свои природные богатства, чтобы она полным ходом шла по пути прогресса. Но чтобы достичь этого, отметил он, необходим прочный мир. А реальный мир не может существовать только в одной стране, в одном регионе. Все люди доброй воли должны добиваться мира во всем мире.

Следует отметить, что идея сопричастности всех народов мира к миру в каждой стране и на каждом континенте высказывалась очень многими участниками встречи. Об этом говорили не только посланцы Азиатского континента, но и представители таких демократических организаций, как Всемирный Совет Мира, от имени которого

ярко выступал известный борец за мир каноник Раймон Гоор, а также представители национальных комитетов афро-азиатской солидарности европейских социалистических стран. Журналист Эдгар Росс (Австралия) назвал позором для своей страны действия прежних австралийских руководителей, которые по указке магнатов международного капитала направили вооруженные силы для борьбы против героического народа Вьетнама, для подавления национально-освободительного движения в других районах Азиатского континента. Вместе с тем оратор отметил, что реакционные силы и сегодня не сложили оружия, извращают истинную политику Советского Союза. Нужно еще много сделать, отметил Эдгар Росс, для возрождения духа Бандунга, для достижения солидарности азиатских стран и закладки основ коллективной безопасности. От имени австралийской общественности оратор заявил: «Мы приветствуем решительную поддержку, которую Советский Союз оказывает населению азиатских стран в развитии экономики и культуры. Мы обещаем предпринять все необходимые меры для укрепления солидарности с азиатскими странами».

Ряд участников встречи поддержали известное предложение Шри Ланки о том, чтобы объявить Индийский океан зоной мира. Об этом говорили представители Сингапура, Мадагаскара, Индии, Непала, Кувейта и других стран. При этом представитель Кувейта Мухаммед аль-Гидри заявил: «Мы вместе с другими народами, проживающими в районе Тихого океана, протестуем против создания американско-английской базы на острове Диего-Гарсия, в самом сердце океана. Мы отвергаем заявления нового президента США Дж. Форда, оправдывающего необходимость строительства этой базы наличием советских баз в Индийском океане. Ни Форду, ни его помощнику в Белом доме не удалось представить какие-либо объективные доказательства о советских военных базах в этом районе».

Напомним, что правительство Сомали выступило с опровержением слухов, подхваченных Пекином, о советских военных базах на его территории. В опровержении отмечалось, что единственная цель подобных слухов состоит в том, чтобы ввести в заблуждение международную общественность в момент, когда США продолжают реализовывать свои планы по приобретению и расширению военной базы Диего-Гарсия.

Представитель Кувейта призвал народы Азии быть бдительными. «Мировой империализм, возглавляемый американским империализмом,— подчеркнул Мухаммед аль-Гидри,— делает все, чтобы сохранить свои экономические интересы на нашем континенте, продолжать угнетать его народы. Он всеми средствами стремится внести раскол между азиатскими народами и их настоящими друзьями и союзниками в лице социалистического содружества во главе с Советским Союзом. Мы не должны также упускать из виду,— сказал оратор,— что в

мире есть силы, которые выступают с кричащими псевдореволюционными лозунгами, оказывают тем самым услугу планам империализма и наносят удар по подлинным силам демократии и прогресса».

Эдгар Росс также подчеркнул в своем выступлении, что прогрессивным силам Австралии в их борьбе против попыток создания военной базы Диего-Гарсия приходится сталкиваться с различного рода реакционными силами, которые также пытаются поставить на одну доску США и Советский Союз, утверждая, в частности, будто СССР стремится к военному присутствию в Индийском океане ради своих корыстных интересов. Оратор выразил благодарность Советской стране за ее всестороннюю помощь и поддержку народам Азии в их справедливой борьбе против империализма.

Достойное место в выступлениях участников самаркандской встречи заняла проблема борьбы народов Азии против империалистических военных блоков и баз. На этой важной проблеме останавливались в своих выступлениях делегаты из Индии, Лаоса, Мадагаскара, Шри Ланки, Болгарии, Польши, Австралии, Японии и других стран. «Широкие слои японского народа,— заявил проф. К. Хатанака,— во время войны во Вьетнаме на собственном опыте убедились в том, что угроза миру и безопасности в Азии для нынешней Японии исходит не из того, что она может подвергнуться агрессии со стороны какой-либо азиатской страны, а, напротив, эта опасность для нее исходит из возможности быть вовлеченной в американскую агрессию на основе японо-американского военного союза. Опасность состоит в том, что Япония может пойти на риск совершения агрессии против другой страны вслед за США... Будучи одной из стран Азии, имеющей историческую обязанность активно вносить вклад в дело мира и безопасности в Азии,— сказал он,— Япония все еще остается страной с многочисленными иностранными военными базами, на которых дислоцированы самые организованные и отборные войска...». Поэтому борьба за мир и безопасность в Азии, подчеркнул проф. Хатанака, для японцев должна развертываться также в форме борьбы за изгнание из своей страны американских вооруженных сил, за аннулирование японо-американского договора безопасности, за ликвидацию военных баз, за Японию мирную и самостоятельную.

«Мы глубоко встревожены тем, что США и Англия замысливают строительство и расширение военной базы на острове Диего-Гарсия в Индийском океане,— заявил делегат из Бангладеш М. Дж. Ахмед.— Такой замысел представляет большую угрозу безопасности и суверенитету азиатских государств. Народ и правительство Бангладеш решительно осуждают это. На предстоящей международной конференции, созываемой в Дели Организацией афро-азиатской солидарности и Всемирным комитетом мира, делегация Бангладеш окажет активную под-

держку идее превращения Индийского океана в зону мира».

Среди множества проблем, стоящих перед прогрессивной общественностью стран Азии, есть одна проблема, требующая безотлагательного решения,— это проблема установления мира в тех странах и районах, где он нарушен империалистическими силами. Поэтому участники встречи с большим пониманием встретили слова Рифата Ода (Йордания), когда он сказал, что надо начать с того, чтобы погасить огонь, остановить убийства в тех районах, где горит пламя войны, ликвидировать очаги напряженности. Долг всех государств и народов удвоить усилия ради достижения успеха на этом пути.

Торговцы войной, отметил Рифат Ода, не прекратили попыток сохранить очаги напряженности и продолжать убийства во Вьетнаме, несмотря на Парижские и другие соглашения. Ближний Восток остается районом мира, где в каждую минуту может вновь вспыхнуть огонь войны, несмотря на попытки арабских стран избежать такого хода событий. Мы призываем, заявил Рифат Ода, принять все меры по организации общественного мнения в Азии как первого шага в направлении достижения мира и безопасности на континенте.

Конечно, было бы неверно утверждать, что у делегатов не было расхождений во мнениях, что все участники встречи имели единую точку зрения по всем весьма сложным и острым вопросам, возникавшим в ходе дискуссий. Многие делегаты прибыли в Самарканд со своими сомнениями, колебаниями, а подчас и с искаженным пониманием некоторых проблем. Несомненно, общим было стремление к миру в Азии, желание найти наиболее рациональные пути к его обеспечению коллективными усилиями всех заинтересованных сторон. В своих выступлениях на пленарных заседаниях, в горячих дискуссиях в перерывах между заседаниями делегаты из азиатских стран иногда высказывали соображения, которые не совпадали с мнением большинства и интересовались точкой зрения советских представителей на волновавшие их вопросы. Так, японские делегаты, представлявшие, по их словам, левые радикальные круги японского общества, высказывали мнение, что время для создания системы коллективной безопасности в Азии при всей ее важности и актуальности все еще не наступило, что, прежде чем действовать в этом направлении, необходимо добиться аннулирования японо-американского «договора безопасности», вывода иностранных войск и ликвидации иностранных военных баз с чужих территорий, что сначала следует добиться объединения Кореи и положить конец конфликту в Индокитае. И потом уже думать о коллективной безопасности. Следует отметить, что японские делегаты с большим вниманием выслушивали доводы делегатов из других стран о том, что все это — действительно важные и острые вопросы, вызывающие напряжен-

ность в Азии, но что они могут быть лучше всего решены коллективными усилиями азиатских стран именно в процессе борьбы за нормализацию положения и за коллективную безопасность в Азии.

Заместитель генерального секретаря ОСНАА О. П. Паливал (Индия) убедительно доказывал на встрече, что важно использовать происходящую сейчас разрядку напряженности для нормализации положения, и не только в отдельных странах и районах, но и во всей Азии, что необходимо вслед за Европой совместными усилиями разработать практические мероприятия, способные привести к конкретным результатам.

Известно, что точка зрения о первоочередном решении «своих» отдельных, региональных проблем, предполагающая, в сущности, искусственное ограничение и, следовательно, ослабление общих усилий за нормализацию положения в Азии, получила распространение в демократических кругах не только Японии, но и других стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Однако эта точка зрения все более уступает место пониманию того, что национальные и региональные проблемы гораздо легче разрешить общими усилиями, на базе принципов, изложенных в советском предложении о создании в Азии системы коллективной безопасности.

В интервью корреспонденту АПН (опубликованному в самаркандской областной газете «Ленинский путь» в день открытия встречи) лауреат Ленинской премии «За укрепление мира между народами», проф. Каору Ясуи (Япония) заявил: «Со времени выдвижения Советским Союзом идеи коллективной безопасности в Азии она завоевывает все больше сторонников. Народы Азии, в том числе Японии, глубоко заинтересованы в осуществлении этой задачи. Японский народ, как и все азиатские народы, заинтересован в подлинных гарантиях мира и стабильности, которые призвана обеспечить система коллективной безопасности».

Делегат из Сингапура д-р Вонг Линь Кен интересовался отношением других делегатов к известному предложению Малайзии о нейтрализации района стран ЮВА, а также тем, может ли и каким образом это предложение, которое поддерживает его страна, быть согласовано с советским предложением о создании коллективной безопасности в Азии.

В частных беседах Вонг, а также делегаты из других стран ЮВА с большой симпатией отзывались о Программе мира Советского Союза, о его стремлении способствовать утверждению в Азии мира на коллективной основе, с одобрением отзываясь о

его энергичных усилиях в этом направлении.

Делегаты из стран ЮВА поддержали Обращение участников международной встречи в Самарканде к общественно-политическим силам в Азии с призывом вести борьбу за безопасность в Азии на коллективной основе и активными действиями, направленными на установление атмосферы доверия и добрососедства, на развитие сотрудничества между странами континента в области экономики, культуры, народного образования и других областях, на обеспечение прочного мира на континенте с учетом заинтересованности всего человечества в мирном развитии.

Обмен мнениями, который проходил на Самаркандской встрече в атмосфере доброжелательности и взаимопонимания, несомненно, был чрезвычайно полезен: он помог участникам ближе познакомиться с особенностями внутривнутриполитического и экономического, а также внешнеполитического положения тех или иных стран или районов Азии. Одни страны обеспокоены прежде всего установлением мира на их земле, другие, скажем Япония, видят свою первоочередную задачу в том, чтобы избавить страну от зависимости от США, покончить с «договором безопасности» между Японией и США, который на деле является препятствием на пути установления прочного мира в Азии, третьи страны полны решимости покончить с экономической и культурной отсталостью и идти по пути социального прогресса. Однако, каковы бы ни были национальные задачи, участники в конечном итоге, как правило, приходили к выводу о том, что для их решения необходимо объединить усилия всех прогрессивных сил Азии и всего мира для борьбы против империализма и колониализма. Все народы Азии заинтересованы в подлинных гарантиях мира и стабильности, которые призвана обеспечить система коллективной безопасности. Вот почему призыв бороться за установление подлинного мира и безопасности в Азии, разъяснение народам своих стран сущности и эффективности коллективных усилий в этом жизненно важном и благородном деле, разоблачение любых попыток реакции дискредитировать эту идею, не допустить разъединения прогрессивных сил Азии являются программой действия всех тех, кто искренне заинтересован в том, чтобы каждый народ в Азии мог решать свои насущные национальные задачи в условиях надежной безопасности.

*Г. А. Алексеев,
А. П. Марков,
кандидат исторических наук*

За мир и сотрудничество в бассейне Тихого океана

С 26 августа по 4 сентября 1974 г. в городах Находке и Хабаровске состоялся Международный семинар молодых исследователей на тему «Вклад молодежи в борьбу за мир, безопасность и сотрудничество народов бассейна Тихого океана». Он был организован Комитетом молодежных организаций СССР и Студенческим Советом СССР совместно с Дальневосточным научным центром АН СССР при участии Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

В работе семинара приняли участие представители молодежных, студенческих, научных и профсоюзных организаций 14 тихоокеанских стран, а также делегаты четырех международных молодежных организаций. С советской стороны в семинаре принимали активное участие как представители Дальневосточного научного центра АН СССР, так и целого ряда научных институтов АН СССР.

В своем вступительном докладе президент Дальневосточного научного центра АН СССР, чл.-корр. АН СССР А. П. Капица подчеркнул необходимость усиления борьбы за мир, развитие сотрудничества между странами Тихоокеанского бассейна, рассказал о перспективах развития Советского Дальнего Востока, о достижениях науки, служащей делу взаимопонимания, сотрудничества между народами.

И хотя в работе семинара участвовали представители организаций различной политической и идеологической ориентации, это не помешало откровенной и конструктивной дискуссии. В соответствии с программой семинара состоялся широкий обмен мнениями по трем основным темам: «Молодежь и экономические, социальные, политические и культурные аспекты разрядки напряженности, обеспечения и развития сотрудничества в бассейне Тихого океана», «Молодежь и проблемы окружающей среды, рационального использования естественных ресурсов в бассейне Тихого океана», «Развитие всестороннего сотрудничества народов тихоокеанских стран и роль молодежных и студенческих организаций в этом процессе».

Участники семинара приветствовали процесс разрядки напряженности в мире и высказались за его углубление. Так, студент экономического факультета Нацио-

нального университета в г. Богота (Колумбия) Морис Акерман в своем выступлении подчеркнул, что «явление разрядки напряженности — характерная черта нашего времени», а представитель Индонезийского национального комитета молодежи Абдул Гафур назвал разрядку напряженности «величайшим достижением XX века». Эти и подобные им высказывания нашли свое отражение в заключительном коммюнике семинара, принятом его участниками единогласно. В нем с удовлетворением констатируется, что «в последний период произошли серьезные положительные сдвиги в международных отношениях, в частности между СССР и США. Эти отношения характеризуются все большим утверждением отвечающих интересам всех народов принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Процесс разрядки напряженности стал доминирующей чертой развития международной обстановки... Участники семинара считают, — отмечается в коммюнике, — что имеются возможности для распространения этих позитивных результатов на другие районы земного шара, в частности в Азии, и приветствуют все усилия, направленные на обеспечение мира на этом континенте... для превращения Тихого океана в зону стабильного мира».

Значительное внимание молодые исследователи уделили проблеме разоружения, вопросу борьбы за ликвидацию иностранных военных баз. Они активно поддержали идею проведения Всемирной конференции по разоружению, выступили за превращение в жизнь всеми тихоокеанскими странами Декларации об укреплении международной безопасности, принятой на XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а также резолюции о неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия, принятой XXVII сессией.

Все участники семинара высказались за дальнейшее развитие торгово-экономического, научно-технического, культурного сотрудничества между странами бассейна Тихого океана, которое должно базироваться на принципах равноправия и взаимной выгоды, отвечать интересам всех народов. Единодушным было и мнение, что каждый народ должен сам распоряжаться своими природными ресурсами и осуществлять суверенитет над внутренней экономической деятельностью, включая право на национализацию и контроль над деятельностью международных монополий.

Особое внимание было уделено на семинаре роли молодежи и ее организаций в хозяйственной и общественно-политической жизни. В выступлении участников, в коммюнике было подчеркнуто, что характерной чертой современности является возрастание роли демократической общественности, в том числе молодежи и студентов, в решении крупных международных проблем, что убедительно продемонстрировал Всемир-

ный конгресс миролюбивых сил. «Анализ международного движения, — говорится в коммюнике, — свидетельствует об объективной возможности установления и развития конструктивного сотрудничества молодежных организаций различной политической и идеологической ориентации в интересах мира и международной безопасности».

Многие участники в своих выступлениях в то же время подчеркивали, что в мире имеются реакционные силы, которые пытаются затормозить позитивное развитие, не останавливаясь перед применением силы и прямым военным вмешательством. Об этом свидетельствуют трагические события в Чили. О них на семинаре подробно рассказал представитель чилийской молодежи Патрисио Эспиноса, призвавший к усилению движения солидарности с чилийским народом. Он решительно осудил как преступления военной хунты, так и политику нынешнего пекинского руководства, выславшего посла законного правительства Чили, выступающего против движения солидарности с на-

родом Чили, за укрепление и развитие связей с хунтой.

По мнению участников, семинар внес важный вклад в развитие взаимопонимания и сотрудничества между молодежными организациями стран бассейна Тихого океана, позволил установить непосредственные контакты между научной молодежью этих стран. Учитывая его положительные итоги, большой интерес к нему со стороны молодежных и студенческих организаций, отдельных исследователей региона, участники семинара единогласно высказались за продолжение подобных встреч.

Семинар позволил участникам не только обменяться мнениями по актуальным проблемам, найти общие интересы, но и дал возможность получить более полное представление о достижениях советского Дальнего Востока в области экономики, техники, культуры, о перспективах его развития. Участники семинара провели целый ряд встреч с молодежью Находки и Хабаровска, посетили промышленные предприятия и учебные заведения, ознакомились с историей и культурой Советского государства.

ЭМИЛИЯ ПАВЛОВНА СТУЖИНА

Советское китаеведение понесло тяжелую утрату. 14 июля 1974 г. не стало Эмилии Павловны Стужиной — старшего научного сотрудника Института стран Азии и Африки при МГУ, доцента кафедры истории Китая. Оборвалась жизнь видного советского китаеведа, известного ученого и талантливого преподавателя.

Э. П. Стужина родилась 12 мая 1931 г. в Ярославле. Окончив с отличием Исторический факультет МГУ в 1954 г., Эмилия Павловна некоторое время работала директором историко-художественного музея в Рыбинске, преподавала историю и политическую экономию, была избрана секретарем городского комитета ВЛКСМ. Одновременно она училась в заочной аспирантуре.

С 1957 г. Э. П. Стужина работала в ИСАА при МГУ — сначала младшим научным сотрудником, затем преподавателем. В 1962 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Ремесленное производство в Китае (2-я половина XVI — конец XVIII в.)». В 1968 г. ей было присвоено ученое звание доцента.

Перу Э. П. Стужиной принадлежит свыше 30 опубликованных работ по проблемам китайской истории, историографии, этнографии, искусства Китая. Благодаря ее работам по истории китайского ремесла, торговли и города, в частности фундаментальной монографии «Китайское ремесло в XVI—XVIII вв.», советская историческая наука пополнилась чрезвычайно ценными и разносторонними сведениями о социально-экономическом строе и быте средневекового китайского города. Будучи тяжело больной, Э. П. Стужина продолжала работу над капитальным трудом о китайском городе XI—XIII вв., который она закончила незадолго до смерти. Э. П. Стужиной принадлежит ряд разделов учебника «История стран Азии и Африки в средние века», а также «История Китая с древнейших времен до наших дней», изданных МГУ. Доклады Э. П. Стужиной неоднократно были представлены на международных научных конгрессах.

Э. П. Стужина была талантливым преподавателем, сочетавшим принципиальность и требовательность к студентам с заботой о них. Наградой за ее упорный преподавательский труд были глубокая признательность и уважение ее учеников.

Член КПСС, Э. П. Стужина избиралась членом партийного бюро института, народным заседателем, выполняя другие партийные поручения.

Прекрасные человеческие качества Эмилии Павловны, ее чуткость и внимательность, большие заслуги в педагогической, воспитательной, научной, общественной деятельности снискали ей глубокое уважение товарищей и учеников. Светлая память об Эмилии Павловне Стужиной, замечательном человеке, талантливом ученом и педагоге, сохранится в сердцах всех, кто ее знал и работал с ней.

ЛЮБОВЬ ДМИТРИЕВНА ПОЗДНЕЕВА

25 августа 1974 г. на 67-м году жизни скончалась профессор Института стран Азии и Африки при МГУ Любовь Дмитриевна Позднеева, доктор филологических наук, ученый с мировым именем.

Л. Д. Позднеева родилась 2 июля 1908 г. в Японии, где в то время с семьей находился в командировке ее отец — известный востоковед, один из основателей Дальневосточного университета. В 1910 г. Позднеевы вернулись в Петербург. Здесь Любовь Дмитриевна окончила среднюю школу, музыкальное училище и поступила на восточный факультет ЛГУ, который закончила в 1932 г. Свою научно-педагогическую деятельность начала во Владивостоке, в Китайском педагогическом техникуме, Китайской Ленинской школе, Дальневосточном университете, затем в Москве на курсах Коминтерна, преподавала русский язык политэмигрантам в ЦК МОПР и китайский язык в Военно-политической академии им. В. И. Ленина. В те же годы являлась редактором китайской редакции в Издательстве литературы на иностранных языках.

В 1943 г. Л. Д. Позднеева поступает в аспирантуру Института Востоковедения АН СССР, а в 1944 г. она уже старший преподаватель китайского языка и литературы на историческом факультете МГУ. С этого времени жизнь Л. Д. Позднеевой постоянно связана с Московским университетом.

За 40 лет научной и педагогической деятельности ею созданы капитальные труды по истории китайской литературы. Поразительны были творческий диапазон и эрудиция профессора Л. Д. Позднеевой — она была компетентна в вопросах как современного Китая, так средневекового и древнего.

Почти двадцатилетний период изучения ею Лу Синя завершается целой серией работ: в 1954 г. выходит в свет четырехтомник произведений Лу Синя, в котором ей принадлежит ряд переводов и послесловия. В 1956 г. она защищает докторскую диссертацию, посвященную Лу Синю; в 1957 г. в серии «Жизнь замечательных людей» выходит из печати ее книга «Лу Синь», впоследствии переведенная на японский язык к 90-летию со дня рождения великого писателя; в 1959 г. — обширная монография «Лу Синь. Жизнь и творчество». В опубликованных в 1964 г. «Сатирических сказках» Лу Синя Л. Д. Позднеевой, кроме переводов, принадлежит предисловие. В работах последних лет Л. Д. Позднеева, продолжая пропагандировать Лу Синя, показала несовместимость его взглядов с «идеями Мао Цзэ-дуна» и абсурдность утверждений маоистской пропаганды о том, что Лу Синь якобы «преклонялся» перед этими «идеями».

К какому бы историческому периоду ни относились ее исследования, они всегда страстно обличали реакционеров и фанатиков, тормозивших развитие передовой мысли в Китае.

Всю жизнь Л. Д. Позднеева сочетала исследовательскую работу с популяризаторской деятельностью, выступая с докладами и лекциями по актуальным проблемам китаеведения.

В памяти всех, кто знал Любовь Дмитриевну Позднееву, она всегда будет образцом ученого и педагога.

НОВЫЕ КНИГИ

Зарубежный Восток и современность. Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран. М., изд. «Наука», 1974, 2400 экз., т. I, 3 р. 17 к.; т. II, 2 р. 69 к.

Фундаментальный труд большого коллектива советских востоковедов посвящен изучению важнейших, преимущественно новых процессов в общественном развитии освободившихся стран, проблемам их социально-экономического развития и классовой борьбы. Сдвиги в экономическом базисе — проблемы накопления, занятости, подготовки кадров и др. — рассматриваются в неразрывной связи со специфическими производственными отношениями многоукладных стран.

В книге анализируется эволюция основных идеологических течений на Востоке, модернистские движения в буржуазном и мелкобуржуазном национализме. Особое внимание уделяется рассмотрению реформистских движений внутри крупнейших религий (ислам, буддизм, индуизм и др.).

Степанянц М. Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX—XX вв.). М., изд. «Наука», 1974, 6000 экз., 91 к.

В книге анализируется роль ислама в идеологии стран Востока в эпоху их борьбы за национальное освобождение и период после завоевания политической независимости. Автор ставит целью выявить общие закономерности духовного развития мусульманских народов в важный период их истории. Большое внимание уделено анализу теорий «исламской демократии» и «исламского социализма».

Ключников К. Ф. Международные банки развития (проблемы и перспективы). М., изд. «Наука», 1974, 2800 экз., 1 р. 75 к.

В книге рассматриваются новые тенденции в деятельности Международного банка реконструкции и развития, Межамериканского, Азиатского и Африканского банков развития, роль этих кредитных институтов в развитии стран «третьего мира». Анализируется влияние международных банков развития на становление в «третьем мире» национальных банковских систем. Исследуется специфика банков развития, техника их предынвестиционной деятельности, взаимодействие с международным валютным фондом, положение банков в системе технико-экономического содействия ООН.

Внешняя политика и международные отношения Китайской Народной республики. Под общ. ред. заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора исторических наук Г. В. Астафьева и доктора исторических наук А. М. Дубинского. М., изд. «Мысль», 1974, 15 000 экз., т. I (1949—1963 гг.), т. II (1963—1973 гг.), 1 р. 39 к.

Труд подготовлен научными сотрудниками отдела внешней политики Института Дальнего Востока АН СССР. В нем изложены политические и экономические отношения КНР со странами мира. Большое внимание уделено отношениям КНР со странами Азии. Труд состоит из 5 частей, которые соответствуют 5 периодам во внешней политике КНР. В исследовании обстоятельно рассматривается эволюция во внешней политике современного китайского руководства, его отступление от социалистических принципов; важное место занимает внешнеполитическая деятельность Пекина в период «культурной революции», а также после IX съезда КПК.

Ванин В. И. Государственный капитализм в КНР. М., изд. «Наука», 1974, 4700 экз., 1 р. 25 к.

Автор анализирует социально-экономические процессы преобразования национального капитала в КНР, рассматривает теоретические проблемы обобществления средств производства национальной буржуазии. В книге характеризуется выкуп средств производства, классовая борьба, связи с эмигрантской буржуазией. Автор показывает соразмерность общих и особенных черт государственного капитализма в Китае, раскрывает Внутренние закономерности, этапы и формы развития госкапитализма в КНР. При этом дается критический анализ националистических трактовок процесса преобразования собственности китайской буржуазии. В основе книги — китайские документальные материалы.

Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. М., изд. «Наука», 1974, 15 000 экз., 91 к.

В книге рассказывается о традициях, обычаях, верованиях китайского народа. Главное внимание уделено периоду династии Цин (XVII—XX вв.), но повествуется также и о более отдаленных временах. Читатель узнает о семейном быте китайцев, о школьном образовании, принятом при императорском дворе, и о народных празднествах. Книга основана на ряде публикаций русских, советских и западных китаеведов.

Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами III—VI вв. М., изд. «Наука», 1974, 5300 экз., 1 р.

Автор рассматривает сложнейшие проблемы истории этнических объединений и взаимоотношений между оседлыми народами и кочевыми племенами. Главное внимание уделено истории кочевников в III—VI вв. Автор описывает их проникновение в бассейн Хуанхэ, рассказывает об их дальнейшей судьбе. В китайских источниках описываемая эпоха выглядит калейдоскопом фактов, не систематизированных в единое целое. Автор устанавливает ряд закономерностей, определивших характер описываемого периода. Большое внимание уделено в книге теоретической характеристике понятия «этническая общность».

Столяров Ю. С. Валютные проблемы современной Японии. М., изд. «Наука», 1974, 4600 экз., 59 к.

Работа посвящена усилению валютно-финансовых позиций Японии среди капиталистических стран. Автор рассматривает некоторые особенности экономического развития Японии в условиях послевоенного валютного устройства капитализма, анализирует состояние торгового, платежного и расчетного балансов Японии, ее золотовалютные резервы. Особое внимание уделено изменениям в валютном законодательстве Японии после второй мировой войны и проблемам, связанным с ревальвацией иены в связи с обострением кризиса валютной системы капитализма и японо-американских экономических отношений.

Республика Шри Ланка: экономика и политика. Сб. статей. М., изд. «Наука», 1974, 3300 экз., 80 коп.

Материалы сборника охватывают ряд важных проблем политического, экономического, социального и культурного развития государства Шри Ланка, в частности проблемы борьбы за единый фронт левых и демократических сил, экономические связи Шри Ланка с Индией и Японией, особенности урбанизации страны и др.

Непал. История, этнография, экономика. Сб. статей. М., изд. «Наука», 1974, 4000 экз., 53 к.

В сборнике содержатся статьи, в которых освещены этапы становления и развития централизованного непальского государства в XVIII в. Характеризуются основные гипотезы этногенеза. Рассматриваются также

экономическое положение современного Непала и аграрная политика правительства, эконом-географическое районирование и роль внешней помощи.

Экономическое развитие Пакистана (60-е годы). М., изд. «Наука», 1974, 2000 экз., 1 р. 57 к.

В книге освещаются зарождение в Пакистане государственно-монополистических тенденций, обострение социально-экономических противоречий, неравномерное экономическое развитие различных областей страны, анализ экономической политики правящих кругов Пакистана в 1959—1971 гг. и другие предпосылки политического кризиса в стране, приведшего к образованию Народной Республики Бангладеш. Показаны борьба империалистических держав за пакистанский рынок, изменения в позициях и формах проникновения иностранного капитала в Пакистане в этот период.

Андреев Г. А. Индонезийское государство: проблема единства и автономии (1945—1965). М., изд. «Наука», 1974, 2400 экз., 81 к.

Книга посвящена важному не только для Индонезии, но и для многих других развивающихся стран вопросу о соотношении государственного единства и местной автономии. Автор показывает значение политического и государственного единства для завоевания и упрочения независимости Индонезии, характеризует основные этапы развития местной автономии в Республике Индонезии, анализирует политическую борьбу, развернувшуюся вокруг этого вопроса, роль империализма в разжигании сепаратистских мятежей конца 50-х годов. Автор рассматривает также недостатки в решении проблемы автономии правящими кругами Индонезии в период независимости.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» за 1974 год

Статьи

- НОВИКОВ И. Т. Четверть века дружбы и сотрудничества (к 25-летию Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР), № 1 (9)
- СЛАДКОВСКИЙ М. И. Ленин и политика КПСС в отношении Китая, № 2 (10)
- СОЛОМЕНЦЕВ М. С. Богатства Сибири и Дальнего Востока — на службу народу, № 3 (11)
- ЦЕДЕНБАЛ Ю. К социалистическому общественному строю, мишуа капитализм, № 4 (12)

250 лет Академии наук СССР

- ЖУКОВ Е. М. Изучение Дальнего Востока в системе АН СССР, № 2 (10)
- МЯСНИКОВ В. С. Становление и развитие отечественного Китаеведения, № 2 (10)
- ТИХВИНСКИЙ С. Л. Успехи советского японоведения, № 2 (10)

«Круглый стол» журнала

- Актуальные проблемы современного Китая, № 3 (11)

Экономика и политика

- АКИМОВ В. И. Топливо-энергетическая база КНР, № 1 (9)
- АЛЕШИН Ю. А. Пронски Пекина в Индонезии, № 3 (11)
- АНДРЕЕВ М. А. Дипломатические маневры маонстов в ЮВА, № 3 (11)
- БЫЛИНИН В. А. Сибирь: возможности, планы, проблемы, № 4 (12)
- ГУДОШНИКОВ Л. М. Пронзвол и насилие — основа политики маонстов, № 3 (11)

- ЗАНЕГИН Б. Н. Китай и США: мотивы и характер сближения, № 4 (12)
- ИВКОВ И. И. Сайгон игнорирует интересы и волю народа, № 2 (10)
- ИВКОВ И. И. Япония: трудные времена, № 3 (11)
- КАДЫМОВ Г. Г. Индокитай и проблемы безопасности в Юго-Восточной Азии, № 4 (12)
- КАПИЦА М. С. Китайской Народной Республике — четверть века, № 3 (11)
- КОНОВАЛОВ Е. А. Социально-экономический аспект народонаселения КНР, № 1 (9)
- КОНОВАЛОВ Е. А., НИКОЛЬСКИЙ М. М. Социально-экономические проблемы современного Китая, № 4 (12)
- КРУЧИНИН А. Г. Борьба Пекина против социалистического содружества, № 1 (9)
- КУДИНОВ В. П. Бирма: курсом социалистической ориентации, № 3 (11)
- ЛЕВИНА Т. М. Некоторые вопросы китайско-сингапурских торговых связей, № 1 (9)
- МАКС Р., ШЕБЕ В. (ГДР) Вопреки интересам рабочего класса Китая, № 3 (11)
- МУРОМЦЕВА З. А. Модернизация сельского хозяйства Китая, № 2 (10)
- ПЕТРЕНКО А. М. Вопреки интересам развивающихся стран, № 2 (10)
- РАХИМОВ Т. Р., ТЕШИЛОВ Н. А. Великоханьский шовинизм Пекина в национальном вопросе, № 2 (10)
- СЕРГЕЕВ Ю. К. Япония и энергетический кризис, № 2 (10)
- СОБОРОВ Б. А. Пекин и «третий мир»: противоречия обостряются, № 4 (12)
- ЧУЛУН О. (МНР) Две линии в развитии монголо-китайских отношений (1949—1972 гг.), № 1 (9)
- ЮРКОВ С. Г. 50 лет советско-китайских отношений, № 2 (10)
- Новая ступень в советско-индийских отношениях (о визите Л. И. Брежнева в Индию), № 1 (9)

Идеология

- БЕСТУЖЕВ-ЛАДА И. В. Социальные учения Древнего Китая и маонизм, № 4 (12)
- ВАН МИН** Мао Цзэ-дун и Цинь Шин-хуан, № 3 (11)
- ВЛАДИМИРОВ О. Е. Современный этап идеологической борьбы против маонизма, № 3 (11)
- КРИВЦОВ В. А. Маонизм и великоханьский шовинизм китайской буржуазии, № 1 (9)
- НОВОТНЫЙ Л. (ЧССР) Эффективнее бороться против маонизма, № 4 (12)
- ПЕРЕЛОМОВ Л. С. О политической кампании «критики Конфуция и Линь Бяо», № 2 (10)
- СВЕТЛОВ Г. Е. Религия и политика (о социально-религиозных движениях в современной Японии), № 2 (10)
- СЕНИН Н. Г. Субъективная социология — идейная опора маонизма, № 3 (11)
- ФЕОКТИСТОВ В. Ф. Об этапах идеологической эволюции маонизма, № 4 (12)

История

- ГЛУНИН В. И. К вопросу о борьбе пролетарской и мелкобуржуазной линий в КПК, № 2 (10)
- КАРТУНОВА А. И., ШАХНАЗАРОВА Э. Н. Коминтерн и Монгольская народно-революционная партия, № 2 (10)
- НИКИФОРОВ В. Н. Метаморфоза западной буржуазной социологии, № 1 (9)
- ОКЛАДНИКОВ А. П., МЕДВЕДЕВ В. Е. Чжурчжэни Приамурья по данным археологии, № 4 (12)
- ПАСКОВ С. С. Мориносукэ Кадзима — апологет японской экспансии в Китае, № 1 (9)
- ЮРЬЕВ М. Ф. К истории зарождения вооруженных сил китайской революции, № 3 (11)

Культура

- БЕЛОУСОВ Р. С. Чеховские традиции и творчество Цао Юя (к вопросу о литературном влиянии), № 2 (10)
- ЖЕЛОХОВЦЕВ А. Н. О яньанских выступлениях Мао Цзэ-дуна, № 1 (9)
- ИВАНОВА В. И. Советская литература в Корее (1945—1955), № 3 (11)
- ИВАНОВ Г. Я. «Литература национальной обороны» и фальсификации маонистов, № 1 (9)
- МАЗУР Ю. Н. Чу Си Гён и современное корейское языкознание, № 2 (10)
- НАДЕЕВ И. М. Культура КНР: борьба двух линий продолжается, № 2 (10)
- СОФРОНОВ М. В. Судьбы национального языка в Китае, № 4 (12)
- СТЕПАНОВ М. Г. Маонистская пропаганда: некоторые социальные и психологические аспекты, № 4 (12)

Публикации

- ДЭН ТО. «Великое пустозвонство» и другие фельетоны, № 1 (9)
- ЛАО ШЭ. Критические заметки, № 1 (9)
- Неизвестное интервью Сунь Ят-сена, № 3 (11)

Публицистика и очерки

- ГЕНРИ ЭРНСТ. Немецкие реваншисты и Пекин, № 4 (12)
- ИЛЬИНСКИЙ М. М. В мирные дни (из вьетнамского дневника), № 1 (9)
- КОВАЛЕВ Е. Ф. Коммунист-интернационалист Цю-бо, № 2 (10)

Воспоминания

- ДАЛИН С. А. Китайские мемуары, № 4 (12)
- КАЛЯГИН А. Я. Битва за Ухань, № 2 (10)
- ТИН ШЭН. Ли Да-чжао — мыслитель, революционер, интернационалист, № 3 (11)
- Видный советский коммунист, участник китайской революции (в связи с 90-летием со дня рождения М. М. Бородина), № 3 (11)

Комментарии

- АЛЕКСЕЕВ И. А. Антисоветизм — основа внешнеполитического курса Пекина, № 1 (9)
- АЛЕКСЕЕВ И. А. В борьбе за социально-экономический прогресс, № 3 (11)
- ВАСИЛЬЕВ В. А. Ближневосточный кризис и политика Пекина, № 2 (10)
- СЕРГЕЕВА Г. А. Реорганизация партии по-маонистски, № 3 (11)

Критика и библиография

- АЛЕКСЕЕВ Г. А. С позиций марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, № 1 (9)
- БЕСКРОВНЫЙ Л. Г. Русско-китайские отношения в XVII веке (1686—1691 гг.), № 1 (9)
- БОРОХ Л. Н. Ихэтуани. Опыт историографического исследования, № 2 (10)
- ВОРОНЦОВ В. Б., ДАШКОВ В. В. Польский ученый о проблеме США—Китай, № 3 (11)
- ГРАНИН ДАНИИЛ. Своими глазами, № 1 (9)
- ЕФИМОВ Г. В. Яньань глазами очевидца (1942—1945), № 2 (10)
- КАРИНИН И. С. За академическим фасадом — подстрекательство, № 1 (9)
- КУЗНЕЦОВ В. М. Экономика и политика современной Японии, № 1 (9)
- КЫЧАНОВ Е. И. Силой оружия и экономическим закабалением, № 3 (11)
- ЛОМЕЙКО В. Б. Маонизм — пособник империализма, № 4 (12)
- МАРКОВ А. П. Дж. К. Эммерсон о «японской дилемме», № 1 (9)

- МУНКУЕВ Н. Ц. Новые материалы по истории Сунского времени, № 3 (11)
 МУНКУЕВ Н. Ц. Новая книга по истории монгольской культуры, № 4 (12)
 НИКОЛЬСКИЙ М. М. Судьба национального капитала в КНР, № 4 (12)
 ПОДПАЛОВА Г. И. Монография о рабочем движении Японии, № 3 (11)
 САПОЖНИКОВ Б. Г. Китайские милитаристы — пособия интервенции на Дальнем Востоке (1918—1922), № 4 (12)
 СЕРЕБРЯКОВ Е. А. Тзо Юань-мин в новом издании, № 2 (10)
 СЛАДКОВСКИЙ М. И., ТИТОВ А. С. «Китайские записки» Отто Брауна, № 4 (12)
 СОФРОНОВ М. В. Монография о современном китайском языке, № 1 (9)
 СУХАРЧУК Г. Д. Социально-экономические проблемы китайской деревни, № 3 (11)
 ТИХВИНСКИЙ С. Л. Актуальный труд об идейной жизни современной Японии, № 4 (12)
 ЭЙДЛИН Л. З. Польский снюолог об истоках китайской драмы, № 4 (12)
 ЮМИС Г. И., ЯВИН В. И. Уроки поражения, № 2 (10)
 Братские коммунистические и рабочие партии разоблачают, № 3 (11)

Научная жизнь, сообщения

- АЛЕКСЕЕВ Г. А., МАРКОВ А. П. За коллективную безопасность в Азии надо бороться, № 4 (12)
 СЕМЕНОВ В. А. Конференция в Джэнь-якарте, № 2 (10)
 СТАСОВ Б. В. Встреча обществоведов в Таллине, № 1 (9)
 ТЕПЛИЦКИЙ М. Г. Памяти Цюй Цю-бо, № 3 (11)
 ТОРОПЦЕВ С. А. Проблемы культуры КНР (конференция в Институте Дальнего Востока АН СССР), № 2 (10)
 ХАМРАЕВ М. К. Билал Назым — поэт-патриот, № 3 (11)
 ЯРОСЛАВЦЕВ Г. Б. Встреча в Улан-Баторе, № 2 (10)
 Драматургия А. Н. Островского в Китае (1920—1950 гг.), № 1 (9)
 За мир и сотрудничество в бассейне Тихого океана, № 4 (12)
 Научная конференция «Движение 4 мая», № 3 (11)

Новые книги

- № 3 (11), 4 (12)

Сдано в набор 28/IX 1974 г. Подписано к печати 12/XI 1974 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бум. л. 6,5 Печ. л. 18,2 Уч.-изд. л. 20,42
Изд. № 18865. А 12031 Заказ 2062. Цена 50 коп. Тираж 15 000 экз.
Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва Г-21, Zubovskiy bulvar, 21
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области